

ДРАМА ТЕАТР

*Журнал
о современной драматургии
и театре*

№ 1 (19)

— ЯНВАРЬ — МАРТ — 2025

<https://dramteatr-zhurnal.ru> * dramteatr.zhurnal@mail.ru

Редакция журнала ДрамТеатр выражает искреннюю признательность Театру имени Евгения Вахтангова и его директору Кроку Кириллу Игоревичу за поддержку и финансирование издания.

Без вашего участия и неоценимой помощи наш журнал не смог бы продолжать свою работу, оставаясь важной платформой для профессионального диалога, исследования театрального искусства и поддержки драматургии.

Ваше внимание к развитию театрального сообщества и стремление сохранить традиции и новаторство отечественной сцены достойны глубокого уважения.

Благодарим вас за доверие и содействие в реализации нашей миссии!

объявляют о начале культурной акции
"ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ. ПОДАРИ КНИГИ"

Для пополнения фондов библиотек, школ, а также других культурных и социальных учреждений Херсонской области требуются книги русской и советской классики для взрослых и детей.

Особенно необходимы:

- Словари
- Справочники
- Энциклопедии
- Книги по искусству, театру, культуре

Прием книг осуществляется по адресу: 109544, Москва, улица Библиотечная, дом 23, здание Московского театра «Театральный особняк», вход со двора. (ст. м. "Римская" или "Площадь Ильича")
 Если у вас есть возможность передать в дар более 50 экземпляров книг, мы поможем с транспортировкой — приедем и заберем книги.

Присоединяйтесь к акции! Сделаем доброе дело вместе!

Предварительно просим Вас написать нам письмо на электронный адрес:
pl-pl2025@mail.ru
 когда вы собираетесь приехать и привезти книги, или оставить заявку на забор книг.

Правительство Херсонской области
www.gov.kh.gov.ru

Российская государственная библиотека искусств
www.llart.ru

Российский Фонд мира
www.peacefound.ru

Журнал "ДрамТеатр"
www.dramteatr-zhurnal.ru

Гильдия драматургов России
www.rus.theater.ru

Московский театр "Театральный особняк"
www.teatrosobnyak.ru

Фонд "Симфония победы"
www.симфонияпобеды.рф

СОДЕРЖАНИЕ

Юлия РУТБЕРГ: «В ритме «Беги, Лола, беги»	6
Кирилл КРОК: «Главная оценка театра – это его востребованность у людей»	16
«Плучек плакал. Катин-Ярцев хвалил» Н.а. РФ Юрию Васильеву -70 лет	22
Наши поздравления К.А.Кокшeneвой	31
Санкт-Петербургскому театру «Монплеzir» - 35 лет ..	32
ХОРОШИЕ НОВОСТИ	38
Матвей МАТФЕЕВ «Только пили и ели и потом умерли!» <i>О спектакле «Старосветские помещики» по повести Н.В. Гоголя в Московском театре «Et cetera»</i>	48
Александр ИГНАШОВ ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС	54
Анатолий КУТНИК В ОДНОМ ПОДВАЛЕ	107
Юлиана ЛЕБЕДИНСКАЯ ПИАНИНО В УЮТНОЙ КОФЕЙНЕ	159
НОВОСТИ СТД	179
Александр КОРОВКИН СЮЖЕТ ДЛЯ КОМИКСА	192
К 150-летию СТД РФ Дмитрий БОЧАРОВ ТЕАТР В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕМЕН	242

Антонина САЛТЫКОВА СЛАВА БОГУ, ТЫ УШЁЛ!	292
Николай ЛАКУТИН МУЖИК ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ	327
Екатерина КРЕТОВА Трагедия в стиле симфо-рок (мюзикл «Ромео и Джульетта» на сцене Санкт-Петербургской Музкомедии)	373
Николай ПИНЧУК КОРОЛЬ, ПРИНЦЕССА И КОЛДУНЬЯ	381
Теннесси УИЛЬЯМС <i>Одноактные пьесы в переводе Александра Чупина</i> 27 ТЕЛЕЖЕК С ХЛОПКОМ	412
АДАМ И ЕВА НА ПАРОМЕ	436
О юридической помощи журнала «ДрамТеатр»	447

ЮЛИЯ РУТБЕРГ –

В РИТМЕ «БЕГИ, ЛОЛА, БЕГИ!»

Народная артистка РФ, артистка Театра им. Евг. Вахтангова.

ДТ. У вас очень и очень напряженный творческий график. Мне показалось, что эта деловая ненасытность указывает на неудовлетворенность в творческой жизни.

Юлия Рутберг. Дело не в ненасытности, это больше к еде, а в тех прекрасных шансах, которые тебе дает Господь Бог. И если ими не воспользоваться, то ты - дурак. Конечно, приложение энергии здесь чрезвычайное, невероятное. Иногда задаешь себе вопрос: «Как ты это вынесла»? Но Господь, как известно, помогает идущему. Как можно отказываться от задуманного мною поэтического цикла «Приношение Рахманинову», «Демон. Приношение Лермонтову» и «Приношение Гиппиус» Гумилёва с Национальным академическим оркестром народных инструментов России имени Осипова? Или отказываться от темы снятия блокады Ленинграда? Я читаю отрывки из книги «Галина», при участии солистов Центра Оперного Пения Галины

Вишневской. Есть темы, которые святы, и не участвовать в программе о Ленинградской блокаде не могу, потому что у меня папа ленинградец, он год был в блокаде, а потом уже чудом они оказались с бабушкой в Перми. На следующий день у меня первый прогон с ребятами, и я слышу музыку, и понимаю, что мы идем параллельно, а нам надо быть вместе и надо что-то делать. Вечером – спектакль в театре Вахтангова. Днем опять прогон и вечером премьера. Тут уж не до того, чтобы себя беречь.

ДТ. Был такой американский фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли»? Фильм о бесконечном танцевальном марафоне. Вы себя чувствуете загнанной «лошадью» в творческом марафоне?

Юлия Рутберг. Я часто чувствую себя Лолой из фильма «Беги, Лола, беги!» Конечно, бывают моменты, когда накатывает абсолютно по-есенински...

«Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое

В лицо бросали мне».

Вот тогда, да. Тогда возникает образ некой «загнанной лошади», прищипоренной смелым седоком. Прежде всего стараюсь быть безжалостной к себе. Когда мы сами себя начинаем жалеть, это самое страшное. Наш организм с удовольствием поддается этой патоке и отпускает вожжи. У меня есть глубочайшее убеждение, что мы сами себя программируем, ставим себе заранее те задачи, которые нам предстоит выполнить. И есть маршрут, и есть точка приложения энергии, когда ты не можешь этого не сделать. Когда ты просишь чего-то у Бога - объясняешь ему: «Господи, помоги, потому что этого не сделать нельзя».

ДТ. Чувствую, что в вашем характере есть задиристость, лихость...

Юлия Рутберг. Ну, конечно, и задиристость, и лихость, и великое противостояние. Я очень неудобный человек. Меня, к сожалению, научили с детства говорить правду. Были прекрасные педагоги, и до сих пор, благодаря их учению, и тому, что они вложили в мою душу, не получается перепутать белое с черным и красное с зеленым. Понимаю, в какой я форме, потому что умею смотреться в зеркало. Иногда это бывает очень нелицеприятно.

ДТ. Мне показалось, что при всем притом, вы человек негромкий в обыденной жизни...

Юлия Рутберг. Ну я уже давно ушла на дно, потому что вот эта громкость, которая существует последние десять-пятнадцать лет, похожа не на дешевые фейерверки. Вроде что-то блеснуло, а одним словом, пшик. Это же не салют. Вот салют, это да! Все мы, люди искусства, да вообще все любят, когда нас хвалят, когда нас награждают. Но важно в какой компании ты получаешь и кто тебе дает. Но я всегда жила по Булгакову и никогда ничего не просила. Меня Михаил Афанасьевич убедил в этом. И то что у меня есть - спасибо. Я рано поняла, что самое главное делать то, что тебе интересно, что для тебя важно. Понимаете?

ДТ. От чего сейчас сердце разрывается? Что волнует его?

Юлия Рутберг. От того, в каком мире мы живём. Сердце разрывается от тех людей, которые вокруг, и во что превращается

человечество... Вот от этого сердце разрывается. Разрывается от бесконечного количества мошенников, профанов, нуворишей и дилетантов, заполонивших просто всё! Стало жить опасно, опасно говорить по телефону, опасно, когда к тебе подходит человек, который изначально врёт, при этом, он просит дать ему на хлеб или на что-то... а ты уже предполагаешь, что он может врать. И выходит, что милосердие, человеческое сострадание, блокируется, когда ты постоянно получаешь некий подзатыльник за то, что хочешь действительно помочь человеку. А потом выясняется, что это всё игра, за которой стоит выстроенная индустрия. Это, конечно, чудовищно. Невольно вспоминаешь Бертольда Брехта «Трехгрошовую оперу».

ДТ. А от чего сердце возрадуется?

Юлия Рутберг. Возрадуется? Возрадуется, когда в зале на Гумилеве, Гиппиус, Рахманинове, «Демоне» нет ни одного свободного места и много молодежи. Когда о Ленинградской блокаде поют молодые ребята. Это надо слышать как они поют военные песни! У них уже нет генетического кода восприятия войны, который мы когда-то получили от бабушек и дедушек, от пап и мам. Современные дети воспринимают войну уже через несколько поколений. Но они этим все равно заряжены, они об

этом понимают, думают, рассуждают и слышат, когда я с ними разговариваю. Вот это важно. Отроки получили эстафетную палочку нашей истории, гордости за нашу страну.

ДТ. На ваших представлениях большая часть зала плачет, а ваши глаза остаются сухими...

Юлия Рутберг. Нет-нет. Это не так... К сожалению, не удерживаюсь и тоже плачу, начинает дрожать голос. Остановить это невозможно, потому что душа выворачивается наизнанку! Но пытаюсь держаться. Запомнила на всю жизнь один случай. У меня в театральном училище им. Щукина была дипломная работа - «Реквием» Ахматовой. Мой педагог Яков Михайлович Смоленский мне сказал: «Деточка, все было прекрасно. Мы тебе ставим «пять». Мы хотели тебе поставить «пять» с плюсом, если бы плакали мы в зале, а не ты на сцене». Это - заповедь.

ДТ. Я знаю, что вы родились в рубашке. Как-то вам это помогает в жизни?

Юлия Рутберг. Думаю, что да. В роддоме, где мама меня рожала, родились тринадцать мальчиков и одна девочка. Я родилась с перепонками на руках. Мама была в шоке. Лягушонок какой-то!.. А нянька ей сказала: «Дура! У тебя же девка в рубашке родилась. Счастливая!» И вот эта «рубашка» меня держит. Слава Богу, что оказалась не смирительная!..

ДТ. Как вы переносите рядом с собой халтуру?

Юлия Рутберг. Тяжело. Сейчас эта составляющая доминирует, но все же стараюсь не выбирать таких людей... А когда приходится работать с людьми, которые появляются рядом со мной волею судеб, то тогда-то нанимаю все свое «войско» педагогов, моих прекрасных партнеров, любимых родителей... Ставлю их рядом с собой... мысленно сажаю их в зал, потому что я играю для них, репетирую для них, советуюсь с ними.

ДТ. О ком из великих режиссеров, актеров вы могли бы сказать, что этот человек для вас святой.

Юлия Рутберг. Никто из них не был святым. И слава Богу! Поэтому они производили такое мощное впечатление. Святость - это не про них. Это были супер живые, насыщенные мыслью,

жизнью люди, личности. Бунтари, фантазёры, которые ломали стереотипы.

ДТ. Вернемся непосредственно к вашей работе в театре. Вот вы получили текст. С чего начинаете?

Юлия Рутберг. Когда получаю текст – роль принадлежит конкретному автору. И об этом авторе нужно обязательно почитать. Дальше в тексте надо найти смысл, разметить его, потому что существует словесное действие, речевые периоды. Не может быть все главным. При мне всегда ручка. Обязательно делаю пометки. Для меня не существует гаджета. Все мои роли я получаю только на бумаге.

ДТ. А если вам дают не главную роль? Например, эпизодическую, то...

Юлия Рутберг. То я работаю. Скажем, в спектакле по роману Григория Канович «Улыбнись нам, Господи», у меня не главная роль Козочка, но это только на первый взгляд. Козочка - это моя любовь. Это же такой необычный рисунок роли - говорящая пластика. Это образность невероятная и штрихпунктирное существование по всему спектаклю, с разными переменами. И потом - режиссер Римас Туминас. У него и табуретку играть

можно. У меня, например, Анна Шерер в спектакле «Война и мир» тоже не главная роль, но, тем не менее, она значимая. Анна Павловна начинает спектакль... Повторю чуть по-своему мысль Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть плохие артисты». Стараюсь соглашаться на те роли, которые мне интересны.

ДТ. Известно, что в театральном, да и не только в театральном мире, есть одна большая тема. Тема предательства. Вас предавали? А, может быть, и вы кого-то тоже?

Юлия Рутберг. Эта тема, которая сопутствует в жизни каждого человека. Да, меня предавали. Предательство очень страшно, и поэтому я старалась в жизни этого не делать. Но иногда невольно тебя ставят в такие обстоятельства, что, как говорится, до кучи входишь в ту группу людей, которые вольно или невольно обижают человека. Бывало такое. Сильно переживала, потому что складывается такая ситуация, когда ты оказываешься без вины виноватой. А дальше надо писать либретто - объяснения, ведь поступок сделан. Но вот так, чтобы осознано предать человека, в моей жизни никогда не было! А вот люди, которые совершали предательство по отношению ко мне... то для этого есть ножницы. Обрезание!

ДТ. Есть ли среди вашего окружения тот, кто вам может сказать правду?

Юлия Рутберг. Мои друзья. В театре есть несколько человек, которым я очень доверяю, и прошу их говорить правду. На самом деле общество взаимного восхищения - ведет к болоту. А хочется существовать максимально в ключевой воде.

ДТ. Часто вас посещает мысль, что вы бабушка?

Юлия Рутберг. Она просто перманента. У меня двое внуков: внук - Григорий и внучка Николь. Быть бабушкой трудно, но в тоже время, сладостно. Внуки для меня - это новое, прекрасное воплощение в моей жизни. Они интересуются и живут моей жизнью. Я живу их жизнью. Наши графики сумасшедшие, но все же их удастся совмещать. Бывает так, что в субботу мы идем в Алмазный фонд, несколько соборов Кремля, а вечером бабушка уже улетает. На следующей неделе мы идем в Оружейную

палату и другие соборы Кремля, обедаем где-то, а вечером опять улетаю... Мы идем в Пушкинский музей, а оттуда убегаю на спектакль. Это - неизменно. Я счастлива, что они уже много чего посмотрели... Познают окружающий мир.

ДТ. Балуете?

Юлия Рутберг. Ну да. Да. Сейчас, конечно, поменьше, потому что они уже повзрослели. Расскажу о примере из своей жизни. Мы жили в коммунальной квартире. Раз в год у нас на столе были бутерброды с красной икрой. Сначала делалось всегда два бутерброда: бабушке и мне. Иногда только мне, но когда исполнилось семь лет, этот бутерброд стали резать пополам - стар и млад. И я это очень хорошо запомнила, что в какой-то момент появляется кто-то еще кроме тебя. Ты уже набрал весовую категорию в это жизни. Ты хоть и маленький, но уже осознанный человек. И надо уметь делиться.

ДТ. В ком вы видите будущее России?

Юлия Рутберг. Будущее нашей страны, будущее русской культуры, будущее человечества – это дети. Их мозги – это важно. Но кроме мозгов есть еще душа и сердце. Я бы не хотела, чтобы мои внуки превратились в Илона Маска, при

всей его общественной деятельности и его многомиллиардном финансовом состоянии - там превалирует мозг и ноги, а все остальное пропущено. А мне кажется, что все-таки человек хорошо задуман Господом Богом по своему образу и подобию, потому что любое наше решение, деяние должно проходить через некий фильтр души и сердца. И тогда мы понимаем, что это деяние во благо всему людям, а иначе выходит, что мы просто гребем под себя.

ДТ. И совсем напоследок экспресс опрос.

Юлия Рутберг. Давайте.

ДТ. Вы женщина практичная?

Юлия Рутберг. Нет...

ДТ. А вы женщина усталая?

Юлия Рутберг. Да...

ДТ. А вы женщина вредная?

Юлия Рутберг. Нет.

ДТ. А вы женщина понятливая?

Юлия Рутберг. Да.

ДТ. А вы женщина стильная?

Юлия Рутберг. Иногда.

ДТ. А вы женщина властная?

Юлия Рутберг. И да и нет.

ДТ. А вы женщина слабая?

Юлия Рутберг. Больше да, чем нет...

ДТ. Журнал выходит накануне 8 марта и нам хотелось бы услышать от вас какие-то теплые слова нашей прекрасной половине человечества.

Юлия Рутберг. Женщина - это прекрасная, уникальная составляющая человечества. Они выносливые, мудрые, жертвенные. Но мне все же хотелось бы пожелать милым дамам - слабости, нежности, внимания со стороны мужчин!

*В преддверии замечательного праздника –
Международного дня театра –
редакция журнала желает нашим друзьям и подписчикам,
всему театральному сообществу и любителям театра
крепкого здоровья и новых творческих удач!*

Кирилл КРОК:

«ГЛАВНАЯ ОЦЕНКА ТЕАТРА – ЭТО ЕГО ВОСТРЕБОВАННОСТЬ У ЛЮДЕЙ».

Директора Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова.

ДТ. СВО, которая сейчас продолжается, создала ситуацию, когда каждый должен определить свою позицию. Насколько я знаю, у театра Вахтангова не было сомнений по этому поводу.

Кирилл Крок. Да, вы правы. Театр, а значит, и я с первых дней СВО официально обозначили свою позицию. Я не знаю больше ни одного театра, который каждые два месяца закупает специализированное оборудование на два миллиона рублей и отправляет его в зону боевых действий нашим бойцам.

ДТ. За счет каких средств?

Кирилл Крок. Только за счет тех средств, которые театр самостоятельно зарабатывает. На нашем сайте есть полная информация в «Ленте новостей», там можно все подробно прочитать. И что немаловажно, у нас есть обратная связь

с бойцами, где они записывают свое обращение в знак благодарности театру. У меня есть несколько грамот от руководства воинской части, которое благодарит за поддержку их полка. Наш театр, одним из первых, поехал в Луганск, Донецк выступать. Когда другие, в том числе, федеральные и московские театры отказались, потому что они боялись за свою безопасность. А мы – поехали. Сейчас обсуждаем поездку в Донбасс со спектаклем. Мы участвовали во всех Всероссийских акциях, таких как «Единая сцена», «Помощь детям Донбасса».

ДТ. В конце года вы побывали в Донецке и Мариуполе.

Кирилл Крок. Эта поездка давно назревала. Ну, во-первых, директор Донецкий государственный академический музыкально-драматический театр имени М.М. Бровуна Наталья Волкова неоднократно приглашала меня приехать в театр. Два директора крупнейших театров, знаете, всегда найдут тему для профессионального нужного разговора. Второй адрес, где я побывал - это Мариупольский театр. В интернете иногда появляются какие-то фотографии, скудная информация о восстановлении местного театра. Я были с театром еще в то время, когда он был совсем в руинах. Его разбирали тогда, и,

конечно, мне было очень важно побывать в Мариуполе еще раз. Поговорить с людьми, с директором театра, с артистами пообщаться. А потом была еще немаловажная история. Театр Вахтангова решил подарить двум библиотекам в Донецке и в Мариуполе книжки. За последнее пятнадцать лет театр Вахтангова издал огромное количество книг о театре в общем, и книги, связанные с театром Вахтангова. До начала СВО в хранилище библиотеки Мариуполя было более 100 000 книг. И когда в Мариуполе проходили боевые действия, то украинскими военными формированиями библиотека была подожжена. Там обрушился потолок, она была залита водой. Практически все книги, которые там были, погибли. Может, всего каких-то несколько тысяч и осталось. Сегодня библиотека еще полностью не восстановлена. Она ютится в подвале жилого дома. Я передал для читателей наши шикарно изданные книги. Сотрудники со слезами на глазах благодарили театр за такой подарок. И еще, я как член Секретариата СТД России ознакомился с работой новых региональных отделений, встретился с его членами, у многих были вопросы, которые требовали ответа или конкретных решений. А также от имени СТД России я вручил членские билеты его новым членам. Такие встречи между

творческими людьми очень востребованы и нужны. Так что моя поездка была с конкретной целью и с конкретными делами. ДТ. Чем сейчас занят театр?

Кирилл Крок. Работой. И главная оценка театра – это его востребованность у людей. Востребованность можно определить так, когда на спектакли за неделю, а то и больше билетов в кассе нет. Билеты проданы. Причем, проданы билеты на весь репертуар. Если бы театр существовал за счет спектаклей, которые когда-то поставил Римас Туминас, то тогда бы, можно было сказать, что театр стоит на месте, творчески не развивается. То это была бы трагедия для театра. Но посмотрите на наши последние премьеры: «Амадей», «Повести Пушкина», поставленные уже без Туминаса нашим главным режиссером Анатолием Шульевым. На эти и другие спектакли в кассе билетов не достать. На спектакль «Генерал и его семья»- а это «Золотая маска», мы вынуждены были ввести именные билеты, чтобы не орудовали на нашем сайте спекулянты, которые продавали билеты за четыре - пять цены. Есть еще ряд спектаклей, которые были поставлены уже после Римаса Туминаса. Это результат работы руководства театра, Анатолия Шульева, артистов и всего коллектива театра. Театр никуда не пропал. Не свалился

в бездну. Театр не исчез из информационного театрального пространства. Это не мои слова. Есть Медиа рейтинг, который анализирует всю блогосферу, всю информационную сферу. Каждый месяц подводится своеобразный медиа итог и выявляются пять лидеров о ком чаще всего писала пресса, блогосфера, социальные сети. Театр Вахтангова каждый месяц оказывается или на третьем, или на четвертом месте после Большого, театра Мариинки. По-настоящему среди драматических театров мы соперничаем лишь с МХТ им. Чехова. ДТ. Сейчас какая идет работа?

Кирилл Крок. Вот посмотрите на экран моего смартфона *(Показывает.)* Здесь у меня сегодняшнее расписание работы театра. Вот прямо сейчас на Новой сцене с 11 до 22.00 идет репетиция премьерного спектакля по пьесе Эжена Скриба «Пуф, или Ложь и истина». Его репетирует молодой режиссер Ася Князева. На Исторической сцене с 11-14 идет репетиция «Идиот» по Достоевскому, ставит его режиссер Владислав Наставшев. В Арт-кафе идет репетиция творческого вечера нашей актрисы. А еще в это же время в репетиционном зале Анатолий Шульгин репетирует «Солнце Ландау» в соавторстве с драматургами Татьяной Осиной и Мариной Ошариной. На Симоновской сцене идет репетиция «Сто бед» Галины Зальцман - это по произведениям Эмира Кустурицы. ДТ. Впечатляет. А сколько в театре Вахтангова задействовано сценических площадок?

Кирилл Крок. У нас сегодня шесть сцен в театре. И сегодня театр играет в месяц минимум 145 спектаклей. Мы работаем практически без выходных.

ДТ. Кроме такой впечатляющей работы, театр в прошлом году провел Всероссийский театральный фестиваль «Вахтангов. Путь домой». Будет ли проведен в этом году Второй фестиваль?

Кирилл Крок. Будет. С 6 по 13 июля во Владикавказе. Экспертный совет отобрал пять спектаклей из разных городов России - из Бурятии, Казани, Питера, Москвы. Хочу заметить, не я отбирал спектакли, а именно этим занимался

нами созданный Экспертный совет. И только после этого, я стал обзванивать театры, уточнять условия их участия. Одним словом, программа фестиваля сформирована, сейчас подписываем со всеми договора, и обсуждаем две важнейших оргсоставляющих - это открытие и закрытие фестиваля.

ПЛУЧЕК ПЛАКАЛ. КАТИН-ЯРЦЕВ ХВАЛИЛ

**Народному артисту РФ
ЮРИЮ БОРИСОВИЧУ**

ВАСИЛЬЕВУ,

ведущему актеру и режиссеру

Московского академического театра Сатиры

исполнилось 70 лет!

ДТ. Юрий Борисович, вы родом из Новосибирска. Что интересного вспоминается из детства?

Юрий Васильев. Там было много событий. С четырёх лет я вообще был манекенщиком. В соседнем с нашим подъездом жил известный художник модернист Николай Грицук. Я дружил с его сыном Толей. А жена Грицука была директором Новосибирского Дома моделей. Ей нужен был мальчик для показов. Тогда были популярны семейные показы – коллекции одежды для заводов, фабрик. Толика взять не могли – он был слишком шустрым, а я мог стоять на примерках.

ДТ. Как манекен?

Юрий Васильев. Да, абсолютно. Бабушка водила меня на эти показы. Это была моя первая профессия и мои первые «профессионально» заработанные деньги. Потом, в каком-то пионерском лагере, где была детская театральная группа, я играл охотника в спектакле Сергей Михалкова «Зайка-Зазнайка». А уже в восьмом классе меня рекомендовали в театральную студию «Спутник» при ТЮЗе к Осиповой Кире Павловне. Это была знаменитая студия. Именно там я заразился театром. Кира Павловна привила нам этику сцены в духе вахтанговской школы: нельзя трогать кулисы, выходить на сцену в грязной обуви.

ДТ. Вы поступили в театральное училище имени им. Бориса Щукина в мастерскую народного артиста РСФСР Юрия Васильевича Катин-Ярцева.

Юрий Васильев. Да. Вообще-то у меня было три любимых педагога. Конечно, Ю.В. Катин-Ярцев, В.Г. Шлезингер – актер, режиссер и зав. кафедрой «Мастерство актера» и, как не странно, еще был педагог по изобразительному искусству – Борис Ионович Бродский. Потрясающий человек! Он всегда был в бабочке, начинал лекции со слов: «Сегодня мы говорим о гениальном художнике эпохи Возрождения – Микеланджело Буонарроти». Я сидел на первой парте и внимательно слушал, пока все остальные студенты спали. Тогда не было никаких видео, Бродский привозил из Парижа и Мадрида слайды и показывал нам. Я даже сдавал экзамены в его образе.

ДТ. Не обиделся?

Юрий Васильев. Нет, наоборот! Он сам сказал: «Юра, показывайте меня». Всегда шутил: «Меня пригласили, чтобы показать, как я не похож на Юру Васильева».

ДТ. Сейчас вы сами ведете курс актерского мастерства в ГИТИСе. Как все начиналось?

Юрий Васильев. Пригласили. У меня за спиной огромная сценическая школа. В театральной педагогике я иду путём своего учителя Ю.В. Катин-Ярцева.

ДТ. В чем особенность его школы?

Юрий Васильев. Самая главная особенность - он воспитывал личность. После каждого семестра он всегда беседовал с каждым из нас. Он говорил: «Тебе нужно больше читать». Он мог сказать: «Вот это звезда курса». Похвала от него была очень значимой. Он пришёл на мой спектакль «Гнездо глухаря» по пьесе В. Розова, и ребята наблюдали за его реакцией. Они мне говорили: «Катин плачет на твоей сцене». После спектакля он подошёл ко мне, потрепал за волосы, и сказал: «Молодец, мальчик!» Это была самая дорогая похвала. Или он просто хлопал по плечу – и это значило очень многое. Катин как-то проник в меня. Его методы невозможно было просто усвоить сознательно – они становились частью тебя. Он был терпеливым. Переживал за каждого студента, подбирал каждому подходящий отрывок. Поэтому меня учили так, что мне потом стало всё равно, кого играть. Я синтетический актёр – но это всё благодаря принципам Щукинского училища.

ДТ. Театральные педагоги всегда были славой и гордостью Щуки.

Юрий Васильев. Не то слово! У нас по актёрскому мастерству на первом курсе было шесть педагогов. Каждый из них был разным. Например, Вера Константиновна Львова, которая всегда говорила: «Не верю!» Все её боялись, а я выходил. У меня был такой этюд с телеграммой - ее надо было послать любимой девушке. Я ещё ничего не написал – только взял ручку, а она тут же: «Ну нет, ну вы, Юра, неужели вы вот так будете любимой девушке писать телеграмму»? А вот Анатолий Иванович Борисов никогда не говорил: «Это неправильно». Он говорил: «А можно было вот так».

ДТ. Получается, что у каждого педагога – свой метод, и, благодаря этому, у студентов формируется объёмное понимание профессии.

Юрий Васильев. Да. Мне на третьем курсе дали роль Нехлюдова из романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Я ходил по Арбатским улицам, и у меня почти «поехала крыша». Думаю, откуда здесь машины какие-то? Потому что я раз 30 прочитал «Воскресенье».

Я всё представлял, как Нехлюдов ухаживал за Катюшей Масловой. И все равно что-то не клеилось в роли. И вот Лариса Алексеевна Пашкова, тоже потрясающий педагог, говорила мне: «Ты всё правильно делаешь, но ты не князь». И вдруг передо мной сбрасывает с себя свою норковую шубу. «Вот пройди по ней», – говорит. Я спрашиваю: «В смысле»? Она мне: «Пройди, пройди по шубе - просто не замечай, что это норковая шуба». Я прошёл. Она говорит: «Вот теперь ты князь!» И даже Борис Евгеньевич Захава – выдающийся педагог, актер и режиссер, теоретик театра сказал, что, вообще-то, Нехлюдов – это не роль Васильева, но он ее сыграл».

ДТ. Как проходили репетиции?

Юрий Васильев. На первой репетиции по ходу действия я извиняюсь перед Катюшей. На следующий день Вера Константиновна Львова приходит и говорит: «Нет, ты не извиняешься». И всё время она меняла задачи. Всё время. А я думаю: «Как вообще играть?!» Потом она уезжает на гастроли. Я спрашиваю у Пашковой: «Лариса Алексеевна, а что мне играть-то»? Она говорит: «Как бы ты ни сыграл, ты будешь Нехлюдовым. Потому что ты попробовал всё. Если ты выполнишь хоть одну из задач – роль сделана». Вот какие были педагоги! Вот еще примеры: Павел Григорьевич Кольцов, очень интересный человек - играл на бегах, был заядлый рыбак приходил, ставил коньячок и говорил: «С Чеховым надо играть серенькой красочкой». Тот же дядя Коля Берсенев, который руководил практикой, когда первый курс обслуживал четвертый, как машинисты сцены и кричал: «Козлы! Кто оставил молоток на сцене?! Вы думаете, кто-нибудь будет смотреть этот спектакль? Все увидят молоток и скажут: «Почему дядя Коля этим дуракам чтобы убрали молоток»? Или Тихон Васильевич, который сидел на вахте. Он почему-то решил, что я брат хоккеиста Валерия Васильева. И когда ко мне приходили письма из Новосибирска – он всегда их лично мне вручал. Я впитывал это всё. Потому что там были личности все.

ДТ. А кто вас привел в педагогику?

Юрий Васильев. Катин-Ярцев. Он просто взял меня за руку и повёл в Щуку. Он мне сказал: «Тебе нужно преподавать».

ДТ. С чего началась ваша работа педагога?

Юрий Васильев. Он меня просто бросил к студентам, как котёнка - сразу дал мне отрывок Чехова – «Соседи». Я ожидал, что начнём с какой-нибудь советской пьесы попроще, а тут Чехов, где важна атмосфера. Этот отрывок на кафедре отметили. Потом я поставил «Короля Лира» со студентами на втором курсе. Кто-то сказал: «Ну, это не стоит обсуждать». А я подумал: «А вы сами попробуйте сыграть «Короля Лира» на втором курсе!» И тут вдруг педагог Мария Александровна Пантелеева говорит: «Ну там что-то было во второй сцене...» А Катин сразу ей в ответ: «Так было же!» Вот это «было же» – оно очень важно. Потому что я понимаю: на втором курсе невозможно сыграть Лира полноценно, но, если что-то просквозило – это уже большое достижение.

ДТ. 1976 год. Вы заканчиваете Щукинское училище и вас сразу берут в Театр Сатиры?

Юрий Васильев. Меня взяли сразу в шесть театров.

ДТ. Почему же вы не остались в родном альма-матер?

Юрий Васильев. Конечно, мне хотелось в Вахтанговский театр. Меня все знали – педагоги, режиссёры. Они приходили на дипломные спектакли. После моего показа в Вахтанговском театре против меня не было ни одного голоса.

ДТ. Но все же вы там не оказались...

Юрий Васильев. Евгений Рубенович Симонов, главный режиссер театра Вахтангова, встретил меня и сказал: «Ты знаешь, у меня будет смена поколений, так что приходи через пять лет».

ДТ. Вы больше не приходили туда?

Юрий Васильев. Ну, если он так сказал, то...

ДТ. Вольные хлеба?

Юрий Васильев. Нет, меня пригласил Любимов. А тогда Таганка – это было что-то невероятное! С Лёней Ярмольником мы зашли в знаменитый кабинет Любимова. Он мне сказал: «Вы талантливый человек, но я не знаю, что вы будете у меня играть»? Я отсмотрел весь репертуар театра Таганки, и понял, что да, он прав - места для меня там нет. Стоять немцем в «А зори здесь тихие»? Ну как-то не очень хотелось.

ДТ. Ну да, как-то не очень...

Юрий Васильев. Решил позвонить Катин-Ярцеву. Спрашиваю: «Куда идти»? Он мне как всегда мудро отвечает: «Это твоя судьба, ты сам должен решить». В общем, зашел в тупик. И тут меня перехватил Владимир Георгиевич Шлезингер. Он сказал: «Иди в Сатиру, там много наших». Вот так я оказался в театре Сатиры.

ДТ. Многие зрители помнят яркий спектакль «Секретарши» в театре Сатиры со звездами советского театра, которые многие годы был аншлаговым спектаклем Москвы. Попасть на него практически было невозможно. В афишах было написано, как сейчас помню: «Театральная фантазия Юрия Васильева. Опус №2 для девяти пишущих машинок и оркестра». Какая история постановки этого спектакля?

Юрий Васильев. Однажды я был в Германии. И как всегда смотрел много спектаклей. В Талия-театре в Гамбурге я увидел

этот спектакль. Мне понравился. Я достал видеокассету со спектаклем. Прилетев в Москву, я сразу пошел к Валентину Николаевичу Плучеку – художественному руководителю театра Сатиры. Показал ему запись, и говорю: «Вот такой спектакль. Давайте у себя поставим». Он сказал: «Старик, мне нужно, чтобы ты был в центре, а вокруг тебя — женщины». В немецкой версии их было семь, а Плучек сказал: «А ты бери всех».

ДТ. Уникальный случай!

Юрий Васильев. Да. Это был уникальный случай и мой режиссерский дебют, кстати. Я тогда репетировал спектакль «Молодость Людовика XIV», а тут прихожу на репетицию — а на доске объявлений висит приказ распределение на моих «Секретарш». Одиннадцать женщин! От самой молодой - до самой пожилой. Поставили на сцене пишущие машинки. Каждой актрисе я подарил букет васильков. И репетиции начались. Мы начали выстраивать взаимоотношения между персонажами. Я решил, что у каждой из них должна быть своя судьба, раскрытая через песню её поколения. От Чаплина — до Титаника и We Are The Champions.

ДТ. Чудесный спектакль! И пели все вживую.

Юрий Васильев. Да. Мы показали спектакль на Большой сцене. Собралась вся труппа. Андрюша Миронов, который должен был аккомпанировать уехал на гастроли, и за рояль села Галя Перова. Все актеры были без костюмов, сцена без декораций. Показали. Тишина. А потом — аплодисменты. Труппа аплодировала. Валентин Плучек плачет, говорит: «Старик, ты вернул праздник в театр»! И тут же говорит: «Сегодня играем»! Я ему: «Как сегодня? Многие в отпусках»! А он: «Вызывайте всех занятых в спектакле - этот спектакль понравился бы Мейерхольду». А Мейерхольд — это был его бог. Мы сыграли «Секретарш» 150 раз!

ДТ. Так начался ваш путь режиссера в театре Сатиры?

Юрий Васильев. Да. Тогда Валентин Николаевич Плучек сказал: «Тебе надо заниматься режиссурой». И потом Вера Кузьминична Васильева попросила меня поставить спектакль «Однажды в Париже». Она 10 лет его играла.

ДТ. Давайте поговорим о театре. Есть мнение, что в советское время магия театра была сильнее. Запрещена эзотерика, запрещён мат, запрещён открытый секс на сцене. Театр был кафедрой, с которой можно было сказать много добра. А сейчас что?

Юрий Васильев. Мне вовсе не хочется сказать, что театр — это кафедра. Это слишком назидательно. Главное, чтобы люди после спектакля что-то унесли с собой, чтобы что-то внутри них изменилось. Они пришли домой и вдруг задумались. Это самое важное. Ведь часто после пьес Чехова люди говорят: «Я пришёл домой и что-то понял».

ДТ. Говорят, что актёры читают в основном сценарии и пьесы, а какое современное литературное произведение поразило вас?

Юрий Васильев. «Несвятые святые» — книга митрополита Русской православной церкви Тихона, выпущена в 2011 году. Мой духовный отец — Вадим Сорокин, он уже 20 лет со мной. Он восстановил храм Николая Чудотворца в деревне Мансурово практически с нуля. Это удивительный человек. Я видел как он это делал.

ДТ. Вы были в Керчи на Площади Звёзд, когда там открывали звезду вашего имени?

Юрий Васильев. Нет, пока не был. Но мне хочется увидеть свою звезду среди звезд Василия Ланового, Данатоса Баниониса, Владимира Коренева, Кирилла Лаврова, Александра Голобородько. Мне присвоили звание мастер античных искусств республики Крым.

ДТ. Юрий Борисович, поздравляем вас с высоким званием мастера и юбилеем!

Юрий Васильев. Спасибо!

Ника АМИРАДЖИБИ

Нашему постоянному автору, обладателю награды «Похвальная грамота» за лучшую критику, опубликованную в журнале «ДрамТеатр» за 2024г., главному научному сотруднику, руководителю Центра наследования русской культуры Института Наследия Кокшенёвой Капитолине Антоновне присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Указ Президента РФ № 76 от 10 февраля 2025 года

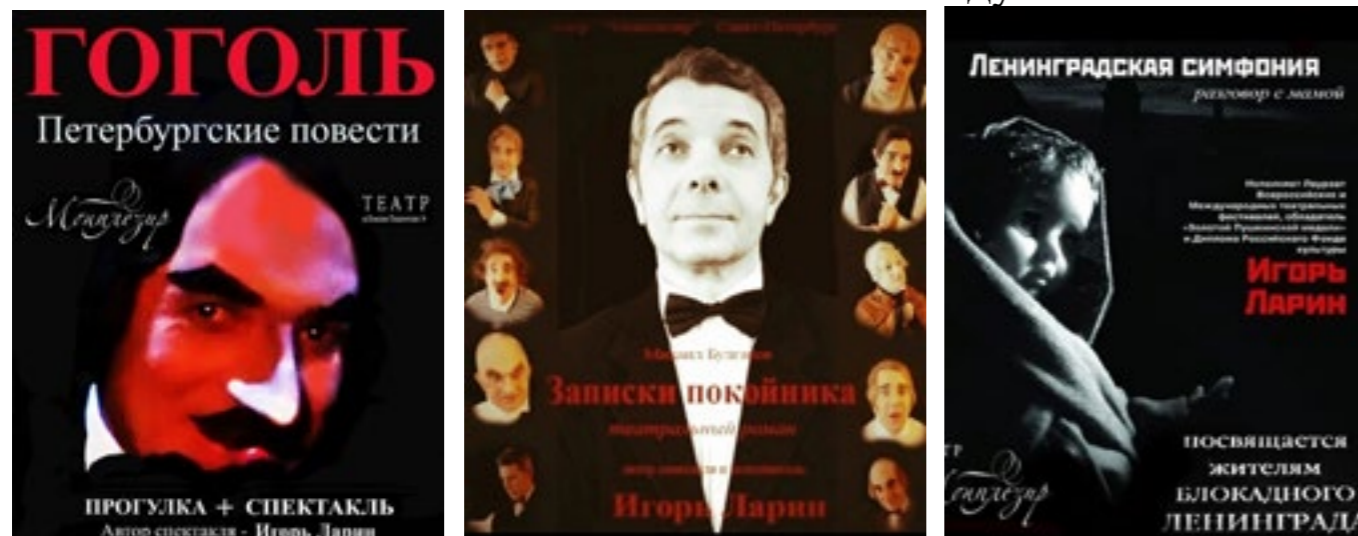
Поздравляем!

МОНПЛЕЗИРУ – 35 !

Если вы, прогуливаясь по Большой Подъяческой улице в Петербурге, подойдете к дому под номером 14, то заметите на воротах вывеску: «Театр Монплезир». Войдите – и попадете в волшебный мир! Со стен на вас смотрят причудливые существа, словно возникшие из снов, из сказок Гофмана, сошедшие с полотен Босха, Гойи или Дали. Все они – плоды фантазии их ироничного создателя: руководителя театра «Монплезир» Игоря Николаевича Ларина. Его художественный дар явлен тут со всей очевидностью. На стенах – афиши спектаклей, они пестрят именами классиков русской литературы и людей, знаковых для России – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Булгаков, Толстой, Пущин, Вертинский...

В этом году Санкт-

Петербуржскому театру Монплезир исполнилось 35 лет. На протяжении всего этого времени им руководит его основатель – Игорь Ларин, человек-легенда. Режиссёр, актёр, художник. Лауреат Всероссийских и Международных театральных фестивалей, обладатель «Золотой Пушкинской медали» и Диплома Российского Фонда культуры, на чьи постановки ещё в 1990-2000-е гг. валом валила театральная общественность. Как тогда, так и сейчас, они, подобно магниту, притягивают, завораживают зрителей своей оригинальностью, глубоким и точным раскрытием персонажей, волшебством театральной магии. «Спектакли театра «Монплезир» насыщены мгновенной трансформацией, изощренной игрой с предметами, отличаются тонким чувством стиля и ощущением эпохи. Спектакли Игоря Ларина – это «авторский театр» (журнал «Театр»).

«Монплезир» – «моё удовольствие» – возник, в далёком 1989 году, как отдушина в стремительном ритме жизни сверх-востребованного режиссёра. Родился И.Н. Ларин в Ленинграде в 1962 году. После школы учился на архитектурном факультете строительного института (ЛИСИ). Через год поступил в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Окончил его в 1985 году по специальности актёр драматического театра и кино. Работал в Псковском театре, затем в театрах-студиях Санкт-Петербурга. Лауреат конкурса чтецов им. Вл. Яхонтова (Москва 1986 г.). Начиная с 1991 года, помимо Петербурга, Ларин ставил спектакли в театрах разных российских городов (Москвы, Магнитогорска, Иркутска, Петрозаводска, Екатеринбурга, Орла, Хабаровска, Северодвинска, Ханты-Мансийска, Липецка, Севастополя, Ярославля и др.). Также много работал за границей: в Финляндии, Германии, США, Швеции, Норвегии, Южной Корее. Руководил множеством театров, среди которых: «Новый театр» в Хельсинки, музыкальный и драматический театры в Петрозаводске, театр музыки и поэзии Елены Камбуровой в Москве, Магнитогорский театр «Буратино», театр «На Литейном» в Санкт-Петербурге, Ярославский ТЮЗ. В конце 1990-х- начале

2000-х был период, когда Ларин руководил одновременно... шестью театрами!

В 1989 году, окунувшись в студийное движение, Ларин с группой артистов организовал театр-студию «Особняк» (с которым много гастролировал по России и за рубежом). Одновременно с этим создал театр одного актёра – «Монплеизир». В 1993 году он первым из театров-студий был учреждён как муниципальный театр Дзержинского района. Без денег, дотаций, рекламы. Репертуар состоял из моноспектаклей, полностью созданных самим Лариным. Это были: «Мой первый друг...» по воспоминаниям И.И. Пуцина, «Мне скучно, бес» по произведениям А.С. Пушкина,

«Вертинский. Исповедь Барона» по стихам и песням А. Н. Вертинского, «Евгений Онегин. Рисунки на полях», «Буратино. Большая жизнь» по сказке А.Н. Толстого и песням 30-40-х годов. Затем в спектаклях, кроме Ларина, стали появляться и приглашённые актёры. Так, в «Чайке» и «Пиковой даме» играла актриса Александринского театра, народная артистка России Галина Карелина. В «Станционном

смотрителе» свою лебединую песню» исполнил актёр БДТ, заслуженный артист России Изиль Заблудовский.

«Каждый спектакль я вынашивал по 9 месяцев, – вспоминает Игорь Николаевич. – Это были спектакли для души. Я говорил в них о том, что действительно болело внутри, воплощал свои глубинные мысли и желания. Я был свободен и транслировал зрителям свободу души и творчества, которые они не могли видеть в государственных театрах». Видимо, в этом и заключался секрет того, как восторженно принимались ларинские спектакли. Театр Монплеизир в 1990-2000 гг. был героем многих театральных фестивалей. В разных городах у членов жюри

в ходу была фраза: «Если пригласили Ларина, уже известно, кто получит Гран-При». Не имеющий собственной площадки, «Монплеизир» находил приют на малых сценах петербургских театров (БДТ, Балтийского дома, Ленсовета, Александринки и др.), в музеях (Театральном, Достоевского, блокады Ленинграда и др.). Без рекламы, больше путём «сарафанного радио», о спектаклях «Монплеизира» люди узнавали и приходили. Любимы были ларинские спектакли в среде критиков, петербургских и московских. Посещали все премьеры и писали рецензии такие серьёзные театроведы как Е.И. Горфункель, Б.В. Тулинцев, А.Я. Тучинская, Л.В. Попов, Н.А. Крымова, М.Г. Зайонц, Р.П. Должанский, В.О. Семеновский и др. Все они – и обычные зрители, и актёры, студенты театральных вузов, критики – были одной большой тёплой театральной семьёй. Но... Из-за разъездов, постоянной работы сразу над несколькими проектами (и в театре, и в кино), для постановок, создаваемых в «Монплеизире», у Ларина всегда не хватало времени. А главное – не хватало крыши над головой, своего дома. И вот – о чудо – этот дом наконец появился! В 2021 году театру «Монплеизир» было предоставлено помещение в центре Петербурга, недалеко от Сенной площади, среди улиц, на которых жили когда-то Достоевский, Гоголь – на Большой Подъяческой, во флигеле дома №14, построенном ещё в начале прошлого века. В советское время здесь располагался склад, потом долгое время помещение оставалось бесхозным. Игорь Ларин сам выносил горы мусора, делал ремонт, ему помогала лишь его супруга – актриса и директор «Монплеизира» Марина Ларина. И начался новый этап жизни театра. Помимо прежних моноспектаклей Ларина, появились новые постановки: спектакли-экскурсии «Путь Раскольникова» по Достоевскому и «Петербургские повести» по Гоголю, спектакль «Петербургские недотроги» по Пушкину, обновлённые версии «Станционного зрителя» и «Пиковой дамы». В спектаклях несколько составов, в них заняты больше двадцати приглашённых актёров. Почему артисты из других театров с таким удовольствием участвуют в Ларинских проектах,

почему так раскрепощённо и своеобразно существует каждый из них на сцене? Ответ прост. Свободу творчества, которой обладает сам Ларин, он предоставляет и коллегам. Не режиссёр-диктатор, управляющий актёрами-марионетками, а режиссёр-соратник, режиссёр-камертон, помогающий артисту лишь правильно «настроить» свой творческий организм, а дальше – отправляет в вольный полёт. «Мой театр - это актёрский театр, в центре внимания – актёр. Ведь только через душу, через глаза актёра зритель что-то чувствует», – признаётся Игорь Николаевич и добавляет. – «В нашем театре сбываются актёрские мечты. Например, одна актриса мечтала всю жизнь сыграть Катерину Ивановну в «Преступлении и наказании» и Акакия Акакиевича в «Шинели». И вот – в «Монплезире» её мечты исполнились».

Как и в прежние годы, «Монплезир», подобно магниту,

притягивает к себе зрителей разных возрастов, критиков, коллег «по цеху», петербуржцев и туристов. Показательно, что одна из иногородних зрительниц сказала: «В Петербурге, прежде всего, надо увидеть три вещи – Зимний дворец, Исаакиевский собор и спектакль театра Монплезир «Путь Раскольникова». А в одной из рецензий этот спектакль был назван «эмблемой

города». Таким же полным погружением зрителей в атмосферу Петербурга отмечен и премьерный спектакль нынешнего сезона – «Петербургские повести» по Гоголю.

У Ларина много планов, идей о том, как развивать свой театр дальше, какие осуществить постановки. Ведь, по его выражению, постижение тонкостей театрального искусства – бесконечная история. И впереди – новые вершины. Которые и пожелаем всем соратникам этого удивительного театра покорить – ко всеобщему МОНПЛЕЗИРУ!

Мариана СЕМЁНОВА*

*Кандидат искусствоведения, декан факультета искусств БИЭПа (Балтийского института экологии, политики и права), доцент кафедры искусствоведения.

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Санкт-Петербургское отделение Союза писателей
России выпустило сборник пьес

драматурга Юрия ЛОМОВЦЕВА «Танец семи покрывал». Издание было выпущено при поддержке Комитета по печати Правительства Санкт-Петербурга.

В сборник вошли пьесы, написанные автором в разные годы, но большинство из них – пьесы последних лет. В составе сборника трагикомедия «Танец семи покрывал», которая и дала название книги, комедия «Le Chapiteau (Мартышка)», пьесы «Кабины счастья», «Масада. Точка любви», «Тревога», повесть для театра «Летний сад» и драма «Пирамида Хеопса», первая из пьес Ю. Ломовцева, которая была поставлена на профессиональной сцене (Театр им. Янки Купалы, г. Минск).

Характерной особенностью сборника является то, что каждую пьесу предваряет небольшое вступление, в котором автор рассказывает, как рождался ее замысел, что явилось толчком к написанию пьесы. Эти заметки будут особенно интересны людям причастным к театру, молодым драматургам, режиссерам, артистам.

Познакомиться с книгой пьес «Танец семи покрывал» и отзывами на нее можно на сайте автора:

<http://lomovtsev.spb.ru/сборники-пьес-и-прозы/>

В Санкт-Петербурге
на кафедре театра кукол РГИСИ состоялась
25-я Лаборатория театра кукол

Первая Лаборатория прошла в 2004 г. и ее целью было дать студентам-заочникам дополнительный творческий импульс, познакомить их с основами драматургического мастерства и подтолкнуть к литературному творчеству, познакомить их с интересными людьми разных театральных профессий. Все эти цели остались актуальными.

На 25-й юбилейной Лаборатории присутствовали ее первые организаторы и участники, было признано много теплых слов, пожеланий, ярких воспоминаний. Студенты II заочного актерско-режиссёрского курса под руководством Тамары Ставиской представили прозаическую сказку Олега Сулова «Приключения Дождика и Кораблика».

XXVII Фестиваль русских театров «Встречи в России»

С 4 по 9 апреля 2025 года в Санкт-Петербурге пройдет XXVII Фестиваль русских театров «Встречи в России». В этом году фестиваль посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Девиз фестиваля – «Вспомним всех поименно» – отражает его главную идею: объединить участников и гостей памятью о всенародном подвиге, сохраняя многолетнюю дружбу между народами, которая всегда являлась залогом мира и светлого будущего.

В программу фестиваля войдут премьерные спектакли, посвященные 80-летию Победы, и постановки по произведениям русской классики ведущих творческих коллективов Абхазии, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и России.

Завершится фестиваль спектаклем-концертом Белорусского государственного театра юного зрителя (Минск) «Вспомним всех поименно». Режиссер спектакля Татьяна Самбук собрала семейные истории артистов театра о подвигах их родных. В спектакле прозвучат любимые всеми военные стихи и песни, которые вместе с артистами наверняка подхватят зрители.

В рамках фестиваля впервые пройдет вручение Международной премии имени К.Ю. Лаврова «За поддержку и продвижение русской культуры за рубежом». Премия учреждена в 2025 году к 100-летию со дня рождения выдающегося актера, народного артиста СССР, общественного и политического деятеля К.Ю. Лаврова, всю жизнь оказывавшего значительную помощь российским театрам русского зарубежья и многие годы возглавлявшего Международную конфедерацию театральных союзов. Именно Кирилл Юрьевич был одним из инициаторов создания Международного фестиваля русских театров «Встречи в России».

В Молодёжном театре Алтая им. В.С. Золотухина прошли премьерные показы спектакля «Брачная лихорадка» по небольшим произведениям Антона Чехова. Это водевильный вечер, герои которого хотят любить и быть любимыми, стремятся вступить в брак и избежать нежелательных отношений. Кто-то в погоне за счастьем руководствуется чёткими критериями в выборе спутника жизни, кто-то доверяет лишь чувству. Все они так или иначе затрагивают тему замужества.

Режиссёр и автор инсценировки – Дарья Камошина. Визуальным решением нового спектакля занималась Н. Сыздыкова, Хореограф постановки О. Вернигора.

В Рубцовский драматический театр состоялась премьера спектакля по пьесе Александра Островского и П. Неvejeина «Старое по-новому». Режиссер-постановщик Иваном Шилко. Пьесу «Старое по-новому» не так часто можно увидеть в театрах России. Она была незаслуженно забыта. Между тем, в ней поднимаются актуальные и серьезные проблемы современности.

Спектакль получился ярким, музыкальным и запоминающимся. В нем много музыки и хореографии. Декорации придают особый шарм и помогают зрителю ощутить в сердце каждого зрителя кусочек Франции.

В Театре им. Евгения Вахтангова состоялась премьера по малоизвестной пьесе знаменитого французского драматурга Э. Скриба «Пуф, или Ложь и истина». Словом «Пуф» обозначен сознательный обман окружающих во имя личного процветания, беспринципная реклама, ложь, всеобщее лицемерие... Видимо, это соответствует русскому «Пшик».

Режиссер постановщик Ася Князева придает классическому произведению современное звучание, органично вводит реалии сегодняшнего времени. Это ее третья постановка на сцене Театра им. Вахтангова. В спектакле заняты известные актеры театра: народный артист России Евгений Князев, заслуженные артисты России Владислав Демченко, Михаил Васьков, Мария Бердинских и другие актеры театра. Художник спектакля заслуженный художник России Максим Обрезков.

И еще одна премьера, в этот раз на исторической сцене Театра им. Евг. Вахтангова – зрители смогут увидеть грандиозный спектакль по роману Ф.М. Достоевскому «Идиот» в постановке Владислава Наставшева.

В ролях Константин Белошапка (Князь Мышкин),

заслуженная артистка России Анна Дубровская (Настасья Филипповна), Павел Юдин (Парфён Рогожин), Полина Рафеева (Аглая Епанчина).

В Томском областном театре куклы и актёра «Скоморох» им. Р. Виндермана состоялась премьера спектакля «До войны мы жили в Ленинграде» по пьесе известного петербургского драматурга, члена Гильдии драматургов России Елены Радченко.

Женщина на войне – особая тема. Она о том, что самое ценное на земле – человеческая жизнь, ее продолжение в детях, внуках, правнуках... И нет страшнее преступления – прервать эту цепочку, лишить женщину ее главного предназначения. Спектакль в постановке молодого, начинающего режиссера

Сергея Макарова поражает своей проникновенностью, искренностью, отсутствием пафоса. В спектакле заняты актрисы Н. Павленко, О. Ботева, В. Баленко, А. Шульц.

Драмтеатр города Ельца «Бенефис» представил премьеру спектакля «Делец», режиссер – Олег Климов. В основу легла пьеса немецкого драматурга Вальтера Газенклевера. Она поставлена пластически изящно и динамично в движении и переходах. Жанр постановки обозначен как эксцентрическая комедия, для которой свойственны резкие сюжетные перипетии и подчеркнута острая эмоциональная оценка происходящего.

Особый ритм спектаклю придают массовые сцены с участием молодежного театра «Проект» (г. Елец). Они представляют собой уличную банду, которая вихрем пронесется то по балкону, то в проходах зрительного зала, то на сцене.

Пьеса называется «Делец», но кого из персонажей можно так назвать? Чем больше углубляемся в историю, тем больше понимаем, что делец в этой истории каждый. Все они вершат свою судьбу сложным хитросплетением ходов и решений.

Красноярский театр кукол первым в России представил спектакль «Дубровский» на кукольной сцене.

Спектакль «Дубровский» на сцене Красноярского театра кукол был поставлен творческой группой из Минска – режиссёром, номинантом премии «Золотая маска» Александром Янушкевичем и художником Екатериной Шиманович. Автором инсценировки выступил московский драматург Алексей Гончаренко.

Это увлекательная романтическая история, полная любовных переживаний и глубоких человеческих страстей.

Медведь сыграл свою роль в спектакле, как и собаки на псарне. Вместе с героями на сцене ожили неодушевлённые предметы и холодные скульптуры. Всего 95 объектов – это различные скульптуры, маски и другие художественные формы. Монументальные формы, словно оковы, удерживают в себе бушующие страсти: любовь, обиду и месть.

В Московском театре «У Никитских ворот» с успехом идет спектакль «Носороги» в постановке Марка Розовского.

Пьеса «Носороги» Эжена Ионеско — одна из самых ярких работ в мировой драматургии XX века. Режиссер спектакля Марк Розовский, следуя за автором, исследует аллегорический сюжет, в котором анализирует сложность человеческой природы. Что происходит с человеком, когда он теряет своё «я»?

Чтобы усилить эффект пронзительного воздействия на

зрителя, режиссёр Марк Розовский использовал грандиозную музыку Жана-Мишеля Жарра. Перерождение людей, лишённых личностных качеств, в бездушное стадо требует от артистов высшей степени мастерства перевоплощения и глубокого понимания материала.

Исполнители ролей: Ю. Голубцов, С. Уусталу/А. Чернявский, Н. Калиберда/К. Некрасова, В. Давиденко/Д.Пугачёв, Ю. Бружайте, И. Власов, Я. Прыжанкова/А. Добрынина и др.

«ТОЛЬКО ПИЛИ И ЕЛИ И ПОТОМ УМЕРЛИ!»

*О спектакле «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя
в Московском театре «Et cetera»*

Идиллия семейной жизни всегда была предметом исследования в литературном творчестве. Обратимся к повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», которая была опубликована в сборнике «Миргород» в 1835г. Это трогательная история о простой жизни пожилой пары, Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, чья идиллическое существование заканчивается смертью – идиллия, «которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления», как отмечал А.С. Пушкин.

Для Н. В. Гоголя А. С. Пушкин был кумиром. Он учился у него, но никогда не стремился ему подражать. При этом возьму на себя смелость отметить некоторое сходство между старосветскими помещиками Н. В. Гоголя и супругами Лариными из романа «Евгений Онегин». Образ супруга Дмитрия

Ларина очень напоминает Афанасия Ивановича из повести Н. В. Гоголя:

«Отец ее был добрый малый,
в прошедшем веке запоздалый...»

Да и сам быт семьи Лариных схож с бытом старосветских помещиков:

«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины...»

«Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен,
про скотный двор...»

Вроде не происходит никаких событий, дни похожие друг на друга следуют монотонно в этом старом доме, наполненном звуками, запахами - в доме, в котором оживает каждый предмет. Но при этом на сцене возникает гоголевский мир, удивительно яркий и выразительный, поэтический и прекрасный, абсолютно реальный и совершенно ирреальный.

В центре спектакля лежит вопрос, что сильнее – стабильность рутины или буря чувств, способная нарушить этот размеренный ход жизни.

Режиссёр Владимир Бельдиян намеренно отодвигает на задний план основное повествование о любви и утрате, чтобы дать сцене возможность говорить на языке деталей – где каждая мелочь, будь то звук скрипящей двери или молчаливая хрупкость старинного дома, говорит о бренности человеческого бытия.

Постановка поражает своей искренностью и простотой. Здесь нет сложных метафор, нет заумных речей – всё подано так, как будто рассказываешь историю старого друга за чашкой чая. Актёры не перегружают текстом, они просто живут на сцене, передавая эмоции через движение, взгляд и тихую грусть. Спектакль напоминает нам, что жизнь – это не только большие события и громкие слова, но и маленькие моменты, которые

складываются в целую картину нашего бытия. Каждый зритель сможет найти в этой истории что-то своё, узнать в ней частичку собственного опыта и, возможно, почувствовать ностальгию по ушедшим дням.

Повествование истории идет от самого автора и как бы напрашивается присутствие его в спектакле. Впервые в современной истории постановки «Старосветских помещиков» роль рассказчика или, если хотите, самого Гоголя, ввел екатеринбургский драматург Николай Коляда. Роль Гоголя рассказчика в пьесе Н. Коляды отстраненно-созерцательная.

В спектакле театра «Et cetera» роль Гоголя становится одной из главной. Некая схожесть актера Артема Блинова с Гоголем усиливает его надобность как непосредственного участника жизни стариков. Не просто как наблюдателя, а как активного участника происходящего, связывающего воедино все отрывки этой медитативной истории. Такой подход позволяет зрителю буквально «окунуться» в мир, где время кажется

застывшим, а жизнь – цепочкой повторяющихся обедов, прогулок по саду и тихих разговоров, которые, однако, приводят к неизбежной трагедии.

Режиссёр Владимир Бельдиян сумел создать на сцене атмосферу, напоминающую тихую деревенскую идиллию, где каждый предмет – будь то старая мебель, деревянные двери или даже чашка наливок – оживает и становится участником событий. И опять всплывает параллель. Вспомним, например, пьесу Чехова «Вишневый сад». Там в одном из трогательных моментов Гаев, брат главной героини, произносит свой знаменитый монолог о «многоуважаемом шкафе». Этот монолог показывает, как обычный предмет может обрести душу, стать символом памяти и общей истории семьи. Подобно этому, в «Старосветских помещиках» каждое действие – будь то неспешный обед или тихая прогулка по саду – наполнено особым смыслом. Каждый звук, каждая деталь декораций здесь напоминают нам о том, что даже в простоте можно найти глубокий философский смысл.

В спектакле почти все роли лишены обилия текста: молчаливые, как будто бы погружённые в вечную созерцательность, персонажи передают всю гамму чувств через движения, звуки и визуальные образы

Особое внимание в спектакле уделено сценографии и визуальной составляющей. Работы художницы Софьи Кобозевой и светового художника Майи Шавдатуашвили создают ощущение утреннего золотистого света, который мягко освещает каждый уголок старинного дома. Декорации – причудливо комбинированные элементы разных эпох, от железной дороги до старинных занавесок – усиливают ощущение нереальности и сказочности, что придаёт постановке дополнительный шарм. Музыкальное сопровождение, виртуозно вплетённое в атмосферу спектакля, помогает подчеркнуть контрасты: легкость повседневности и глубину трагедии, когда даже мелодичный скрип двери напоминает о бренности бытия.

Актёрский состав спектакля – это ещё один яркий штрих в

общей картине постановки. Народная артистка России Людмила Дмитриева в роли Пульхерии Ивановны и Кирилл Лоскутов в роли Афанасия Ивановича создают образы, наполненные тихой грустью и одновременно нежной любовью, которая питает их обыденность. Несмотря на почти полное отсутствие монологов, актеры передают весь спектр эмоций – от радостных моментов утренних обедов до безмолвной скорби утраты. Малозначащие на первый взгляд второстепенные персонажи – кошка, сеятель, дура – благодаря своей символичности и яркой пластике становятся своеобразными проводниками в мир, где даже мелкие детали обретают жизнь. Каждый из них, как маленькая глава в большой книге, вносит свою лепту в общую атмосферу: спокойствие и, одновременно, предчувствие неминуемого конца, когда привычное течение жизни обрывается трагическим финалом.

«Старосветские помещики» в театре «Et Cetera» – это спектакль, который, несмотря на кажущуюся простоту, заставляет задуматься о глубоких экзистенциальных вопросах. Эта философская и в то же время очень чувственная интерпретация классического текста Гоголя делает спектакль

уникальным опытом, который хочется переживать снова и снова.

Особенно эмоционально мощно, и образно получился финал спектакля. После смерти Афанасия Ивановича дом старосветских помещиков был разграблен. Заколочены наспех двери... Через глазницы выбитых окон гуляет ветер, выветривая историю жизни двух любящих людей. Так заканчивается эта трогательная и одновременно философская история, которая учит нас ценить простые радости и принимать неизбежное с лёгкой иронией.

Виссарион Белинский в статье «О русской повести и о повестях Гоголя» (1835) писал так: «Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, а между тем принимаете такое участие в персонажах повести, смеётесь над ними, но без злости, и потом рыдаете...». И дальше с иронией отмечал: «О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сердит на него за то, что он и меня чуть не заставил плакать о них, которые только пили и ели и потом умерли!»

Матвей МАТФЕЕВ

Александр ИГНАШОВ

Кандидат филологических наук, драматург, театральный критик, руководитель секции современной драматургии Самарского регионального отделения Союза театральных деятелей России, г. Самара.

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС

Пьеса в двух частях

Действующие лица

Дуглас Макартур, командующий союзных войск в Японии, генерал армии США.

Уильям Уэбб, председатель трибунала, член трибунала от Австралийского Союза.

Джозеф Берри Кинан, главный обвинитель, помощник генерального прокурора США.

Иван Зарянов, член трибунала от СССР, генерал-майор юстиции.

Сергей Голунский, главный обвинитель от СССР, доктор юридических наук.

Лев Смирнов, помощник главного обвинителя от СССР.

Пётр Владимиров, сотрудник министерства иностранных дел СССР.

Мэй Жоуао, член трибунала от Китая.

Бенджамин Брюс Блэрни, адвокат, майор армии США.

Киосэ Итиро, адвокат, доктор права.

Пу И, свидетель, последний император Цин, император Маньчжоу-Го.

Мао Цзэдун, председатель Центрального Комитета коммунистической партии Китая.

Эдит Того, жена подсудимого Того Сигэнори.

Переводчица.

Рисовальщик.

Доктор.

Женщина.

Мальчик.

Ассистенты доктора.

Конвоиры американской военной полиции.

В 1946-1948 годах в Токио международному военному трибуналу для Дальнего Востока были преданы двадцать восемь военных преступников, входивших во время Второй мировой войны в состав правительства и командования вооружёнными силами Японии.

Токийский процесс длился вдвое дольше Нюрнбергского. Члены императорской семьи Японии и разработчики бактериологического оружия получили от США иммунитет от судебного преследования. До вынесения приговора двое обвиняемых умерли, один сошёл с ума. Семеро подсудимых были приговорены к смертной казни, шестнадцать – к пожизненному заключению, двое – к различным срокам тюремного заключения. В 1955 году все отбывавшие наказание подсудимые были помилованы и после освобождения вернулись к политической и общественной деятельности.

Стенограмма Токийского процесса содержит около пятидесяти тысяч страниц. Юридической стороне трибунала посвящён ряд научных статей. Немногочисленные мемуары участников процесса так или иначе субъективны и не свободны от фактических ошибок. Подготовленный издательством «Юридическая литература» в 1991 году многотомный сборник документов Токийского процесса так и не был издан в связи с распадом СССР.

Пьеса основана на стенограмме трибунала, воспоминаниях его участников, документах Государственного Архива РФ, Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива социально-политической истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. МЕРА НАКАЗАНИЯ

*Шум в зале заседаний трибунала. В центре, на трибуне, у микрофона – **Кинан**. Неподдалёку от него, положив бумаги на конторку, у микрофона стоит адвокат*

Блэгни. Уэбб берёт в руки молоток и трижды бьёт им.

Уэбб. Я прошу сохранять тишину! Адвокат Блэгни, продолжайте.

Блэгни. Любая война агрессивна. Любая война является актом государства. От имени защиты я заявляю, что учредившие Токийский трибунал союзные державы не имеют права обвинять подсудимых в преступлениях против мира. В международном праве не прописан принцип индивидуальной ответственности за преступления против мира.

Кинан. Господину адвокату известно, что принцип индивидуальной ответственности прописан в уставах международных военных трибуналов в Нюрнберге и здесь, в Токио.

Блэгни. Да, но...

Кинан. Что значит – но?

Блэгни. Господин главный обвинитель, вы не даёте мне сказать!

Кинан. Господин адвокат, вы вышли сюда, чтобы задать мне вопрос, но вместо этого выступаете с заявлением! И вы хотите, чтобы я не перебивал вас?

Блэгни. Существующие законодательные нормы нельзя применять к событиям, происходившим до принятия этих норм!

Шум в зале.

Уэбб. Адвокат Блэгни, военные преступления вы трактуете как события?

Блэгни. В армии любого государства выполнение приказов не обсуждается. Не может быть уголовной ответственности за выполнение приказов. Если в Нюрнберге в уставе трибунала было прописано равноправное участие стран в организации и проведении процесса, то здесь, в Токио, по уставу трибунала абсолютно всё зависит от командующего союзных войск в Японии, генерала Макартура.

Шум в зале.

Уэбб. Адвокат Блэгни, я не советую вам критиковать устав трибунала. Нюрнберг – это Нюрнберг, а Токио – это Токио! В ходе дипломатических переговоров Соединённые Штаты

Америки, Великобритания, Советский Союз, Китай, Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Нидерланды, Индия и Филиппины учредили международный военный трибунал для Дальнего Востока и предоставили командующему союзных войск в Японии, генералу Макартуру широкие права. Генерал Макартур утвердил устав трибунала, кандидатуры обвинителей, судей, адвокатов. Он имеет право изменить приговор, но не имеет права увеличить меру наказания. Всё это прописано в уставе трибунала, не так ли?

Блэгни. Да, но...

Кинан. Что значит – но? Майор Блэгни, вы...

Блэгни. Я выступаю здесь не как майор армии Соединённых Штатов, не как гражданин Америки. Я выступаю здесь как военный юрист и адвокат.

Шум в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Я прошу сохранять тишину! Адвокат Блэгни, если вы сказали всё что хотели, можете занять своё место.

Блэгни, забрав бумаги, отходит от микрофона.

Уэбб. Трибунал предоставляет слово адвокату Киосэ.

С папкой в руках Киосэ выходит к конторке.

Киосэ. Ваша честь, требование суда над японскими военными преступниками было заявлено Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами в декларациях Ялтинской и Потсдамской конференций. (*Открывает папку, достаёт из неё бумаги*).

Кинан. Трибунал знаком с текстами деклараций.

Киосэ. И всё же я процитирую. (*Читает.*) «Мы не стремимся к порабощению японцев как расы или уничтожению их как нации, однако должно быть осуществлено правосудие в отношении всех военных преступников». Подписав акт о капитуляции, правительство Японии не возражало, что будут судимы те, кто ответственен за войну. Но трибунал отвергает доводы

защиты о том, что некоторые подсудимые были взяты в плен, на них распространяется статус военнопленных и, значит, они неподсудны.

Кинан. Женевская конвенция о военнопленных не распространяется на военных преступников, совершивших преступления до их пленения.

Киосэ. Сторона защиты считает, что этим трибуналом победители стремятся отомстить японскому народу. Япония – бедная страна с населением больше восьмидесяти миллионов человек. США, Великобритания, Голландия препятствовали развитию экономики нашей страны. Япония была вынуждена начать Тихоокеанскую войну против США, Великобритании и Голландии. Зверства японской армии по отношению к народу Китая значительно преувеличены стороной обвинения. На Советский Союз Япония так и не напала, а военные конфликты у озера Хасан и у реки Халхин-Гол были в своё время урегулированы.

Кинан. Адвокат Киосэ! Япония оккупировала Французский Индокитай, Голландскую Индию. Япония захватила Бирму, Сиам, Гонконг, Филиппины. Вы называете это борьбой за существование? Я должен напомнить трибуналу, что доктор права, председатель Токийской ассоциации юристов, адвокат Киосэ во время Второй мировой войны активно работал в Ассоциации помощи трону. Защищая японских военных преступников, адвокат Киосэ разделяет их взгляды.

Киосэ. На скамье подсудимых не только военачальники, но и гражданские лица – члены правительства. Эти люди исполняли свой долг перед Японией!

Шум в зале.

Уэбб. Уважаемый адвокат Киосэ, люди, которые сидят на скамье подсудимых – военные преступники. У вас всё? Можете занять своё место.

Киосэ отходит от микрофона.

Уэбб. У нас двадцать восемь подсудимых. Их защищают семьдесят девять японских и двадцать пять американских

адвокатов. У каждого подсудимого – по два-три адвоката. Я убедительно прошу сторону защиты воздержаться от политических заявлений и заниматься делом. Обвинительный акт оглашён, в нём пятьдесят пять пунктов. Подсудимые обвиняются в ведении агрессивной войны с целью господства над остальным миром. Период обвинения охватывает 1928-1945 годы. Подсудимые заявили, что не признают себя виновными. *(Смотрит на часы.)* Полдень. Перерыв! *(Трижды бьёт молотком).*

2. У КАЖДОГО СВОЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

В коридоре трибунала – Зарянов и Голунский.

Зарянов. Не могу я терпеть такое безобразие! Говорят о быстрой работе трибунала, а сами, понимаешь, ровно в полдень перерыв на ланч объявляют, а в четыре часа рабочий день уже закончен. Уик-энды у этих американцев, праздники всякие. Суд должен быть скорый!

Голунский. Иван Михеевич, англосаксонская судебная процедура предусматривает...

Зарянов. Я их систему знаю! Система англосаксонская, а работает по-американски, по указаниям генерала Макартура... Ты, Сергей Александрович, профессор, академик, привык, понимаешь ли, к дипломатическим тонкостям. Я из мужиков, а вятские – они хватские. Я и землю пахал, и советскую власть устанавливал, и в нашем, советском трибунале со всякой мразью разбирался, троцкистов и бухаринцев судил. Я на фронте с сорок второго года!

Голунский. Здесь тоже фронт, только другой.

Зарянов. Вот скажи, когда Япония капитулировала, почему американцы спокойно смотрели, как в Токио горели архивы? А я тебе скажу, почему: это им на руку! Кого захотели, того под трибунал отдали, а кто им выгоден, тот неподсуден! Мог ты себе представить, что перед трибуналом напечатают список обвиняемых с предложением к ним же самим явиться в тюрьму?

Хочешь сбежать – пожалуйста! Хочешь покончить с собой – пожалуйста! Много я в своей жизни трибуналов видел, но такого... Везде подсудимые имеют право на последнее слово, только не здесь! Почему японский император не сидит на скамье подсудимых?

Голунский. Для японцев император сродни божеству.

Зарянов. И для американцев тоже?

Появляется Переводчица.

Переводчица (Зарянову). Товарищ генерал-майор, мистер Уэбб просит членов трибунала собраться в судейской комнате.

Зарянов. Любят порассуждать ни о чём! *(Переводчице.)* Ты им переводишь, а они сидят, ухмыляются! Вижу, не доходит до них! Не хотят, чтобы до них доходило!.. Английский судья Патрик, понимаешь ли, аристократ. Не докурит сигару, бросит её в окно и смотрит, как на улице японцы подбирают окурки. Смотрит и посмеивается! *(Голунскому.)* Сергей Александрович, как думаешь, разрешат нам господа американцы делать заявления на русском языке?

Голунский. Предстоит советская фаза обвинения, обязаны разрешить.

Переводчица. Все тексты заявлений и документы наши переводчики заранее перевели на английский и японский языки.

Зарянов. В день по сто страниц документов то с русского языка на английский переводят, то с английского на японский, то обратно на русский, – только успевай прочитать, вздуматься, ответ написать, на перевод отправить, по инстанции передать!.. Ты, Сергей Александрович, сколько языков знаешь, кроме русского?

Голунский. Свободно владею тремя.

Зарянов. А меня вот сейчас вечерами учат английскому. *(Переводчице.)* Бестолковый я ученик?

Переводчица. Иван Михеевич, вы хотите всего и сразу, так не бывает.

Зарянов. Пошёл я в судейскую комнату.

Зарянов уходит с Переводчицей и тут же возвращается к Голунскому.

Зарянов. Ты, Сергей Александрович, жёстче выступай. Согласно ленинско-сталинскому учению, война есть продолжение классовой борьбы.

Голунский. Здесь, Иван Михеевич, не до лозунгов.

Зарянов. А это, понимаешь, не лозунги. Ты хоть и на Ялтинской конференции был, и в Потсдаме, и с товарищем Сталиным работал, а позволяешь себе интеллигентские привычки. Думаешь, я не вижу? Я всех насквозь вижу. Мы с тобой в одной, понимаешь, упряжке.

3. ЕСЛИ ЭТО НЕ ВОЙНА...

Три удара молотка. Зал заседаний трибунала.

Уэбб. Трибунал предоставляет слово главному обвинителю, помощнику генерального прокурора Соединённых Штатов Америки, мистеру Джозефу Кинану.

В центр зала, к трибуне выходит Кинан.

Кинан. Все преступления совершаются людьми. Служебное положение никого не освобождает от ответственности. Впервые в истории вслед за Нюрнбергом здесь, в Токио, мы судим лидеров государства за военные нападения на другие государства. Адвокаты заявляют нам, что государственный аппарат ни в чём не виновен. Что касается правительства, в Японии в отличие от других министров, которых рекомендовал императору премьер-министр, военный министр и министр военно-морского флота выдвигались армией и флотом, а затем назначались императором. Эти два министра и начальник генерального штаба участвовали в формировании правительства. Император – фигура во многом декоративная. Парламент лишь одобрял решения военных. Ответственности правительства перед народом не было.

Шум в зале.

Уэбб (бьёт молотком). Я требую тишины! Мистер Кинан, продолжайте.

Кинан. Система обучения и воспитания была основана на

превосходстве японской расы. Один из подсудимых, военный министр Араки, не раз заявлял: «Япония создана божественной волей! Для Японии любая война имеет священное значение!»

Шум в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Я требую тишины!

Кинан. Представители защиты настаивают, что преступления, совершённые Японией в различное время против Китая, против Советского Союза, против стран Запада, не подпадают под юрисдикцию трибунала. Как главный обвинитель я считаю это мнение необоснованным.

Блэки (*выкрикивает*). Защита решительно протестует!

Уэбб. Трибунал отклоняет протест. (*Осматривает зал.*) Член трибунала от Китая Мэй Жоуао просит слово.

К конторке и микрофону выходит Мэй.

Мэй. Ваша честь, перед тем как задать вопрос мистеру Кинану, я вынужден обратить внимание на то, что в работе трибунала не участвуют представители многих бывших колоний и нейтральных стран. Мы рассматриваем военные преступления, совершённые в Азии и в регионе Тихого океана, но среди судей нет представителя такого независимого государства как Монгольская Народная Республика.

Уэбб. Независимость Монголии пока что признана только Советским Союзом.

Мэй. Филиппины получили ограниченную независимость в 1936 году, оставаясь под протекторатом США. Индия обрела независимость только что, однако, эти страны участвуют в работе трибунала. В составе трибунала нет судей из Кореи, Бирмы, Вьетнама и Индонезии. Эти государства стали независимыми к началу работы трибунала. Видимо, Соединённые Штаты не считают перечисленные мною страны пострадавшими от японского милитаризма.

Уэбб. Судья Мэй, насколько я понял, вы хотели задать вопрос главному обвинителю.

Мэй. Япония неоднократно воевала с Китаем, но ни

разу не объявляла войну. Это не освобождает Японию от ответственности, не так ли?

Кинан. Совершенно верно.

Мэй. По уставу трибунала доказательства представляет обвинитель от того государства, с которым воевала Япония. Но доказательства о военной агрессии Японии против Китая представит обвинитель от Соединённых Штатов.

Кинан. Как вы только что заметили, это прописано в уставе трибунала.

Уэбб. Судья Мэй считает, что это ущемляет права Китая. Но трибунал считает иначе.

Кинан. Как главный обвинитель я должен сказать, вопрос не в том, юридически признаёт Япония войну с Китаем или не признаёт. Начиная с сентября 1931 года, Япония вела в Китае действия, подобные войне.

Мэй. Япония вела войну, а не подобные действия! Седьмого июля 1937 года Япония начала войну на мосту Лугоу, убив за одну ночь сотни людей. Позже Япония послала в Китай своих солдат, которые убили миллионы людей. Если это не война, то, что тогда война?

Зал заседаний трибунала исчезает во тьме.

4. ДУХ И ТЕЛО

Из тьмы появляется Рисовальщик с альбомом и карандашами.

Рисовальщик. Они называли меня художником, живописцем, а я – рисовальщик. Расписываю шёлк для кимоно. Вернее сказать, расписывал. Когда началась война, заказов почти не стало. Я с трудом нашёл работу. Мне предложили рисовать пером. До этого я пером не рисовал, только кисточками на шёлке. Мне дали бумагу, дали фотографию человека, сказали нарисовать копию. Я нарисовал. Потом дали ещё одну фотографию. Я нарисовал. Они сказали, что я – художник, что у меня будет работа... Они заплатили мне, дали подписать бумагу, я подписал. Так я стал вольнонаёмным. Когда я волнуюсь, немного заикаюсь. Трудно

выговорить – воль-нно-нна-ём-ный... Я был вольнонаёмный в группе Иосимур. Зимой в Харбине такие морозы! Градусов минус сорок пять! Брёвна привозили ночами. Я смотрел из окна, как на улице брёвна окатывали водой, как они покрывались слоем льда. Потом брёвна вносили в нашу комнату, и я рисовал сначала побелевшие, потом покрасневшие, в волдырях, обмороженные руки и ноги. Брёвнами у нас называли китайцев. Или русских. Бревно – не человек. Потом бревну отрубали руки, ноги. И я снова рисовал. Мои рисунки были ярче любых фотографий. Отрубленные ноги напоминают плавники нерпы...

Из тьмы выходят Доктор и Ассистенты. Они в белых халатах и прорезиненных фартуках. На лицах – очки и маски из марли, на головах – белые шапочки, на руках – резиновые перчатки, на ногах – сапоги до колен. Ассистенты везут на хирургическом столе замеревшую от страха беременную женщину.

Доктор. Надо получать удовольствие от работы! *(Поправляет маску.)* Мастерство лучше оттачивать не на трупах. *(Ассистенты поправляют маски.)* Самое главное – что? *(Рисовальщику.)* Вы готовы? Что – самое главное?

Рисовальщик. Мастерство и вдохновение.

Доктор *(склоняется над Женщиной).* Ну, что, милая? *(Ассистентам.)* Она понимает по-японски? *(Женщине.)* Ещё немного, и мы начнём. *(Ассистентам.)* Когда без наркоза вскрываешь живого человека, он истекает кровью. Это очень живописно! *(Оглядывается на Рисовальщика.)* В какой манере сегодня будешь творить? Я бы предпочёл нечто в духе Рубенса! *(Женщине.)* Сейчас мы снимем сорочку, ляжем ровно, и дядя врач вот этим скальпелем нежно разрежет твой животик. Без наркоза и с вдохновением!.. *(Ассистентам.)* Чем человек отличается от трупа? Смотрим и запоминаем! *(Ассистенты обступают хирургический стол.)* Неуверенность быстро проходит: два-три вскрытия живых, и ты ничего не чувствуешь, работаешь спокойно, с удовольствием.

Дикий женский крик. Вспышка света. Тьма.

В луче света Рисовальщик занят своим делом.

Рисовальщик. Этому китайскому бревну двадцать четыре года. Женщина. Её мужа заразили сифилисом, потом вкололи ему что-то, и он её... Она беременна мальчиком. Доктор вынимает все органы из неё, из ребёнка. Брёвна не люди. Брёвна не чувствуют боли. Научный эксперимент... Я нарисовал не одну сотню брёвен. Может быть, тысячу, может, больше. Одних пытали голодом, других били током. А ещё газ. Бревно не выносливее голубя: оба погибают от одной и той же дозы газа, это доказано. А ещё бревно на семьдесят восемь процентов состоит из воды. Я рисовал такое бревно, из него выпарили всю воду, взвесили и убедились – да, семьдесят восемь процентов...

Из тьмы к Рисовальщику выходит Доктор.

Доктор. Люблю смотреть на закат! Чудесный парк! Небольшие холмики вдаль не сразу и заметишь... Нарисовал?

Рисовальщик передаёт Доктору рисунки, тот рассматривает их.

Доктор. Замечательно! Идеология укрепляет дух и тело.

Рисовальщик *(неуверенно).* Идеология... Укрепляет...

Доктор. Энергичней! Громче!

Рисовальщик. Идеология укрепляет дух и тело!

Доктор *(посмеиваясь, обнимает Рисовальщика).* Понимаешь, что это значит? Наука! Эксперимент! Двое живых в одном гробу с датчиками на руках и ногах. Даже в гробу коммунист и беспартийный будут жить и умирать по-разному. Мы доказали это! Частота дыхания, пульс, артериальное давление. Беспартийный умирает быстрее. *(Смотрит на рисунки.)* Отличная работа! *(Рисовальщику.)* Идеология укрепляет дух и тело! Не слышу!

Рисовальщик. Идеология укрепляет дух и тело.

Доктор. Энергичней! Громче!

Рисовальщик *(кричит).* Идеология укрепляет дух и тело!

Доктор. Даже под землёй!

Рисовальщик *(кричит).* Даже под землёй!

Доктор. Даже в гробу!

Рисовальщик *(кричит).* Даже в гробу!

5. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Кабинет Макартура. Макартур, Кинан и Уэбб.

Макартур (*в гневе ходит с письмом в руках*). Что это значит, Джозеф? А вы, мистер Уэбб, куда смотрели вы?

Уэбб. Мистер Макартур, я обязан ознакомить судей...

Макартур. С чем вы обязаны их ознакомить? С этим? Особое мнение судьи приобщается к приговору, не так ли? Сейчас это сочинение уважаемого китайского судьи не имеет никакой юридической силы.

Уэбб. Но с моральной точки зрения...

Макартур. С какой точки зрения?

Уэбб. Он считает, что трибунал должен рассмотреть как военное преступление деятельность отряда 731 во главе с генерал-лейтенантом Исиро Исии, секретного научного центра, созданного японцами после захвата Маньчжурии на юго-востоке Харбина.

Макартур. Сегодня уважаемый судья Мэй пишет об отряде 731, а завтра он потребует суда над Соединёнными Штатами из-за Хиросимы и Нагасаки!

Кинан. Поэтому, мистер Макартур, мы и пришли к вам, чтобы обсудить...

Макартур. Чтобы обсудить что? Он пишет... (*Просматривает лист, читает.*) «В своих лабораториях они изучали воздействие вирусов на организм человека, заражали подопытных чумой, холерой, пытались установить, как долго человек может прожить под электротоком, в кипятке, на морозе. Свои опыты они ставили на пленных русских, монголах, китайцах, на похищенных с улиц Харбина женщинах и детях. Каждый из них имел трёхзначный номер. Известны имена только нескольких человек: плотник У Дяньсин, слесарь Чжу Чжиминь, боец Красной армии Демченко, русская женщина Мария Иванова. Жертвами отряда 731 стали до десяти тысяч человек». (*Уэббу.*) С этим вы собираетесь знакомить судей?

Уэбб не отвечает.

Кинан. Господин генерал, советское обвинение настаивает на рассмотрении доказательств о подготовке Японии к бактериологической войне с Советским Союзом. Русские считают, что Соединённые Штаты скрывают от правосудия руководителей секретного японского отряда 731.

Макартур. Русским неизвестно, где находятся эти лица. И вы, и я можем под присягой заявить, что нам это неизвестно. (*Рвёт письмо на мелкие кусочки.*) А судья Мэй пусть перечитает устав трибунала и утверждённые пункты обвинения!

6. ПРИНЕСЕНИЕ ЖЕРТВЫ

Из тьмы появляются Доктор и Ассистенты, везущие пустой хирургический стол. Они в тех же белых халатах и прорезиненных фартуках, на лицах – очки и маски из марли.

Доктор (*одному из ассистентов*). Мы не какие-нибудь альтруисты, мы работаем во имя великой Японии! Иосимура изучает выносливость человека в условиях холода. Найто создаёт искусственную кровь... Будущее за бактериологической войной! Мы поставим на колени не только Азию! Мы поставим на колени весь мир!.. (*Другому ассистенту.*) При вскрытии живого ребёнка важна любая деталь. Вчера вы умудрились испугать ребёнка, и он умер от страха. Заметьте, я сознательно не называю его бревном. А почему? А потому, что сегодня один из вас приносит в жертву во имя науки своего сына. Это поступок, образец служения идее! (*Третьему ассистенту.*) Я благодарю вас! И предлагаю ассистировать мне при вскрытии вашего ребёнка! Мы вскрываем его живым. Он не должен испугаться до самого последнего мгновения.

В луче света виден идущий вдаль обнажённый Мальчик в белых трусиках.

7. ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ МИНУС ТРИ

Из тьмы выходит Кинан.

Кинан. Как бы между прочим вы говорите мне о том, что было в моей жизни, о чём знаю только я, другие об этом знать не могут. Вы предложили мне встретиться с вами, обсудить будущее. Чьё будущее? Ваше? Моё? Всего человечества?.. Если вы такой ясновидящий, зачем вам эта встреча?

Появляется Доктор в простеньком костюме.

Доктор. У каждого свои искушения, свои слабости. *(Достаёт из кармана пиджака коробочку.)* Я, например, люблю сладости. Не желаете?

Кинан. Леденцы? Нет, благодарю.

Доктор *(забрасывает в рот пару леденцов).* Напрасно. *(Наслаждается леденцами).*

Кинан. Я видел вас среди публики в зале трибунала. Раньше мы не встречались?.. Ближе к делу!

Доктор. Итак, у вас двадцать пять подсудимых.

Кинан. Двадцать восемь.

Доктор. Двадцать пять. Во время процесса двое умрут, один спятит. То, что для всех далёкое или не очень далёкое будущее, для таких, как я, реальность, я бы сказал, обыденность. Вам интересны фамилии тех двоих, которые уйдут на небо?

Кинан. Своей смертью?

Доктор *(усмехнувшись).* Бывший министр иностранных дел Мацуока Иосукэ. И бывший министр военно-морского флота Нагано Осами. Плюс Окава Сюмэй.

Кинан. Что значит – плюс?

Доктор. Он спятит, будет признан невменяемым. *(Встряхивая коробочку, прислушивается к ней.)* Любимый с детства звук! Любимый с детства вкус! *(Убирает коробочку в карман.)* Китай и русские планируют поднять вопрос о разработке бактериологического оружия, об отряде 731.

Кинан. Если вы ясновидящий, то знаете, эта тема ни при каких обстоятельствах не будет упомянута на трибунале. Японский опыт подготовки войны нового типа интересен Соединённым Штатам. Государственный департамент гарантировал

неприкосновенность отряду 731. Или уважаемый Исиро Исии сомневается в этих гарантиях? Вы ведь от него?

Доктор. В плену у русских два десятка наших учёных.

Кинан. Но основные разработчики здесь, в нашей оккупационной зоне.

Доктор. Информация, которой мы поделимся с Соединёнными Штатами, должна быть засекречена на уровне информации о ядерном оружии. Когда папаша Исии, – между собой мы называли его папашей, – когда он сообщил нам, что Япония капитулирует, сказал, что не бросит никого из нас, что наши разработки бесценны и, значит, бесценны все мы. Один из нас усмехнулся, и папаша Исии тут же пристрелил его... С некоторых пор начали погибать близкие мне люди. Знаете, почему? Он понял, что теряет над нами власть. Мы для него никто, даже сейчас, когда очень многое изменилось. *(Передаёт Кинану небольшой предмет.)* На этой микроплёнке часть той информации, которой располагаю только я. Думаю, это заинтересует генерала Макартура. Мы много знаем и много умеем. Мы хотим жить без оглядки на папашу Исии. С того момента, как я подошёл к вам в зале заседаний трибунала, ваши люди сопровождают меня повсюду. Что ж, я не против. Так и не вспомнили, где мы виделись?

8. ГОРСТКА ПЕПЛА

В луче света, на полу, на циновке сидит Рисовальщик. У него в руках блокнот и карандаш. Рядом с ним возникают видения Женщины и Мальчика. Обнимая внушительных размеров тёмную колбу с нерождённым ребёнком, Женщина раскачивается из стороны в сторону. Мальчик пересыпает песок из одной пробирки в другую. Неподдалёку от них над хирургическим столом склонились Ассистенты.

Женщина. И солнце, и луна...

Рисовальщик. Я был уверен, что ничего не чувствую...

Женщина. И солнце, и луна, но не сегодня...

Рисовальщик *(Мальчику).* Когда тебя, живого, там, на столе протёрли спиртом... Потом отец твой взял скальпель и тебя

разрезал.

Женщина. Зерно сварилось, в кашу превратилось...

Улыбаясь, Мальчик смотрит сквозь пустую пробирку, как смотрят через цветное стекло на солнце.

Рисовальщик. Ты не сразу умер. Я помню, как ты дышал, как перестал дышать.

Женщина. Луна холодная, а солнце обжигает...

Рисовальщик. Ты умер молча. Они тебя раскрыли, как потрошат большую рыбу.

Женщина. Луна холодная...

Рисовальщик. Привычными движениями рук достали желудок, печень...

Женщина. Солнце обжигает...

Рисовальщик. И сердце. Оно тихонько и недолго билось...

Женщина. Луна и солнце ярко светят...

Рисовальщик. Твой желудок, печень, сердце разложили по стеклянным банкам... Как жить и помнить это? Зачем вы оба ко мне приходите оттуда?

У накрытого окровавленной простыней хирургического стола появляется Доктор. Ассистенты демонстрируют ему стеклянные банки с человеческими органами.

Доктор. Отличная работа! Что в нашем деле главное? Мастерство и вдохновение! (*Рисовальщику.*) Нарисовал? Ты что, оглох? (*Походит к нему, рассматривает блокнот.*) Белый лист?

Рисовальщик. Я не могу.

Доктор. Не можешь рисовать или не хочешь?.. Сегодня ты увидишь, как сжигают труп, как достают из печки пепел. Потом ты принесёшь мне этот пепел. (*Мальчик передаёт Рисовальщику пробирку с песком.*) А завтра ты мёртвым позавидуешь!

Доктор и Ассистенты уходят во тьму.

Женщина (*встаёт, поглаживая колбу*). За шагом – шаг, за горизонтом – горизонт...

Мальчик, улыбаясь, смотрит сквозь пустую пробирку на солнце.

Женщина (*Рисовальщику*). Ты умереть не пробовал?

Рисовальщик, высыпав из пробирки себе на ладонь горстку песка, сдувает её.

Видения Женщины и Мальчика исчезают.

Рисовальщик (*самому себе*). Что – завтра? Что будет завтра?

9. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ОБВИНЯЕТ

Голунский, Зарянов и Переводчица.

Зарянов. Я тебе, Сергей Александрович, откровенно скажу: что-то ты в последние дни выглядишь не очень, а тебе с речью выступать.

Голунский. У меня уже лет двадцать проблема с лёгкими, время от времени прихватывает.

Зарянов. Лечиться надо, дорогой мой человек. Тебе климат японский как?

Голунский. Здесь, конечно, не Ялта.

Зарянов. Прочитал я текст твоей речи: всё по делу, обстоятельно, факты есть факты. Опять же всё с Москвой согласовано. (*Переводчице.*) Как там у нас с переводом?

Переводчица. Товарищ генерал-майор, текст выступления Сергея Александровича переведён на английский и на японский.

Зарянов (*Голунскому*). Будешь вычитывать или передаём в секретариат?

Голунский. Английский перевод я бы прочитал.

Переводчица. Только, пожалуйста, если будете вносить правку, что-то дописывать...

Зарянов. Это он любит! Профессор есть профессор!.. Эх, будь моя воля, я бы, не выбирая выражений, дал им понять! Это ж сколько можно терпеть! Запретили нам допрашивать подсудимых, которые сдались в плен американцам! Заявляют, что нас не должны интересовать преступления японцев в Китае! В совещательной комнате с ухмылочками напоминают мне, что я, советский судья, всего лишь один из одиннадцати!

Переводчица. Вы же понимаете, Иван Михеевич, не всё у них складывается, вот они и оскорбляют вас. Полтора года после взятия Берлина прошло, а наши бывшие союзники...

Зарянов. Бывшие союзники, бывшие! Рассуждают о спасении мира от фашизма, а сами цитируют фултонскую речь мистера Черчилля о борьбе с советской тиранией!

Перемена освещения. Три удара молотка. Зал заседаний трибунала.

Уэбб. Слово имеет главный обвинитель от Советского Союза. Трибунал слушает вас.

Голунский выходит в центр зала, к трибуне.

Голунский. Советский Союз обвиняет людей, которые сидят на скамье подсудимых, в совершении ряда преступлений в период между 1928 и 1945 годами. Нападение Японии на Пёрл-Харбор в 1941 году в точности воспроизводит схему нападения на Порт-Артур в 1904 году. Это – не совпадение, это – метод, это – японская военная доктрина. Ещё в 1925 году СССР и Япония подписали конвенцию о принципах мирных взаимоотношений, которую Япония не соблюдала. Мы представим доказательства, что начиная с 1928 года, генеральный штаб Японии планировал войну против Советского Союза. Когда образовалась Монгольская Народная Республика, Япония планировала её захват для дальнейшего удара по СССР. Захват Маньчжурии в 1931 году стал ещё одним шагом в этом направлении. Япония не объявляла войну Советскому Союзу. То, что происходило близ озера Хасан и на реке Халхин-Гол адвокаты называют пограничными инцидентами. Количество погибших известно. Известно, как японцы издевались над убитыми советскими солдатами и офицерами, выкалывали им глаза, вырезали на их спинах звёзды... Поняв, что в будущей войне своими силами с Советским Союзом не справиться, Япония искала союзников и нашла фашистскую Германию. Заключая с Советским Союзом пакт о нейтралитете, правительство Японии не собиралось соблюдать его. Фанатичная, слепая вера правителей Японии в величие и избранность японской расы привела к тому, что Япония одновременно воевала с Китаем, Соединёнными Штатами, Великобританией и готовилась к нападению на Советский Союз. На заседании Тайного совета в октябре 1942 года было

заявлено, что в состав великой Восточной Азии будет включено всё, что Япония сможет проглотить. Мы представили трибуналу документальные доказательства того, что вся территория Советского Союза к западу от Омска должна была отойти к Германии, а к востоку от Омска – к Японии. Не объявляя Советскому Союзу войну, Япония топила советские корабли на Дальнем Востоке. В Маньчжурии для нападения на Советский Союз была сосредоточена японская военная группировка численностью в один миллион сто тысяч человек. После удара Красной армии по японским войскам в Маньчжурии, японские власти поняли: они проиграют войну. Так и произошло. Здесь, на суде, обвиняемые все как один заявили, что не считают себя виновными ни в чём. Советское обвинение предоставило трибуналу доказательства об агрессии Японии против СССР: сто семьдесят четыре документа, в том числе двадцать четыре письменных свидетельских показания.

Уэбб. Против ваших доказательств адвокаты выдвинули сто одиннадцать возражений.

Голунский. Мы готовим ответы на эти возражения и вскоре передадим их трибуналу.

Уэбб. Слово для заявления предоставляется представителю защиты.

В центр зала, к конторке выходит адвокат Блэгни.

Блэгни. И главный обвинитель, и двадцать пять адвокатов на этом трибунале носят форму армии США, мы служим нашим демократическим ценностям и правосудию. Любой суд – это состязание обвинения и защиты. Планировать военные действия, руководить ими – не значит совершать убийство. Есть войны агрессивные, есть освободительные. Одну и ту же войну можно оценивать по-разному. Для нас, американцев, налёт японской авиации на Пёрл-Харбор – это массовое убийство, для японцев массовое убийство – атомные бомбы, сброшенные с американских самолётов на Хиросиму и Нагасаки. Обвинительное заключение в отношении подсудимых должно

быть отклонено.

Шум в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Тишина! Я требую тишины!.. Адвокат Блэгни, у вас всё?

Блэгни. Ваша честь, защита заявила ряд ходатайств, требуя от советского обвинения уточнить, какие именно преступные факты приписываются каждому из обвиняемых.

Уэбб. Трибунал отклонил эти ходатайства как неосновательные, и вам об этом известно. У вас всё? Можете занять своё место.

Адвокат Блэгни уходит.

Голунский. Советское обвинение просит трибунал вызвать для допроса в качестве свидетеля императора династии Цин Пу И.

Кинан. Кого, простите?

Голунский. Последнего императора династии Цин Пу И.

Кинан. Насколько нам известно, он находится на территории Советского Союза, в одном из лагерей для военнопленных.

Голунский. Он доставлен в Токио.

Шум изумления в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Я требую тишины! (*Кинану.*) Главный обвинитель не возражает против допроса свидетеля?

Кинан. Я бы хотел лично провести этот допрос.

Уэбб. Трибунал поддерживает просьбу советского обвинения о допросе свидетеля Пу И. (*Смотрит на часы.*) Полдень. Перерыв! (*Трижды бьёт молотком*).

10. БРИТАНСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Кабинет Макатура. Макатур, Кинан и Уэбб.

Макатур. Джозеф, сделайте, наконец, что-нибудь со своим лицом. Вы словно младенец удивились домашней заготовке русских.

Кинан. Привезти в Токио императора Пу И – это, знаете ли!..

Макатур. Да, русские пошли с козырей!

Уэбб. Мистер Макатур, может, мы обсудим это за обедом?

Макартур. Мистер Уэбб, вы успеете пообедать. Русские перехватывают у нас инициативу. Они хотят доказать, что китайский император был японской марионеткой. Ваша задача, мистер Кинан, так провести допрос, чтобы эта шахматная партия закончилась вничью. Мистер Уэбб, как председатель трибунала вы излишне демократичны и на заседаниях, и на совещаниях в судейской комнате. Советский и китайский судьи должны находиться в жёсткой изоляции. Игнорируйте их мнения, ставьте их на место. Советский судья не знает английского языка. Так завалите его переводчика бумагами! Составьте эти бумаги так, чтобы сам господь бог в них не разобрался! наших британских коллег не устраивает, что трибунал идёт под контролем Соединённых Штатов. У нас за спиной они пытаются создать свою коалицию. Вы заметили, как начали себя вести судьи из Канады, Голландии, Новой Зеландии?

Уэбб. Мне казалось, новозеландский судья постоянно дремлет в своём кресле.

Макартур. Вам казалось?.. Британцы обсуждают возможность замены председателя трибунала! Разумеется, я не допущу этого, но публичный скандал возможен.

Уэбб. Лучше бы я пообедал до этого разговора.

Макартур. В ближайшее время член трибунала от Соединённых Штатов Хиггинс выйдет в отставку. Надеюсь, замена судьи сыграет свою роль. Мистер Кинан, вы будете отозваны в Вашингтон для консультаций. А вам, мистер Уэбб, я очень советую не забывать о том, зачем я назначил вас председателем трибунала. Я вас больше не задерживаю, господа.

11. СМЕЛОГО ШТЫК НЕ БЕРЁТ!

Голунский, Зарянов и Переводчица.

Зарянов. Мы, конечно, прижали японцев к стенке, вызвав для допроса императора Пу И! Видишь, как они замерли! Да и господа американцы побледнели.

Голунский. И всё же есть ряд вопросов. Трибунал вызывает в

Токио для допросов пятнадцать свидетелей, находящихся в плену на советской территории.

Зарянов. Я уже напомнил председателю трибунала, что по уставу показания свидетелей рассматриваются в письменном виде, в зале суда допрашиваются только японцы, американцы или англичане, или те, кто говорит на английском. Мы же читаем показания их свидетелей с утра до ночи, пусть и они почитают показания наших свидетелей. *(Переводчице.)* Все стенограммы допросов свидетелей переведены на японский и английский?

Переводчица. Все переведены, нотариально заверены, переданы судьям и адвокатам. Но, товарищ генерал-майор, эти документы не вызывают доверия у наших оппонентов.

Зарянов. Мы не оппоненты, мы – противники! У нас здесь один союзник – Китай. Все остальные – враги. А если враг не сдаётся, то с ним, как говорил товарищ Сталин, что делают?

Переводчица. Если враг не сдаётся, его уничтожают.

Голунский. Товарищ Сталин об этом не говорил. Об этом Максим Горький писал в одной из статей ещё в тридцатом году.

Зарянов. Всё-то ты, Сергей Александрович, знаешь, всё помнишь!.. Ты же понимаешь, почему трибунал настаивает на допросе именно этих пятнадцати свидетелей! Каждого из них здесь постараются психологически сломать, получить совсем другие показания.

Голунский *(говорит, всё больше задыхаясь)*. Мы должны документально подтвердить, что японцы, захватив часть монгольской территории, первыми атаковали советских пограничников в районе Халхин-Гола... Считаю необходимым просить Главное управление пограничных войск разыскать для участия в работе трибунала советских офицеров, участников боевых действиях на озере Хасан и Халхин-Голе. *(Дышит с трудом.)* Кроме того нам необходимы как минимум ещё два переводчика с японского языка.

Переводчица. Сергей Александрович, вы у врача были?

Зарянов. Не был он ни у кого врача, он сам себе врач. *(Голунскому.)* Ты учти, я сообщил в Москву о твоём состоянии

здоровья.

Голунский. Лет сто назад один поэт написал:

«У каждого из нас своё предназначенье,
кто любит поучать, кто слушать наставленья.
Но большинство людей предпочитает тьму,
для многих слепота спокойнее прозренья».

Переводчица. Как образно и верно сказано!

Зарянов. Не понимаю я эту поэзию. Другое дело – песни! Осенью сорок первого, когда немцы к Москве рвались, помню, услышал по радио... *(Напевает.)* «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт!..» Вот такие дела. Ничего, товарищи, прорвёмся! Наше дело правое!

12. ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ЦИН.

Три удара молотка. В центре зала заседаний трибунала, на трибуне – Пу И. По обе стороны от него – конвоиры.

Уэбб. Свидетель, вы будете допрошены главным обвинителем, а затем стороной защиты. Мистер Кинан, вы можете приступить к допросу.

В центр зала, к конторке подходит Кинан.

Кинан. Свидетель, назовите себя. Где и когда вы родились?

Пу И. Пу И, последний император Цин. Я родился седьмого февраля 1906 года, в Пекине. Мне сорок лет.

Кинан. Сколько вам было лет, когда вас возвели на трон?

Пу И. Мне было два года.

Кинан. В связи с революцией 1911 года вы были низложены, но сохранили титул?

Пу И. Я жил в своём дворце, в Пекине.

Кинан. Когда вас снова провозгласили царствующим императором?

Пу И. Когда власть в Пекине захватил Чжан Сюнь, я стал императором на две недели. Потом власть сменилась. Мне было восемнадцать лет. Мне позволили остаться в Пекине.

Кинан. Что представляла собой созданная Японией Маньчжоу-

Го?

Пу И. Империя. Я стал императором Маньчжоу-Го.

Кинан. Империя на оккупированной Японией части Монголии и северо-китайских провинций? Вы согласны с тем, что Япония использовала вас в своих целях в Маньчжурии, которая была переименована в Маньчжоу-Го?

Пу И. Я многого не знал.

Кинан. Вы участвовали в репрессиях по отношению к народу Китая?

Пу И. Я многого не знал. Я – жертва.

Кинан. Вы знали об агрессивных действиях Советского Союза против Маньчжурии?

Голунский. Советское обвинение выражает протест!

Уэбб. Трибунал отклоняет протест. Свидетель, вы не ответили на вопрос.

Кинан. Агрессивные действия Советского Союза против Маньчжурии были?

Пу И. У Халхин-Гола Япония напала на Монголию. Советский Союз – союзник Монголии. Он нанёс поражение японской армии. Япония часто провоцировала русских.

Кинан. Как император вы жили на японские средства? Вам платили регулярно?

Пу И. Я – император Маньчжоу-Го. Мне платили неаккуратно.

Кинан. Иными словами, вы подчинялись давлению со стороны Японии? Вы не ответили на вопрос.

Пу И. Я уже ответил. Я – жертва.

Уэбб. Здесь мы будем решать, ответили вы или не ответили. Продолжайте допрос.

Кинан. Как умерла ваша жена? Я вынужден повторить вопрос. Как умерла ваша жена?

Пу И. Ей было двадцать три года...

Кинан. Как умерла ваша жена? Её отравил японский доктор?

Пу И. Я любил Тань Юйлин... Она заболела. Её лечил наш доктор... Потом приехал другой доктор, японец. Тань Юйлин всегда не доверяла японцам. Когда приехал этот доктор... *(Не*

может сдерживать слёзы.) Ночью ей стало плохо, а утром...

Кинан. Утром она умерла. Что было потом? Вам понятен вопрос?.. Через месяц генерал Иосиока дал вам альбом с фотографиями девушек и предложил выбрать одну из них в жёны. Вы могли отказаться?

Пу И. Я сказал: «Если хотите, я могу жениться, но только на девушке, которую буду любить».

Кинан. И вы женились?

Пу И. Да.

Кинан. В 1940 году японский император Хирохито подарил вам меч и зеркало. Этот подарок имел символическое значение? О чём вы должны были помнить, глядя в зеркало?

Пу И. Я должен был помнить про императора Японии, помнить про его меч.

Кинан. Это был знак унижения?

Уэбб. Трибунал снимает этот вопрос как некорректный.

Кинан. Вы были императором одиннадцать лет. Вас заставили отречься от престола?

Пу И. Да. Когда Советский Союз вступил в войну с Японией, меня заставили отправиться в Токио, но я попал в советский плен.

Кинан. У обвинения больше нет вопросов к свидетелю.

Кинан уходит на своё место.

Уэбб. Защита может принять участие в допросе. Адвокат Блэгни, пожалуйста.

К конторке с бумагами в руках выходит Блэгни.

Блэгни *(посматривая в бумаги).* Свидетель, вы сдались в плен советским войскам. Перед тем как вас отправить сюда, русские оказывали на вас давление?

Голунский. Ваша честь, советское обвинение выражает протест!

Уэбб. Трибунал отклоняет протест. Продолжайте допрос свидетеля.

Блэгни. Свидетель, мне повторить вопрос?

Пу И. Нет, русские не оказывали на меня давление.

Блэгни. Когда вы были императором, кто издавал законы в

Маньчжоу-Го? Как часто заседал законодательный Юань? Вы поняли вопрос?

Пу И. Я не помню ни одного заседания. Их не было. Я не знаю, кто принимал законы.

Блэкни. Знаете ли вы, что в Китае вас намерены судить за сотрудничество с японцами?

Уэбб. Трибунал снимает этот вопрос. Угрозы свидетелю недопустимы.

Блэкни. Последний вопрос. Вы хотели бы вернуться в Китай?

Пу И. Император Японии говорил, что Япония и Китай должны жить и умереть вместе.

Блэкни. Я спрашивал вас не об этом.

Пу И. Я говорю правду.

Блэкни. Вы говорите правду?

Уэбб. Адвокат Блэкни, последний вопрос уже был.

Пу И. Япония сначала захватила Маньчжурию, потом хотела захватить весь Китай, потом Советский Союз, потом всю Азию и весь мир.

Блэкни. Свидетель явно находится под воздействием советской пропаганды.

Уэбб. Адвокат Блэкни! Допрос закончен.

Блэкни отходит от микрофона.

Пу И. Я говорю правду.

Уэбб. Допрос свидетеля закончен.

Учтиво поклонившись, Пу И уходит в сопровождении конвоиров.

Уэбб. Слово предоставляется советскому обвинению.

К микрофону подходит Голунский.

Голунский. Ваша честь, советское обвинение предоставило трибуналу документы о деятельности императора Маньчжоу-Го и о подготовке Японии к войне с Советским Союзом. Маньчжурия называлась в этих документах линией наступления. Создав на северо-западе Китая марионеточное государство Маньчжоу-Го, Японии планировала захват советского Дальнего Востока, начиная с Приморья, Сахалина и Камчатки. На

японских картах территория от Владивостока до Байкала была обозначена как Сибирь-Го. Летом 1942 года в Маньчжурии для поддержки Квантунской армии началась мобилизация бывших белогвардейцев-семёновцев. Нападение Японии на советскую Сибирь и Дальний Восток должно было произойти, как только фашисты возьмут Сталинград. Военный министр Садао Араки заявлял, что Япония не потерпит дальнейшего существования русского города под названием Владивосток. Я цитирую: «Необходимо освободить Сибирь и Дальний Восток от русских пришельцев!» Так и не дождавшись победы гитлеровцев под Сталинградом, Япония увязла в войне с Китаем, в войне с Соединёнными Штатами и Великобританией. Для покорения Китая Япония использовала не только императора Маньчжоу-Го, не только армию. Япония ввозила в Китай наркотики и поощряла разведение мака китайскими крестьянами, освобождая их от налогов. В Маньчжоу-Го по закону, – только вдумайтесь в это! – по закону каждый мужчина, каждая женщина должны были тратить определённую сумму из своего заработка на опиум. Курение опиума было обязательным! Опиумная война была экономически выгодна Японии, она подрывала волю китайского народа к сопротивлению.

Киосэ (выкрикивает). Защита выражает протест! Опиум – это не столько наркотик, сколько медицинское средство!

Уэбб. Вы в этом уверены? Трибунал отклоняет протест защиты.

Киосэ. Защита решительно протестует! По уставу трибунала советское обвинение не имеет права выступать с доказательствами о военной агрессии Японии против Китая!

Уэбб. Протест принимается. С этими доказательствами выступит представитель обвинения от Соединённых Штатов Америки, если у него будут такие доказательства. *(Смотрит на часы.)* Однако самое время сделать перерыв! *(Трижды бьёт молотком.)*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

13. ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ

В луче света – Голунский.

Голунский (*тяжело дыша*). Товарищ генеральный прокурор! Прошу вас отозвать с Нюрнбергского процесса помощника главного советского обвинителя, товарища Смирнова Льва Николаевича и назначить его в Токио... Считаю необходимым, чтобы следственная группа во главе с генералом Долгих продолжила работу в Хабаровске, где содержится в плену более тысячи японских военных, из них сто семьдесят генералов... Необходимо склонить японских военачальников к добровольной даче показаний в Токио... Прошу вас довести эту информацию до товарища Сталина.

Голунский уходит, луч света гаснет.

На Спасской башне московского кремля бьют куранты. В солнечном свете появляется Владимир, Голунский проходит мимо него.

Владимиров. Сергей Александрович! (*Голунский останавливается.*) Здравствуйте. Не узнаете? Пётр Владимиров. Я к вам, в Академию наук приезжал, когда в институте востоковедения учился. Вы меня по международному праву консультировали.

Голунский. Да-да, припоминаю. Лет десять прошло, если не больше.

Владимиров. Я уже год в наркомате иностранных дел. А до этого, с тридцать восьмого года, был в Китае, работал с ЦК компартии Китая по линии Коминтерна.

Голунский. Вы тот самый Владимиров? Мне китайские товарищи рассказывали про вас, про Особый район Китая, про товарища Мао.

Владимиров. Про то, как я вас цитировал, не рассказывали? У меня с собой был ваш учебник по теории государства... Я читал в газете «Правда» о вашем выступлении в Токио, на трибунале. Думал, вы и сейчас там.

Голунский. А я здесь, отозван в Москву. Закончилась моя командировка. В Токио процесс идёт уже без меня, сложно идёт.

Владимиров. Знаете, товарищ Мао говорил: «Не поднимешься в

горы, не узнаешь неба».

14. ЗАРЯ НАД КИТАЕМ

Утренний туман висит над долиной и скалами, обелённым инеем кустарником. Мао Цзэдун и Владимиров неспешно идут по тропе. Мао по-народному основателен, сутуловат, одет в поношенное даньши, на ногах у него – верёвочные тапочки.

Мао Цзэдун. У нас нет утра в привычном европейском понимании, день накатывается стремительно. Вечера в горах быстрые, ночи холодные, тёмные. А летом, днём, кажется, белое раскалённое солнце так близко, что можно дотронуться до него!

Владимиров. Утром шёл снег, крупный, мягкий, порхал, как порхают бабочки.

Мао Цзэдун. Когда я родился, тоже шёл снег. Однажды я спросил у матери, почему она и отец дали мне такое имя. Знаете, что она ответила? Сказала, что смотрела на меня, смотрела на снег, на зарю на востоке и словно услышала откуда-то – Цзэдун!.. Мао означает – прекрасный. Цзэ – благодеяние. Дун – это Восток. Когда малограмотные крестьяне называют сына прекрасным благодеянием Востока – это вызов судьбе! А что такое – судьба? Только ли предопределённость? (*Зябко сутулится.*) Вам не холодно?

Владимиров. Я тоже из крестьян. В двадцать первом году батрачил я на одного мироеда, жил в сарае, зарююсь в сено и сплю. Зимы в Сибири лютые!

Мао Цзэдун. Что вы думаете о советско-германском фронте? Скоро победа?

Владимиров. Январь, февраль, март... Скоро, ещё совсем немного...

Мао Цзэдун. У вас были проблемы с радиосвязью с Москвой?

Владимиров. Были. Сейчас всё в порядке.

Мао Цзэдун. Странные люди эти американцы! Свято уверены, что только от них зависит, каким станет мир! Личный представитель их президента встречался со мной. Сказал, что я в чём-то похож на Авраама Линкольна. Спросил, всегда ли я хожу

в такой одежде. Спросил, правда ли, что я живу в горах, правда ли, что люблю обычные лепёшки. Я ответил, что идёт война, я живу так, как живёт мой народ. Он пытался торговаться со мной. Заявил, что моя неуступчивость дорого обойдётся Китаю.

Владимиров. И что вы ему ответили?

Мао Цзэдун. Я ответил, что, если Америке плевать на весь мир, значит, миру плевать на Америку! Я ответил, что рано или поздно они это поймут. А ещё я сказал, что мы уже много лет воюем с Японией. Наша огромная страна стала добычей японцев из-за отсутствия единства. Не все разделяют наши политические взгляды, но будут разделять, я в этом уверен. Я сказал ему, что мы объединим народ Китая, что ещё немного, и мы создадим Китайскую Народную Республику. Мы не хотим воевать. Но так же, как русские, мы, если воюем, то воюем до конца.

Владимиров. В европейских и американских газетах всё больше статей о том, что судить надо одного Гитлера, что все остальные ни в чём не виноваты.

Мао Цзэдун. Нет, судить надо всех и в Европе, и на Востоке! Народ Китая отдал за свою свободу больше тридцати миллионов жизней. Что знают об этом американцы? Что знают об этом европейцы? Придают ли они этому хоть какое-то значение? *(Смотрит вдаль.)* В мире дуют два ветра: либо ветер с востока довлеет над ветром с запада, либо ветер с запада довлеет над ветром с востока. Скоро ветер с востока наберёт силу!

Пауза.

Мао Цзэдун. Мой отец был конфуцианец, мать – буддистка. Он читал и писал с трудом. Она не умела читать. В детстве, рядом с матерью я бил поклоны перед статуей Будды. Не в моём характере надеяться на кого-то, даже на бога... В тринадцать лет я бросил школу, работал в поле, помогал отцу. Через год отец женил меня. Она была старше меня на шесть лет. Такая жизнь была не по мне! Я сбежал из дома, брал уроки у безработного юриста, читал книги, в семнадцать лет снова поступил в школу. Читая книги, заразился идеями социализма и китайской

философией. Я всю жизнь воспитываю в себе силу воли и силу духа. Во время террора меня схватили, отправили на расстрел, но мне удалось сбежать. В тридцатом году моя жена, сестра, жёны моих братьев, сын были арестованы, жену и младшую сестру казнили... Помните притчу о старике с северных гор? Горы обступили его дом со всех сторон. Вместе со своими сыновьями старик решил скрыть эти горы мотыгами. Он, его дети, а за ними и внуки изо дня в день делали своё дело, и горы отступили... *(Вынимает из-за пазухи записку.)* У ЦК компартии Китая своя радиостанция, свои коды для связи с Москвой, но эту телеграмму я хочу отправить через вас. *(Передаёт записку Владимирову.)* Как вы оцениваете влияние компартии Китая на ситуацию в стране?

Владимиров. Раньше влиятельнее был Гоминьдан, сейчас гораздо активнее компартия.

Мао Цзэдун. Москва – наш единственный надёжный союзник. Любовь к родине, работоспособность, самопожертвование объединяют наши народы... Смотрите, какая заря!

Владимиров. Ещё немного – и весна! Ещё немного – и победа!

Оба смотрят на зарю.

Мао Цзэдун. Когда-то я писал стихи:

«В день осенний, холодный
я стою над рекой многоводной,
над текущим на север Сянцзяном.
Вижу горы и рощи в наряде багряном,
изумрудные воды прозрачной реки,
по которой рыбацьи снуют челноки.
Вижу – сокол взмывает стрелой к небосводу,
рыба в мелкой воде промелькнула как тень –
все стремятся достигнуть свободы
в этот ясный, подёрнутый инеем день.
Увидав многоцветный простор пред собою,
что теряется где-то во мгле,
задаёшься вопросом – кто правит судьбою
всех живых на бескрайней земле?..»

Утренний туман покрывает Мао Цзэдуна, Владимирову, нависшие над долиной скалы.

15. ВЫСШАЯ МЕРА

В луче света – Голунский.

Голунский (*с болезненной сбивчивостью дыхания*). Товарищ генеральный прокурор!.. Работа над проектом постановления президиума Верховного Совета об отмене в Советском Союзе смертной казни, на мой взгляд, должна идти не только в контексте ситуации, сложившейся в нашей стране, но и с учётом международной обстановки... Как гражданин и как юрист я считаю необходимым оставить высшую меру наказания за измену родине, за военные преступления... Если мы отменим смертную казнь для военных преступников, советское обвинение не сможет ставить вопрос о высшей мере наказания для подсудимых на международных судебных процессах, в том числе в Токио, на военном трибунале для Дальнего Востока... Товарищ генеральный прокурор, прошу вас обратить на это внимание.

16. СВОЕЙ ЗЕМЛИ МЫ НИКОМУ НИКОГДА НЕ ОТДАДИМ

Три удара молотка. В центре зала заседаний трибунала, у микрофона – Смирнов.

Уэбб. Трибунал предоставляет слово помощнику главного обвинителя от Советского Союза.

Смирнов. Ваша честь, сторона защиты пытается доказать, что поскольку Япония не объявляла войну Советскому Союзу, то она и не планировала эту войну. Но совершенно о другом сказано в оперативных планах японского военного командования, а также в показаниях свидетелей и подсудимых. Военный министр, генерал Тодзио Хидеки здесь, в зале трибунала, во время допроса подтвердил, что основной задачей Квантунской армии была подготовка к нападению на Советский Союз. Ещё в 1936 году в Квантунской армии из бывших белоэмигрантов была сформирована специальная воинская часть, для диверсий на советской территории её личный состав передевали в форму

красноармейцев. Новым японским оружием должны были стать внезапные смертельные эпидемии. Для будущей войны с СССР была изобретена небольшая керамическая бомба. Поражающим эффектом этой бомбы были заражённые чумой блохи. Разработанный в секретной японской лаборатории штамм чумы был в десятки раз сильнее, чем ранее существовавшие штаммы. Судя по отчётам японских военных, первые экспериментальные бомбардировки китайской территории имели успех: в китайском уезде Нуньянь и неподалёку от Харбина началось несколько эпидемий.

Уэбб. Я вынужден напомнить вам, что доказательства о военной агрессии Японии против Китая представит обвинитель от Соединённых Штатов.

Смирнов. Мы предоставили трибуналу документы, из которых видно, что Япония планировала использовать новые виды оружия массового поражения в войне с Советским Союзом. Во время боевых действий у реки Халхин-Гол два офицера из японского отряда смертников кровью подписались под приказом о применении бактериологического оружия против Красной армии.

Киосэ (*вскакивает со своего места*). Защита выражает протест! Приказ и выполнение приказа – это не одно и то же!

Уэбб. Протест принимается.

Смирнов. Я процитирую протокол допроса генерала Тодзио Хидеки. (*Читает.*) «Квантунская армия была частью сил, направленных против Советского Союза. Согласно утверждённому в 1937 году оперативному плану основной удар мы должны были нанести на Ворошилов и Владивосток, а ударом на Благовещенск – перерезать сибирскую железную дорогу».

Киосэ (*вновь вскакивает*). Защита выражает протест! Это был план превентивного удара по советскому Дальнему Востоку. Русские создавали из своих городов крепости. Они могли напасть на Японию!

Уэбб. Адвокат Киосэ, без разрешения председателя трибунала здесь никто не имеет права вступать в дискуссию! Сядьте на место! (*Смирнову.*) Трибунал слушает вас.

Киосэ занимает своё место.

Смирнов. Адвокат Киосэ заявил, что на советском Дальнем Востоке из городов создавали крепости. Но крепости создают для обороны.

Киосэ вскакивает со своего места.

Уэбб (*бьёт своим молотком*). Адвокат Киосэ!

Киосэ садится на место.

Уэбб (*Смирнову*). Трибунал напоминает вам, что вы не должны провоцировать своими заявлениями ни подсудимых, ни адвокатов на неадекватное поведение. Продолжайте.

Смирнов. Чем город Ворошилов мог угрожать безопасности Японии? Создание оборонительных сооружений в Ворошилове и в других городах советского Дальнего Востока началось не до, а после боевых действий, произошедших в тридцать восьмом и в тридцать девятом годах у озера Хасан и у реки Халхин-Гол. Немного западнее озера Хасан находятся сопки Заозёрная и Безымянная. В ясную погоду с их вершин виден Владивосток. Неподалёку от Заозёрной протекает река. На советских и японских картах стык маньчжуро-корейско-советской границы был зафиксирован по-разному.

Киосэ. Эти пограничные инциденты нельзя рассматривать как акты военной агрессии! Япония не объявляла Советскому Союзу войну! Военное столкновение в районе озера Хасан возникло из-за того, что советские войска первыми нарушили границу!

Смирнов. Вы прекрасно знаете, что это не так! На японских картах граница была обозначена иначе, но японские карты не имели отношения к действительности.

Киосэ. Защита категорически протестует!

Уэбб. Протест отклоняется. Согласно официальным документам, граница была чётко определена. (*Смирнову*.) Японские войска могли случайно перейти реку?

Смирнов. Случайно перейти реку шириной более чем в сто метров? И так же случайно начать боевые действия?

Киосэ (*вновь вскакивает*). На сопках Заозёрная и Безымянная советские пограничники оборудовали окопы и проволочные заграждения! Совершенно очевидно, что...

Уэбб. Адвокат Киосэ, оставьте при себе то, что очевидно только вам! Трибунал не давал вам разрешения на дискуссию! Сядьте на место! (*Смирнову*.) Продолжайте.

Киосэ садится на место.

Смирнов. Советские пограничники готовились не к нападению, а к обороне.

Киосэ (*выкрикивает с места*). Они установили заграждения на три-четыре метра вглубь оспариваемой территории!

Смирнов. И эти три-четыре метра дали повод для вооружённого конфликта? Кто же первым открыл огонь? И почему в документах японского генерального штаба не указаны потери японской армии в ходе боевых действий с мая по сентябрь у реки Халхин-Гол?

Киосэ. Япония имела все права на эту территорию!

Шум в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Адвокат Киосэ, придерживайтесь рамок профессиональной деятельности! (*Смирнову*.) Трибунал слушает вас.

Киосэ садится на своё место.

Смирнов. В конце июля 1939 года японское командование сосредоточило близ сопки Заозёрная пехотную дивизию, кавалерийскую бригаду, три пулемётных батальона, танковое подразделение, до сотни единиц тяжёлой артиллерии и зенитных орудий. На ближайших аэродромах были готовы к вылету семьдесят боевых самолётов. В заливе Петра Великого, вблизи советских территориальных вод, была сосредоточена группа японских эсминцев. С советской стороны на сопке Безымянная находились одиннадцать пограничников, на сопке Заозёрная – рота красноармейцев. Двадцать девятого июля японские войска атаковали сопку Безымянная. Советские пограничники стояли насмерть. Четвёртого августа в боевую готовность

были приведены войска Забайкальского военного округа и Дальневосточного фронта. В этом приказе было сказано: «Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей, советской земли никому никогда не отдадим!»

17. ТЕКСТЫ И ЦИФРЫ

Кабинет генерала Макартура. В руках у Макартура газета и телефон. Рядом с ним – Уэбб и Кинан.

Макартур (*в ярости кричит в телефонную трубку*). А мне плевать!.. Ты редактируешь не какую-нибудь газетёнку, ты редактируешь газету вооружённых сил Соединённых Штатов!.. Что? Какие ещё обстоятельства?.. Напечатать отчёт о выступлении японского адвоката Такиянаги ещё до того, как он произнёс свою речь в трибунале, – это что? Это как понимать?.. Кретин, ты не отличаешь завтра от сегодня?.. (*Бросив трубку телефона, смотрит на Кинана.*) Нет, Джозеф, нет, это не разгильдяйство. Кто-то сознательно занимается этим. Хотел бы я знать, кто!

Уэбб. Секретариат трибунала всегда заранее готовит для прессы краткие изложения речей обвинителей, адвокатов, свидетелей...

Макартур. Краткие изложения? Здесь напечатана чуть ли не вся речь этого адвоката! Речь, с которой он выступит завтра! Как я должен к этому относиться? Как я должен относиться к тому, что после отъезда Голунского, русские прислали сюда Смирнова, и он убедил трибунал, что события на озере Хасан, на Халхин-Голе, что подготовка японцев к войне с Советским Союзом...

Уэбб. Он предоставил свидетелей и неопровержимые факты.

Макартур. Любые факты, любые документы, любые свидетели опровержимы! Или вы забыли, как это делается?

Кинан. Кстати, о фактах и документах. Предстоит допрос подсудимого Того...

Макартур. Насколько я понимаю, он из тех, кого смертная казнь не пугает.

Кинан. Но это пугает его жену. Она уже год ходит на все

заседания. Её нельзя не заметить среди публики.

Уэбб. Кажется, я помню её. У жены Того Сигэнори европейская внешность?

Кинан. Я кое-что узнал про неё. Она – немка. Её зовут Эдит. Она просила о свидании с мужем и получила отказ. Если дать ей понять, что её муж не будет повешен, то она на свидании с ним, которое вы ей разрешите, сможет пошатнуть его позицию.

Макартур. А если – нет? Если он не сломается?

Кинан. А если – да?

Макартур. Джозеф, тут есть о чём подумать.

Уэбб. Тут не о чем думать! Я видел, как эта женщина смотрит на Того Сигэнори. Я видел, как он смотрит на неё.

Макартур. Bravo, мистер Уэбб! (*Аплодирует.*) Вот и вся ваша порядочность! (*Кинану.*) Джозеф, подготовьте мне досье на эту Эдит. И как можно скорее!.. Я перечитал текст вашей будущей речи о военной агрессии Японии против Китая. Меня смущает один эпизод. После того как японцы захватили Нанкин, было убито больше трёхсот тысяч человек, двести тысяч жителей города пропали без вести. У вас там есть фраза про шесть недель резни. Не надо об этом. И про сотни тысяч невинно убиенных – зачем? Достаточно сказать, что в Нанкине, как в любом захваченном городе были жертвы среди мирного населения, и трибуналу их количество известно. Не так ли, мистер Уэбб?

Уэбб. Разумеется, господин генерал, эти цифры нам известны.

18. БУМАЖНЫЕ ПТИЦЫ

В луче света, на полу, на циновке сидит Рисовальщик. Его блокнот и карандаш лежат на полу. Вырывая из блокнота страницу за страницей, он складывает из них птичек. Из тьмы возникает видение Женщины, обнимающей тёмную колбу с нерождённым ребёнком.

Женщина. Мне кажется, я знаю... Мне кажется, я знаю, почему... Мне кажется, я знаю, почему все птицы улетают... (*Целует колбу.*) Мой птенчик от меня не улетит!

Рисовальщик. Когда бумага стоила огромных денег...

Женщина (*поглаживает колбу*). Мой птенчик улетать не хочет!

Рисовальщик. Когда бумага стоила огромных денег, великим самураям дарили на удачу птичек из бумаги...

Женщина (*прислушивается к колбе*). Моя малышка встрепенулась! Она такая бойкая!

Рисовальщик. Чем меньше птица, тем больше счастья и удачи...

Женщина (*гладит колбу*). Она такая шустрая! Когда она родится, наконец!

Появляется видение насвистывающего в пробирку Мальчика. Он подходит к Рисовальщику, прислоняется к нему.

За спиной у Рисовальщика появляются Кинан и Доктор, наблюдают за происходящим.

Женщина (*Рисовальщику*). А почему ты не рисуешь?

Рисовальщик (*слушает посвистывание Мальчика*). А это что за птичка так щебечет? Щегол? (*Женщине*.) Я не расслышал, что ты сказала?

Женщина. Я не сказала, я спросила. Да, я спросила, почему ты не рисуешь.

Рисовальщик (*слушает посвистывание*). А это зачирикал воробей? (*Женщине*.) Я не рисую? Какая ты смешная!

Кинан. Этот человек всегда такой? Как давно с ним это?

Доктор. Галлюцинации с каждым днём всё чаще, всё продолжительнее. Не волнуйтесь, этот тип психоза не опасен. Он нас не замечает. Он в том мире, мы – в этом. Кто-то от рождения такой, а кто-то, как, например, он, от стресса, от напряжения. Идеальный случай для лоботомии!

Женщина (*Рисовальщику*). Может, нарисуешь что-нибудь? (*Машет рукой*.) Раз-два!..

Рисовальщик (*раз за разом взмахивает рукой*). Раз-два – и это будут горы!.. Раз-два – леса и реки!.. Раз-два – и небо!.. Солнце и луна!.. Луна холодная, а солнце обжигает!

Мальчик бежит к бумажным птицам, садится на пол, начинает играть с ними.

Рисовальщик (*Мальчику*). Будь осторожен с птицами, они ещё

птенцы!

Мальчик играет с бумажными птицами. Женщина ходит, о чём-то говорит сама с собой, время от времени смотрит на Рисовальщика и взмахивает рукой.

Кинан. Он думает, что он – художник?

Доктор (*достаёт из кармана пиджака коробочку, открывает её*). Он – рисовальщик, расписывал на шёлке кимоно. (*Бросает в рот пару леденцов*). Потом он оказался без работы. (*Подходит к Рисовальщику, гремит коробочкой с леденцами*.) Сладенького хочешь? (*Даёт Рисовальщику коробочку, тот рассматривает её*.) Когда мы встретились, он ползал у меня в ногах и умолял: «Я нарисую, всё, что захотите! Я – художник!» (*Рисовальщику*.) Ты меня не помнишь, не узнаёшь?.. (*Кинану*.) Он подписал контракт, стал вольнонаёмным. За то, что рисовал, получал приличные деньги! Половину посылал домой, родителям, а другую половину... (*Рисовальщику*.) Не знал, на что потратить?.. (*Кинану*.) Когда я делал своё дело...

Кинан. Давайте без подробностей!

Доктор. Мы делали своё дело, он это зарисовывал. Это был ещё один эксперимент: увидеть, понять, что происходит с психикой, что происходит с человеком, когда он рисует такое с утра и до ночи... Потом он отказался рисовать. (*Рисовальщику*.) Отказался или не смог? (*Кинану*.) Следующим местом его работы стал наш крематорий. (*Пытается забрать у Рисовальщика коробочку*.) Ну, хватит, поигрался... (*Вырывает коробочку*.) Мистер Кинан, вас, точнее, тех, кто стоит за вами лоботомия интересует в связи с кланом Кеннеди?

Кинан. С чего вы взяли?

Доктор. Префронтальную лоботомию на человеке начали применять чуть больше десяти лет назад. Депрессивные расстройства – это проблема! Избавить человека от психоза возможно. Если операция проходит успешно, человек избавляется от психоза, от депрессии. При неудачной лоботомии возможны дезориентация, потеря речи, интеллект на уровне двухлетнего ребёнка. Как, например, у красотки Кеннеди, у Розмари. Ей, как

и всем в Соединённых Штатах, сверлили череп. Наши разработки по лоботомии отличаются от американских и европейских. Мы предлагаем с помощью сверхтонкого ножа добираться к мозгу пациента через глазницу. Этот метод пытается освоить мистер Фримен, светило американской хирургии и психиатрии. Он будет наблюдать за тем, как я оперирую?

Кинан. Вполне возможно.

Доктор. Я полагаю, наша цель – не только избавление от психоза, но то, как человека навсегда лишают воли. Апатия и подчинение!

Появляются Ассистенты, везущие хирургический стол. Они в белых халатах и прорезиненных фартуках, на лицах – очки и маски из марли.

Кинан. Этот человек... Его никто искать не будет, если с ним вдруг что-то?..

Доктор. Мистер Кинан, этот рисовальщик уже давно не человек – бревно! (*Ассистентам.*) Что в нашем деле главное? Мастерство и вдохновение!

Тьма накрывает Кинана, Рисовальщика, Доктора, Ассистентов.

Женщина продолжает блуждать, о чём-то разговаривая с собой и с колбой.

Мальчик играет с бумажными птичками. Вскоре их видения исчезают во тьме.

19. ТИХООКЕАНСКАЯ ВОЙНА

Три удара молотка. В центре зала заседаний трибунала, у микрофона – Смирнов.

Уэбб. Трибунал не принимает возражений стороны защиты относительно того, что Япония не готовилась к захвату советского Дальнего Востока. Однако, адвокаты подсудимых, ссылаясь на целый ряд юридических документов, настаивают на том, вооружённые столкновения с советскими пограничниками и факты японской агрессии против Монголии не соответствуют пунктам обвинительного заключения, в том числе и потому, что в те годы Монгольская Народная Республика не была суверенным государством. Советское обвинение может продолжить своё выступление.

Смирнов. Ваша честь, советское обвинение взяло на себя защиту

интересов Монгольской Народной Республики так как трибунал отказался от этого, не включив представителей Монголии ни в состав судей, ни в состав стороны обвинения. Все нежелательные для себя вопросы трибунал либо игнорирует, либо объявляет политическими и отклоняет их. Принятые руководством Японии в августе 1936 года основные принципы государственной политики относятся к политическим вопросам. Государственная политика Японии предусматривала так называемое продвижение в направлении Китая, Монголии, Советского Союза, противостояние с США, Великобританией, Францией, Голландией. В ходе Тихоокеанской войны во всех захваченных странах японские военные целенаправленно уничтожали мирное население и военнопленных.

Киосэ. Защита выражает протест! Тихоокеанская война не имела отношения к Советскому Союзу!

Уэбб. Протест отклоняется. Летом 1945 года японское правительство предлагало Советскому Союзу стать посредником в переговорах о прекращении войны между Японией и США, Великобританией и другими странами. Трибунал располагает документами, подтверждающими это. Япония пыталась избежать безоговорочной капитуляции. Советский Союз отверг просьбу японского правительства о посредничестве и, следуя своему союзническому долгу, по просьбе США и Великобритании девятого августа 1945 года объявил Японии войну. Оспаривать это бесполезно. (*Смирнову.*) Трибунал слушает вас.

Смирнов. Адвокат Киосэ, видимо, забыл о том, как в своё время по поручению правительства разрабатывал план захвата советского Приморья и Забайкалья. Адвокат Киосэ знает, что в ходе Тихоокеанской войны во всех захваченных странах японские военные целенаправленно уничтожали мирное население. Так, например, только за один день было вырезано всё население острова Калаглу. Жителей оккупированной Бирмы морили голодом. На Формозе количество жертв до сих пор неизвестно. Кроме того, к концу Тихоокеанской войны японская армия и флот скатились до каннибализма. Десятого декабря 1944 года был

издан приказ, разрешающий есть мясо убитых врагов и умерших союзников. В японской армии людоедство было представлено в виде своеобразной церемонии.

Киосэ. Защита выражает протест! Каннибализм является частью восточной культуры! Солнце не случайно восходит над Японией! Следуя нашей божественной миссии...

Шум в зале.

Уэбб (*бьёт молотком*). Я требую тишины!.. Адвокат Киосэ, ещё одно такое заявление, и охрана выведет вас из зала трибунала! (*Смирнову.*) Трибунал слушает вас.

Киосэ садится на своё место.

Смирнов. Обвинение предоставило трибуналу шестьсот пятьдесят письменных показаний свидетелей зверств японских военных в самых разных странах мира. В 1940 году в Токио под руководством премьер-министра был создан Институт тотальной войны.

Блэгни (*с места*). Защита протестует! Деятельность этой организации не была направлена против Советского Союза!

Уэбб. Протест отклоняется. Трибуналу известно, чем занимался этот так называемый институт.

Смирнов. «Человечество стало тем, что оно есть, в том числе благодаря войне. Война – двигатель прогресса!» – говорят подсудимые.

Блэгни. Защита протестует! Каждый человек имеет право на собственное мнение!

Уэбб. Протест принимается. (*Смирнову.*) Продолжайте.

Смирнов. С девятого августа по второе сентября 1945 года войска Забайкальского, Первого и Второго Дальневосточных фронтов совместно с Тихоокеанским флотом, Амурской флотилией, монгольской и китайской народно-революционными армиями разгромили Квантунскую армию, освободив северо-восточный Китай, северную Корею. Правительство Японии подписало акт о капитуляции. Соединённые Штаты Америки считают победу над Японией своей победой. Соединённые

Штаты считают, что токийским трибуналом они демонстрируют миру собственное величие. Соединённые Штаты считают, что у Японии не должно быть своей армии, что она может использовать немногочисленные силы самообороны только в пределах своих островов. Соединённые Штаты настаивают, что гарантией военной безопасности Японии станут американские военные базы, что американские юристы напишут для Японии новую конституцию. Советский Союз с этим категорически не согласен!

20. СИРОМУКУ

В кабинете – Макартур, адвокат Блэгни. На стуле сидит заметно волнуемая

Эдит Того. В руках у Макартура книга.

Макартур (*пролистывает пару страниц, читает*).

«Сиромуку из тонкого белого шёлка надевает невеста на свадьбу...»

(*Смотрит на Эдит*). Не знал, что ваш супруг – ещё и талантливый литератор!

Блэгни. Он пишет на английском, немецком, японском, кроме того занимается наукой.

Макартур. Занимался.

Блэгни. Он литературовед. Ещё в университете увлёкся немецкой литературой.

Макартур. Зачем творческие люди идут в политику!

Блэгни. Господин генерал, мы надеемся, что профессор Того Сигэнори...

Макартур. Вы хотели сказать – подсудимый Того Сигэнори! Против него несколько пунктов обвинения, по трём из них ему грозит смертная казнь. Он не сотрудничал со следствием и на трибунале ведёт себя так... (*Передаёт книгу Эдит.*) Ели не трудно, возьмите у него автограф для меня.

Эдит Того. Автограф?

Макартур. Вы просили о свидании с мужем. Вы увидите с ним завтра.

Эдит Того (*говорит всё быстрее и быстрее*). Понимаете,

он... Он всегда был против... Против войны... Против войны с русскими, против войны с Соединёнными Штатами...

Макартур. Я понимаю, понимаю.

Эдит Того. Он не такой человек!

Макартур. Я понимаю, понимаю.

Эдит Того (*встаёт со стула*). Не такой!.. Как вам объяснить!.. (*Оседает на стул*.) Он очень светлый человек! Романтик! Идеалист!.. Когда мы встретились, я думала, он – учитель или библиотекарь... Застенчивый, невероятно худой японец в очках... Я почему-то сказала, что эти очки ему не идут. Он просил меня, почему, и сделал шаг назад, инстинктивно сделал шаг назад. Этот шаг я почему-то запомнила. Он сказал, что недавно приехал в Европу, что переболел тифом и поэтому ещё немного сторонится людей... Он вообще часто болеет... Мы познакомились в Берлине, познакомились случайно. У меня было пятеро детей. Я недавно похоронила мужа, носила траур. Я не верила ни в какую любовь, мне было не до этого. Он не говорил мне о любви. Не знаю, как это объяснить, но любовь исходила от него!.. Он окружил меня и детей такой заботой!.. Мы поженились...

Его перевели из Берлина в Токио. Он начал работать в так называемом русском отделе. В январе двадцать пятого, да, в январе двадцать пятого года была подписана конвенция о дипломатических отношениях с советской Россией. Япония получила нефтяные концессии на Сахалине. Он был счастлив, что добился этого!.. Его направили в Вашингтон, секретарём в посольство. В Америке тогда действовал закон о запрете на эмиграцию японцев, он делал всё для отмены этого закона...

Потом его снова перевели в Берлин. Это была уже другая Германия. Когда мы познакомились, я не знала, чем буду кормить детей, магазины стояли пустые, люди продавали на улицах последнее из того, что у них было. В этот наш приезд в Германии было всё! Люди были счастливы! Мы приехали в Берлин в тридцать седьмом году, накануне Рождества. Это была сказка! Казалось, что, подняв Германию с колен, Гитлер поднимет с колен и всю Европу... Мы виделись с ним, с Гитлером, несколько раз...

Я не о том говорю? Не о том?

Блэгни. Вы не волнуйтесь.

Эдит Того. Понимаете, он всегда был против войны! Он был вынужден...

Макартур. Я понимаю. Но и вы должны понять... Ваш супруг дважды был послом в Берлине, в тридцать восьмом году был послом в Москве, работал над советско-японским пактом о нейтралитете, дважды возглавлял министерство иностранных дел. Если он не изменит свою позицию, будет повешен, или получит пожизненный срок. (*Смотрит на Блэгни*).

Блэгни. К сожалению, да.

Эдит Того (*впадая в оцепенение*). Он уходил в отставку и возвращался, уходил и возвращался...

Макартур (*даёт ей лист бумаги*). Прочитайте это внимательно.

Эдит Того (*не глядя на бумагу*). Он всегда говорил...

Макартур. Прочитайте! Если на допросе он скажет это, его не повесят.

Эдит Того читает.

Макартур (*Блэгни, негромко*). А всё-таки интересно устроена жизнь! Интеллигент, интеллектуал сидит на скамье подсудимых рядом с этими мразями!

Эдит Того (*складывает лист бумаги вдвое, затем вчетверо*). И это – всё?

Макартур. Да, совсем немного.

Эдит Того. Это – всё, что я должна ему сказать?

Макартур. Сказать, чтобы он понял, что от этого зависит его жизнь.

Эдит Того. Но то, что здесь написано... Это правда?

Макартур. Когда речь идёт о жизни и смерти, правда у каждого своя.

Эдит Того. Но он ни в чём не виноват!

Блэгни. Понимаете, это ещё надо доказать.

Эдит Того. Разве невиновность доказывают? Доказывают виновность!

Макартур. Если он не скажет того, о чём здесь написано...

Пауза.

Эдит Того. Если он это скажет, какой срок он получит?

Макартур. Лет двадцать пять. Возможно, двадцать.

Эдит Того. Ему шестьдесят пять. Вы понимаете? Он больной человек!

Блэгни. Если бы в апреле сорок пятого он снова не стал министром иностранных дел...

Эдит Того. Он надеялся, что правительство задумается о капитуляции.

Макартур. Надеялся? Не смешите меня!

Эдит Того. В сентябре, после капитуляции, он ушёл в отставку. Нам предлагали бежать из Японии, но мы отказались. Зачем нам куда-то бежать!.. Мы уехали из Токио в Нагано, у нас там небольшой домик. *(Смотрит на сложенный вчетверо лист.)* Здесь написано, что он должен сказать о подготовке военного союза с Германией, о запрете в Японии всех политических партий, кроме «Ассоциации помощи трону».

Макартур. Совершенно верно. И назвать фамилии.

Эдит Того. Я поняла. Благодарю вас.

Эдит Того встаёт, вкладывает лист бумаги в книгу, возвращает книгу Макартуру.

Сделав пару шагов, она останавливается, оглядывается на Макатура и Блэгни.

Эдит Того. Знаете, чего он никогда себе не простит? По его предложению правительство затянуло с ответом на присланные из Потсдама условия капитуляции, затем по его предложению правительство заявило, что Япония согласна капитулировать, но не безоговорочно. В Америке это поняли по-своему. Америка сбросила атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. *(Уходит).*

21. ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО ОБВИНЕНИЯ

Зарянов, Смирнов, Владимиров, Переводчица.

Зарянов *(Смирнову).* Нет, ты понимаешь, что происходит? Понимаешь или нет? Они же, подлецы такие, до чего дошли! Или ты, святая простота, веришь, что самолёт с нашими героями-

пограничниками взял да и пропал где-то там, в небе? Сбили они наш самолёт! Сбили! Или здесь, на аэродроме, бомбу в него подложили!

Смирнов. Иван Михеевич...

Зарянов. Я, понимаешь, всю жизнь Иван Михеевич! Я ещё и не такое видел!

Смирнов *(Владимирову).* Так и не нашли самолёт?

Владимиров. Нет. Судя по всему, упал в море километрах в пятнадцати от мыса Поворотного, совсем немного до Владивостока не долетел.

Зарянов. А господам американцам и не надо было, чтобы он долетел! Слишком, понимаешь, злые они были от того, что слышали на трибунале от Батаршина и Чернопятко о боевых действиях на Дальнем Востоке, вот и отомстили, взорвали самолёт с ними! С чего вдруг Макартур, Кинан и вся их компания такие радостные ходят? Покушение на судью Мэя они предотвратили? А может, и не было никакого покушения?

Владимиров. Было, всё было. И неизвестно, что ещё будет. С каждым днём ситуация всё тревожнее. Наши бывшие союзники готовы на всё, лишь бы трибунал шёл так, как они его задумали. Впереди серьёзные схватки и по поводу обвинения, и насчёт приговора. Вам, Иван Михеевич, надо...

Зарянов. Чего мне надо, я, дорогой ты мой товарищ, знаю! Я тут с первого дня, понимаешь, уже полтора года с лишним...

Владимиров. Министерство иностранных дел направило меня к вам не для того, чтобы я слушал ваши истерики!

Зарянов. Мои истерики?

Переводчица. У Ивана Михеевича такой характер. Он человек вспыльчивый.

Зарянов *(Владимирову).* Тебя прислали помогать нашим обвинителям, готовить с ними заключительную речь, вот и готовь, помогай, а я уж сам обойдусь... Истерики у меня!

Владимиров. Товарищ генерал-майор юстиции, я прошу меня извинить, я был не прав.

Зарянов *(успокаиваясь).* Истерики!..

Смирнов. В Нюрнберге каждый из четырёх обвинителей выступал с самостоятельной заключительной речью. Здесь, в Токио, будет зачитана общая речь обвинения. Произносить её начнёт главный обвинитель мистер Кинан, затем обвинители от разных стран зачитают свои части. Не обвинение, а лоскутное одеяло!

Зарянов. А потому, что генерал Макартур уже всё за всех решил! Ни один из японских промышленников, ни один финансист, министр вооружений, министр военной промышленности – никто из них не привлечён к суду. Хочешь, я тебе скажу, Лев Николаевич, чем дело кончится? Полгода ещё, может, и больше Макартур и его подручные будут тянуть с трибуналом. Подведут под высшую меру тех, кто им не интересен. Те, которые могут им понадобиться, получают лет по двадцать, – да хоть пожизненное получают! – отсидят лет по десять и выйдут по амнистии... Тут ведь что? Тут генерал Макартур может любой приговор пересмотреть! Тут американская военная администрация всерьёз и надолго!.. Их взбесило, что мы в Хабаровске проведём свой трибунал над японцами, которые у нас в плену!.. Эх, как они подпрыгнут, когда у нас своя атомная бомба будет!

Переводчица. Я вчера шла по улице и чуть под машину не попала. Может, это тоже не случайно?

Зарянов. Ты, душа моя, лучше скажи товарищу из Москвы, откуда у нас в последнее время опечатки в документах.

Переводчица. У нас опечаток нет, у нас с этим строго. Когда мы наши переводы в секретариат передаём, там, да, что-нибудь да происходит. Мы потом сверяем тексты и видим какие-то не те слова, искажаются смыслы. Мы претензии в секретариат подаём, но нам даже не отвечают. У нас каждый такой случай отражён в отчёте.

Смирнов. Что у нас получается в обвинительном заключении со смертной казнью? Высшую меру наказания в нашей стране отменили. Требовать смертную казнь для того или иного подсудимого мы можем, но голосовать за высшую меру Иван Михеевич не сможет?

Владимиров. При этом мы должны настоять на всех пунктах советского обвинения при подготовке приговора.

22. ВСЕГО НЕСКОЛЬКО МИНУТ

В луче света Эдит Того сидит на стуле, смотрит вдаль. В другом луче света –

Макартур, Кинан и Блэгни. Они наблюдают за Эдит Того.

Макартур. Майор, знаете, как мы поступим... Когда трибунал огласит приговор, я должен буду утвердить его, и я это сделаю, а вы от имени своих подзащитных подадите в Верховный суд Соединённых Штатов апелляцию, например, на том основании, что я ещё при создании трибунала действовал неконституционно. Лучше, если таких апелляций будет несколько. Скажем, от начальника генерального штаба Умодзу, от министра Симада. И обязательно от имени тех, кого мы приговорим к смертной казни.

Блэгни. Но ни один национальный суд, в том числе и Верховный суд Соединённых Штатов не имеет права пересматривать решения международного трибунала. Это вызовет международный скандал!

Макартур. Естественно! Конечно! Все будут кричать, какие мы подлецы! Потом Верховный суд отклонит апелляции. И весь мир скажет, что американцы всё-таки молодцы, они всё сделали правильно. *(Кинану.)* Сколько осталось до конца свидания?

Кинан. Три минуты.

Макартур. Она сказала ему, что у детей всё хорошо. Сказала, чтобы он держался подальше от сквозняков. Он ответил: «Хорошо, дорогая». И всё, я ничего не упустил?

Кинан. Что тут можно упустить! О сквозняке – это может означать что-то такое, о чём мы не должны знать?

Макартур. Эти слова, Джозеф, означают лишь то, что они означают... Какая женщина!

Блэгни. Господин генерал, когда она ушла, а потом вернулась в ваш кабинет и согласилась на ваши условия, я был уверен...

Макартур. Блэгни, мы все были уверены. Мы думали использовать её для давления на Того Сигэнори, а она...

Кинан. Расчётливая стерва!

Макартур. Нет, Джозеф, нет, это не расчёт. Есть удивительные женщины!

Кинан. Она закрыла глаза. Он снял очки и тоже закрыл глаза...

Макартур. Вот что такое любовь, Джозеф!

Смотрят на Эдит Того.

Макартур. Мы не будем торопиться с приговором. Ещё с полгода обсуждений, работы с документами... Джозеф, сделайте одолжение, в обвинительном заключении для Того Сигэнори не требуйте смертной казни. И пожизненного заключения не надо. Оставьте им надежду, что он вернётся к ней.

Кинан. Но, господин генерал...

Макартур. Вы меня не поняли. Оставьте им призрачную надежду... А вы, Блэки, вы молодец, сумели расположить к себе и подсудимых, и свидетелей. Даже я чуть не поверил в вашу искренность!.. Думаю, после трибунала вам следует продолжить эту игру. Оставайтесь в Токио, будете, например, преподавать в университете, будете дружить с семьями осуждённых, станете для японцев идеальным приятелем-американцем, настоящим другом.

Смотрят на Эдит Того.

Макартур. А мы неплохо модернизировали эту тюрьму.

Кинан. Я бы поставил виселицу вон там.

Макартур. Пригласим нашего палача. В Нюрнберге сержант Вуд отлично сделал своё дело. *(К Блэки.)* Придёте посмотреть? *(Блэки не отвечает.)* А я с удовольствием!.. Многие хотят править миром. Берлин и Токио с этим не справились. Что бы ни делали Лондон, Париж, Москва и прочие, править миром будет Вашингтон. Все остальные, если захотят жить, будут жить по нашим правилам.

23. СНЕГ В ДЕКАБРЬСКУЮ НОЧЬ

Звучат три удара молотка председателя трибунала. В луче света – Уэбб.

Уэбб. Международный военный трибунал для Дальнего Востока после двух с половиной лет работы, рассмотрев четыре тысячи триста пятьдесят шесть документальных доказательств и тысячу сто девяносто четыре показания свидетелей, приступает к зачитыванию приговора...

Один за другим появляются и исчезают участники трибунала.

Киосэ. Защита представляла доказательства почти год.

Кинан. Обвинение произносило заключительную речь четырнадцать дней.

Зарянов. Перед вынесением приговора судьи совещались семь дней.

Мэй. Я хочу напомнить вам слова Конфуция: «Встретив достойного человека, стремись сравняться с ним. Встретив недостойного, задумайся о самом себе».

В луче света появляются Уэбб и Макартур.

Уэбб. Судьи от Советского Союза и Китая выступили с особым мнением, в котором заявили...

Макартур. Их заявление никого не интересует, не так ли, мистер Уэбб?

Уэбб. Разумеется, господин генерал.

Макартур. Как председатель трибунала вы имеете право не зачитывать и не публиковать особые мнения судей. Все заявления и особые мнения – в архив!

Макартур и Уэбб исчезают.

Появляются Доктор в запачканном кровью фартуке и Ассистенты, везущие хирургический стол. Ассистенты помогают ему снять марлевую маску и перчатки.

Доктор. Друзья мои, отличная работа! Что в нашем деле главное? Мастерство и вдохновение! *(Смотрит в ночное небо.)* Мастерство и вдохновение!

Звучат три удара молотка председателя трибунала. Доктор и Ассистенты исчезают во тьме.

Начинает идти снег. Появляются Блэки и Эдит Того.

Эдит Того *(обратив лицо и руки к снежинкам).*

Сиромуку из тонкого белого шёлка
надевает невеста на свадьбу...

Блэгни. Семеро подсудимых будут повешены, шестнадцать
получили пожизненное заключение. Ваш супруг приговорён к
двадцати годам тюрьмы.

Эдит Того.

А поверх белоснежных одежд –
кимоно цвета крови...

Блэгни и Эдит Того исчезают.

*Сквозь помехи пробивается радиопередача. В луче света – Голунский и
Владимиров.*

Голос по радио. Передаем сообщение ТАСС. В ночь на двадцать
третье декабря 1948 года в Токио, в тюрьме Сугамо...

Владимиров. Сергей Александрович, вы слышите!..

Голос по радио. Приведён в исполнение приговор
международного военного трибунала над осуждёнными к
смертной казни японскими военными преступниками...

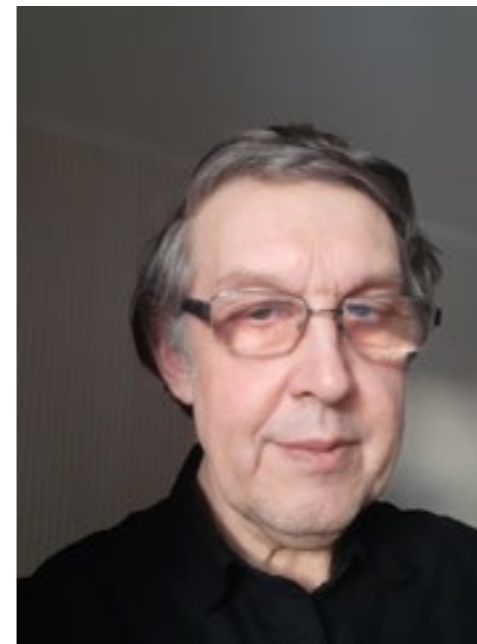
Помехи сбивают радиопередачу.

Голунский. Какое сегодня число?

Владимиров. Двадцать третье декабря.

Голунский. В прежние времена люди верили, что в эту ночь
бесноватые могут исцелиться, а слепые – прозреть. Наступал
рассвет, чудо не происходило, но люди продолжали верить... Мы
много пережили. Как бы ни было тяжело, мы верили в нашу
победу, верили, что наступит долгожданный мир... Как бы я
хотел спросить тех, кто будет жить после нас: вы верите в победу,
верите, что мир во всём мире наступит? Каким будет этот мир?

Занавес.

Анатолий КУТНИК

*Поэт, писатель, драматург.
Организатор и ведущий
«Философского кафе».*

В ОДНОМ ПОДВАЛЕ

Не все страшные сны заканчиваются плохо...

Действующие лица

Алла, статная брюнетка. 29 лет. Короткая дорогая шубка.

Катя, худощавая, темная. 23 года. Пытается всюду успеть.
Длинная дешевая дулая куртка с капюшоном. Воспитательница
в детском саду.

Вера, худая, угрюмая, в вязанной шапочке. 37 лет.

Ира, крашенная блондинка, плотная. 39 лет. Кассир в
супермаркете.

Люля Люлькина (Люда), яркая внешность. Дулая дорогая
куртка с капюшоном. Блогер. 24 года.

Михаил, 57 лет. Дорогие куртка, перчатки. Человек из
Дюссельдорфа.

Нина, 37 лет. с непонятным цветом волос Подруга Веры.

Голос Гены, по телефону из Польши.

Женский голос навигатора.

1-й голос сверху, с галичанским акцентом.

2-й голос сверху.

Голос с кавказским акцентом.

*Действие происходит в подвале девятиэтажке в холодное время года. Свет
поступает сверху, через открытую дверь. У стен четыре стула, два табурета,
картонные ящики Из-под бананов. С улицы доносятся взрывы. По трем ступеням
забегают Алла, Ира и Катя. У каждой в руках сумки. Катя оттесняя других*

садится на ближайший стул.

Алла (*презрительно*). Резвая.

Ира, Алла и Катя достают телефоны.

Ира (*в трубку*). Мама, ты как? Спускаешься? Там и сиди. Скоро буду. Все получила, успела. Сейчас в подвале девятиэтажки, той, что у школы.

Алла (*в трубку*). Привет. Пока не дома. Надо было выйти. Шла назад, начались взрывы. Прячусь. Сколько можно повторять — здесь нет бомбоубежищ. Обычный подвал. За Макса переживаю. Потом перезвоню.

Катя (*в трубку*). Добрый день. У вас тихо? Спокойно? Здесь не очень.

Ира и Алла подходят к ступеням, смотрят в открытую дверь.

Ира. Вроде, чуть потише?

Алла. Наоборот.

Катя. Спасибо нашим властям — подъезды, подвалы открыты. Есть, куда прятаться.

Ира. Нашла кого хвалить. Это не подвал! Подпол! Три ступеньки вниз.

Катя. За то, не на улице.

В подвал быстро входит Михаил. Следом вбегает Люля. За ними спускается Вера с большой тяжелой сумкой.

Вера (*Кате*). Стульчик мой освободи.

Катя вскакивает со стула, Вера ставит на него сумку.

Вера. Все из-за нашей пушки. Она первая начала.

Алла (*взволнованно*). Где здесь пушка?

Катя. В детском саду стоит.

Ира (*испуганно*). Это же совсем рядом.

Алла. Надо требовать, чтобы убрали. Кругом жилые дома.

Вера (*усмехнувшись*). Ага. Мы с молодыми мамочками ходили, просили. Нас шуганули. Автоматами!

Катя (*убежденно*). Они — защитники. Захыстныки!

Ира. Жуть какая.

Вера. Стрелять обещали. (*Передразнивая*.) Защитники — захыстныки.

Алла. Дикость.

Вера. Я говорила — будет ответка. Обязательно будет.

Ира. Хорошо, продукты получить успели.

Алла (*Ире*). Вы тоже за «гуманитаркой» стояли?

Ира. Больше трех часов.

Вера. Я сегодня не пошла. Вчера промерзла.

Ира. Вчера ветер сильный был. (*Смотрит в свою сумку*.) Повезло, куриных ошметок дали. Кило точно.

Алла (*Ире*). Мне тоже дали. Как их готовить?

Ира. Посолить, поперчить и в сковородку с луком. Половина ужарится. Кушать можно.

Алла. Спасибо.

Вера идет вглубь подвала, приносит табурет, покрытый картоном, снимает картон, переставляет на него сумку, садится на стул.

Катя. Вчера лучше давали. По пять яиц, кило сахара, хлеб

Вера (*зло*). Резвая. Мне только хлеб достался.

Катя. Так я в пять утра очередь заняла. Передо мной человек двадцать уже было, а к раздачке в три раза больше. До драки дошло.

Алла. Безумие.

Катя. Воздушная тревога вчера разбудила, вот и пошкрябала в очередь.

Ира. Сирена всех разбудила. Когда хотят, включают. Ночью спать не дают.

Вера. Пугают.

Ира. Воют, воют, потом тишина. Ни одна дворняжка не гавкнет.

Алла. Собакам очень страшно.

Ира. Первые две недели мы в одежде спали. У нас восьмой этаж. Лифты отключены. Потом наверх. Тяжко. У мамы сердце.

Вера. Вот сейчас сирены не было.

Ира. Точно. Не было.

Алла. Закон подлости.

Вера (*Ире указывает на стулья у стены*). Бери стул, садись.

Ира. Спасибо.

Ира берет стул, ставит рядом с Верой. Люля, отдышавшись, смотрит на себя в экран телефона, поправляет волосы, выбирает ракурс. Настраивается. Нажимает включение.

Люля (*громко*). Девки, парни! Слышите взрывы?! Это — жесьть! Я в подвале. К себе не добежала. Девки, это — жесьть. Чуть не уписалась. Представляете?

Алла (*Люле*). Девушка, спокойнее.

Михаил (*тихо*). Главное, не укакалась.

Люля. Здесь еще люди. Шутят. Девки, парни, как я вам всегда говорю? Главное — оставаться на позитиве.

Вера. Что она несет?

Ира (*тихо*). Дура.

Люля (*в телефон*). Почему долго не появлялась? За «гуманитаркой» стояла. Ноги замерзли. Что дали? (*Открывает сумку.*) Полтора литровую бутылку воды, литровую непонятного подсолнечного масла, батон и замороженные кусочки курицы. При нормальном свете покажу. Девки, парни, не забываем ставить лайки! С вами Люля. Люля Люлькина!

Вера (*презрительно*). Люля.

Катя (*восхищенно*). Сама Люля Люлюкина? Знаменитая блогерша?

Люля (*снисходительно*). Некоторые зовут меня блогиней.

Алла (*презрительно*). О-о.

Катя осматривается, быстро приносит из дальнего угла два стула, протирает сиденья влажной салфеткой. Люля с важностью садится на один стул, Катя на второй.

Катя (*Люле*). Я подписана на ваш канал. Особенно понравилось — как укусить злую собаку.

Люля. У меня много всего.

Катя. Вы здесь живете?

Люля. Временно. Скоро перееду из этой пырловки.

Ира (*возмущенно*). Какая пырловка? Приличный район.

Катя. Можно с вами сфоткаться?

Люля. Потом. Тут свет плохой.

Катя. Я мечтаю стать блогером. Даже имя придумала — Топа Топова.

Люля (*задумчиво*). Топа Топова? (*Смеется.*) Тяпа Тапкина!

Катя (*обиженно*). Почему?

Люля. В себя вкладываться надо.

Катя (*расстроено*). У меня денег нет.

Люля. Тогда Тяпа Тапкина.

Катя. Зовите, как хотите, только помогите раскрутиться, подняться.

Люля. Для таких, как ты, я скоро запускаю на своем канале проект — «Школа личностного роста».

Ира (*Кате и Люле*). Можно потише?

Катя (*Люле воодушевленно*). Готова стать живым примером.

Люля. Чего?

Катя. На мне покажите, как из Тяпы Тапкиной сделать Топу Топову.

Вера (*Люле и Кате*). Заткнитесь!

Люля (*Вере*). Мы кому-то мешаем?

Алла. Да. Представьте.

Ира. Нервов не хватает. Еще вы галдите.

Люля. Что там слушать? Взрывы?

Вера (*Люле*). Блогиня, мать твою.

Люля. Попрошу без оскорблений.

Катя (*Вере*). Спокойнее, женщина.

Вера (*грозно*). Еще одно слово!

Алла. Девочки, вы всех достали.

Катя. Не злитесь. Мы подальше сядем.

Люля (*поучительно*). Надо всегда оставаться на позитиве.

Вера вскакивает с места и сталкивает Люлю со стула. Люля, еле удерживая равновесие, пятится назад. Катя становится рядом с Люлей.

Катя (*Вере*). Вы с ума сошли?

Люля (*Вере*). Что себе позволяете?!

Вера (*кричит*). Выметайтесь отсюда! Живо!

Катя (*испугано*). Куда?

Вера. На улицу. В другой подвал.

Люля (*Вере*). Женщина, у вас проблемы?

Вера (*сжимает кулаки*). Сейчас узнаешь.

Люля (*Вере*). Кто ты такая? Подвал общий.

Ира. Прекращайте. У всех нервы.

Вера (*хватает Люлю за ворот пальто*). Вон отсюда!

Люля вырывается, отскакивает в сторону, вытаскивает из кармана перечный баллончик, направляет на Веру. Катя отбегает к Люле.

Катя (*Вере*). Успокойтесь.

Ира (*Вере*). Оставьте их. Не бери грех на душу.

Вера (*чуть остывая*). А чего они?

Алла. Сумасшедший дом.

Михаил (*тихо*). Подвал.

Катя (*жалостливо*). Мы больше не будем.

Люля машет перед Верой перечным баллончиком.

Люля (*Вере*). Не тебе, хабалке, меня строить.

Вера (*наступает на Люлю*). Пошла вон!

Ира (*Михаилу*). Мужчина, скажите!

Михаил становится между Верой и Люлей.

Михаил (*резко*). Хватит! На улице ад! Нас шестеро. Всего шестеро. Потерпите друг друга. Будьте милосердны. Снисходительны.

Алла (*кивает*). Согласна.

Ира. Точно.

Михаил (*Люле*). Вы понимаете, что происходит?

Катя (*охотно*). Фронт за окружной, поэтому здесь пушка.

Вера. И ни одного бомбоубежища.

Катя (*убежденно*). Мы везде наступаем.

Михаил. Я о другом.

Ира (*строго*). Дайте сказать!

Михаил. Чтобы выжить, нельзя отвлекать на чепуху. Каждое

мгновение может стать решающим.

Ира. Точно.

Вера. Не хотят защитники в поле воевать. В город приперлись, пушки свои прикатили. Нами прикрываться.

Катя (*Вере*). Простите нас. Не выгоняйте.

Вера (*Кате*). Ладно. Только не трывдите.

Катя (*покорно*). Мы тихо.

Ира (*уважительно Михаилу*). Вот что значит слово мужчины.

Вера отходит к дверям. Люля, надувшись, берет свой стул, относит подальше от остальных, садится и начинает рыться в своем телефоне.

Михаил вздыхает, поднимается по ступеням и сразу возвращается.

Михаил (*удрученно*). Похоже, еще сильнее стрелять стали.

Вера *быстро выходит и возвращается.*

Вера (*сама себе*). Окна целы.

Алла. Мне домой надо.

Ира. Всем надо. Я возле аптеки живу.

Алла (*смотрит на часы*). Долго они сегодня.

Вера. И что? Сидели бы по своим подвалам.

Михаил. Нам повезло. Здесь чисто, сухо.

Ира. У нас в подвале сыро.

Вера (*Ире*). Чаше убирать надо.

Ира приближается к Михаилу.

Ира. Мужчина, вы женаты?

Михаил. Терпеть не могу обращение — мужчина. Я — Михаил. Миша.

Ира. Я — Ира.

Михаил. Очень приятно.

Ира. Миша, вы женаты?

Михаил. Я должен отвечать?

Ира. Нет.

Михаил. Спасибо.

Ира. Но вы точно не из нашего района.

Михаил. Почему так решили?

Ира. Я на кассе в супермаркете сию. Видного мужчину заметила

бы.

Михаил. Значит, заходил не в вашу смену.

Ира (*жеманно*). Возможно.

У Иры звонит телефон. Ира отходит в сторону.

Ира (*в трубку*). Мама, таблетки взяла? А воду? Попроси, может, кто даст. Если нет, попробуй так проглотить.

Алла (*смотрит на часы*). Бедный Максик. Пять часов один в квартире.

Михаил (*участливо Алле*). Не можете с ним связаться?

Алла. Макс — доберман. Старенький. Умирает. Крохотным щеночком его взяла. Сейчас он огромный, тяжелый. Я из-за него осталась.

Михаил. Сочувствую.

Алла. Меня Аллой зовут.

Михаил. Михаил.

Вера (*Михаилу*). Я — Вера.

Катя (*охотно*). А я — Катя.

Ира. Вот все и познакомились.

Вера (*глядя на Люлю*). Все, да не все.

Катя. Она — Люля.

Люля (*нехотя*). Люда! Люля — это для подписчиков.

Вера (*презрительно*). Блогиня.

Катя. Я тоже собак люблю. (*Гордо.*) У меня два щеночка чао-чао. Хозяева оставили. Самых породистых с собой увезли, остальных нам пристроили.

Вера. Кому, нам?

Катя. Людям. Они по очереди прошлись, спрашивали, кто возьмет.

Вера. Сегодня?

Катя. Дня три назад. У них питомник в частном секторе.

Вера (*заинтересованно*). Заплатили?

Катя (*кивает*). И продуктами дали.

Вера. Я бы тоже цуцика взяла.

Катя. Утром другие заводчики ходили.

Одновременно на телефоны Михаила, Веры, Аллы, Иры, Кати и Люли приходят сигналы СМС. Все смотрят в свои телефоны.

Михаил (*насупившись*). Интересное СМС.

Вера. Дурацкое.

Ира. Чепуха какая.

Михаил (*читает*). «Русский солдат, сдавайся!...»

Вера (*читает дальше*). «Бросай оружие...»

Алла. У меня то же самое.

Михаил. Ничего не напоминает?

Вера. Как в фильмах о войне.

Алла. Да уж.

Ира. Точно.

Михаил. Методичка не изменилась.

Катя (*Михаилу*). Что вы имеете в виду?

Михаил. Не важно.

Ира (*Кате*). Сама не понимаешь?

Катя (*нафосно*). Я понимаю, что надо деморализовать врага.

Михаил. Я — враг?

Катя. Почему?

Михаил. Мне пришло.

Алла. И мне.

Ира. Ко всем пришло. (*Кате.*) И тебе.

Вера. Пугают.

Катя (*убежденно*). Это случайно. Мы везде наступаем!

Вера (*Кате*). Кто сказал? Телевизор?

Катя. Интернет.

Михаил. У меня антенна. Российские каналы. Там новости другие.

Алла (*согласно кивает*). Совсем другие.

Вера. И в интернете...

Катя (*убежденно*). Не надо нам русской пропаганды!

Алла. О-о.

Вера. Секта всегда права.

Катя (*Вере*). Какая секта? Я недавно в церковь ходила.

Вера (*Кате*). Продукты давали?

Катя (чуть замешкавшись). Свечку поставила.

Вера (*Кате*). Колись, продукты дали?

Катя (*помявшись*). Благотворительность.

Люля вскакивает со стула, нервно ходит по подвалу.

Люля (*громко*). Не хочу ни с кем ссориться, но у меня скоро эфир.

Ира (*Люле*). Ты в своем уме? Идет война.

Люля. Вот именно. Надо жить вопреки.

Вера (*презрительно*). Зарабатывает она.

Люля (*Вере*). Завидно?

Ира (*Люле*). Тогда чего за «гуманитаркой» ходишь?

Люля. Наличных нет.

Алла (*кивает*). Обменники, банки закрыты.

Люля. В банкоматах денег нет.

Ира. В нашем супермаркете банкомат работает. Правда, деньги не каждый день привозят. И они быстро заканчиваются.

Люля. Люди, скоро эфир. Пожалуйста. Мои подписчики ждут.

Вера (*Люле*). На улицу иди.

Люля (*подумав*). Если я в подъезде! Устраивает?

Ира (*Вере*). Пусть, коль нейдет.

Вера. Ладно.

Люля проворно выскакивает из подвала. Катя подходит к двери. Люля быстро возвращается, Катя отскакивает от лестницы.

Люля (*Кате*). Подслушивала?

Катя. Нет. Просто интересно.

Люля. Я перенесла эфир на вечер, когда все стихнет.

Вера. Оптимистка на позитиве.

Люля переставляет свой стул еще дальше от остальных, роется в телефоне. К Люле подходит Катя.

Люля (*строго Кате*). Не мешай. Занята.

Катя (*просительно*). Мы еще поговорим?

Люля. Позже.

Катя. Когда?

Люля (*поднимает капюшон*). Потом!

В подвал вбегает Нина с кульком.

Вера (*радостно*). Нинка.

Нина. Привет, Верунь.

Вера уступает свое место. Нина садится, пытается отдышаться.

Вера. Куда несешься, как оглашенная?

Нина. Куда, куда. Домой.

Вера. Где была?

Нина. Угораздило к Светке зайти, чаю попить. Вместе в очереди стояли.

Вера. Она же на поезд эвакуационный собирались.

Нина. Лошадиное здоровье нужно иметь, чтобы ехать.

Вера. Молодые мамочки звонили. Ужасы рассказывали.

Нина. Ленку из параллельном помнишь?

Вера. Нет.

Нина. В шестом доме жила.

Вера (*задумчиво*). Поняла. И что Ленка?

Нина. Из Польши звонила. Рассказала про свои приключения. Четыре часа на привокзальной площади ждали поезд. Объявили посадку. У дверей вагонов автоматчики. Отсеивают мужиков. Полицай на подхвате. Мужик с дочкой пришел. Ее в вагон, его в сторону, куда-то полицай уволокли.

Вера. Что с девочкой?

Нина. Ленка не знает. Людей море. Всего не разглядишь

Вера. Сволочи.

Катя (*поучительно*). Не полицай, а полицейские! По закону мужчин до шестидесяти лет — военнообязанные. Если задержали, было за что. И за девочку не переживайте. Везде волонтеры. Помогут?

Нина (*указывает Вере на Катю*). Кто это?

Вера. Впервые вижу.

Катя (*охотно*). Я — Катя. В детском саду работаю.

Алла (*уточняет*). Там, где пушка стоит.

Катя (*гордо*). С завтрашнего дня начну волонтерить.

Нина (*презрительно*). Оно мне надо — кто ты, что ты.

Катя поднимает капюшон и отходит подальше от Нины и Веры.

Вера (*Нине*). Так что Ленка?

Нина. Двое суток до границы добиралась. Людей в вагоны напихали. В проходах стояли. Туалеты закрыты. Вонь, срачь.

Вера. Мамочки молодые мне тоже самое говорили — поезд то едет, то часами стоит. Детки от плача охрипли. Справить нужду негде.

Нина. Делают под себя. Сплошное скотство. Из Ленкиного вагона бабу на руках над головами выносили. Померла.

Вера. Мрак!

Нина. Не хочу ехать. Мамка уговаривает.

Вера. Что Светка?

Нина. Светка — веселая танкетка. Продуктами обменялись. Она мне колбасу самопальную, которую вчера давали. Я ей курицу.

Вера (*смотрит на Иру*). Ошметки?

Нина (*кивает*). По-другому не скажешь. Ты сегодня была?

Вера. Нет. Вчера промерзла. Отхожу. Кто колбасу давал? Где?

Нина. У почты. Баптисты, иеговисты. Черт разберет.

Вера. Смотри, не траванись.

Нина (*смеется*). Им живые нужны. Смотрю, здесь знакомых совсем нет.

Вера. В нашем подъезде только в пяти квартирах люди остались.

Ира. Вечером по району идешь, в домах всего несколько окон горят и те завешаны. Фонари выключили. Страшно.

Нина (*Вере*). Где твой Лёха?

Вера. В территориальную оборону пошел. В террбат.

Нина (*смеется*). Терроризировать?

Вера. Как получится.

Нина. Идейным заделался?

Вера. Ты чего? Лёху не знаешь? Приятель уговорил. Там платят и довольствие разное.

Нина. Что дают?

Вера. Посмотрим. Домой еще не отпускали.

Нина. О нашем хозяине не слыхать?

Вера. В Германию укатил.

Нина. Откуда знаешь?

Вера. Муж Вальки с братвой к нему ездил. Зарплату выбивать.

Нина. Ну?

Вера. Дом здоровенный. В дверь колотят. Выходит старичок, от страха трясется. Говорит, уехали все. Берите, что хотите, только меня не троньте.

Нина. И чего?

Вера. Ничего. Развернулись, уехали.

Нина (*разочарованно*). Братва называется.

Вера. Какая есть.

Нина. Месяц бесплатно горбатились. (*Показывает.*) Палец иглой пробила, до сих пор не зажил.

Вера (*смотрит*). Получше уже. Скоро будет, как новенький.

Нина. Мамка моя трусихой оказалась. Игорёк ее игрушечным автоматом защищает. Вчера заявил. «Убью всю русню!» Мамка ему — мы сами русские. Игорёк расплакался, не поверил. Мамка чего-то ему объяснять стала. Понял, не понял. Шесть лет.

Вера. Мрак.

Нина. Его соседский пацан научит. Семейка из Коломьи год назад в трехкомнатную под нами заселилась.

Вера. Помню. Мовнюки, в вышиванках ходят, порядки свои наводят.

Нина. Хотела сходить к ним на разговор, да мамка меня удержала. У них власть, «Правый сектор».

Ира (*сзади*). Мудрая женщина.

Нина (*шепотом*). За мамку боюсь, за Игорька. (*Вздыхнув.*) Хорошо, что у вас деток нет.

Вера (*зло*). Дура ты, Нинка.

Нина. Прости, Верунь. Чуть сморозила. (*После паузы.*) Нож есть?

Вера. Чего?

Нина. Колбасы тебе отрежу.

Вера. Спасибо. Не откажусь.

Вера открывает сумку, достает нож. Нина вынимает из своего кулька палку колбасы, отрезает треть.

Вера. Ого! Много.

Нина. Ешь на здоровье.

Вера. Спасибо, Буду должна.

Нина. Вот теперь, ты — дура!

Вера (*целует Нину*). Спасибо, подруга.

Нина. Бегу!

Вера. Провожу тебя.

Нина и Вера выходят.

Ира (*решительно*). И меня мама ждет. Помчалась. Всем пока.

Михаил. Удачи, Ира.

Ира. И вам, Миша.

Алла. Всего доброго.

Ира выходит. Алла следует за Ирой.

Михаил (*Алле*). Где вы живете?

Алла. Через проспект. Бежать буду.

Михаил. Нам по пути. Постараюсь не отстать.

Алла и Михаил идут к ступеням. К ним сбегает перепуганная Ира. Подходят Катя и Люля.

Ира. Там женщину убило.

Алла. Нину?

Ира (*кивает*). До дома не добежала. Перед аркой лежит.

Михаил (*Ире*). Вера где?

Ира. В подъезде. Двинуться не может.

Михаил выходит, следом Алла. Михаил возвращается с Верой, поддерживая ее под руки, помогает спуститься по ступеням, подводит к стулу. Вера садится. Ира вынимает из своей сумки бутылку с водой, дает Вере.

Ира (*Вере*). Попей водички. Попей.

Вера пьет воду. Катя и Люля уходят вглубь подвала, шепчутся. Заходит Алла, тянет за рукав Михаила.

Алла (*тихо Михаилу*). Вдруг она жива?

Михаил (*тихо*). Хотите, чтобы я проверил?

Алла (*тихо*). Не знаю.

Михаил (*зовет*). Ира.

Ира подходит к Михаилу и Алле.

Михаил (*Ире*). Вы все видели?

Ира. Вера видела. Я выхожу, она пальцем тычет. Ни слова, ни слезинки.

Алла. Шок.

Михаил. Может, Нина жива?

Ира. Нет! Выскочила из подъезда. Смотрела. Не шевелится.

Алла. А если?

Михаил (*задумчиво*). В «Скорую» звонить надо. В МЧС.

Алла. Звоните.

Михаил (*АЛЛЕ*). Лучше, вы.

Алла. Хорошо.

Вера встает, берет свою сумку.

Ира (*Вере*). Ты куда?

Вера. К себе.

Вера идет к ступеням.

Ира (*участливо*). Тебя проводить?

Вера (*вяло*). Сама.

Вера выходит.

Ира (*встрепенувшись*). Побегу к ней. В горе помощь всегда нужна.

Ира выбегает.

Алла (*Михаилу*). Нужен адрес.

Катя. Дом с аркой — Космонавтов один а! Этот — один бэ.

Алла набирает номер.

Алла (*раздраженно*). Занято. Попробую еще.

Катя и Люля выходят и быстро возвращаются.

Люля. Жесть, жесть, жесть.

Катя. И я говорю... Подписчикам сообщите?

Люля (*косится на Михаила*). Погоди ты.

Алла. Дозвониться не могу.

Люля. Интернет есть! Сейчас узнаем, что вокруг происходит. (громко читает) «Враг отброшен за окружную. Граждан просим оставаться в убежищах...»

Входит Ира.

Ира. Какое убежище? Подпол.

Михаил (Ире). Что с Верой?

Ира (вздыхнув). Водки хряпнула, чуть полегчало. На кровати лежит.

Алла (задумчиво). Окружная в десяти минутах.

Катя (Алле). Пешком?

Люля. На машине. (Кате.) Ты не местная?

Катя (возмущенно). Местная! Как в техникум педагогический поступила, так здесь живу.

Входит Вера с тяжелой сумкой. Ставит сумку на табурет.

Вера. Побуду с вами.

Ира. Правильно. Лучше среди людей.

Вера. Нельзя Нинку там оставлять.

Алла. Я звонила в «Скорую», в МЧС.

Вера. Приедут?

Алла. Должны. Еще позвоню.

Вера. Как матери ее сообщить? Мобильника не знаю. Городской телефон они давно отключили. Экономили на всем. (Ире.) Посмотри, как там?

Ира. Для чего?

Вера. К Нинке надо. Иначе не по-людски.

Ира. Не смей!

Алла. Вера, пожалуйста.

Катя. Слышите, дом дрожит.

Вера. Дрожит. Думала — только у меня. Внутри.

Ира (кивает). У всех дрожит.

Михаил выходит, за ним Алла. Вскоре оба возвращаются.

Михаил. Ещё хуже стало. Со всех сторон стреляют.

Алла (тихо). Бедный Максик.

Ира. Давайте дверь прикроем. Гремит. Сил нет.

Алла. Согласна.

Михаил закрывает дверь в подвал. Становится темно. Лицо Люли подсвечивается телефоном. Михаил, включив фонарик в мобильнике, идет по подвалу.

Михаил (тяжело вздохнув). Теперь темно.

Ира. Справимся.

Алла подсвечивает телефоном подвал, берет стул, протирает его влажной салфеткой, садится.

Вера (громко). Какая же я сволочь! Нинку дурой назвала!

Люля (тихо). И меня.

Ира (Вере). В сердцах чего не скажешь.

Вера. Нинка мне колбасы, а я ее дурой.

Ира (обнимает Веру). Успокойся. Не вини себя.

Вера. За одной партой сидели, в бурсу вместе ходили, в одном швейном цеху батрачили. Всю жизнь вместе...

Ира. Горе, горе.

У Иры звонит телефон.

Ира (в трубку). Да, мама. Сижу в подвале. Жду, когда стихнет...

Вера резко встает, берет свою сумку и быстро выходит.

Ира. Мам, все. Целую. Пока.

Ира выскакивает следом за Верой.

Алла. Безумие.

Алла выключает свой мобильник. С грохотом возвращается Ира, подсвечивая себе телефоном.

Ира. Чуть не убила. Порожек не заметила.

Михаил. Дверь открыть?

Ира. Не надо..

Алла. Что с Верой?

Ира. Домой пошла.

Катя (еле слышно). Своя квартира.

Люля (Кате). Завидно?

Ира (*сочувственно*). Давно, Катя, по чужим углам ютишься?
Катя (*с вызовом*). Не убогая. Квартиру снимаю. Деньги плачу.
Ира (*удивленно*). Молодец. И сейчас платишь?
Катя. Сейчас только коммуналку.
Ира (*печально*). Что квартира? Ее разбомбить могут,
Катя. Получите компенсацию. По кадастровой стоимости.
Ира. Точно знаешь?
Катя. Точно.
Ира. Кто-то уже получал? Сейчас получал?
Катя. Раньше. И сейчас так будет.
Ира. Расскажи. Это всем важно!
Катя (*нехотя*). Мама получала. Давно.
Ира. Ты из Донбасса?
Катя. Из Авдеевки.
Люля. Теперь понятно, кто нам войну привел.
Ира (*Люле*). Язык без костей.
Люля (*зло*). Задолбали. Теперь еще в темноте сидеть.
Катя. Сами виноваты. Были бы все за Украину, русские бы не сунулись.
Алла. Какой примитив.
Катя (*гордо*). Правда всегда проста.
Ира (*Кате*). Как мне доказать, что я за Украину? На мови балакать?
Катя. Так.
Ира. Так? Так я на мове покупателей обслуживаю.
Катя (*поправляет*). Обслуговую.
Ира. Нас давно гнобят. Придет на кассу мовнюк и начинает экзаменовать.
Катя. И зараз так?
Ира (*раздраженно*). Будто не знаешь? Теперь мы обязаны «обслуговываты тильки на мови». Вначале со шпаргалкой сидела. Теперь обхожусь.
Катя. Ось тобі и видповідь,
Ира. Не поняла. Какой мне ответ?
Катя. Для тэбэ украиномовни цэ — мовнюки.

Ира. Только те, кто в Душу лезут.
Катя (*победно*). Значит, ты за Россию. Ждешь, когда тебя освободят.
Ира (*понуро*). Ничего я не жду,
Люля (*Кате*). А ты не ждешь?
Катя. Меня уже освобождали,
Алла. Лично я не позволяю себя обслуживать на мове.
Катя (*удивленно*). Как это?
Алла. Разворачиваюсь и ухожу. Пусть теряют клиентов.
Люля. Согласна.
Катя (*догадывается*). Это вы в дорогие места ходите.
Ира (*Кате*). Покупатель всегда прав.
Катя (*смеется*). Меня «сепаркой» раньше называли! А вас послушать...
Люля (*перебивает*). Правильно называли.
Катя. Говорила мама — дался тебе этот город. Люди злые, на понтах.
Люля. Тогда чего прикатила? Тяпа Тапкина.
Катя. Имею право! Забыть хочу терриконы, шахты, бандюков, пьяниц. Похороны! В третьем классе училась, когда отца завалило. Мы к бабушке в Авдеевку перебрались. А в четырнадцатом нас разбомбили.
Ира. Кто?
Катя. Ясное дело — русские!
Ира (*сочувственно*). Мама, бабушка живы?
Катя. В области живут.
Люля (*тихо*). Селючка.
Катя. Меня в училище Мыкола Маркелович в пример местным ставил. (*Гордо.*) Мне Украина все дала! И Европа, и Красный Крест мне помогли. Два раза в Польше отдыхала. Бесплатно.
Люля. Прорвало девку...
Катя. Мыкола Маркелович, нам говорил. «Ваша миссия — растить патриотов. Через деток украинство войдет в семьи. И совсем скоро русскоязычные города забалакают на державной, спивучой мове.

Алла (*усмехнувшись*). Уверена?

Катя (*Ире*). Ира, чи звыкла ты видповидаты покупцам на мови?

Ира (*вздыхая*). Звыкла, звыкла. Привыкла! Дома теперь сбиваюсь.

Катя. Ото ж.

Ира. Эге ж.

Катя. Зараз мене уси поважают. Я вихователька у дetyчому садочку.

Алла. Воспитательница.

Катя. Вчу маляток ридной мове, бо уси на рузькой щебочуть.

Алла. Так для них родной язык — русский.

Катя (*убежденно*). Алэ ридна мова — украиньска. Бо на Украины живэмо.

Михаил (*Кате*). Украина по над усе? Убер аллес!

Катя (*Михаилу*). Не понимаю?

Михаил. В Германии, в анкете на ПМЖ был пункт — родной язык. Все, кого знаю, писали — русский. Немцы удивлялись.

Если человек с Украины, почему русский? Формальная логика.

Катя. Немцы правы!

Ира. Дурацкое слово — дитлахы. Звучит, как дети лохов.

Катя. Ни дит-лохы, а дит-лахы.

Люля. Прикольню.

Катя. Трэба мову поважаты.

Ира. Странная ты, Катя. И жалко тебя, и не жалко.

Катя. Себя жалеи. Не ущербная я.

Ира. Тю.

Люля. Тяпа Тапкина.

Катя (*Люле*). Топа Топова! Запомни, Люля!

Люля. Ну, ну.

У Иры раздается звонок.

Ира (*в трубку*). Мама, тебе плохо? Ну, потерпи, родная. Скоро буду. Стрелять перестанут, прибегу. Не волнуйся, мамочка. Пока.

Ира тяжело вздыхает, подносит Михаилу стул, на котором сидела.

Ира (*Михаилу*). Садись, Миша.

Михаил (*садится на стул*). Спасибо.

Ира. Можно, побуду рядом с тобой?

Михаил. Конечно.

Ира берет стул, на котором сидела Вера, садится впритык.

Михаил (*Ире*). Что с мамой?

Ира. Сердце. И масса болячек.

Михаил. Лекарства есть?

Ира. Вроде.

Михаил. Сколько маме лет?

Ира. Через месяц юбилей. Шестьдесят!

Михаил. Надеюсь, к этому времени все наладится.

Ира. Дай то Бог.

Ира что-то шепчет на ухо Михаилу. Катя берет второй табурет, протирает его влажной салфеткой.

Внезапно все мобильники гаснут. Через закрытые двери слышны мощные взрывы, Дом дрожит.

Люля (*панически*). Жесть, жесть.

Алла. Господи...

Ира. Боженька, будь милосердным, спаси невинных.

У Михаила раздается звонок. Телефон включен на громкую.

Голос Гены (*на фоне шума польской улицы*). Привет, Миша.

Михаил (*удивленно*). Гена? Ты в своем Дюссельдорфе?

Михаил. Нет. 22 февраля я умудрился добраться домой.

Голос Гены. И как там?

Михаил. Отлично. Прячусь от обстрела. Сейчас в подвале сижу.

Голос Гены. Моя мама неделю из подвала не вылазила. Теперь к меня в Катовице. Ей помогли доехать.

Михаил. Поздравляю.

Голос Гены. Со мной живет, отбивные готовит. Уже надоело. Я же к салатам себя приучил.

Женский голос навигатора. Через сто метров поверните налево.

Михаил. У тебя машина?

Голос Гены. Уже вторая. Первую не восстановить. Поляк врезался. Самое интересное, половина машины всмятку, а меня

не задело. Приехали полиция, «Скорая».

Михаил. Лежал в больнице?

Голос Гены. Нет. отказался. Сам себе бедро вправил, как тренер учил.

Михаил. Что с поляком?

Голос Гены. Спасла подушка безопасности! Большую часть суммы он выплатил налом. Остальное — биткоинами.

Михаил. Ты соображаешь в биткоинах?

Голос Гены. По другому бы не разошлись. Тем более денег на эту машину хватило.

Женский голос навигатора. Через сто метров поверните налево.

Михаил. Куда едешь?

Голос Гены. Отвожу заказ. Работаю в доставке. (после паузы) Даже не представляю, что значит свободное время. К шести утра в цех. Потом домой, обедать. Пол часа сна и в машину. Вторая работа.

Михаил. Как дети, жена, теща?

Голос Гены. Здесь, в Катовице. Отдельно живут. Всем пособие платят.

Михаил. Теперь меньше денег им отдаешь?

Голос Гены. Не сказал бы.

Михаил. Главное, мама рядом.

Голос Гены. Мама назад хочет. Погоди минутку. (в сторону) Прошу пани. Пенензы. Дзянкую барзо. (*Михаилу.*) Одно плохо, бедро периодически выскакивает.

Михаил. Надо к врачу. Рентген.

Голос Гены. Времени нет. Работа.

Михаил. Обязательно пойд.

Женский голос навигатора. Через сто метров поворот направо.

Голос Гены. А у тебя как? Нормально?

Михаил (*раздраженно*). Замечательно!

Голос Гены. У тебя ведь немецкий паспорт?

Михаил. Нет. Не делал.

Голос Гены (*в сторону*). Прошу пана, то ваша адреса?

Михаил (*раздраженно*). Гена, я отключаюсь. Пока.

Михаил выключает телефон. Взрывы на улице не стихают.

Люля (*громко*). Да уж.

Михаил. Извините, случайно динамик включил.

Люля. Довольно занимательно.

Ира. Кто это?

Михаил. Приятель из Польши звонил. Раньше считал его другом.

Ира. А сейчас?

Михаил. Не знаю. Бесхарактерный. Жена — стерва. Два сына. Жили у тёщи в двухкомнатной. Скандалы, попреки. Две работы. Приходил на ночевку. Даже еду ему не оставляли. Сам себе готовил.

Ира (*вздыхает*). Поэтому в Польшу сбежал.

Михаил. Вначале строительная бригада, где все западенцы. Крепил к потолку листы ДСП, стоя на стремянке. Под ночь, когда все квасили, звонил мне, советоваться. Узнал, что в другом городе освободилось место закройщика. Ехать не решался. Бригадир с зарплатой тянул, сразу не отпустил бы. Я уговорил Гену бежать, пока остальные бухают. (*Гордо.*) Получилось! Комнату он снял. Не то, что с бригадой в спортивном зале на матрасах кантоваться.

Вера. Молодец, Миша.

Михаил. Почти всю зарплату он переводил жене и отдельно теще.

Ира. А тёща при чем?

Михаил. Потребовала! В ее квартире его дети живут!

Ира. Тюха-матюха.

Михаил. Маме своей он посылал, что оставалось. Дважды в году в отпуск приезжал — в августе и на католическое рождество. Жил у мамы, удивлялся, что она его деньги не тратила. Жена привозила ему туда детей и уезжала. (*С горечью.*) В Польше не доедал. Экономил.

Алла (*возмущенно*). Почему не развелся?

Михаил. Жена не хотела. Ее все устраивало. Даже, когда он узнал о ее изменах, продолжал деньги переводить. На детей. И теще.

Алла. Рабская психология.

Ира. Бедненький. Надо было ему объяснить.

Михаил. В Польше он с землячкой сошелся. Она в секте. запрещала ему новости смотреть. Только библия. Мне Гена экземпляр подарил.

Ира. Сколько ему лет?

Михаил. Мы ровесники. Пятьдесят семь.

Алла. Не молодой.

Ира (уверенно). Ну, и не старый.

Михаил. В юности первый разряд — бег на короткие дистанции.

Катя. Михаил, вы в Германии живете?

Михаил (нехотя). Отрицать бесполезно.

Катя. Повезло. Вы — немец?

Михаил (с местечковым акцентом). Очень даже наоборот.

Катя. Еврей?

Алла (презрительно Катю). Какая простота.

Ира. Никакой культуры.

Люля. Хамство.

Катя. Что такого? Вот, я горжусь, что украинка.

Ира. Гордись молча.

Катя. Теперь у нас евреи вторая нация после украинцев.

Михаил. Кто решил?

Катя. Учитель. Выкладач. Мыкола Маркелович.

Михаил. Он всем номера расставил?

Катя. Напрасно вы так. У наших народов много общего. У вас — холокост, у нас — голодомор.

Михаил (Катю). Мою маму с сестрой спасла русская тетка. Обменяла на хозяйственное мыло. Метрики своих дочерей предъявила. Повезло, что полицай был из местных. Бандеровцы не выпустили бы.

Катя. Верите в советскую пропаганду? Кстати, в УПА служили евреи.

Михаил. Где такое пишут?

Катя (гордо). В наших учебниках! До нэзалэжности правду скрывали.

Михаил. Из-за вашей правды я двадцать лет назад отсюда уехал.

Катя (обиженно). Тогда чего приезжаете?

Михаил. Здесь мой дом.

Катя. Но теперь здесь мы!

Алла. До революции моя бабушка во второй гимназии училась.

Катя (Алле). В украинской?

Алла. О-о.

Михаил (Алле). Бесполезно.

Ира (Катю). Такой, как ты, я бы детей не доверила.

Катя. Почему? Я всем добра желаю.

Михаил. Скажу вам страшное, Катя. До переезда в Германию для меня все, кто здесь живет, были русскими.

Катя. Какая ересь.

Михаил. А в Германии я стал русским.

Катя (возмущенно). Чепуха!

Михаил. Катя по-своему права. Дело в убеждениях.

Люля. Ненавижу разборки. Особенно, по национальному вопросу. Надо двигаться вперед, быть на позитиве.

Подсвечивая себе фонариком, входит Вера с огромной сумкой. Ира берет у Веры сумку. Вера подходит к стене, включает в свет. Все жмурятся. Вера садится на свой стул.

Ира (восторженно). Ничего себе!

Вера. По телевизору «Властелина Колец» крутят. Звук на всю катушку включила. Стены, стекла дрожат, а у меня кино. Колдуны, эльфы, орки.

Ира (Михаилу). Теперь орками русских называют.

Михаил. Кто называет?

Алла. Эльфы!

Люля, Ира, Алла, Михаил смеются. Вера тоже начинает хохотать. Все замолкают, у Веры хохот переходит в плач.

Вера. Из окна посмотрела — Нинка лежит, руки в стороны, не шелохнется... Еще танки видела. За домами.

Ира. Танки чьи?

Вера. Не знаю. Испугалась. Сюда прибежала.

Ира нервно обходит подвал. Вытаскивает телефон, набирает номер.

Ира (*злится, кричит*). Какого черта!

Михаил (*Ире*). Что такое?

Ира. Мама не отвечает.

Михаил. Набирай еще.

Ира (*в отчаянии*). Абонент недоступен.

Михаил (*Ире*). Не волнуйся.

Ира. Чувствую — что-то случилось. Надо бежать.

Алла. Может, зарядка у нее села?

Ира хватается свою сумку и выскакивает из подвала. Михаил и Алла следуют за ней.

Люля поглядев на Веру, подхватывает свою сумку и выбегает. Слышно, как что-то с лязгом приближается.

Вера. Танки.

Катя испуганно прижимается к стене. Михаил затаскивает в подвал Иру. За ними сбегает Люля и Алла.

Михаил (*Ире*). Погибнешь.

Ира. Плевать.

Михаил. Тем, кто любит, не плевать.

Ира (*всхлипывает*). Что же делать?

Михаил. Надо выжить. Мама простит.

Ира. Черт меня дернул переться за «гуманитаркой». Первый выходной за месяц. Эту «гуманитарку» у нас в супермаркете по дешевке продают.

Из подъезда доносится шум. Вера кидается к выключателю. Свет гаснет.

Открывается дверь подвала.

1-й голос сверху (*с западноукраинским акцентом*). Кто не заховався, я не виноват.

Сильный луч фонаря движется по подвалу, замедляясь на каждом из присутствующих.

1-й голос сверху. Москали э?

Ира. Нет. Мы — местные!

1-й голос сверху (*коверкая*). Мэстные? «Рузький мыр» чэкаетэ?

Катя (*решительно*). Ни. Мы за Украину.

1-й голос сверху. То гарно. Кто з цого пидьизду?

Луч фонаря бродит по подвалу. Катя смотрит на Веру, Вера отворачивается.

1-й голос сверху. З трэтёго, девьятого поверхив хто э?

Ира. Никого.

1-й голос сверху. Чому у цёму подвали?

Ира (*быстро*). За «гуманитаркой» ходили, Начался обстрел, домой не добежали. Прячемся. Очень страшно.

1-й голос сверху. Мени що вас пожалиты?

Михаил (*тихо*). Еще не хватало.

Луч фонаря бьет в глаза Михаила.

1-й голос сверху. Що ты кажешь?

Ира. Говорит — «гуманитарки» на всех не хватило. Не хватало.

1-й голос сверху. Прыготуваты паспорты.

Михаил (*еле слышно*). Вот и все.

Ира (*испуганно, Михаилу*). Нет паспорта?

Михаил. Нет.

Ира (*Михаилу*). Скажу, мой сосед.

Алла. Мы мирные!

1-й голос сверху. На вийни мырных нэма! Мырни за мыр? А воюваты хто буде? Пушкин? Ни! Тарас Шевченко!

Катя смело подходит к лестнице, протягивает свой паспорт.

Катя. Мий документ! Кажить будь ласка, що видбувається?

1-й голос сверху (*коверкая русский*). Идут боевые действия.

Катя. Що нам робиты?

1-й голос сверху. Пидийды близче, красуня.

Катя делает пол шага вперед. Луч фонаря ходит по ее лицу, телу.

1-й голос сверху. Як тэбэ зваты?

Катя. Катя.

1-й голос сверху. Катруся! Яка ж ты гарнюня.

Катя (*смущаясь*). Спасыби.

1-й голос сверху. Пидешь зи мною, Катруся?

Катя (*испуганно отступает*). Ни.

1-й голос сверху. Чому?

Катя. Я вас не знаю.

1-й голос сверху. Лякаешься мэне?

Катя. Ни. Не боюсь. Бо вы наши захистныкы.

1-й голос сверху (весело). Тоди пийшлы. Познаёммыося.

Катя не двигается с места держа перед собой паспорт.

1-й голос сверху. Гаразд. Сыди тыхо. Чекай.

Луч фонаря гаснет, дверь подвала захлопывается.

Ира (тихо). Ушел.

Люля. Срочно надо выбиратья.

Люля бросается к двери.

Люля (недоуменно). Нас заперли.

Ира включает свет, вместе с Люлей пытается открыть дверь. Вера отрешенно сидит на стуле. Катя прячется в темной части подвала.

Ира (возмущенно). Какого черта.

Люля. Что за дела?

Михаил. Девочки, отойдите.

Ира, Алла, Люля отступают Михаил силится открыть дверь.

Михаил. Вера, есть лом или топор?

Вера. Сперли лом.

Люля. Облом.

Ира (Люле). Поэтка.

Люля (гордо). Поэт.

Вера встает, отстраняет Михаила, дергает дверь.

Вера. Давайте вместе навалимся.

Вера, Михаил, Ира пытаются открыть дверь.

Михаил. Бесплезно. Чем-то снаружи припер.

Ира. Вера, почему он про соседей спрашивал? Про этажи?

Вера. Сделают огневые точки.

Ира. Ты на шестом. Повезло. (Испуганно.) А если ответка? Дом панельный, сложится. Выбраться как?

Катя выскакивает из темной части подвала.

Катя (в истерике кричит). Вы — виноваты! Все это из-за вас!

Вера со всей силы толкает Катю к стене.

Вера (цедит). Нас заперли из-за нас? Одна ты — цаца!

Катя (кричит). Война из-за вас! Были бы за Украину...

Ира (язвительно). Чего к нему поперлась, Катруся?

Катя. Он требовал паспорт.

Ира. И ты на цырлах...

Вера. Понравилась она ему.

Люля. Вот бы и запер одну. Мы при чем?

Вера замахивается на Катю.

Катя (Вере). Я тебя не сдала.

Ира (Вере). Точно. Могла сказать, что ты из этого подъезда.

Вера. Хотела.

Михаил (одобрительно). Молодец, Катя. Поступок.

Вера отходит от Кати.

Вера. Смешно — нас заперли из-за нас. Сами себя обстреляли.

Катя уходит в темную часть подвала.

Вера (достаёт телефон). Ничего, я им сейчас устрою.

Ира. Кому звонишь?

Вера. Лёхе. Он с оружием. (В трубку.) Лёха, слушай сюда. Нинку убили. Перед аркой лежит. Наш дом западенцы захватили, огневые точки делают в квартирах. Нас в подвале заперли. Спасай!

Вера выключает телефон.

Ира (Вере). И чего?

Вера. Побежал к командиру.

Ира. Он сейчас где?

Вера. На севере города.

Алла. Далекко.

Вера. Лёха шустрый.

Ира. Дай Бог.

Вера набирает номер.

Вера (испуганно). Это кто? Как не положено? (Зло.) Телефон

отключили.

Ира (взволнованно). Что там?

Вера. Телефон у него отобрали. Матом кроют.

Ира достает свой телефон.

Ира (нервно набирает номер). Мама, мамочка, ответь.

Люля. Интернет работает. Обращусь к подписчикам. Помогут.

Ира (Люле). Поторопись.

Люля (Ире). Не мешай. Надо правильно сформулировать.

Люля ходит по подвалу, что-то тихо проговаривая. Алла достает телефон, нажимает кнопку набора номера.

Алла (в трубку). Привет, Алекс. Я с просьбой. Нужен номер Петра Ивановича. Срочно. Спасибо.

Ира (Алле). Кому звонили?

Алла. Бывшему. Он в Испании

Люля (уважительно). Отдыхает?

Алла. Свой дом. (Смотрит в телефон.) Прислал номер. (Набирает.) Петр Иванович, добрый вечер. Это Алла. Узнали? У меня к вам просьба. Я сейчас в подвале дома. Адрес — Космонавтов один бэ. Нас заперли, не выпускают. Нет. Не арестовали. Закрыли в подвале. Не представились. Да. В военной форме. Не знаю, что им нужно. Петр Иванович, помогите. Нас шестеро. Космонавтов один бэ. Первый подъезд. Большое спасибо.

Ира (Алле). Кто такой Петр Иванович?

Алла. Большой человек.

Ира. Поможет?

Алла. Надеюсь.

Люля становится в центр подвала, где лучший свет.

Люля. Внимание! Я сейчас обращусь к подписчикам. Они у меня по всему миру. Для картинке лучше, если все станут за мной.

Вера. Шоу устраиваешь?

Алла прислушивается.

Алла. Тише. Спускается. Свет.

Ира выключает свет. С грохотом открывается дверь. Луч фонаря быстро движется по подвалу.

1-й голос сверху. Дэ моя Катруся? (Зовет.) Катрусю!

Катя медленно подходит к лестнице.

1-й голос сверху. Змерзла, гарнюня? Я тобі подарунок прынис.

Катя. Не трэба.

Через дверь в руки Кати летит объемный кулек.

1-й голос сверху (требуется). Доставай подарунок.

Катя вынимает из кулька шубу.

1-й голос сверху. Примерь, Катруся.

Катя покорно снимает свою дутую куртку, надевает шубу.

1-й голос сверху. Покружись, покружись! Оте супэр!

Катя. Не трэба.

1-й голос сверху. Замок прынис. Тепер мени та вам буде спокойнише!

Алла. Не закрывайте нас!

Вера. Мы — заложники?

1-й голос сверху. Приказ командира не обсуждается.

Дверь подвала закрывается. Слышно, как вояка закрывает замок и шагает вверх.

Ира включает свет. Катя стоит в шубе.

Вера (смотрит на Катю). Шубка Тамары Семеновны, с девятого.

Ира. Она здесь?

Вера. В село уехала. (Кате.) Шубу снимай.

Катя быстро переодевается в свою куртку, шубу аккуратно сворачивает и кладет в кулек.

Вера. Как в фильмах о гражданской. Махновцы, петлюровцы.

Ира. На «Новой почте» вояки с тюками без очереди прут.

Михаил. Когда-то здесь ходил к женщине-стоматологу, Как-то вижу у нее сережки с шестиконечными звездами. Спрашиваю — откуда? Она говорит — семейная реликвия, от бабушки достались. А я точно знаю — у нее в роду евреев нет.

Ира. И что? Не поняла.

Михаил. Либо сережки с погрома достались, либо из-за другого горя.

Катя (зло). Я не виновата, что мне шубу дали.

Михаил (Кате). Вас никто не упрекает.

Катя (осмелев). И о махновцах, петлюровцах не надо придумывать. За мародерство тогда расстреливали. Я знаю, делала доклад,

Ира. Пятерку получила?

Катя (гордо). Грамоту.

Вера. И сейчас расстрел полагается? За мародерство?

Катя (в истерике). Не могу я с вами! И его боюсь.

Вера (Кате). Дура.

Катя поднимает капюшон и уходит в темную часть подвала. Алла достает телефон, набирает номер.

Алла (смотрит в телефон). Ничего не понимаю. Петр Иванович не доступен.

Ира. Говорить не хочет.

Алла (Ире). Минуту. *(Нажимает кнопку набора номера.)* Алекс, я ему дозвонилась, обещал помочь и пропал. Буду еще его набирать. Ты тоже набирай. Прямо сейчас! Издеваешься? Меня в подвале заперли! В любой момент убить могут.

Алла нервно ходит по подвалу.

Вера. Алла, не маячь

В центр подвала становится Люля.

Люля. Люди, я готова работать. Кто участвует?

Алла. В чем? Как?

Люля. Садитесь на стулья у стены. Я стану перед вами.

Алла. Нужно что-то говорить?

Люля. Нет. Просто сидите. Говорю я.

Вера (Люле). Поделись, что скажешь? Мы не куклы — фоном сидеть.

Ира (просительно). Вера, не надо.

Вера (Люле). Ладно, дерзай.

На стулья, расставленные вдоль стены, садятся Алла, Вера, Ира и Михаил.

Люля (громко). Внимание!

Из темной части подвала выскакивает с табуретом Катя и садится рядом с Михаилом.

Люля (включает и направляет на себя телефон). Девки, парни, вы знаете, я всегда на позитиве, но сейчас мне страшно. Реально страшно! Здесь гибнут люди. Реально гибнут. Во дворе недавно убило молодую женщину, маму маленького мальчика. Пока идет стрельба, к ней не подобраться. Мы прятались в подвале. В дом явились какие-то военные и заперли нас! Заперли те, кто должен защищать. Девки, парни, мы в западне. Нашими жизнями теперь распоряжаются непонятно кто. *(Указывает на Катю.)* Со мной в подвале оказалась начинающий блогер — Топа Топова. Ее зовет с собой один из тех, кто нас запер. Шубу ей подарил, которую украл в одной из квартир.

Катя закрывает лицо руками и убегает в темную часть подвала.

Люля. В любой момент он может вернуться и делать с нами, все, что захочет. У него оружие. Абсолютная власть. Нам очень страшно. Мы просим, требуем нас освободить! Адрес дома — Космонавтов один бэ. Первый подъезд. Подвал. Девки, парни, рассылайте видео всем, всем, всем. От вас зависит наша жизнь.

Люля выключает телефон. Михаил, Вера, Ира и Алла подходят к Люле.

Алла (Люле). Спасибо.

Вера (уважительно). Не ожидала!

Ира. Точно. Всех удивила.

Михаил. Здорово. Смело.

Люля (Михаилу). Думали, если блогер...

Алла (Люле). Надо было про огневые точки сказать.

Вера (Алле). Нет, Скажут, что наводчица. У Вальки в доме профессора арестовали, как наводчика. Дедушке за восемьдесят, слепой.

Михаил. Значит, не то говорил.

Люля достаёт из своей сумки бутылку воды, отрывает, пьёт. Алла отходит в сторону, кому-то звонит.

Вера (*Михаилу*). Может, и вы позвоните?

Михаил. Куда?

Вера. В Германию.

Ира (*Михаилу*). Точно. Позвони.

Михаил. Девочки, кому звонить? Канцлеру?

Ира. Не знаю.

Вера. Тогда скажите этому вояке, что вы из Германии. Вдруг, испугается, снимет замок.

Михаил. Простите, экспериментировать не буду.

Ира (*тихо Вере*). У него паспорта нет.

Михаил (*уточняет*). Немецкого. Только украинский. Загран. И тот дома.

Ира. А внутренний где?

Михаил. При выезде на ПМЖ внутренний паспорт сдаётся. По закону.

Ира. Многие оставляют.

Михаил. Таких не знаю.

Ира. Носил бы загран. Сейчас все обязаны ходить с документами.

Михаил. В загране нет прописки. Надо объяснить патрулю, почему оказался именно здесь. Могу, конечно, носить документы на квартиру. Там мои фамилия и адрес.

Ира. Носи документы.

Михаил. Бандитам в форме — лакомый кусок. Могут препроводить на местожительства для выяснения. Дальше, как повезет. Ограбят. Убьют, не убьют...

Ира (*в сердцах*). Точно.

Вера. Да. На кого нарвешься.

Ира. Бедный Миша. Думала, раз из Германии, барином ходишь.

Михаил. Перед выходом из квартиры, я просчитываю по минутам весь маршрут, чтобы ни на кого не нарваться.

Ира. А за «гуманитаркой» как-же?

Михаил. Там толпа. И патрули не ходят.

Подходит Алла.

Алла. Влиятельный знакомый самоустранился.

Ира. Гад.

Михаил. Надеемся на блогеров.

Вера. Да то такэ.

Подбегают, взбешенная Люля.

Люля. Жесть, жесть, жесть!

Вера. Что еще?

Люля. Меня заблокировали. Видео удалено. Написали — якобы я какие-то правила нарушила.

Михаил. Цензура.

Люля (*недоуменно*). Не может такого быть. Мои подписчики...

Михаил. Остается верить, что кто-то успел переслать видео.

Алла (*разочарованно*). О-о..

Люля (*сама себе*). Надо оставаться на позитиве.

Ира (*всхлипывает*). Бедная моя мамочка.

Алла (*Ире*). Стоп! Не раскисать. Думаем, как быть дальше.

Михаил. Давайте здесь обустроиваться.

Вера. Для начала надо поесть.

Алла. У меня из съедобного только батон и вода.

Ира. На хлеб можно подсолнечного масла. Жаль, соли нет.

Вера. Найдется. Девчонки, за мной.

Ира, Алла и Люля следуют за Верой в дальний угол подвала. Ира выносит деревянный ящик и клеенку, Вера две пустые трехлитровые банки, закрытые крышками, Алла и Люля по две картонные коробки из-под бананов. Вера на ящик стелет клеенку, ставит банки, из своей сумки достаёт начатую бутылку водки, пачку галет, нож, колбасу, связку чайных пакетиков, кулечки с сахаром и солью, две одноразовые тарелки, четыре одноразовых стаканчика и пачку салфеток.

Вера. Ну, пока так.

Алла. Роскошно.

Вера (*Алле недоверчиво*). Шутишь?

Алла. Не до жиру.

Ира. Давайте всю «гуманитарку» вместе сложим. (*Качает головой.*) Ох, там куриные ошметки. Начнут таять, подвал завоняют.

Люля (*печально*). Придется чайные пакетики холодной водой заливать.

Вера, подмигнув Люле, достает из сумки большой кипятильник.

Алла. О-о.

Михаил. И розетка подвале имеется?

Вера (*указывает*). Внизу, напротив выключателя.

Люля (*радостно*). Живем! Мобильник можно зарядить.

Алла. По очереди.

Люля. Я — первая. (*Смотрит в телефон.*) Ой, интернет вырубили.

Люля быстро включает в розетку свой телефон. Ира в большой пакет выставляет бутылки масла и воды, белый батон и целлофановый кулек с кусочками курицы.

Алла, Михаил и Люля делают тоже самое.

Ира. Пока полтора литра воды вскипячу. Экономить надо.

Алла. Разумно.

Вера (*перерезает на пополам колбасу*). Девочки, кто тонко умеет?

Ира. Я. Коллега научила.

Взяв у Веры нож, Ира на салфетке аккуратно нарезает двенадцать кусочков колбасы, потом берется за хлеб.

Ира. Хлеб плохой, крошится.

Алла. И на том спасибо.

Ира капает на каждый кусок хлеба подсолнечное масло, сверху накладывает по два кусочка колбасы. Вера наливает в стаканчики немного водки.

Вера. Нинку, помянем. Правда, стаканчиков всего четыре.

Ира. Мы с Мишей из одного. (*Михаилу.*) Не возражаешь?

Михаил. Нормально.

Вера (*доливает в стаканчик Иры*). По справедливости.

Михаил. Спасибо.

Ира (*указывает в сторону Кати*). Позвать?

Вера. Она слышит. Захочет, придет.

Вера, Ира, Алла и Люля берут стаканчики с водкой и по бутерброду. На тарелке остаются два.

Ира. Учите, с едой пока все!

Люля. Понятное дело.

Алла. Не совсем.

Алла вынимает из своей маленькой сумочки и кладет на «стол» плитку шоколада и три конфеты в яркой обертке.

Ира (*смотрит на конфеты*). Дорогие. Никогда не пробовала.

Люля из своей сумочки извлекает начатую пачку печенья и кекс.

Люля. Что есть, то съесть.

Ира (*уважительно Люле*). Поэт.

Люля (*гордо*). А то!

Вера выходит в центр подвала.

Вера (*волнуясь*). Надо что-то сказать о Нинке, да сил нет. Дико все, глупо. И вообще...

У Веры текут слезы. Вера выпивает одним глотком водку, не закусывая. Алла и Люля пьют, едят свои бутерброды. Ира отпив немного, протягивает стаканчик

Михаилу. Михаил допивает водку. Ира протягивает Михаилу свой бутерброд.

Михаил (*указывает на «стол»*). Спасибо, у меня есть.

Вера берет бутылку, наливает себе, смотрит на остальных.

Вера. Кому?

Люля. Мне не надо.

Ира (*Люле*). Надо. (*Михаилу.*) Миша, скажи!

Вера наливает всем водки, Михаилу почти полный стаканчик.

Михаил (*Вере*). Это много.

Вера. На двоих.

Михаил становится в центре подвала.

Михаил. Война не щадит никого. Мы обязаны выжить ради тех, кого мы любим. Выпьем друг за друга, за то, чтобы хватило сил достойно пройти все испытания. Выпьем за жизнь. (*Тихо.*) Ле-хаим.

Люля. Чокаться можно?

Ира. Нужно.

Вера (*громко*). И чтоб не чокнуться!

Ира (*тихо*). Миша, какое ты слово в конце сказал?

Михаил. Ле-хаим. По-еврейски — за жизнь.

Ира. Ле-хаим.

Вера (*удрученно*). Лёха, Лёха, во что ты вляпался?

Ира (*Вере*). Авось, пронесет.

Вера (*злится*). Телефон не отвечает.

Люля. Нет интернета.

Вера (*садится на стул, поет*). «Ой, да не вечер, да не вечер...»

Ира (*подхватывает*). «Мне малым мало спаслось...»

Люля (*с обидой, Алле*). Слов не знаю.

Алла. Ты подпевай. «Мне малым мало спалось...»

Михаил. «Да во сне привиделось...»

Все, кроме Кати, поют.

Ира (*спохватывается*). Потише надо. (*Указывает в потолок.*)

Услышат.

Вера. Да пошли они! Я пока в своем доме.

Пение Веры перерастает в плачь. Ира подходит к Вере, обнимает. Вера отстраняет Иру, идет в самую темную часть подвала, где сидит Катя и приносит оттуда старое ведро.

Вера (*многозначительно*). Кому приспичило, сюда.

Люля. Мне надо, но где?

Вера. Выбирай место.

Люля. При всех?

Вера (*указывает на ящик из-под бананов*). Картонкой прикройся.

Алла (*берет коробку и ведро*). Не возражаете?

Алла с коробкой и ведром ищет укромное место. Ира достает телефон, не дозванивается, молча вытирает слезы. Михаил берет с тарелки бутерброд, заворачивает в салфетку и несет кате. Ира идет за Михаилом и останавливается в трех шагах от них.

Михаил. Катя, бутерброд.

Катя. Спасибо. Ешьте сами.

Михаил. Чего вы такая колючая?

Катя (*с обидой*). Здесь меня все ненавидят. Унижают мою идентичность.

Михаил. Вы серьезно?

Катя. Что не скажу, затыкают.

Михаил. Так вы никого, кроме себя, не слышите.

Катя. Я за правду!

Михаил. Катя, сколько вам лет?

Катя (*нехотя*). Двадцать три. И что?

Михаил. Значит, в четырнадцатом пятнадцать было.

Катя. Ну.

Михаил. Помните, что тогда творилось?

Катя. Квартиру нашу разбомбили.

Михаил. И все?

Катя. Остальное не важно.

Ира слушая разговор, делает шаг вперед.

Михаил (*Кате*). Наоборот! Очень важно. Весной четырнадцатого здесь, на площади, тысячи людей скандировали. «Россия, приди!»

Катя (*недоверчиво*). Гоните?

Ира. Я там с мамой была.

Катя (*Ире*). Россию звала?

Ира делает шаг назад.

Катя (*Михаилу*). По-вашему — здесь все были за Россию?

Михаил. Конечно, нет. Большинство тех, кто звал Россию, были за Украину без Бандеры. Только их мнение подавляли силой. По городу носились машины без номеров. Заметят георгиевскую ленточку, красное знамя, остановятся. Выскочат боевики в масках, изобьют или с собой увезут. Все быстро, слаженно. Две, три минуты! Уголовников, готовых воевать на Донбассе, выпустили. Недовольных отправили в тюрьмы.

Катя (*перебивает*). Выходит здесь все плохо?

Михаил. Здесь мой дом. Да, и песни какие поют.

Катя. Вы нас ненавидите. Германией прикрываетесь.

Ира. Дура.

Михаил (*Кате*). Наш город раньше умел припечатать словом.

Сейчас он притих. Я старше вас и все помню.

Катя. Коммунист.

Михаил (*смеется*). Вас научили выбирать нужные пазлы и не замечать общей картины. Учтите, Катя, бойня на Донбассе велась за мой счет.

Катя. Как это?

Михаил. Помните, сколько банков в четырнадцатом закрыли?

Катя. Мафиозные закрыли.

Алла (*из темноты*). У нас все мафиозные.

Михаил. Лично у меня изъяли двадцать тысяч евро и десять тысяч долларов.

Алла. Нам что-то вернули. За большой процент.

Катя. Есть фонд гарантированных вкладов.

Михаил. Максимальная выплата — двести тысяч гривен. На одно лицо. Эквивалент десяти тысяч евро.

Алла. Курс подняли в три раза.

Михаил. На руки получил меньше, ведь банк, который выплачивал, должен взять свое!

Катя. При чем здесь война? Донбасс?

Михаил. Война — это деньги. Меня и других обокрали, чтобы воевать.

Катя (*с ненавистью*). Вы — рашист.

Михаил. Теперь понятно, почему меня заперли.

Люля. Мой папа прямо в банке умер. Деньги свои требовал. Сердце...

Алла. Боже.

Ира (*Кате*). А про военный налог знаешь? Все годы.

Подходит Вера. Катя вскакивает с табурета.

Катя (*кричит*). Мыкола Маркелович вам бы ответил! (*Тычет пальцем в поток.*) И этих бы на место поставил.

Михаил. Позвоните ему.

Катя. Телефона не знаю. (*Убежденно.*) Он бы вам доказал!

Михаил. Поздно меня перевоспитывать. И вас поздно.

Ира подходит к Михаилу.

Ира. Миша, не трать нервы.

Катя (*Михаилу*). Ничего, наши вам покажут.

Ира (*Кате*). Угрожаешь?

Михаил (*Кате*). Кто наши? Кто свои? Вояка с шубой?

Вера. Захыстнык.

Михаил. Вам ведь страшно, Катя, а разве своих боятся?

Катя (*цедит*). Не хочу вас видеть, знать.

Вера. А мы тебя подавно. Мы же — сепары. Мы — колорады.

Люля (*громко*). Тяпа Тапкина.

Катя поднимает капюшон, отворачивается к стене. Михаил на табурет кладет бутерброд и вместе со всеми возвращается к «столу».

Вера. Попьем чаю и спать.

Ира (*пытается улыбнуться*). Со сладеньким.

Люля (*смотрит в телефон*). Уже полночь. Интернета нет.

Алла. Глаза закрываются.

Люля. Вот бы прилечь.

Вера (*указывает Люле на коробки*). Распрями картон и ложись.

Ира (*Люле*). Смотри, как надо.

Ира разнимает одну коробку, потом другую. Вера приносит банку с кипятком, разливает воду по стаканчикам. Михаил, Ира, Вера, Люля, Алла пьют чай.

Ира. Хорошо-то как.

Вера. Только тошно.

Ира начинает плакать, за ней Вера, Алла, Люля.

Вера (*сквозь слезы*). Свет вырубаю.

Вера подходит к стене и выключает свет. Подсвечивая себе телефонами, Вера, Алла, Люля, Ира и Михаил садятся вдоль стены.

Ира. Слышите?

Алла. Что?

Ира. Спускается.

Вера. Нет. Показалось.

Люля (*шепчет*). Идут.

Открывается дверь. Сильный луч фонаря бродит по подвалу.

1-й голос сверху. Катруся, красуня. Йды до мэнэ. Я тэбэ прыгощу.

После долгой паузы, Катя хватает кулек с шубой и выбегает из подвала. Дверь резко закрывается.

Вера. Вот так номер.

Люля бросается к двери.

Люля (злится). Опять запер.

Ира. Думала, из-за нее мурыжат?

Люлю оттесняет Алла, барабанит со всей силы по двери.

Алла (кричит). Выпустите нас! Умоляю! Выпустите!

Дверь вскоре открывается. Луч фонаря бьет в лицо Аллы.

1-й голос сверху. Чого тобі?

Алла (сдерживая слезы). Выпустите, пожалуйста.

1-й голос сверху. На двори небеспечно.

Алла. Все равно. Хотите, заплачу. Доллары.

1-й голос сверху. Скильки?

Алла. Семьсот двадцать долларов. Все, что есть.

Луч фонаря бьет в глаза Аллы.

1-й голос сверху. Дэ гроши?

Алла дрожащими руками достает из сумочки деньги и протягивает за дверь.

1-й голос сверху. Щиро дякую.

Алла. Можно выходить?

1-й голос сверху (после паузы). Ще маешь гроши?

Алла. Нет. Все отдала.

1-й голос сверху. Брешешь?

Алла. Не брешу. Отпустите. Макс умирает. Меня ждет.

Дверь закрывается. Алла стоит в недоумении, потом опять стучит.

Вера. Лоханулась наша Алла.

Алла (отходит от двери). Надо было попробовать.

Ира. Ни фиги себе, такие деньжищи с собой таскать.

Алла бродит по подвалу.

Алла (тихо всхлипывает). Бедный Максик.

Вера. Не раскисать.

Ира (тихо стонет). Мамочка моя...

Вера (зло). Всем заткнуться. Еще я голосить начну.

Алла. Простите.

Ира. Точно, точно.

На расстеленный картон ложится Ира.

Яра. Миша, я картон постелила, вытерла. Он чистый. Приляг.

Михаил. Спасибо. Потом.

Ира. Стесняешься?

Михаил. Нет.

Ира. Ложись. Согреемся.

Вера. Катька теперь в тепле. На перине. Шалава.

Ира. Довели девку.

Люля. Сама себя довела.

Ира. Что дальше будет?

Михаил. Надо спать.

Ира. А если она расскажет, что здесь говорили? Ты, я, Вера?

Вера. Тогда кранты.

Люля (волнуясь). И мне прилетит. За Тяпу Тапкину.

Вера. Чему быть, того не миновать.

Алла. Как в страшном сне.

Ира. Точно, точно.

Михаил. Не все страшные сны заканчиваются плохо.

Алла. Главное, заканчиваются.

Вера (громко). Спим!

В темноте еще сильнее слышны звуки взрывов и автоматных очередей. Люля, подсвечивая себе телефоном ищет ведро, находит, выключает телефон. Струя льется в ведро.

Михаил (шепчет). Ирка, обалдела?

Ира (тихо). Не ори.

Михаил. Ох.

Ира. Тс ...

Вера. Чего вы там?

Люля. Жесть, жесть...

Алла. О-о.

Михаил (*тихо*). Ира...

Вера. А мне нравится.

Ира. Не подслушивай.

Люля. Жесть, жесть.

Грохот усиливается и длится долго-долго. Едва различим разговор.

Ира (*шепчет*). Спишь?

Михаил. Нет.

Ира. Думаешь, доступная?

Михаил. Нет.

Ира. Я тебе нравлюсь?

Михаил. Да.

Ира. Меня можно полюбить?

Михаил. Да.

Ира. Кроме мамы, меня никто не любит. Миша, у тебя жена, дети?

Михаил. Никого.

Ира. Как так?

Михаил. Сам виноват. Определиться не мог, где жить. Здесь, в Германии или в России. Думал, уезжаю ненадолго, мир посмотрю. Потом папа умер. Маму боялся потерять. Нормальная женщина такого долго не выдержит.

Ира. Я бы выдержала.

Михаил. Любовник и муж — разные вещи.

Ира. Ты хочешь семью?

Михаил. Да. Только теперь я старый.

Ира. Я тоже не девочка. Не наговаривай на себя.

Михаил. Ровесник твоей мамы.

Ира. Младше. И выглядишь, максимум на полтинник. Кем ты работаешь?

Михаил (*не сразу*). Я — писатель. Поэт. Русский поэт.

Ира (*удивленно*). Поэт? Русскоязычный?

Михаил. «Русскоязычных» придумали те, кто подменяет смысл.

Ира. О чем пишешь?

Михаил. Книгу подарю, узнаешь.

Ира. Если выберемся. (*Плачет.*) Как же меня все достало. Унижаешься, терпишь. Ради чего? Теперь вот война. Заперли сволочи. Скажи, Миша, за что? Почему?

Михаил. Потому что — сволочи. Беспредельщики. Всегда такими были.

Ира. Они же, как бы, свои.

Михаил. Вот именно — как бы. Они свои для своих, сверхчеловеков.

Ира. Но.

Михаил. Мы давно заложники. Жертвы развала единой страны.

Ира. Говори тише.

Михаил. Боишься?

Ира. Береженого Бог бережет.

Михаил. Я ведь уехал в Германию, надеясь переждать это помрачение.

Ира. И оказался в самом пекле.

Михаил (*вздыхает*). Соседке перемудрила с платежами за коммуналку. Пришлось срочно приехать.

Ира. Судьба.

Михаил. За то с тобой познакомился.

Ира. Я — простая. Техникум закончила. Нигде не была. В центр редко выбираюсь. Кассу сдала, кассу приняла. Ты для меня — инопланетянин. Поэт. Если можно, почитай мне свои стихи. Пожалуйста.

Михаил (*после паузы*).

Дальше не будет хуже,
Туже бинтуйте Душу,
До мумии, до мумиё,
Чтоб сохранить Её.
Каяться больше не надо,
Перед исчадием Ада,
Пред недобитым врагом,
Скоро Победный гром.
Если не верить в Победу,

То укрепляются беды
И матерееет волк,
К бою Бессмертный Полк.

Ира (*сквозь слезы*). Тебя за такое убьют. Разорвут.

Михаил. Значит, заслужил.

Ира. Я не позволю.

Михаил. Спасибо.

Ира. Хочешь, чтобы русские пришли?

Михаил. Освободители! С красным знаменем.

Ира (*задумчиво повторяет*). Освободители. Думаешь, там мало сволочей?

Михаил. Сволочей везде хватает. Главное, не дать им власть.

Ира. Мне с тобой не так страшно.

Михаил. И мне.

Наступает тишина. Едва различимы шорохи в подвале.

Люля (*включает телефон*). Пять ночи.

Вера. Пять утра. Спим!

Сверху доносится песня.

2-й голос сверху (*поет*). «Ой, да не вечер, да не вечер...»

Ира. Наш?

Вера. Сейчас узнаем.

Дверь открывается. Луч фонаря скользит по подвалу.

2-й голос сверху. Лошара, который из Германии, выходи!

Ира (*цедит*). Катька сдала.

Михаил подходит к лестнице.

2-й голос сверху. Размер какой?

Михаил (*удивленно*). Что?

2-й голос сверху. Одежды размер?

Михаил. Пятидесятый.

2-й голос сверху. Обувь?

Михаил. Сороковой.

2-й голос сверху. Куртку давай сюда!

К лестнице подбегает Ира, заслоняет Михаила.

Ира. Грабите?

2-й голос сверху (*Михаилу*). Поживее, любезный.

Михаил расстегивает куртку. Рядом становится Алла.

Алла. Денег мало дала?

2-й голос сверху. Чего гонишь? Какие деньги?

Алла. Ваш коллега получил.

2-й голос сверху. Не коллега. Побратим. Сколько взял?

Алла. Семьсот двадцать долларов.

2-й голос сверху. Не хило. Что обещал?

Алла. Отпустить.

2-й голос сверху. Хитрый вуйко. Разберемся.

Дверь резко закрывается. Слышны шаги. Вера включает свет.

Люля. Пронесло.

Вера. Не кажи гоп.

Ира застегивает на Михаиле куртку.

Ира (*испуганно*). Миша, что происходит?

Вера (*Ире*). Переодеться в гражданское хочет, чтобы смыться.

Ира. Выходит, русские совсем близко.

Вера. Хоть бы из нашего дома не стреляли.

Ира. Скорей бы они все сбежали.

Вера. Кто молитвы знает?

Алла. Думаете, русские лучше?

Михаил (*Алле*). Судите сами — свет не вырубили. В квартирах газ, вода, отопление.

Ира (*Михаилу*). Жалеют.

Михаил. Так себя не ведут захватчики.

Алла. Михаил, вы очень смелый человек.

Михаил. Если грохнут, будете знать, за что.

Ира. Перестань.

Михаил смотрит в глаза Иры. Ира отворачивается и плачет. Люля вынимает из кармана телефон.

Люля (*радостно*). Есть связь.

Алла, Вера, Ира и Михаил вынимают свои телефоны.

Люля (*разочарованно*). Опять накрылась.

Вера. Кранты.

Люля (*Михаилу*). Считаете, нас русские отсюда вытащат?

Ира (*Михаилу*). Не отвечай.

Михаил. Больше некому.

Люля (*Ире*). А ты как считаешь?

Ира. Я на кассе сижу, деньги считаю.

Люля (*Ире*). Сказать боишься?

Ира. В четырнадцатом надо было. Сейчас не знаю.

Люля (*Ире*). Почему?

Ира. Сейчас всё другое. Мы другие.

Вера. Лёха бы помог.

Люля. Где твой Лёха?

Вера (*обреченно*). Кранты.

Ира (*сквозь слезы*). Жалко маму. Всех жалко. С нами так нельзя. Нельзя.

Михаил крепко обнимает Иру, целует.

Михаил. Беспредел не вечен.

Ира отстраняется от Михаила, нервно ходит по подвалу.

Ира. Как же русским победить? Весь мир за Украину. Америка, Европа.

Михаил. Там справедливости нет.

Ира. Кому нужна справедливость?

Михаил. Нам нужна. Каждому.

Алла. В Европе красиво. Все улыбаются.

Люля. И за копеечку удавятся.

Ира (*Люле*). Поэтка.

Люля. Поэт не склоняется. И блогер тоже.

Ира. Теперь все склоняется.

Люля. Это если нормально, по-русски!

Ира (*удивленно*). Люда?

Люля. Успела новость прочесть — российский десант на проспекте.

Ира. На каком?

Люля. На нашем.

Алла. Почему сразу не сказала?

Люля. Не поверила. Проспект длинный.

Вера (*печально*). Поэтому огневые точки.

Ира (*перепуганно*). А если ответка накроет?

Вера (*решительно*). Быстро картон расстелем и ляжем.

Ира. Коробки еще есть?

Вера. В дальнем углу. Подгнившие.

Вера, Ира, Алла, Михаил и Люля приносят картонные коробки, разнимают, кладут на пол.

Алла (*панически*). Нас не найдут. Замок.

Вера. На двери мелом написано — «Мирные». Мамочки молодые постарались.

Алла. Не видела.

Вера. Дверь открытой была. (*Прислушивается.*) Тихо. Спускается.

Люля выключает свет. Дверь резко открывается. Луч фонаря бродит по подвалу.

2-й голос сверху. Выходи, немец. Гони куртяк.

Алла (*громко*). Это обязательно?

2-й голос сверху (*направляет луч на Аллу*). Кто там борзый?

Алла. Я знаю Петра Ивановича из администрации.

2-й голос сверху. Мне по-х, кого ты знаешь.

Михаил покорно подходит к лестнице, расстегивает куртку.

Михаил (*тихо*). Все повторяется. Уже раздевали...

Ира заслоняет Михаила.

Ира. Здесь холодно. Замерзнет человек. Побойтесь Бога.

2-й голос сверху. Живее, любезный.

Люля. Бежать решили?

Луч фонаря целит в Люлю.

2-й голос сверху. О, сама Люля! Слышь, Люлька, твой канал отстой.

Вера становится рядом с Михаилом, Ирой и Аллой.

Вера. Мой муж воует, а тебе куртка чужая нужна?!

2-й голос сверху (*не сразу*). В каком подразделении?

Вера. На севере города. В терробороне.

2-й голос сверху (*не сразу*). Этот мужик тебе кто?

Вера. Дядя. (*Уверенней.*) Дядя мужа!

2-й голос сверху (*Замешкавшись.*) И что мне теперь?

Вера. Водки хочешь? Взамен.

2-й голос сверху. Как это?

Вера. Вместо куртки.

2-й голос сверху (*разочарованно*). Всего бутылка?

Вера. Неполная. Меньше половины осталось. Нинку поминали. На моих глазах ее убило. Во дворе лежит.

2-й голос сверху. Давай водку.

Вера через дверь отдает бутылку.

2-й голос сверху (*не сразу*). Мягкая. Ценю.

Вера. Обойдешься без куртки?

2-й голос сверху. Посмотрим. Отдыхай пока, дядя.

Дверь закрывается.

Вера (*кричит*). С Катькой что?

2-й голос сверху. Оно мне надо.

Слышны удаляющиеся шаги. Вера включает свет. Михаил подходит к Вере.

Михаил. Спасибо, Вера. Если бы не вы...

Вера. Может, за Лёху моего кто заступится.

Михаил обнимает Веру.

Михаил. Хорошим людям не должно быть плохо.

Вера. Давайте по-быстрому чайку попьем.

Алла. Горячее не помещает.

Ира. Точно.

Люля. Вроде не холодно, а замерла.

Ира берет трехлитровую банку, наливает в нее из бутылок воду, идет к розетке, опускает в банку кипятильник. Рядом раздаются взрывы, автоматные очереди.

Выключается свет.

Вера. Из нашего дома стреляют.

Ира. Точно. Началось.

На картон быстро ложатся Люля, Алла, Вера, Ира и Михаил.

Ира (*тихо*). Мамочка моя.

Вера. Лёха, как ты там? Дурачок...

Алла (*шепотом*). Прости, Максик. Прости.

Вера. Молиться надо, да молитвы не знаю.

Ира (*умоляюще*). Миша. Скажи что-нибудь. Скажи.

Михаил (*после долгой паузы*). Подними глаза, не бойся. Вспомни праведный завет — Зверь отступит, мы спасемся. Потому что с нами Свет.

Рядом раздаются взрывы, автоматные очереди.

Голос с кавказским акцентом (*кричит через дверь*). Люди есть?!

Вера, Ира (*вместе*). Да! Да!

Алла (*кричит*). Нас заперли!

Голос с кавказским акцентом (*кричит*). Отошли от двери!

Слышен хлопок, дверь открывается, с улицы в подвал проникает свет.

Голос с кавказским акцентом. Сколько вас?

Люля. Пятеро. Четыре женщины и мужчина.

Голос с кавказским акцентом. Первым выходит мужчина с поднятыми руками. Без вещей.

Ира (*испуганно*). Почему мужчина? Почему без вещей?

Голос с кавказским акцентом. Порядок такой. Вещи потом.

Алла (*неуверенно*). Вы от Петра Ивановича?!

Голос с кавказским акцентом. От дяди Васи!

Михаил. Десант? Русский десант?

Голос с кавказским акцентом. Так точно.

Михаил. С красным знаменем?

Голос с кавказским акцентом. Конечно. Знамя у командира.

Вера. Я в этом подъезде живу.

Голос с кавказским акцентом. Не волнуйтесь, граждане. Для вас война кончилась. Первым выходит мужчина.

Вера. Молю, о Лёхе ни слова.

Ира обнимает Михаила, крестит.

Ира. Что дальше?

Михаил. Надо идти.

Михаил поднимается по лестнице. Ира, перекрестившись, идет следом.

Михаил (*кричит со двора*). Девочки, не бойтесь! Это наши!

Алла (*Люле, Вере*). Рада знакомству.

Люля (*поднимает капюшон*). Посмотрим, какие они — наши.

Алла, Люля выходят. Вера медлит.

Ира (*кричит со двора*). Вера! Выходи! Вера!

Вера. Хоть бы Лёхе повезло... И с Нинкой по-людски надо. И вообще...

Вера поднимается по лестнице.

Конец

Юлиана ЛЕБЕДИНСКАЯ

*драматург, писатель-фантаст,
детский писатель, г. Донецк*

ПИАНИНО В УЮТНОЙ КОФЕЙНЕ

**Подростковая драма в
пяти картинах**

Действующие лица

Оксана, десятиклассница, отличница, пианистка. Утончённая девочка. Немного не от мира сего.

Марина, одноклассница Оксаны, пацанка и оторва, терпеть не может Оксану.

Олег, младший брат Марины, девятиклассник.

Алевтина, родная тётя Оксаны, владелица «Уютной» кофейни. Красивая женщина средних лет.

Пётр, отец Оксаны, брат Алевтины, воюет на фронте.

Отец Марины (*голос*).

Подруги Марины.

Действие происходит в городе Донецке весной 2022 года.

Картина первая

Конец марта 2022 года. Маленькая кофейня. Симпатичные столики, возле них – стулья и кресла. Рядом стоит вешалка, на ней висят куртки. На столах – вазочки с цветами. На стене – зеркало. Большое окно на всю стену. У окна стоит пианино.

На заднем плане – барная стойка. За столом кофейни сидят Марина и Олег. На Марине – мешковатые драные джинсы и бесформенная толстовка. Перед ними – чашки с чаем.

Марина (*глядя в окно*). Ну надо же. Выбралась.

Олег. Кто?

Марина. Да Оксана, заучка эта.

Олег. Ксюха? А откуда она выбралась?

Марина (*кривляясь*). Из дамской комнаты! Ха-ха. Мы её там закрыли.

Олег. Делать вам нечего... Как маленькие.

Марина. Тоже мне – большой. А чего она домашкой не поделилась?

Олег. А самим сделать слабо?

Марина. Можно подумать, ты много сам делаешь!

Олег. Так то ж я...

Марина. Бу-га-га!

Олег. Чего вы вообще к ней прицепились? Нормальная девчонка, вроде.

Марина. Тихоня и заучка. Бесит.

Олег. Отец у неё воюет.

Марина. Поэтому её хоть как-то терпят.

Олег. А эту кофейню «Уютную», которую ты так любишь, её тётя Аля держит.

Марина. И вот поэтому – тоже.

Открывается дверь, влетает Оксана. На ходу расстёгивает пальто. Под ним – тёплое вязаное платье по фигуре.

Оксана (*подскакивая к столику Марины и Олега*). Ты! Это всё ты! С подружками твоими! Ещё и ржали стояли! (*Хватает со стола чашку и выплёскивает чай на одежду Марины.*)

Олег. Вот тебе и тихоня!

Марина (*вскакивает*). Да ты... Да я тебя...

Алевтина (*появляется со стороны барной стойки*). Девочки, что происходит?

Оксана. Ничего!

Алевтина смотрит на Марину.

Марина (*мнётся, отводит взгляд*). Ничего. Она случайно меня облила... (*Берёт со стола салфетки, вытирает одежду.*)

Алевтина. Понятно... (*Садится на стул между девочками.*) Что-то в городе с утра неспокойно. Бах и бах постоянно.

Оксана (*рассеянно смотрит в зеркало на стене*). Да? А я и не

слышала...

Оксана снимает пальто, поправляет волосы перед зеркалом. Марина демонстративно вытирает одежду. Видно, что расходиться девочки не торопятся. Олег смотрит на них с интересом и с небольшим беспокойством.

Алевтина. Ну, это далековато бахает. Но всё равно... Марина, может, тебе полотенце принести?

Марина (*сквозь зубы*). Не надо. Так высохнет.

Оксана. Ладно, тётя Аль, я пойду воды попью. И сяду играть. (*Отходит, но оборачивается.*) Марина, не забудь, что завтра контрольная! По твоей любимой истории! (*Уходит.*)

Марина вскидывается, косится на Алевтину и продолжает вытирать одежду.

Алевтина (*качает головой, встаёт*). Ксюша, подожди... (*Выходит вслед за Оксаной.*)

Марина (*отшвыривает салфетки, которыми вытирала одежду, встаёт*). Олег, пошли домой!

Олег (*с ухмылкой*). А я бы посидел ещё... Музыкачку послушал.

Марина (*шипит брату в лицо*). Что? Ещё и слушать её после... (*Оглядывает себя.*) После этого! Не хочу я её брынчания слушать. И видеть её не хочу! И так в школе глаза намозолила. Отличница недоделанная! Носятся с ней все, как... как с овцой недорезанной!

Олег. Ладно, ладно идём. Тебе же ещё к контрольной готовиться!

Марина (*хватает куртку с вешалки*). Рот закрой и пошевеливайся! А, впрочем, сиди здесь, если так хочется!

Олег (*тоже берёт куртку*). Да ладно тебе. Я же сказал – идём.

Они одеваются, идут к выходу.

Раздаётся оглушительный грохот.

Марина (*присаживается на полу под окном*). Ой, мама! Мамочки!

Олег (*обнимает её*). Тихо, тихо. Это далеко. Ну... не то чтобы совсем далеко, но не прям рядом. Смотри, даже стёкла не вылетели.

Марина. Ага. Только зазвенели.

Олег. Всё, всё, утихло уже.

За окном снова грохот разрывов, тоже громкий, но не настолько, как в первый раз.

Марина. Ой, мамочки!

Олег. Тише, это вообще далеко... *(Прижимает к себе Марину.)*
Не бойся. Всё хорошо будет.

Марина *(растерянно).* Смешно... Это я должна тебя успокаивать. Я старше.

Олег *(натянута улыбается).* А обстрелов боишься больше.
(Достаёт смартфон.) Сейчас посмотрим, что пишут...

Алевтина *(выбегает в зал).* Вы ещё здесь? Бегом в подвал!
Может снова бахнуть!

Хватает брата с сестрой за руки, тащит за собой. Но Олег вырывается, пытается прочитать что-то в смартфоне.

Олег. Подождите, тётъ Аль. Тут в переключке фотки выложили прилёта. Какой-то дом знакомый...

Алевтина. В подвал! Там рассмотришь! Марина, быстрее!

Алевтина выталкивает Марину со сцены, возвращается к Олегу, хватая его за плечи, но он опять вырывается, лихорадочно таращась в смартфон.

Олег. Тётъ, Аль, подождите! Тут дом... Это же... Это...

Отбегаёт от Алевтины. Смотрит в зал.

Это же наш дом!..

Картина вторая

Та же кофейня неделю спустя. За столиком сидят Олег с Мариной. Перед Олегом разложены учебники и тетради. Перед Мариной – один закрытый учебник, она тоскливо таращится в окно. Вдобавок она постоянно поправляет на себе узкие брюки и свитер по фигуре.

Марина *(поправляя свитер).* Как вообще в этом можно ходить? Оно же... Впивается во все места. Глупая заучка!

Олег *(не отрываясь от тетради).* Скажи спасибо, что у этой «глупой заучки» один с тобой размер одежды.

Марина. Один размер... Только фасон не мой. Спасибо, хоть какие-то брюки нашлись у этой фифы.

Олег. Ты хоть на девочку стала похожа.

Марина. Бу-га-га! Тоже мне, ценитель женской красоты.

Олег *(вскидывается).* Да в гробу я вашу красоту видел! Нас тётя Аля приютила, а ты ещё вякаешь! Счастье, что у неё квартира пустая стояла. Если бы не она, жили бы сейчас на улице. Или в общаге какой-то.

Марина *(погрустнев).* Я слышала, что в общагах весело.

Олег. Ага. И туалет один на всех.

Марина. А у Алевтины в квартире даже мебели не было. Еле собрали по знакомым.

Олег. Зато стены целые. Не то что у нас...

Марина. Гадский снаряд.

Олег. Гадские те, кто его выпустил.

Марина. Ещё и торчи теперь в этой кофейне, пока родители на работе. Школу отменили, я только обрадовалась, что все от меня отстанут. Так нет – сиди у тётки Али под конвоем! Вот позорище.

Олег. И не говори. Как будто мы маленькие.

Марина. Боятся, что дома уроки не сделаем. Или убежим куда-то.

Олег *(усмехаясь).* Ага. Или в туалете кого-то закроем. Опять.

Марина. Тебя, что ли? На удалёнке больше и некого...

Олег. На меня у тебя силёнок не хватит. *(Осматривается.)* А здесь хотя бы уютно...

Марина. Ага. И сейчас эта придёт брынчать.

Олег. Ну и пусть. Под её музыку думается хорошо. *(Смотрит на сестру.)* Я и тебе, кстати, советую.

Марина. Чего? Побрынчать?

Олег. Над домашкой подумать.

Марина. Ещё чего! Вообще не понимаю, зачем делать домашку, если не надо ходить в школу?

Олег. Ну формально мы в неё ходим. Только не выходя из дома.

Марина. Ага. Удалёнка. Боятся, что снаряд в школу прилетит. А он и в квартиру прилетел. К нам. Так что, можно домашку не делать.

Олег. Логика у тебя – женская!

Марина. А у тебя – заучкина!

Входит Оксана.

Оксана (*проходя мимо их столика*). Привет, Олег. (*Садится, начинает играть, потом чуть замедляется, поворачивается к Олегу.*) Ну как, разобрался с задачкой?

Олег. Вроде, да. Ответ сошёлся.

Оксана. Вот и замечательно.

Олег. А вам воду ещё не дали?

Оксана. Нет. К нам на девятый этаж она уже несколько дней не доходит. Из подвала носим.

Олег. Сейчас я русский доделаю и притащу вам несколько баклажек. У нас уже пошла вода. Мне мама написала.

Оксана. Спасибо. (*Поворачивается к пианино, продолжает играть.*)

Марина (*наклоняется к брату*). Это что сейчас было? Какая задачка? Какая вода?!

Олег. Ну ты же слышала – к ним же на девятый этаж вода не доходит. А у нас, на первом, есть. У Алевтины, в смысле.

Марина. И что? Будешь ей воду тащить?

Олег. Её тётя пустила нас в свою квартиру, вообще-то. Если ты вдруг забыла.

Марина (*в очередной раз поправляет свитер*). Забудешь тут. А про какую задачку она спрашивала?

Олег. Да так... С алгеброй не мог разобраться.

Марина. Понятно. Заучки две. (*Встаёт и надевает куртку.*)

Олег (*тоже встаёт, подходит к сестре*). Марина, ты бы это... извинилась бы, что ли.

Марина. Чего? Перед кем? Перед тобой?

Олег. Не передо мной... (*Ухмыляется.*) Хотя тоже есть за что, конечно.

Марина. Бу-га-га!

Олег. Перед ней (*Кивает на увлечённую игрой Оксану.*)

Марина. А ещё чего? Может, ключи от квартиры?

Олег. Ага. От разбитой.

Марина. Тебе надо, ты и извиняйся.

Олег. Не я её в туалете запираю!

Марина. Да не запираю я её больше нигде. Нужна она мне... И вообще, отстань от меня! Не дорос ещё, чтобы нотации читать.

Олег. Тебе и мама говорила...

Марина. Зануда несчастная! (*Разворачивается и выбегает из кафе.*)

Олег (*глядя на стол, потом вслед сестре*). Учебник забыла.

Берёт книгу, выходит из кафе. Оксана продолжает играть на пианино. За её спиной в кафе входят Подруги Марины. Идут к барной стойке, возвращаются с бумажными стаканчиками в руках.

Первая подруга. Нам воду вчера так и не дали. Приходится с грязной башкой ходить. Фу.

Вторая подруга. У нас уже месяц её нет. Вчера полдня торчали в очереди за водой. В школе выдавали техническую. Так она прямо перед нами взяла и закончилась! Прикинь, какая засада? Пришлось обычной, питьевой унитаза смывать. Хорошо хоть её закупили...

Первая подруга. Паскудство. А мы как-то дождевую набирали.

Вторая подруга. Да уж. Ещё и мама сейчас всё время дома. У неё на работе стёкла вылетели недавно. Бахнуло рядом. Весь офис в стёклах был.

Первая подруга. Не ранило хоть?

Вторая подруга. Нет. Она как раз вышла из кабинета.

Первая подруга. И то хорошо. (*Оглядывается.*) А где же Маринка?

Вторая подруга (*тоже осматривается*). Говорила, что здесь будет. Странно

Первая подруга (*кивает на играющую Оксану*). Может, из-за этой ушла?

Вторая подруга. Не знаю даже...

Первая подруга (*подходит к Оксане*). Привет. Ты тут Маринку не видела?

Оксана продолжает играть, не замечая их. Подруги переглядываются.

Ой, ну конечно, она нам не ровня! На пианино играет!

Вторая подруга. Да она вообще ничего вокруг себя не видит и не

слышит никогда. Её и спрашивать бесполезно!

Первая подруга. Всё она видит! Просто выделяется. *(Нависает над Оксаной.)* Оксаночка, может, ты нам ответишь? Или я тебе кофе на пианино вылью!

Оксана *(черед плечо, не переставая потихоньку играть).* А у тебя денег хватит?

Первая подруга. Чё? На что?

Оксана. На новое пианино.

Алевтина *(появляясь за спиной у девушек).* А стоит оно о-очень дорого!

Первая подруга. Да пошутила я! *(Второй подруге.)* Пойдём отсюда. Маринка уже ушла, похоже.

Разворачиваются, чтобы уйти.

В кафе входит Олег.

Олег *(Подругам).* Привет. Вы, наверное, Маринку ищете? Она домой пошла.

Вторая подруга. Мы так и поняли. *(Первой.)* Пойдём. По дороге ей позвоним. *(Уходят.)*

Олег подходит к пианино, садится на стул рядом, положив подбородок на спинку стула, и слушает игру Оксаны.

Оксана *(закончив композицию).* Справился с домашним заданием?

Олег. А? Нет ещё. Отвлёкся.

Оксана. Тебя музыка отвлекает?

Олег. Нет, что ты. То есть... да. Отвлекает. Но не в том смысле. Знаешь, Ксюх... Я когда тут сижу и тебя слушаю, то... Я как будто забываю о том, что за окном делается. О том, что квартиры у нас нет... И вообще...

Оксана *(опустив голову).* Я когда играю, тоже забываю о том, что за окном делается. Хоть на время.

Олег. Ты извини, пожалуйста.

Оксана *(встрепенувшись).* За что?

Олег. За мою сестру. За то, что она чудила.

Оксана. А. Да ладно. Ерунда.

Олег *(расплывается в улыбке).* Ерунда? А когда ты чай на неё вылила, не было похоже на ерунду.

Оксана. Я тогда разозлилась сильно... *(Задумывается на мгновение.)* Но это в прошлом. Вам сейчас ещё хуже, чем мне тогда. Да и вообще, ты-то мне никогда ничего плохого не делал. Тебе не за что извиняться.

Начинает играть.

Олег. Ну-у, Ксюх... Сложно сказать, кому хуже, кому лучше... Сейчас всем не очень. У тебя, вот, отец воюет... Тяжело, наверное, за него переживать постоянно. Я бы не смог, если бы мой пошёл. За ним бы убежал.

Оксана *(играя потихоньку).* Тебя бы не взяли. Маленький ещё. А кстати! Мой папа должен скоро в отпуск приехать!

Олег. Ого. Так быстро!

Оксана. Быстро? Я его с февраля вообще не видела. Да он и не прямо сейчас приедет... А знаешь... Я когда играю, представляю, что это – для него. И верю, что он услышит. Даже в окопе. Даже сквозь грохот снарядов. Услышит. И вернётся к нам с мамой.

Олег. Услышит, Ксюха. И вернётся. Обязательно!

Оксана продолжает играть.

Картина третья

Пять дней спустя. За столом в кофейне сидят Олег с Оксаной. Перед ними разложены учебники. Оксана что-то объясняет Олегу. Входит Марина. Смотрит на брата с Оксаной, кривится, но ничего не говорит. Садится за другой столик, листает что-то в смартфоне. Смартфон звонит.

Марина *(отвечает на вызов).* Да, привет, подружка. Я в «Уютной» кофейне... Нет, не одна... Ну, то есть, тут ещё Олег с этой... Да, домашку зубрят... Что?.. Да плевать, пусть дружит, с кем хочет.. Да не буду я ничего говорить!.. Нет, Я с ней точно дружить не собираюсь. Придумаешь тоже! Просто... Не знаю, надоели как-то эти войны с заучками... Тут настоящая война вовсю... Что? Когда я стала такой взрослой? Сама не знаю... Да не ржи ты! Ладно, давай, мне тут папа звонит... *(Переключает*

звонок.) Да, пап. Я в кофейне. И Олег здесь. Да делаю я домашку! Ладно, давай...

Достаёт из рюкзака учебник, но так и не открывает его. Надевает наушники, продолжает что-то листать в смартфоне.

Оксана за соседним столиком встаёт со стула.

Оксана (Олегу). Ну как, всё понял?

Олег (тоже встаёт). Да. Ты круто объясняешь. Если бы наша училка умела так объяснять, я бы, может, и сам понял всю эту историю. А она только бубнит в камеру. И на нормальных занятиях в классе тоже бубнила. Уснуть можно.

Оксана (улыбается). Можно и самому почитать учебник, разобраться...

Олег. Это скучно! *(Смотрит в смартфон.)* Та-ак... Кажется, я сегодня не смогу вам воды принести. Нам её сегодня тоже не дадут...

Оксана. Не переживай, у нас есть ещё запас небольшой. Нам с мамой хватит.

Олег. А как твой папа? Не вернулся?

Оксана. Нет ещё. Обещает только, что вот-вот отпустят. Он... Он что-то не договаривает по телефону. Мы с мамой это чувствуем, но он ничего не говорит толком. Я так боюсь!

Олег. Не бойся, Ксюх. Он скоро вернётся к тебе. Вот увидишь!

Оксана. Спасибо. Ну, я пошла. До встречи!

Олег. До встречи!

Оксана (проходя мимо столика Марины). Привет, Марина.

Марина (хмуро). Привет.

Оксана выходит.

Олег (Марине). О, привет. А я тебя и не заметил.

Марина. Ага. Так увлечён был...

Олег. Ксюха мне просто историю объясняла. Мне никак не лезли в голову все эти имена и даты. Но после её объяснений как-то понятнее стало.

Марина. Ясно.

Олег. И что, даже никаких шуточек не будет? Мол, заучки и всё

такое?

Марина. Да плевать мне. Хотите зубрить – зубрите на здоровье.

Олег. Не в зубрёжке дело. Тут суть уяснить надо... Ну, вот, например... этот, как его... э... Эх, Ксюха лучше объясняет. Ты бы тоже с ней позанималась.

Марина. Не понимаю, зачем вообще учить эту историю.

Олег. Хотя бы чтобы понимать, из-за чего войны начинаются!

Марина. Я не хочу понимать, из-за чего они начинаются. Я хочу, чтобы наша поскорее закончилась!

Олег. И для этого тоже надо знать прошлые...

Марина. Да не хочу я ничего знать! Я хочу спать спокойно. Без грохота за окном. В своей квартире! Как мне в этом твой учебник поможет?

Олег (вздыхает). Видимо, никак...

Марина. И вообще. Мы с мамой в магазин скоро пойдём. Шмоток новых купим. Не могу же я всё время ходить в одежде этой...

Олег. А тебе идёт одежда «этой».

Марина. Тоже мне, знаток... Плевать, идёт не идёт. Она не моя! А вдруг я испорчу её одежду? Ну, случайно... Ещё и платить придётся.

Олег (словно не слыша). А накупишь, небось, опять пацанского шмотья... Словно у меня не сестра, а брат.

Марина. Что захочу, то и куплю! Не твоё дело. *(Звонит смартфон.)* Да, мам. Я уже иду.

Выходит из кофейни.

Картина четвёртая

Две недели спустя. Та же кофейня. Другие цветы в вазе. Более яркие. За столиком сидят Алевтина и Пётр, отец Оксаны. На столе – чайник, чашки. Оксана стоит рядом, держит отца за руку. За соседним столом сидит Марина в наушниках, уткнувшись носом в учебник. Кажется, что она ничего вокруг не замечает. На ней

– юбка и лёгкий свитер.

Оксана (Алевтине). Представляете, у папы давление скакнуло! И

не падало. Поэтому его и отпустили. Хотя и не хотели. А он уже назад рвётся...

Алевтина. То-то я удивилась, что так быстро отпуск дали.

Оксана (*отцу*). Папа, а ты не можешь не уезжать больше? Я тебя столько не видела... И давление твоё...

Пётр. А ты не знаешь, что подслушивать нехорошо? (*Алевтине.*) Я это Ирке рассказывал. Пришлось. Выпытала у меня. А эта вертихвостка услышала.

Оксана. Папа, не уезжай!

Пётр. (*обнимает Оксану*). Так надо, дочка. Но я же ещё побуду с вами месяц, пока не подлечусь.

Оксана. Месяц...

Пётр. Ты лучше сыграй мне. Пожалуйста.

Оксана (*смотрит на Алевтину*). Сегодня не мой день...

Алевтина. Сыграй для папы, Ксюша.

Оксана садится за пианино, начинает играть.

Алевтина (*Петру*). Ну расскажи, как дела на фронте? Мы же тут ничего толком не знаем...

Пётр. А ты думаешь, мы много знаем? Из окопа дальше пятидесяти метров не увидишь. Ты стреляешь, по тебе летит, грохот жуткий. Не всегда знаешь, кто из товарищей жив, кто погиб. Да что там. Не всегда знаешь, жив ли сам! Не говоря уже о большем.

Алевтина подливает им чай из чайника.

Связь с другими подразделениями – по телефонному полевому аппарату. Допотопному. На линии постоянные обрывы, связисты еле чинить успевают...

Алевтина. Мы вам рации уже закупили. Скоро привезти должны.

Пётр (*кивает*). А ещё как-то окоп залило водой. После ливня. Три дня вычёрпывали. Стоишь по колено в ледяной воде с ведром...

Алевтина. Ужас какой.

Пётр. Да это не ужас. Вот когда товарища разрывает при тебе на части... Эх, ладно. А к нам ещё кот с собакой прибились.

Представляешь? Дружные такие. Кот крыс ловит. И мурлычет по ночам. Пёс брёвна таскать помогает.

Алевтина. Их сейчас много таких... Брошенных. Ты сам-то как?

Пётр. Как видишь, жив-здоров. И даже давление понизилось. В больничку хожу, капаюсь...

Алевтина. Надолго ли хватит капельниц? А если там опять...

Пётр. Ну-ну, хоть ты не начинай. Хватит мне Иркиных слёз. И дочкиных.

Алевтина. Ирка твоя молодец. Хорошая жена и мать. И слёз её никто не видел.

Пётр (*усмехается*). Ага, кроме меня. А ты тоже молодец. Сутками помощь для фронта собираешь. Ещё и кафе сама тянешь. И семью приютила...

Алевтина. Да как же не приютить?! Дети как раз тут, в кофейне, были, когда по их квартире прилетело. Представляешь? А если бы чуть раньше домой пришли? И родители на работе, к счастью... А младший мальчик с Ксюшей нашей дружит. Со старшей чего-то не ладят. Ну, дети... Главное, что все живы.

Олег. Да. Это главное. (*Смотрит на играющую Оксану.*) Ты знаешь, я её музыку даже там слышу. Честно. В ушах звучит, и грохот снарядов не таким страшным кажется. Да и снаряды... (*Улыбается.*) Снаряды мимо летят... Благодаря ей. И музыке.

Алевтина (*тоже смотрит на играющую Оксану*). Ты ей говорил об этом?

Пётр. Что?.. А... Да о чём говорить. Это же так... Фантазии солдата.

Оба не замечают, что Марина за соседним столом уже какое-то время смотрит не в книгу, а на них, сняв наушники.

Фантазии отца. Чтобы с ума не сойти. Знаешь, Оксанка всегда была такой... умела меня утешить. Что бы ни случилось. Подойдёт, обнимет, и легче станет. И музыка эта её... Сама ведь решила учиться. Никто её не заставлял. Пианино выпросила бэушное. Я думал, надоедать будет брыньканьем, из дома сбегу... А нет. Как заиграет, так и легче становится на душе.

Пётр помолчал. Отпил чаю.

У меня фотография её всегда с собой. На груди. Смотрю перед сном, и на секунду словно снова дома. Ради неё и стоит возвращаться. И держаться там. Ради них с Ирккой.

Алевтина (*улыбается*). Ну и ради меня тоже. Мне брат ещё нужен.

Пётр. Да. Ради наших семей. Всем нам. (*Встаёт.*) Что ж, сестрица, спасибо за чай. Пора мне. Ещё заскочить кое-куда надо. Оксанку не отвлекай. Пусть играет.

Алевтина (*тоже поднимается*). Да и я делами займусь. (*Выходят.*)

Оксана продолжает увлечённо играть.

За её спиной Марина подходит к окну.

Марина (*звонит по телефону*). Пап, привет. Я тут спросить хотела. А ты бы... Если бы пошёл на войну... Ты бы носил мою фотографию на груди?

Голос отца. Ты что это? Не собираюсь я на войну. У меня диабет.

Марина. Ну а всё-таки. Если бы не было диабета. Ты бы взял с собой моё фото?

Голос отца. Да что с тобой? Взял бы, наверное.

Марина. Понятно.

Голос отца. То есть, конечно бы, взял! И твою, и Олегову. Но я же здесь, с вами. И никуда не собираюсь...

В кафе входят подруги Марины.

Марина. Ладно, пап. Пока. (*Спешно отключается.*)

Первая подруга. Привет, Маришка! (*Подходит к столу, где стоят вещи Марины.*) Ты чего тут делаешь?

Вторая подруга. Привет-привет! (*Берёт в руки учебник.*) Ого! Никак позубрить решила?

Марина. Привет, девчонки. (*Забирает учебник у Второй.*) Да так. Историю почитать решила. Мы ведь ещё типа учимся...

Первая подруга. Ерунда! Зачем делать домашку, если в школу ходить не надо?

Вторая подруга. Ага. Мы же не заучки какие-то!

Марина (*смеясь*). Да вы и раньше не особо его делали.

Первая подруга (*садится за столик*). Можно подумать, ты делала!

Марина. Ну... Иногда.

Вторая подруга (*плюхается в кресло у столика*). Пусть зубрилки всякие и зубрят свои уроки. (*Смотрит на играющую Оксану, как будто только сейчас её заметила.*) Эй, ты, зубрилка-страшилка!

Марина (*вяло*). Оставь ты её. Не трогай.

Вторая подруга. Брынчалка несчастная. Не надоело людям по ушам ездить?

Оксана (*перестает играть, осматривает кафе, не замечая подруг*). Папа? Где папа?

Первая и Вторая подруга в унисон. Ой, наша зубрилочка потеряла папочку! Он сбежал от такой страшилки!

Марина. Рот закройте!

В кафе входит Олег. Девочки его не замечают.

Первая подруга. Марина, ты чего? Заболела?

Марина. У неё отец с войны пришёл. И скоро опять уйдёт. А вы ржёте!

Вторая подруга. Ты точно заболела. Если за зубрилку заступаешься.

Первая подруга. Да живёт она у зубрилкиной тётки. Потому и выгораживает теперь.

Вторая подруга (*окидывает Марину взглядом*). Ещё и одежду зубрилкину носит.

Марина. Это мне мама купила!

Первая подруга. Юбку? Ты же их терпеть не могла.

Марина. Не ваше дело! Вы вообще не понимаете ничего! Курицы глупые. Я...

Раздаётся грохот разрыва. Девочки с визгом пригибаются к столу, одна подруга пытается залезть под стол. Олег подбегает к сестре.

Олег (*обнимает дрожащую Марину*). Всё-всё, успокойся. Это не прилёт. У прилёта звук другой, ты же знаешь! Это наша ПВО

ракету сбила. Ничего страшного.

Марина (*рассеянно*). Ага...

Первая подруга (*листает ленту новостей в смартфоне*).

Пишут, что и прилёт тоже был. Ого, недалеко от нашего дома. Ой, мамочки! А нет, не было...

Марина (*флегматично*). Слава Богу. А то и тебе бы пришлось у кого-то жить...

Первая подруга (*встаёт*). Я домой хочу. (*Поворачивается ко Второй*.) Побежали, а? Может, успеем проскочить?

Вторая (*тоже поднимается*). Побежали. (*Уходят*.)

Олег отходит к барной стойке, быстро возвращается. Садится за стол рядом с Мариной. Оксана – за пианино, не играет, просто смотрит перед собой.

Олег (*Марине*). Я попросил тётю Алю тебе чаю травяного сделать. Успокойсь.

Марина. Да как тут успокойсь. Бах и бах постоянно. Квартиры нет больше. Ничего нет! Ещё и курицы эти...

Олег (*тихо*). Правильно ты им вмазала. Но я, если честно, и сам удивился. С чего ты вдруг за Оксану заступилась? Нет, я рад, что заступилась. Но ты же... не любила её никогда.

Марина. Я не знаю. Ну то есть... Раньше чем-то она меня раздражала, а сейчас смотрю – девчонка как девчонка. Ну подумаешь, на пианино играет.. И отец у неё... А знаешь, мне папа сказал, что тоже носил бы мою фотку у груди, если бы воевать пошёл. Ну, то есть, наши с тобой фотки.

Олег. Мою бы не носил. Я бы с ним пошёл.

Марина. Дурак.

Олег. А почему он вообще тебе такое сказал?

Марина. Да так... Не помню уже.

Олег (*смотрит на Оксану, которая застыла перед пианино, словно изваяние*). Подойду спрошу, всё ли в порядке.

Марина. Подожди! Я... Я сама.

Марина несмело подходит к Оксане, садится рядом с пианино.

Оксана (*не замечая её, сама себе*). Ушёл. Просто ушёл. Не попрощался.

Марина. У него дела были. Он просто не хотел тебя отвлекать. Но он же ещё не уехал. Он вернётся. И сегодня. И... - потом.

Оксана смотрит на неё в недоумении.

Я случайно услышала. Рядом сидела. Он сказал тёте Алевтине: «Мне ещё заскочить кое-куда надо. Оксанку не отвлекай. Пусть играет».

Оксана молча отворачивается к пианино.

(*Марина слегка касается её руки*.) Играй, пожалуйста. Не останавливайся. Не слушай никого. Ты должна играть! Он... Он слышит твою музыку даже там...

Оксана (*резко к ней поворачивается*). Кто? Тебе Олег рассказал? Я никому кроме него...

Марина. Твой отец! Он сам так сказал Алевтине. Я слышала. Ну, случайно услышала. Я рядом сидела...

Оксана (*отворачивается*). Вечно ты придумываешь. Тебе лишь бы прикалываться...

Марина. Не веришь, у Алевтины спроси.

Оксана начинает потихоньку играть.

Вот и правильно! И не слушай этих куриц!

Оксана (*прекращает играть*). Да ведь ты сама... Как они... Ты же всегда надо мной...

Марина. Прости.

Оксана. Что?

Марина. Прости меня. Я не должна была так... Вела себя как курица последняя.

Оксана. Ты меня разыгрываешь сейчас?

Марина. Нет. Честное слово, нет! Ты только... Играй. Играй, пожалуйста!

Олег (*подходит к Оксане с другой стороны*). И для меня – тоже. Я говорил уже, Ксюх... Когда ты играешь, я забываю на время о том, что там (*Кивок на окно*.) Играй, пожалуйста. Для нас. Для него. Для всех, кто там.

Оксана начинает играть. Сначала потихоньку, потом всё громче и громче.

Опускается занавес.

Картина пятая

Месяц спустя. То же кафе. Вместо цветов в вазах просто какая-то зелень типа ковья. За столом сидят Пётр, Алевтина и Оксана. На столе чашки, чайник, но никто ничего не пьёт.

Алевтина. Значит, завтра уезжаешь...

Пётр. Да, попрощаться пришёл. И она вот *(Кивок на Оксану.)* увязалась за мной. *(С притворной укоризной.)* Нет бы матери дома помочь отцовский рюкзак складывать.

Алевтина. Ксюша хочет с тобой побыть подольше...

Пётр *(обнимает Оксану).* Да я, на самом деле, тоже...

Оксана. Мой оберег не забудь с собой взять.

Пётр. Как можно? Куда ж я без такого чудесного ангелочка!

Оксана. Пап... А ты правда мою музыку слышишь? Ну, там... Где меня нет.

Пётр. Конечно. Всегда и везде. Она – мой лучший оберег.

Оксана. Сыграть тебе?

Пётр. Просто посиди рядом. *(Алевтине.)* Обе посидите со мной. Расскажите... о чём-нибудь хорошем.

Оксана. А я... Я пятёрку получила по истории.

Пётр. Молодец. Историю знать надо.

Оксана. А Марина так ничего и не выучила. Путалась в датах постоянно. И подружки эти её... Заладили: зачем учиться, если в школу не надо ходить? Но мы ведь – не только ради школы... Правда, пап?

Пётр. Разумеется – не только. Вот победим, кто это всё отстраивать будет? Нам грамотная смена нужна! Зачем нам неучи?

Алевтина. Ну, неучи тоже пригодятся. Тарелки мыть, кирпичи таскать...

Оксана. Будет вам Марина что-то мыть, ага...

Алевтина. Вы всё шипите друг на друга, как кошки?

Оксана. Не. По-дружески шипим.

Алевтина *(глядя в окно).* А это не она с братом идёт?

Оксана. Точно. Она.

Входят Марина с Олегом.

Марина. Дядя Петя, вы ещё не уехали? Я боялась, что не успею. У меня для вас... *(Роется в рюкзаке.)* Вот. Я оберег для вас сделала. Сама.

Олег. Да, все руки исколола. Она же и иголки-то держать не умела. Не знала, с какой стороны нитка вставляется! А тут ради вас...

Марина. Рот закрой, бестолочь! *(Петру, протягивая куколку.)* Возьмите, пожалуйста. Она, конечно, кривенькая получилась, но... *(Смущается, отводит глаза.)* Это – любовь наша. Она вас защитит.

Пётр. Спасибо большое. Куколка замечательная. *(Обнимает Оксану и Марину.)* С такой защитой, девочки, мне точно ничего не страшно!

Оксана. Я играть тебе буду. Каждый день.

Марина. А я... Я ей помогать буду.

Олег. Так ты же «си» от «ля» не отличишь!

Марина. Ой, да уймись ты!

Олег. Дядя Петя, я хочу сказать... Вы – настоящий герой. Я когда подрасту, тоже...

Пётр. Когда подрастёшь, надеюсь, уже мир будет. Лучше – береги себя и сестру. И за Оксанкой моей приглядывай. Кому-то же надо будет здесь всё возродить. После войны.

Оксана. Мы вместе с тобой возродим!

Пётр. Обязательно. А теперь – я домой пойду. А то твоя мама меня убьёт раньше снаряда. За то, что ушёл надолго.

Алевтина. Иди, конечно. Вам нужно вдвоём побыть.

Пётр идёт к выходу. Оксана за ним.

Марина. Оксана, подожди минутку.

Оксана. Пап, я догоню.

Пётр выходит из кофейни. Алевтина скрывается за барной стойкой.

Марина. Я это... Не шутила, насчёт «помогу». Я тебя в обиду

больше никому не дам. Если только кто-то тебя тронет... Я рядом!

Оксана. Ладно... А я, если хочешь, с учёбой тебе помогу.

Олег. Соглашайся. Ксюха круто объясняет. Даже ты поймёшь!

Марина (Олегу). Изыди! (Оксане.) Спасибо, но... Я всё-таки не очень понимаю, зачем париться, если не нужно ходить в школу?

Оксана. Ну-у, это ведь не только ради школы. Однажды наступит мир...

Олег. Да. Наступит мир, а ты – дуб дубом.

Марина. Уж поверь, чтобы тебе навалить, мне знаний хватит.

Олег. Кулаками махать – не мозгами думать.

Оксана. В общем, если передумаешь – я рядом.

Марина. Замётано!

Берутся за руки и подходят к краю сцены.

Голос отца. Однажды наступит мир...

Звучит музыка.

Занавес

НОВОСТИ СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РФ

Председатель Союза театральных деятелей России Владимир Машков принял участие в торжественной церемонии открытия нового здания Татарского государственного академического театра имени Галиасгара Камала. Мероприятие прошло при участии Раиса Татарстана Рустама Минниханова, министра культуры России Ольги Любимовой, министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства России Ирека Файзуллина.

Владимир Машков высоко оценил значимость события не только для Татарстана, но и для всей России: «Знаю, что идеология и идея этого театра – абсолютная прозрачность и открытость. Когда мы подъезжали, я смотрел на эту красоту и видел будто какой-то драгоценный камень. Это кристалл таланта, который открывает невероятные возможности и для самых юных людей, и для больших мастеров сцены. Я с невероятным восторгом гляжу на уникальнейшее пространство ваших сцен и понимаю, сколько же здесь будет вдохновения».

Владимир Машков также рассказал о планах провести 31-ю церемонию вручения Премии «Золотая Маска» в Казани на новой сцене театра. Он отметил, что Татарстан регулярно и заслуженно получает «Маски». «Будет замечательно, когда сюда приедет вся театральная Россия в июне», – сказал Председатель СТД РФ.

ЗАВЕРШЕН ОТБОР СПЕКТАКЛЕЙ В «ЗОЛОТОЙ ФОНД ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК РОССИИ»

Экспертное жюри завершило работу над списком спектаклей, которые войдут в «Золотой фонд театральных постановок России». Союз театральных деятелей России (СТД РФ) создаст коллекцию телеверсий этих постановок, а оператор «Триколор» покажет их на канале собственного производства

«Большой эфир».

«Золотой фонд театральных постановок России» – это крупнейший театральный проект, приуроченный к празднованию 150-летия Союза театральных деятелей Российской Федерации. Его главная идея – создание «золотого фонда» из спектаклей, отражающих театральную культуру и традиционные духовно-нравственные ценности нашей страны и формирующих ее общий культурный код.

Спектакли войдут в информационную кампанию празднования 150-летия Союза театральных деятелей Российской Федерации и получат широкое освещение на площадках медиапартнеров, а также будут отмечены памятными сертификатами.

Белгородская область

Белгородский государственный академический драматический театр имени М. С. Щепкина, г. Белгород «Ревизор», реж. Борис Морозов, 2021 г.

Брянский областной театр кукол, г. Брянск «Русалка», реж. Олег Жюгжда, 2021 г.

Владимирская область

Владимирский академический областной драматический театр, г. Владимир «Черные доски», реж. Владимир Кузнецов, 2024 г.

Владимирский областной театр кукол, г. Владимир «Матренин двор», реж. Марина Протасова, 2018 г.

Воронежская область

Воронежский государственный театр кукол имени В. А. Вольховского, г. Воронеж «Волшебное кольцо», реж. Валентин Козловский, 2010 г.

Воронежский государственный театр оперы и балета «Руслан и Людмила», балетмейстер-постановщик Андрей Петров, 2016 г.

Липецкая область

Липецкий государственный академический театр драмы им. Л. Н. Толстого, г. Липецк «Таланты и поклонники», реж. Борис Морозов, 2023 г.

Москва

Московский Губернский драматический театр «Капитанская дочка», реж. Сергей Безруков, 2024 г.

Московский Художественный академический театр имени А. П. Чехова «Поколение Маугли», реж. Константин Хабенский, 2014 г.

«Мастерская «12» Никиты Михалкова» «12», реж. Никита Михалков, 2021 г.

Московский государственный театр «Ленком Марка Захарова» «Юнона и Авось», реж. Марк Захаров, 1981 г.

Центральный академический театр Российской Армии «Капитанская дочка», реж. Павел Сафонов, 2024 г.

Театр неслышащих актеров «Недослов» «Господа Головлевы», реж. Юлия Авшарова, 2020 г.

«Центр драматургии и режиссуры» «Скоморох Памфалон», реж. Владимир Панков, 2022 г.

Московский музыкально-драматический цыганский театр «Ромэн» «Мы – цыгане», Николай Сличенко, 1976 г.

Государственный академический центральный театр кукол

имени С. В. Образцова «Я – Сергей Образцов», реж. Екатерина Образцова, 2021 г.

Московский еврейский театр «Шалом» «Моня Цацкес — знаменосец», реж. Олег Липовецкий, 2022 г.

Московский театр «Мастерская Петра Фоменко» «Одна абсолютно счастливая деревня», реж. Петр Фоменко, 2000 г.

«Театр на Юго-Западе» «На дне», реж. Валерий Белякович, 1996 г.

Московская область

Драматический театр «Театральный ковчег в «Дубраве»» имени протоиерея Александра Меня, г. Сергиев Посад «Иудушка. Страсти», реж. Олег Нагорничных, 2018 г.

Новгородская область

Новгородский театр для детей и молодежи «Малый», г. Великий Новгород «Принц и дочь великана», реж. Надежда Алексеева, 2005 г.

Орловская область

Орловский муниципальный драматический театр «Русский стиль» им. М. М. Бахтина, г. Орел «Мысль», реж. Валерий Симоненко, 2013 г.

Рязанская область

Рязанский государственный областной театр кукол, Рязань «...И наказание», реж. Олег Жюгжда, 2013 г.

Смоленская область

Петровский деревенский театр, д. Петровки «Семейная пекарня», реж. Юрий Макеев, 2012 г.

Ярославская область

Рыбинский драматический театр, г. Рыбинск «Голоса цеха. Испытатели», реж. Сергей Карпов, 2024 г.

Архангельская область

Архангельский молодежный театр, г. Архангельск «Страстотерпцы», реж. Виктор Панов, 2015 г.

Архангельский театр драмы имени М.В. Ломоносова, г. «Мастер и Маргарита», реж. Андрей Тимошенко, 2023 г.

Калининградская область

Калининградский областной театр юного зрителя «Молодежный», г. Советск «Король Лир», реж. Анастасия Старцева, 2024 г.

Мурманская область

Мурманский областной театр кукол, г. Мурманск «Саамская сказка», реж. Федор Шевяков, 1982 г.

Республика Карелия

Театр кукол Республики Карелия, г. Петрозаводск «О рыбаке и рыбке», реж. Яна Тумина, 2019 г.

Музыкальный театр Республики Карелия, г. Петрозаводск «Анна Каренина», реж. Кирилл Симонов, 2014 г.

Республика Коми

Академический театр оперы и балета Республики Коми, г. Сыктывкар. Опера «Царская невеста», реж. Ия Бобракова, 1995 г.

Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми, г. Сыктывкар «Жизнь с привилегиями «навечно», реж. Светлана Горчакова, 2014 г.

Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова, г. Воркута «Сильва. Дойти до премьеры», реж. Валерий Маркин, 2023 г.

Санкт-Петербург

Драматический театр «На Литейном» «Мудрецы», реж. Сергей Морозов, 2022 г.

Санкт-Петербургский Молодежный театр на Фонтанке «Кабала святош» Мольер», реж. Семен Спивак, 2021 г.

Театр юных зрителей им. А. А. Брянцева «Конек-Горбунок», реж. Александр Брянцев, 1922 г.

Санкт-Петербургский театр «Мастерская» Тихий Дон» (спектакль первый «Тихий Дон. Истоки. Берега»; спектакль второй «Тихий Дон. Пучина. Исход»), реж. Григорий Козлов, 2013 г.

Академический Малый драматический театр – Театр Европы «Братья и сестры», реж. Лев Додин, 1985 г.

Национальный драматический театр России (Александринский театр) «Маскарад. Воспоминания будущего», реж. Валерий Фокин, 2014 г.

Санкт-Петербургский государственный театр музыкальной комедии «Белый. Петербург», реж. Геннадий Тростянецкий, 2015 г.

Кабардино-Балкарская Республика

Русский драматический театр им. М. Горького, г. Нальчик «Невеста из Имеретии», реж. Султан Теуважев, 2007 г.

Карачаево-Черкесская Республика

Русский театр драмы и комедии Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск «Сон в летнюю ночь», реж. Елена Кузина, 2023 г.

Республика Дагестан

Союз театральных деятелей Республики Дагестан, г. Махачкала «Молла Насрутдин», реж. Гамид Рустамов, 1939 г.; реж. Ислам Казиев, 1997 г.

Лакский государственный музыкально-драматический театр им. Э. Капиева, г. Махачкала «Материнское поле», реж. Гиви Валиев, 2024 г.

Республика Ингушетия

Ингушский государственный театр юного зрителя, г. Назрань «Гадкий утенок», реж. Светлана Озерская, 2024 г.

Ингушский государственный драматический театр им. И. Базоркина, г. Назрань «Лекарь поневоле», реж. Фатима Ахкильгова, 2022 г.

Республика Северная Осетия - Алания

Академический ордена Трудового Красного Знамени русский театр им.

Е. Вахтангова, г. Владикавказ «Маскарад», реж. Изабелла Каргинова, 2021 г.

Северо-Осетинский государственный академический театр им. В. Тхапсаева, г. Владикавказ «Газдановы», реж. Гиви Валиев, 2024 г.

Чеченская Республика

Чеченский государственный драматический театр имени Героя Советского союза Ханпаши Нурадилова, г. Грозный «Кровавая свадьба», реж. Роман Мархолия, 2024

Волгоградская область

Новый экспериментальный театр, г. Волгоград «Ромео и Джульетта», реж. Отар Джангишерашвили, 1989 г.

Донецкая Народная Республика

Донецкий государственный академический театр оперы и балета, г. Донецк «Carmina Burana (Кармина Бурана)», реж. Александр Лебедев, 2019 г.

Донецкий государственный академический музыкально-драматический театр им. М. М. Бровуна, г. Донецк «Игроки», реж. Василий Маслий, 2018 г.

Донецкий республиканский академический театр кукол, г. Донецк «Под звуки канонады», реж. Виталий Маринков, 2024 г.

Донецкий республиканский академический молодежный театр, г. Макеевка «Левша», реж. Максим Жданович, 2022 г.

Краснодарский край

Краснодарское творческое объединение «Премьера» им. Л. Г. Гатова, г. Краснодар «Гоголь. Чичиков. Души.», реж. Александр Мацко, 2014 г.

Республика Адыгея

Театральное объединение Республики Адыгея, г. Майкоп «Псэльыхьохэр» («Женихи»), ред. Меджид Ахеджаков, 1958 г.

Республика Калмыкия

Национальный ордена «Знак Почета» драматический театр им. Б. Басангова, г. Элиста «Я – Будда!», реж. Борис Манджиев, 2016 г.

Республика Крым

Крымский государственный театр юного зрителя, г. Евпатория «Евпаторийский десант», реж. Андрей Пермяков, 2021 г.

Севастополь

Севастопольский театр юного зрителя «Нос», реж. Яна Тумина,

2021 г.

Ростовская область

Ростовский государственный музыкальный театр, г. Ростов-на-Дону Балет «Эсмеральда», реж. Маргарита Дроздова, Михаил Крапивин, 2019 г.

Нижегородская область

Нижегородский государственный Ордена «Знак Почета» театр юного зрителя, г. Нижний Новгород «Сотворившая чудо», реж. Алексей Логачев, 2023 г.

Нижегородский государственный академический театр кукол, г. Нижний Новгород «Сказ о граде Лебединце», реж. Александр Мишин, 2011 г.

Нижегородский государственный академический театр оперы и балета имени А. С. Пушкина, г. Нижний Новгород «Пиковая дама. Балет», реж. Максим Петров, Антон Морозов, 2024 г.

Оренбургская область

Оренбургский государственный татарский драматический театр им. М. Файзи, г. Оренбург «Красный Паша», реж. Ренат Аюпов, 2024 г.

Пермский край

Лысьвенский театр драмы им. А. А. Савина, г. Лысьва «Врач», реж. Андрей Шляпин, 2022 г.

Театр кукол «Туки-Луки», г. Пермь «Материнское поле», реж. Ярослав Колчанов, 2020 г.

Республика Башкортостан

Государственный академический русский драматический театр Республики Башкортостан, г. Уфа «Старый дом», реж. Михаил Рабинович, 2019 г.

Салаватский государственный башкирский драматический театр, г. Салават «Ярлыкау» («Помилование»), реж. Ильсур Казакбаев, 2023 г.

Уфимский государственный татарский театр «Нур», г. Уфа «Фатима», реж. Азат Зиганшин, 2021 г.

Республика Марий Эл

Республиканский театр кукол, г. Йошкар-Ола «Йүд орол» («Ночной караул»), реж. Алексей Ямаев, 2018 г.

Марийский национальный театр драмы имени М. Шкетана, г. Йошкар-Ола «Йыван Кырла. Путевка в жизнь», реж. Степан Пектеев, 2020 г.

Академический русский театр драмы имени Георгия Константинова, г. Йошкар-Ола «Сладострастники», реж. Владислав Константинов

Республика Мордовия

Мордовский государственный национальный драматический театр, г. Саранск «Побег из ада», реж. Ольга Парфенова, 2023 г.

Республика Татарстан

Альметьевский татарский государственный драматический театр, г. Альметьевск «Ат карагы» («Конокрад»), реж. Айдар Заббаров, 2023 г.

Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала, г. Казань «Болганчык еллар. Мөһажирләр» / «Муть. Мухаджиры», реж. Фарид Бикчантаев, 2022 г., г. Казань

Татарский государственный академический театр кукол «Экият» «Адәмнәр» («Люди»), реж. Ильгиз Зайниев, 2021 г.

Молодежный музыкальный экспериментальный театр «Созвездие-Йолдызлык», г. Казань «Я, бабушка, Илико и Илларион», реж. Искандер Нуризянов, 2023 г.

Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля, г. Казань «Сююмбике», реж. Юрий Александров, 2018 г.

Набережночелнинский государственный театр кукол, г. Набережные Челны «Кроткая», реж. Ильгиз Зайниев, 2021 г.

Атнинский татарский государственный драматический театр имени Г. Тукая, г. Атна «Ай тотылган төндә» («В ночь лунного затмения»), реж. Сойжин Жамбалова, 2023 г.

Республика Чувашия

Чувашский государственный театр оперы и балета, г. Чебоксары «Главный вопрос», реж. Дмитрий Отяковский, 2023 г.

Самарская область

Самарский академический театр оперы и балета имени Д. Д. Шостаковича, г. Самара Балет «Раймонда», реж. Юрий Бурлака, 2023 г.

Драматический театр «Грань», г. Новокуйбышевск «Три сестры», реж. Денис Бокурадзе, 2023 г.

Самарский академический театр драмы им. М. Горького, г. Самара «Амадеус», реж. Валерий Гришко, 2004 г.

Саратовская область

Саратовский академический театр оперы и балета, г. Саратов «Петр Первый», реж. Павел Сорокин, 2022 г.

Саратовский театр кукол «Теремок», г. Саратов «Бременские музыканты», реж. Геннадий Шугуров, 2010 г.

Удмуртская Республика

Государственный театр оперы и балета Удмуртской Республики имени П. И. Чайковского, г. Ижевск «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», реж. Николай Маркелов, 2018 г.

Государственный русский драматический театр Удмуртии, г. Ижевск «Папа», реж. Олег Сологубов, 2024 г.

Алтайский край

Алтайский государственный театр для детей и молодежи им. В. С. Золотухина, г. Барнаул «Сказка о царе Салтане», реж. Анна Зуева, 2015 г.

Иркутская область

Иркутский академический драматический театр им. Н. П. Охлопкова, г. Иркутск «Царь Федор Иоаннович», реж. Станислав Мальцев, 2018 г.

Театр Пилигримов им. В. И. Соколова, г. Иркутск «Милосердие под запретом», реж. Анна Агапитова, 2020 г.

Кемеровская область

Театр кукол Кузбасса имени Аркадия Гайдара, г. Кемерово «Рагнарёк. Гибель богов», реж. Станислав Садыков, 2023 г.

Музыкальный театр Кузбасса имени А. К. Боброва, г. Кемерово «Щелкунчик и Мышиный Король», реж. Николай Андросов, 2023 г.

Новокузнецкий драматический театр, г. Новокузнецк «Пиковая дама», реж. Андрей Сидельников, 2019 г.

Красноярский край

Минусинский драматический театр, г. Минусинск «Колыбельная для Софьи», реж. Алексей Песегов, 2015 г.

Красноярский драматический театр им. А. С. Пушкина, г. Красноярск «Хождение по мукам», реж. Олег Рыбкин, 2023 г.

Норильский Заполярный театр драмы им. Вл. Маяковского, г. Норильск «Завтра была война», реж. Тимур Файрузов, 2024 г.

Новосибирская область

Новосибирский государственный академический театр оперы и балета, г. Новосибирск «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», реж. Вячеслав Стародубцев, 2022 г.

Новосибирский городской драматический театр под руководством Сергея Афанасьева, г. Новосибирск «Зеленая зона», реж. Сергей Афанасьев, 2001 г.

Омская область

Омский государственный академический театр драмы, г. Омск «Дядя Ваня», реж. Георгий Цхвирава, 2019 г.

Омский государственный музыкальный театр, г. Омск Оперетта «Веселая вдова», реж. Александр Лебедев, 2021 г.

Омский государственный Северный драматический театр имени М. А. Ульянова, г. Тара «Папин след», реж. Константин Рехтин, 2017 г.

Республика Бурятия

Театр кукол «Ульгэр», г. Улан-Удэ «Поющая стрела», реж. Эрдэни Жалцанов, 2004

Республика Тыва

Тувинский государственный театр кукол, г. Кызыл «Степь», реж. Айдыс Чадамба 2021 г.

Национальный музыкально-драматический театр Республики Тыва им. Виктора Кок-оола, г. Кызыл «Вернись, моя друг, вернись!» («Эгил, эжим, эгил!»), реж. Алексей Ооржак, 1998 г.

Республика Хакасия

Хакасский национальный драматический театр имени А. М. Топанова, г. Абакан «Хуу инейни толлери» («Мелодия коралловых бус»), реж. Юрий Майнагашев, 2022

Томская область

Томский областной театр юного зрителя, г. Томск «Книга всех вещей», реж. Артем Устинов, 2021 г.

Свердловская область

Екатеринбургский театр юного зрителя, г. Екатеринбург «Каштанка», реж. Вячеслав Кокорин, 2001 г.

Ханты-Мансийский АО – Югра

Няганский театр юного зрителя, г. Нягань «A L O L A J. История в 12 струнах», реж. Мария Сиукаева, 2021 г.

Ханты-Мансийский театр кукол, г. Ханты-Мансийск «Бах-бах-бах», реж. Елена Евстропова, 2018 г.

Челябинская область

Новый Художественный театр, г. Челябинск «Саня, Ваня, с ними Римас», реж. Евгений Гельфонд, 2019 г.

Магнитогорский академический драматический театр им. А. С. Пушкин, г. Магнитогорск «Старая помпадурша», реж. Надежда Лаврова, 2024 г.

Театр «Вымысел», г. Верхний Уфалей «Эллада», реж. Татевик Григорян, 2024 г.

Амурская область

Амурский областной театр кукол, г. Благовещенск «Миргачан или тайна Тунгусского метеорита», реж. Петр Скрябин

Приморский край

Приморская сцена Мариинского театра, г. Владивосток «Тысяча и одна ночь», хореограф-постановщик Эльдар Алиев, 2020 г.

Приморский академический краевой драматический театр имени Максима Горького, г. Владивосток «Поминальная молитва», реж. Ефим Звеняцкий, 2000 г.

Республика Саха (Якутия)

«Театр Олонхо», г. Якутск «Удабан кыргыттар» («Удаганки»), реж. Степанида Борисова, 2013 г.

Саха академический театр им. П. А. Ойунского, г. Якутск «Желанный голубой берег мой», реж. Андрей Борисов, 1982 г.

Государственный театр оперы и балета Республики Саха (Якутия) им. Д. К. Сивцева – Суорун Омоллоона, г. Якутск «Ньургун Боотур», реж. Андрей Борисов, 2022 г.

Государственный театр коренных малочисленных народов Севера «Золотые слезы синей птицы», реж. Сергей Потапов, 2024 г.

Сахалинская область

Сахалинский международный театральный центр им. А. П. Чехова, г. Южно-Сахалинск «Эшелон», реж. Евгений Зимин, 2023 г.

Хабаровский край

Хабаровский краевой театр кукол, г. Хабаровск «Станция Тевли», реж. Элистин Михайлов

Хабаровский краевой театр юного зрителя, г. Хабаровск «Детство», реж. Константин Кучикин, 2016 г.

Александр КОРОВКИН

актер, сценарист,
драматург, Москва

СЮЖЕТ ДЛЯ КОМИКСА
мелодрама в двух действиях

Действующие лица

Ольга Ивановна
Мария Андреевна
Катя
Игорь

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

*Сцена представляет собой деревенский дом, разделенный на две половины с отдельными входами, общей террасой и одним крыльцом. Левая половина гостевая, правая хозяйская. На перилах сушатся тряпки, щетки, в углу стоят деревянная швабра, веник и ведро. Перед террасой разбит палисадник. Забор, калитка. Дом утопает в огромном саду. Растут в основном старые яблони и груши. В противоположном углу сцены, под деревьями, стол, скамейка. Полдень. В калитке появляется **Игорь**. Везет на колесиках большой чемодан, на плече сумка с ноутбуком.*

Игорь (громко). Ольга Ивановна? Ольга Ивановна, вы дома? Можно? Хозяйка! Мы приехали. Ольга Ивановна, здравствуйте!

*На крыльцо выходит женщина, это **Ольга Ивановна**. Одета просто, по-домашнему.*

Ольга Ивановна (удивленно). Ну-у?! Здрассте! Обещали утром. Я уж решила, что передумали. За столько-то километров. А чего один, где жена?

Игорь. Она... Задержалась в магазине. Сигареты покупает. Она

мне...

Ольга Ивановна (перебивает). Курящая что ли?

Игорь. Курящая.

Ольга Ивановна. Дом мне не спалите?

Игорь. Мы не будем в доме, вот здесь, на лавочке? Хотели от станции такси взять, а водитель сказал: пешком пять минут.

Ольга Ивановна. Так вы не на машине?

Игорь. На автобусе. Машина наша сломалась в последний момент.

Ольга Ивановна. Понятно. Самого не воротит, когда баба курящая?

Игорь. Привык.

У Игоря раздается звонок мобильного.

(В трубку.) Алло. Прямо, второй поворот направо и до конца улицы. Я уже тут. (Выключает.)

Ольга Ивановна (передразнивает). Привык. Молодые, чего ж себя травите? Заходи. (Открывает калитку.) Все прибрала, помыла, чистенько, уютно. Жить, да жить! А они эту смоль затягивают.

Игорь (проходит). Вот к вам приехали, отдышаться.

Ольга Ивановна. Меня бы муж в один миг пришиб.

Игорь. Не курил?

Ольга Ивановна. Чадил как печка! Царствие ему небесное. (Мелко крестится.) Но за мной бдил! Не дай бог позволю чего лишнего, сразу приструнивал. Давай чемодан.

Игорь. Не надо, тяжелый. Бил?

Ольга Ивановна. Ну всякое бывало, чего теперь таить. Дай хоть сумку-то? (Берет из его рук сумку.) И с синяками на работу ходила и прихрамывала иногда, но, слава богу, сколько лет прожили, двоих деток вырастили.

Игорь. Дети, вы рассказывали, в городе?

Ольга Ивановна. Старший в городе, а Сережка в соседней деревне с семьей живет.

Игорь. Тоже с женой строг?

Ольга Ивановна. Я в их дела не лезу. Раньше со мной жили, вот

как раз в этой половине, а зимой съехали. Там у невестки дед, присматривать надо.

Игорь. Сколько ж ему?

Ольга Ивановна. Под девяносто. Я сыну всегда говорила: жену надо в узде держать. Чтоб в уважении к мужу была. А он все сопли пускал.

Игорь. А если любовь?

Ольга Ивановна. Любовь что печка. Вечером жарко, а под утро одни головешки. Опять пыхти – растапливай.

Игорь. Сейчас время другое.

Ольга Ивановна. Интернеты и мобильники появились. Это правда. Да извращенцев больше! А нормальные люди чем изменились?

Игорь. Ментальность другая.

Ольга Ивановна. Не знаю такое слово.

Игорь. Вот видите. А невестка, наверняка, знает.

Ольга Ивановна. Дура дурой! Одна доблесть – худая как штaketина и сиськи с твою голову.

Игорь. За это тоже можно любить.

Ольга Ивановна. За что?

Игорь. За женственность!

Ольга Ивановна. Ты свою жену за что любишь?

Игорь. Отнесу вещи в дом. *(Уходит на веранду.)*

Ольга Ивановна. Женственность у них. На наше бы место. С одной стороны, свиноферма с шести до шести, а с другой корова не доена, и огород не полотый. Пятнадцать часов раком и вся женственность в горбашку вылезает.

К калитке подходит эффектная женщина в возрасте. Она в очках, большой шляпе. На ней яркая блуза, джинсы, кроссовки, на плече сумка. В руках пакет. Это Мария.

Мария. Добрый вечер.

Ольга Ивановна. Здравствуйте, коль не шутите.

Мария. Что нового на селе?

Ольга Ивановна. В магазине вчера сахар со скидкой продавали. Пенсионеры с тележками до оврага выстроились.

Мария. Избыток сахара провоцирует кариес, гипертонию и

диабет второго типа.

Ольга Ивановна. Из соцзащиты что ли?

Мария. Общество «Гринпис».

Ольга Ивановна. Это которые за лесами?

Мария. И за полями. Чем природу травите?

Ольга Ивановна. Самогоном. На прошлой неделе у меня аппарат взорвался - тридцать литров бражки в землю вылилось. Муравьи до сих пор опохмеляться бегают. Из Москвы что ль?

Мария. Из нее.

Ольга Ивановна. Что вас всех аж за триста верст тянет?

Мария. Воздух чище.

Ольга Ивановна. Это правда. Вони меньше.

Мария. Кто еще из Москвы?

Ольга Ивановна. У меня семейные на два месяца полдома сняли. *(Срывает с клумбы цветок.)* Вот стою молодуху его встречаю.

Мария. Семейного Игорем зовут?

Ольга Ивановна. Вроде. Вы чего, знакомые?

Мария. Я его молодуха. *(Снимает очки.)* Здравствуйте, Ольга Ивановна. Он там?

Ольга Ивановна показывает на дверь. Мария проходит в дом. Какое-то время Ольга Ивановна растерянно стоит на месте, затем выбрасывает цветок. Достает мобильный, набирает номер.

Ольга Ивановна *(в трубку).* Вовка, ты дома? Сейчас забегу. *(Быстро уходит за дом.)*

На террасу выходят Мария и Игорь.

Игорь. Ее уже нет.

Мария *(достает сигарету).* Дай прикурить.

Игорь *(обстукивая карманы).* У меня нет зажигалки.

Мария. Разорви свою грудь, вытащи пламенное сердце и дай мне прикурить.

Игорь. Поищу в доме. *(Направляется в дом.)*

Мария. Нашла. *(Достает из кармана зажигалку, прикуривает.)* Ты заметил, в комнате всего лишь одна кровать?

Игорь. Странно. Весной приезжал договариваться, вроде еще

диван стоял.

Мария. Опять что-то перепутал.

Игорь. На ней два матраса. Лягу на полу.

Мария. Наверняка побежала всем рассказывать про ужасы геронтофилии. Старые козлы женятся на девочках это нормально, а приятная женщина в возрасте с молодым человеком – нонсенс! Ты смог бы на мне жениться?

Игорь. Не говори глупости.

Мария. Конечно! Кому нужен старый, поношенный профессор математики. Косинус – синус, тангенс – котангенс, радикулит – бронхит. Гипертония. Надо убрать из комнаты телевизор.

Игорь. Как ты вечером без сериала?

Мария. Сериал будет с Ольгой Ивановной. *(Смеется.)* Так посмотрела на мои джинсы, будто я с голой задницей.

Игорь. Будь сдержаннее. Все-таки деревня.

Мария. На что намекаешь?

Игорь. Не намекаю, а прошу тебя быть менее агрессивной.

Мария. Узнай, нет ли у них бани. Вдруг захотелось попариться. *(Делает глубокий вдох.)* Боже, как классно! Будем рано вставать, делать дыхательную гимнастику, пешую прогулку. На завтрак фруктовый мусс или суфле! Послеобеденный сон! *(Глубоко дышит, делает простые упражнения.)* Раз - два. Раз - два. Раз... *(Нагибается вперед, у нее кружится голова, хватается за перила.)* Игорь!

Игорь подбегает к ней, обхватывает руками.

Подожди секунду. Все кружится.

Появляется Ольга Ивановна в руках у нее бутылка. Видит обнявшихся Игоря и Марию, резко останавливается, хочет тихо уйти.

Игорь *(опустив руки).* Ольга Ивановна, мы вас потеряли.

Ольга Ивановна *(растерянно).* К соседу бегала. Давно обещал. *(Заходит в дом.)*

Мария. Самогончик?

Ольга Ивановна *(из дома).* На травах! Для себя гонит. В магазине такую не купишь. Ему аппарат на военном заводе делали. С моим не сравнится.

Ольга Ивановна выходит на террасу, в руках несет большую железную банку.

Вам под окурки.

Игорь. Спасибо.

Мария. У вас теперь упадок производства.

Ольга Ивановна. Вообще закончилось! Аппарат еще отцовский был, ржавый весь. Вовка тоже мне на заводе заказал. С датчиками разными, фильтрами. Из нержавеющей металла. Кучу денег стоит.

Игорь. Познакомьтесь. Это...

Мария. Мария Андреевна.

Ольга Ивановна. Да мы уже! *(Смеется.)* Я ж тебя и правда за соцзащиту приняла. Или, думаю, опять пенсионный фонд приехал. Они весной тут анкеты раздавали. Ой, прости, я на «ты» перешла. Мы в деревне привыкли по-простому.

Мария. А чего ж? Зовите, как хотите.

Ольга Ивановна *(растерянно).* Нет, вы скажите если чего.

Игорь. Ольга Ивановна, называйте, как вам удобно.

В калитке появляется Катя. В руках у нее пакет.

Катя *(запыхавшись).* Здравствуйте! *(Ольге Ивановне.)* В магазине сказали: к тебе дачники из Москвы заехали. Дай, думаю, познакомлюсь. *(Всем.)* День добрый. Наше вам с кисточкой! Добро пожаловать! Вот зелени в огороде немного надрала. Гостинец. *(Кладет пакет на стол.)*

Ольга Ивановна. У нас будто своей зеленухи нет?

Катя. Я ж не могла с пустыми руками. *(Протягивает руку Игорю.)* Катя.

Игорь. Игорь. *(Пожимает руку.)* Очень приятно.

Катя *(смущенно).* Ну прекратите! *(Протягивает руку Марии.)* Катерина.

Мария. Мария Андреевна. *(Тоже пожимает руку.)* Как жизнь, Катерина?

Катя. Какая там жизнь! Дождя месяц не было. Картошка вся сохнет. *(Смеется.)* А у нас учителку по математике Марьяндревна звали. В восьмом классе. Помнишь, тетя Оль?

Ольга Ивановна. Мозги не пудри.

Мария. Вы в одном классе учились?

Катя (*громко смеется*). Скажете тоже! С Сережкой ее! Всю школу за одной партой.

Игорь. Надо же. Как совпало. Марья Андреевна тоже преподаватель математики.

Мария. Надо вспомнить, может это я была. На какой-нибудь практике, после института.

Катя. Да какой там? У нее задница в трое ваших джинсов не влезет. Как «бочка» была.

Мария. Чему «бочка» научила?

Катя. Мы вместо уроков у нее в избе прибирались, да за скотиной ухаживали.

Игорь. Проверим. Чему равно число «пи»?

Катя. Ой, прекратите. Таблицу умножения не помню. До пяти знаю, а дальше все путаю. Если начну, вместо «пи» одно пи-пи получится.

Ольга Ивановна. Так вы учителька?

Мария. Да вот, угораздило.

Ольга Ивановна. А этот? Который про землю?

Мария. «Гринпис»? Хобби.

Игорь. Крышечки от бутылок собираем, батарейки. Сортируем весь мусор. Мы эоактивисты!

Мария. Могу рассчитать вам кубический объем суммарного выхода продукта с одного стакана бражки.

Ольга Ивановна. Потом как-нибудь.

Катя. Ух! Я когда умные слова слышу, у меня печень подпрыгивает.

Игорь. Мария Андреевна профессор! Очень любит на экзаменах издеваться над студентами.

Мария. Над очень тупыми!

Катя. Первый раз живого профессора вижу. Мне мать говорила: в город езжай, в институт поступай! Я б живая не вернулась.

Ольга Ивановна. У тебя бы печень совсем в трусы вывалилась.

Катя. Мозг бы лопнул!

Игорь. А сейчас чем занимаетесь?

Катя. Главный специалист! В администрации поселка. Бумаги с одного стола на другой перекладываю. Сейчас в отпускУ. Лето. Это я тете Оле дачников посоветовала! Сережка с женой зимой съехали. Думаю, чего полдома простаивать будет. Фотки на сайте в интернете выложила. Так что, тоже несу за вас ответственность.

Ольга Ивановна. Пошли, балаболка, дерябнешь с нами рюмочку.

Катя. Мне неудобно.

Игорь. Катя, без вас теперь никак.

Мария. Правильно, Гарик. Приглашай девушку на кофе.

Ольга Ивановна. Какой кофе? У меня щи на домашней курице. Салат с помидорами. Вы же с дороги?

Игорь. Теперь нам неудобно.

Катя. А у меня муж был, Гришка. Как нажрется, шляпу с пером наденет, сапоги кирзовые и давай топором в забор метать! Тоже себя Гар-ри называл! (*Громко смеется.*) Дурак-дураком был!

Мария. Это аналогия?

Катя (*растерянно*). Как?

Игорь. Где он теперь?

Катя. Да я послала его в жо... Ой! (*Смущенно кашляет, прикрывает рот рукой.*) На хрен, короче. Надоел, алкаш проклятый.

Ольга Ивановна. Ну, пойдете к столу.

Все идут в дом. Пауза. Слышны громкие разговоры из дома. На крыльцо выбегает Катя, за ней следом выскакивает Ольга Ивановна.

Катя (*громко*). Я сейчас, мигом.

Ольга Ивановна. погоди.

Катя (*останавливается*). Чего?

Ольга Ивановна. Ты к Витьке большому сбегай и к Масловым! Может, они топить будут. А если трактор стоит у Федькиного дома, значит он с делянки приехал, тоже париться будет.

Катя. Ладно. (*Хочет уйти.*)

Ольга Ивановна. Постой.

Катя. Чего еще?

Ольга Ивановна (*тихо*). Иди сюда. (*Отходит в сторону, оглядывается на дом.*)

Катя (*подходит*). Ну?

Ольга Ивановна. Никак разобрать не могу. Они что, муж и жена?

Катя. Я почему знаю?

Ольга Ивановна. Тебе со стороны как видать?

Катя. Фиг их, московских разберет. Может, мать с сыном?

Ольга Ивановна. Он же ее по имени зовет? Сын-то «мамкой» бы звал.

Катя. Брат с сестрой?

Ольга Ивановна. Любовники!

Катя. Прекрати! Она старая.

Ольга Ивановна. Главное, не помню. Он, когда договариваться приезжал, как сказал: толи с женой, толи с женщиной.

Катя. Хочешь, паспорта у них возьму. Скажу: у нас в деревне регистрация положена.

Ольга Ивановна. За самогоном бегала, обратно иду, а они обнимаются. Ее головка у него на плече, глазки закрыты. Только ворковать осталось.

Катя. И чего?

Ольга Ивановна. Не нравится она мне!

Катя. А он-то ничего. Худоват только.

Ольга Ивановна. Тоже ученый какой-то! Забыла только в какой науке.

Катя. Может его это. В другой науке попробовать?

Ольга Ивановна. Печень береги.

Катя. Чего печень?! Зато все другое высший класс. Ему только издаля показать.

Ольга Ивановна. Ой, трепло!

Катя (*неожиданно*). Спорим?! (*Протягивает руку.*) Через неделю на нее не взглянет.

Ольга Ивановна. Иди ты!

Катя (*держит руку*). По осени мешок картошки!

Ольга Ивановна. С ума сошла?!
Катя. Два!

Ольга Ивановна (*неожиданно*). И ведро лука!

Катя. Заметано!

Ударяют по рукам. Расходятся.

Ольга Ивановна. Ох, сучка.

Картина вторая

Вечер. На террасу выходят Игорь и Мария.

Мария (*машет рукой*). А комаров-то.

Игорь. Сейчас разгоним. (*Достает сигареты.*) Зажигалка у тебя?

Мария. Откуда? Ты же последний прикуривал.

Игорь. Что ты придумываешь?

Мария (*ищет по карманам*). Нет у меня.

Игорь. Посмотри в джинсах.

Мария. Зануда! (*Кричит в окно.*) Ольга Ивановна, будьте любезны, бросьте спички.

Ольга Ивановна (*высовывается в окно, в руках у нее полотенце и тарелка*). Как?

Мария. Спички нам не дадите? Игорь опять потерял зажигалку.

Ольга Ивановна. Ага. (*Исчезает, тут же появляется с коробком.*) Словите? (*Бросает.*)

Игорь (*ловит*). Спасибо, Ольга Ивановна.

Курят. Пауза.

Мария. У-у... Я с самогона уплываю. Ты как?

Игорь. На сессии студента спрашиваю: вас тройка удовлетворит? Он отвечает... Вот спроси меня еще раз.

Мария. Ты как?

Игорь (*смачно*). «Ништяк»! Представляешь? *Смеются.*

Мы с тобой последний раз были пьяными на мой день рождения.

Мария. Ага! В мае. Пили виски.

Игорь. А вкусно ели на Новый год?

Мария. Была подгоревшая утка в яблоках.

Игорь. Значит, если сопоставить утку в яблоках и сегодняшние щи с курицей?

Мария. То Новый год тоже отпадает.

Игорь (*смеется*). Когда же мы прилично ели?

Мария. Только в ресторанах, на разных тусовках. (*Потягивается*.) Вот оно счастье! Никого не видеть, ничего не слышать. Я даже телефон отключила. (*Смотрит в сад*.) Что-то груш захотелось.

Игорь. Они зеленые.

Мария. Помнишь, когда вы приехали с моря и ...

Игорь (*резко*). Не помню!

Мария. ...и привезли мешок огромных сладких груш.

Игорь (*грубо*). Заткнись!

Мария (*неожиданно бьет Игоря по щеке*). Не надо со мной так разговаривать!

Игорь тушит сигарету.

(*Напевает*.) «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...»

В дверях появляется Ольга Ивановна, полотенцем вытирает руки, подпевает на деревенский манер.

Ольга Ивановна. «Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой...»

Игорь уходит за дом.

Веселая ты Маш. Говорят: «Кто веселится, того беда боится».

Мария. Врут! (*Тушит сигарету, уходит в свою половину, закрывает дверь*.)

Ольга Ивановна (*растерянно*). Поговорка такая. (*Пожимает плечами*.) Сама слышала.

Пауза.

Ольга Ивановна медленно подходит к гостевой половине, осторожно пытается заглянуть во внутрь.

Появляется Катя. На ней яркое платье, туфли на каблуке, в руках пакет и тазик.

Катя (*громко*). Теть Оль!

Ольга Ивановна пугается, отскакивает в сторону.

Собирай гостей! С Федькой договорилась. Будет баня!

Ольга Ивановна (*тихо*). Не ори ты.

Катя. Чего?!

Ольга Ивановна. Молодые вроде поругались.

Катя. Зачем?

Ольга Ивановна. Что зачем?

Катя. Когда?

Ольга Ивановна. Минуту назад. Она тут пела, а ему видно песня не понравилась, он и ушел.

Катя. Куда?

Ольга Ивановна (*показывает рукой*). К речке.

Катя. А молодуха?

Ольга Ивановна (*показывает*). В дом зашла. (*Шепотом*.) На кровати лежит, телевизор смотрит.

Катя. Чего показывают?

Ольга Ивановна. Выключен он. В том-то и дело.

Катя. Мне-то к речке бежать?

Ольга Ивановна. Ты тут при чем?

Катя. Как при чем? На картошку спорили. Забыла? Я как дура наряжалась, красилась, туфли достала.

Ольга Ивановна (*растерянно*). Ну беги, коль накрусилась.

Катя. Ты ее тут стереги.

Ольга Ивановна. Как?

Катя. Не знаю! Я, может, прям сейчас его оприходуяю.

Ольга Ивановна. Он тоже расстроенный пошел.

Катя. Меня это мало волнует. Ты гляди, какой вернется. (*Убегает*.)

Из дома раздается шум. Ольга Ивановна быстро подпирает шваброй дверь гостевой половины, берет тряпку демонстративно протирает террасу и перила.

Я-то дура. Согласилась. Вляпалась по уши. (*Пытается беззаботно напевать*.) «Расцветали яблони и груши...»

Дверь несколько раз толкают, пытаются открыть изнутри.

Мария (*из-за двери*). Ольга Ивановна, вы тут?

Ольга Ивановна. Тут, тут!

Мария (*из-за двери*). А что с дверью?

Ольга Ивановна. Маш, ты пока не выходи, я терраску помою. Натоптали тут. (*Тихо*.) Ох, как стыдно. Дура старая. (*Громко напевает без слов*.)

Дверь изнутри еще несколько раз толкнули.

(Громко.) Сейчас, уже скоро. *(Активно трет тряпкой, мычит мелодию песни.)*

В окне появляется Мария, Ольга Ивановна ее не видит.

Связалась с паразиткой. Чешется у нее в одном месте. *(Громко.)* Сиди, Маш, я быстро! *(Тихо.)* Всю жизнь она мне поперек горла! Дрыном бы ей по башке. Совестно как. Чую, не то делаю. Ой, не то!

Мария *(громко)*. Что, не то?

Ольга Ивановна *(пугается, вскрикивает, опрокидывает ведро)*. Господи. Сердце чуть не выпрыгнуло. *(Садится на крыльцо, держится за сердце.)* Прибираю немного, Маш.

Мария. Помочь?

Ольга Ивановна. Да уж помогла! Коньки чуть не отбросила.

Мария. Прости. *(Вылезает через окно, в руке у нее небольшой пакет.)*

Ольга Ивановна. У нас дверь имеется.

Мария. Она закрыта.

Ольга Ивановна *(растерянно)*. Ну да. Я тут мыла.

Мария. К речке как пройти?

Ольга Ивановна *(напряженно)*. Зачем?

Мария. Игорь говорил небольшая речушка. Купаться можно. Вот купальник взяла. Полотенце не дашь?

Ольга Ивановна. Не дам.

Мария. Пойду без него.

Ольга Ивановна. Нельзя.

Мария. Купаться нельзя?

Ольга Ивановна. Опасно. Копают.

Мария. Фарватер расширяют?

Ольга Ивановна. Его!

Мария. Порт строят?

Ольга Ивановна. Похоже.

Мария. В деревне морячки появятся?

Ольга Ивановна молча кивает.

И выйдет твоя Катерина замуж за капитана в белом кителе с золотыми погонами?

Ольга Ивановна. Я побалакать хотела, про столицу чего узнать.

Мария. Она к Игорю пошла?

Ольга Ивановна. Это правда, что скоро Ленина из мавзолея вынесут?

Мария. Сам убежит. Оль, тебе сколько?

Ольга Ивановна. Много.

Мария. А я на сколько выгляжу?

Ольга Ивановна. Ты? *(Оглядывает Марию.)* Ну... Ничего еще.

Мария. Старая?

Ольга Ивановна. Не разберу!

Мария. Вы решили – мы любовники?

Ольга Ивановна. Ну характер. Как ты с людьми уживаешься?

Мария. С умными легко. Дураки боятся.

Ольга Ивановна. Да! Пошла к речке. И про вас говорили. Глаз у тебя на него бешенный. А чего вы там вдвоем делаете... Только я тебе как баба скажу. Стыд надо иметь на старости.

Пауза. Мария смотрит в сад.

Мария. Зачем тебе столько яблонь?

Ольга Ивановна. Отец мой сажал. Чтоб детям, внукам.

Мария. И где они?

Ольга Ивановна. Знаешь что, милая! Пока вы еще не обустроились, собирайте монатки, да поищите другой домик. У вас дело молодое, а мне покой нужен.

Мария. Деньги верни.

Ольга Ивановна *(растерянно)*. Ну... Потом отдам. Я ж аппарат заказала. Из нержавеющей.

Мария. Как отдашь, тогда и соберем. Появится Игорь, скажи: я в деревню пошла. Прогуляюсь. *(Уходит за калитку.)*

Ольга Ивановна *(тихо)*. Стерва бессовестная. Прижала – ни вздохнуть, ни... *(Развешивает на перила тряпки.)* А еще профессорша!

Из-за дома появляются Катя и Игорь.

Катя. Вот и мы.

Ольга Ивановна *(зло)*. Что-то быстро!

Катя. Как получилось.

Ольга Ивановна *(Игорю)*. Ушла твоя.

Игорь. Куда?

Ольга Ивановна. В деревню! Обгадила с головы до ног и налегке отправилась.

Игорь. Не принимайте близко к сердцу.

Ольга Ивановна уходит в дом.

Катя *(берет Игоря под руку)*. Пойдемте теперь за речкой погуляем.

Игорь. Темнеет. Да и комары заедят.

Катя. Мы мигом. Не успеют.

Игорь. Давай лучше в саду, под яблонями посидим. *(Садится за стол.)*

Катя. Они старые. Весной цветут, а как до урожая, все мелкие да червивые. Мишка, старший сын тети Оли, все порубить собирался. Она не дала. Помру, говорит, делайте что хотите.

Игорь. «Вишневый сад» просто.

Катя. Не-е. Вишни у нас плохо растут. Яблони и груши только.

Игорь. Пьеса есть у Чехова. «Вишневый сад» называется.

Катя. Помню! В школе проходили. Там про любовь?

Игорь. Еще какую.

Катя. Люблю, когда про любовь. Ни одного сериала не пропускаю. На пасху телевизор сломался, думала с ума сойду. А починить некому. Одна живу. *(Вздыхает.)* Теперь еще холодильник плохо греет.

Игорь. Он у тебя вместо печки?

Катя. Зачем?

Игорь. Если греет плохо?

Катя. А я греет сказала?! *(Хохочет.)* Вот дура. *(Прижимается к Игорю.)* Думаю, про одно, а говорю другое. Вы, Игорь, не обращайтесь внимания.

Игорь. Мы вроде на «ты»?

Катя. Да?! А я решила на «мы». *(Смеется.)* Все перепутала. Как скажете, Игорь, так и будет.

Игорь. На «ты» лучше. На «вы» в университете надоело.

Катя. Чего там делаешь?

Игорь. Преподаю.

Катя. Ну?! И чего?

Игорь. Тоже математику.

Катя. Да вы что?! А в холодильниках не разбираешься? Зашел бы завтра, посмотрел.

Игорь. Во сколько?

Катя. Да как стемнеет.

В окне появляется Ольга Ивановна, считает деньги.

Ольга Ивановна *(громко)*. Кать, поди сюда.

Катя *(подбегает к окну)*. Ну?

Ольга Ивановна *(шепотом)*. Не знаешь, в деревне кто еще дачников берет?

Катя *(тоже шепотом)*. Могу поспрашивать.

Ольга Ивановна. Решила отказать этим. Дай десять тысяч взаймы.

Катя. С собой нет. Дома.

Ольга Ивановна. К себе их не возьмешь?

Катя. Куда? В халупу мою? Если б его одного.

Ольга Ивановна. Одного бы и я оставила. Молодوخа слишком умная. Неси деньги. С пенсии отдам.

Катя. Видала?! *(Показывает фигу.)* Ты мне погоду не порть.

Ольга Ивановна. Чего?!

Катя. Того! Ты мне за него пять мешков отдашь. И три ведра лука. Спорили, так спорили.

Ольга Ивановна. Дура совсем? Я думала понарошку!

Катя. Понарошку в носу у себя ковыряй. *(Возвращается к Игорю.)*

Ольга Ивановна. Совсем решили меня в могилу свести? Та налетела, теперь и ты еще?

Игорь. Случилось что-то, Ольга Ивановна?

Катя. Не обращайтесь внимания!

Ольга Ивановна. Меня баба твоя под плинтус тут загнала?

Игорь. Каким образом?

Ольга Ивановна. Морально! Не привыкла я чтоб со мной так.

Катя (*громко*). А ты привыкай! Старший сын в город сбежал. Младшего с невесткой выжила! Теперь до дачников добралась? Держиморда! Слушала б, да записывала! Когда еще с умными людьми доведется? Не позорь деревню!

Ольга Ивановна. Я позорю? Из-за тебя же все! Картошку захотела? На! (*Показывает Кате фигу.*)

Катя. Теть Оль! Не выводи! Ты меня знаешь.

Ольга Ивановна. Она со мной, как с душой какой-то!

Игорь. Какая картошка?

За каликой появляется Мария в руках у нее шампанское и коробка конфет «Рафаэлло».

Мария. О чем спор, девочки?

Все замолкают. Пауза.

Игорь. Ольга Ивановна сказала, что ты ее морально обидела.

Ольга Ивановна. Я сказала, что разговор мне не понравился.

Мария. Про что разговор, Оля?

Катя. Вы сказали, что она дура под плинтусом.

Ольга Ивановна. Что ты врешь, кобыла? Я по-другому сказала.

Мария. Душой никого не называла. Тем более под плинтусом.

Ольга Ивановна. Я и не говорила.

Катя. А я слышала!

Игорь. Какое-то недопонимание?

Мария. Оля, если обидела –прости. (*Отдает шампанское.*) Тебе, подарок.

Ольга Ивановна не сразу, но берет бутылку.

Катя. Спасибо скажи!

Ольга Ивановна. Без сопливых разберемся! (*Марии.*) Спасибо.

Мария (*протягивает конфеты Кате*). Это тебе.

Катя. «Рафаэлло»! Я прям обалдел-ло! Обожаю с детства. Баня уже готова. Я договорилась.

Мария. Отменим на сегодня. Что-то сил нет.

Катя. Одна пойду. А то жена Федькина обидится.

Ольга Ивановна. У меня душ, ванна. Вода горячая.

Мария. Что необходимо и достаточно.

Катя. Теть Оль, к Вовке сбегай, еще самогонки возьми.

Мария. Думаю, со спиртным на сегодня тоже завязываем. Еще вещи разбирать, устраиваться.

Катя. Могу помочь?

Ольга Ивановна. В баню чеши. Заждались уже.

Катя. Ладно, если так. (*Забирает тазик.*) До завтра, тогда!

Игорь. Пока, Катерина.

Мария. Приятно было познакомиться.

Катя. И мне! (*Уходит.*)

Ольга Ивановна. Пинками пока не вытуришь – не догадается.

Игорь (*смотрит в свой телефон*). Ольга Ивановна, тут на сайте, на фотографиях, в нашей комнате кровать и диван? (*Показывает.*) С ним что-то случилось?

Ольга Ивановна (*растерянно*). Так невестка забрала. Для деда.

Игорь (*Марии*). А ты говоришь: я путаю.

Мария. Какая-нибудь раскладушка или топчан есть взамен?

Игорь. Я же сказал: могу лечь на полу.

Мария. Под утро с речки потянет прохладой. Можешь простудиться.

Ольга Ивановна. Кровать чем не устраивает? Она большая, двуспальная.

Мария. Не может теща спать вместе с зятем. Как минимум это не гигиенично.

Ольга Ивановна. В чулане кровать железная. Собрать только. Матрас, белье. Всего полно.

Игорь. Покажите где.

Ольга Ивановна. За кухней дверь.

Игорь уходит.

(С недоумением.) Так ты теща?

Мария. Теща, Оля, теща. Пойду располагаться. (*Уходит.*)

Картина третья.

Утро. На террасу выходит Мария, она в очках, халате, в руках у нее свой ноутбук, закуривает.

Мария (*смотрит в ноутбук*). Полная ерунда. Даже первокурсники знают, что площадь криволинейной фигуры выражается через определённый интеграл! (*Громко.*) Игорь, а ты что написал? В какой форме ты ищешь решение? (*Выдергивает из ноутбука флешку.*) Забери свою флешку и переделай. Все сразу поймут, что ты бестолочь.

Резко выходит Игорь, в руке у него чашка с кофе, забирает флешку.

Игорь. Оскорбляй, но хотя бы тише. (*Уходит.*)

Мария. Это не комиксы идиотские рисовать. Тут думать нужно. Неуч! Мне, кстати, за это тоже стыдно.

На крыльцо выходит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Доброе утро.

Мария. Доброе. Не разбудили?

Ольга Ивановна. Нет, я вот хотела...

Мария (*перебивает*). Ну и чудненько. (*Тушит в банке сигарету, уходит в дом.*)

Ольга Ивановна (*вдогонку*). Оладушек напекла.

(*Прислушивается.*) Не слышит, что ль?

Появляется Катя. На ней мини-юбка и блуза с глубоким декольте.

Катя (*мрачно*). Здорово.

Ольга Ивановна. Нарисовалась! Чего морда помятая?

Катя. Вчера, в бане. С Федькой пивом догналась. Во рту будто кошки насс... (*Оглядывается на гостевую половину, сплевывает.*)

Ночевали.

Ольга Ивановна. Шампанским поправить?

Катя. Смерти моей хочешь?

Ольга Ивановна (*тихо*). Кать, это. Считаю, проиграла я этот спор дурацкий, картошку осенью отдам. Мешок.

Катя. Три.

Ольга Ивановна. Совсем что ли?

Катя. Шучу. Нам чужого не надо.

Ольга Ивановна (*шепотом*). Теща она. Вчера сама при нем сказала.

Катя. Ну-ну.

Ольга Ивановна (*вздыхает*). Может и врут. На речке чего было?

Катя. Беседовали! Теперь одна надежда на холодильник. Если быстро не починит. Еще тостер сломанный где-то валялся. Электробритва перегоревшая от Гришки осталась.

Ольга Ивановна. У меня патефон. Отцовский. В чулане лежит.

Катя. У них-то чего тут?

Ольга Ивановна (*шепотом*). Всю ночь колготились. Болтали. Через стенку слышала. С утра не жрамши в компьютерах сидят. Я подглянула в щелку: считают чего-то.

Катя. Деньги?

Ольга Ивановна. Откуда я знаю?

Катя. Может они шпионы американские? По телеку говорили, полно их развелось. А у нас военные рядом.

Ольга Ивановна. Опохмелись уже.

Катя. Не напоминай. А то блевану.

Ольга Ивановна. Она ходит, на него ругается. Сама в халатике. Лифчик торчит, ляжка голая. Почти до задницы.

Катя. А ты говоришь теща!

Ольга Ивановна. Он вроде боится ее.

Катя. Надо спасти мужика. Напомнить, под какой номер заточено.

Ольга Ивановна. Под какой?

Катя. Под нуль! (*Показывает ноль на пальцах.*)

Ольга Ивановна. Чего заточено?

Катя. Чего, чего! Сказала б, да ты с крыльца свалишься.

Ольга Ивановна. Ну тебя! (*Вздыхает.*) Оладушек напекла. Хотела угостить. А предложить боюсь.

Катя. Меня-то не боишься?

Ольга Ивановна. Нет.

Катя. Ну и предложи.

Ольга Ивановна. Кому?

Катя. Волосатому коню.

Ольга Ивановна. Так заходи. Я не поняла.

Неожиданно из дома слышен громкий разговор, на веранду нервно выходит Игорь, в руках у него чашка.

Катя. Здравствуйте, Игорь.

Игорь (сухо). Привет.

Катя. Выспались? Как говорится: «на новом месте приснишь жених невесте».

Появляется Мария.

Мария. Доброе утро, Катя! Спалось, честно говоря, не очень.

Катя. Да уж знаем. Все считаете чего-то.

Пауза. Мария смотрит на Ольгу Ивановну, она быстро уходит в дом.

Мария. У тебя телепатия развита или еще что?

Катя (растерянно). А-а... Так у меня. Ну да. Тетя Оля сказала свет у соседей горел долго.

Мария. Какая ты сегодня эффективная.

Катя. Юбка в комод завалилась. Дай, думаю, надену.

Игорь. Катя, ты эффектна и прекрасна!

Мария. Как птичка марабу!

Катя (смущенно). Прямо скажете.

Игорь (резко). Марья Андреевна, вам не кажется, что вы достали? Идите, пожалуйста, в комнату.

Мария. Сам иди. Считаю интегралы, тупица. *(Уходит в дом.)*

Пауза.

Катя (растерянно). Блинов покушать не хотите?

Игорь. Очень. *(Подходит к Кате.)* Пошли.

Катя. Куда?

Игорь. К тебе.

Катя (растерянно). Как? Прямо сразу?

Игорь. А чего тянуть?

Катя. Жди у магазина. Я мигом.

Игорь уходит в калитку.

(Кричит в окно.) Теть Оль?

Из окна высовывается Ольга Ивановна.

Блины еще теплые?

Ольга Ивановна (зло). У меня оладушки.

Катя. Какая разница. Дай! *(Тихо.)* Вроде, налаживается.

Ольга Ивановна. Сама и жарь.

Катя. Муки нет.

Ольга Ивановна. Меняю! Тарелка оладушек на два мешка картошки.

Катя. Совести у тебя нет.

Ольга Ивановна. И ведро лука.

Катя. Спекулянтка.

Ольга Ивановна. А ты – балаболка! Как я теперь людям в глаза буду смотреть?

Катя. Тащи. Я согласна!

Ольга Ивановна исчезает в окне, выходит на крыльцо, в руках держит миску, накрытую тарелкой.

Патефон далеко?

Ольга Ивановна (показывает фигу). Видала?

Катя. Не добрая ты сегодня.

Ольга Ивановна. Чеши отсюда, пока шваброй не огрела!

Катя. Ну, молись за меня.

Ольга Ивановна. Уже бегу свечку ставить.

Катя уходит в калитку. На гостевой половине раздается какой-то шум. Ольга Ивановна быстро заходит в дом. На крыльцо выходит Мария. Она в домашней одежде, закуривает.

Пауза.

Мария. Ну выходи, нечего за холодильник прятаться.

В окне робко появляется Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. И не думала.

Мария. Муж давно умер?

Ольга Ивановна. Уж лет пятнадцать.

Мария. Хороший мужик был?

Ольга Ивановна. Все они хорошие. Когда спят зубами к стенке. Твой жив?

Мария. Не знаю.

Ольга Ивановна. А дочь от кого?

Мария. Дочь от любви. Зять. Все настоящее, только жизнь придуманная.

Ольга Ивановна. Вместе живете?

Мария. Вместе. Мы не деньги считаем, готовим курс лекций для университета. В Африке.

Ольга Ивановна. Да хоть бы и деньги. Мне-то чего? Дочку как звать?

Мария. Тоже Мария. Манька.

Ольга Ивановна. Лет сколько?

Мария. Двадцать пять. Обиделся он?

Ольга Ивановна. А ты как думаешь?

Мария. Груба с ним. Сам виноват. Бестолковый.

Ольга Ивановна. Ладно хаять. Зять же.

Мария. Наверное. «Выходила на берег Катюша». Пойду работать. *(Уходит в дом.)*

Ольга Ивановна *(тихо)*. Звезданутая. В башке, наверное, одни цифирьки. *(Напевает.)* «На высокий берег, на крутой. Выходила, песню заводила...». Тьфу ты, вот пристанет теперь. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Прошло два дня. Из дома слышны голоса. На террасу выходит Мария с чемоданом в руках за ней Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Погоди, погоди. Деньги как же?

Мария. Не знаю. Может быть, он тут останется.

Ольга Ивановна. Один, что ли?

Мария. Один или с кем-то. Мне все равно.

Мария пытается уйти, Ольга Ивановна не пускает.

Ольга Ивановна. Ну, постой. Постой, чего скажу. Вчера в магазин ходила, мимо Каткиного дома прошла. Окно открыто, я заглянула. Он за столом сидит, рисует чего-то. Говорю ему: «Здравствуйте, Игорь», а он мне вот так кивает и не смотрит.

Мария. Кивает? *(Закуривает.)*

Ольга Ивановна. Ага! *(Показывает неопределенно.)* Вот так как-

то...

Мария. И день, и ночь рисует? Даже телефон тут забыл.

Ольга Ивановна. Хочешь, Катку приволоку. Вставим ей. Она уж, наверное, сама не рада, что связалась. Оладушками хотела накормить, а как все вышло. Вторые сутки у нее торчит.

Мария. Это должно было случиться.

Ольга Ивановна. Чего?

Мария. Природа берет свое.

Ольга Ивановна *(передразнивает)*. Природа! Другие тещи как тещи! Зятя как зятя. Бывает, полаялись, подрались даже, потом мирятся. А эти. *(Громко.)* Хватит курить! Природа у ней! Всю деревню продымила. *(Забирает у нее сигарету, тушит, бросает в банку.)* Никуда не поедешь.

Берет чемодан, уносит в дом, тут же выходит.

Мария. Рисует, говоришь?

Ольга Ивановна. Ручкой шариковой. Сережка тоже, бывало, с женой поцапается и молчит сутками. Муж не такой был. Все характер показывал. «Олька, ты куды?». «Олька, не пойдешь». Однажды, сволочь, так ремнем отлупил, на спине до сих пор рубец остался.

Мария. И ты терпела?

Ольга Ивановна. А что делать? Заступиться некому. Отец помер, братьев нет. Это сейчас бабы отлуп дают, а в те времена попробуй. Родственники набегут, еще добавят.

Мария. Ушла бы от него.

Ольга Ивановна. Побегала! До речки. Спина от ремня горит. Залезла в воду и плачу. Хотела утопиться, а потом про старшенького вспомнила, Мишке уж три года было. В миг вынесло.

Мария. За что отлупил?

Ольга Ивановна. В клубе лекция была, про коммунистическую семью, ячейку общества, потом танцы. Мужа как раз днем в командировку за сеялками на завод отправили. Я нарядилась! Мишку соседке подкинула. Три года из дома не вылазимши. И

туда. Музыка, все кружатся, смеются. В башке как завертелось. Себя не помнила. Очнулась, когда с киномехаником в обнимку танцевала. Увязался провожать. Оказались на речке. Ну и...

Мария. Трахнулись?

Ольга Ивановна. Как?

Мария. Ну-у. *(Неопределенно показывает руками.)*

Ольга Ивановна *(испуганно)*. Ты что? Щупать пытался. Да я так врезала, у него пиджак по шву лопнул. Мне б дуре в клуб вернуться, чтоб все видели, а я домой. А утром муж.

Мария. С сеялками.

Ольга Ивановна. Тетка его на речке нас видела. И киномеханик сболтнул чего. Мужики же любят. А твой куда девался?

Мария. Мужа не было. Был любимый мужчина. Однажды сказала, что хочу ребенка.

Ольга Ивановна. А он?

Мария. У него семья. Бросать не собирался. Попросил написать бумагу, что не будет претензий. Я написала.

Ольга Ивановна. Ненормальные.

Мария. Все прошло замечательно. Через два месяца поняла, что беременна. И прогнала его.

Ольга Ивановна. Дочь одна рОстила?

Мария. Одна. Были увлечения, но вот любви. Все как-то около.

Ольга Ивановна. В деревне так не пройдет.

Мария. У вас интереснее! На Катьку посмотри.

Ольга Ивановна. На башку двинутая. С молодости! С одним ходила – бросил, потом с другим – посадили. За Гришку зачем-то вышла, пьянь несусветную. Развелась. Вот и колупается. Маш, я все же не поняла про Африку?

Мария. Едем по приглашению читать лекции по математике.

Ольга Ивановна. Обезьянам что ли?

Мария. У них тоже университеты. Некоторые покруче наших. Деньги платят хорошие. Контракт на год.

Ольга Ивановна. Дочка с вами?

Неожиданно в доме раздается звонок телефона. Мария вскакивает, направляется в дом, но останавливается, возвращается.

Мария. Это телефон Игоря.

Пауза. Телефон продолжает звонить.

Ольга Ивановна. Может срочное? Вдруг дочка?

Мария. Нет. Это не она.

Телефон замолкает.

Ольга Ивановна. В каждой избушке свои погремушки. *(Вздыхает.)* Утром Сережка звонил, в любви признавался. Значит, опять запил. Что не живется. Завтра пойду мозги вправлять.

Мария. А жена зачем?

Ольга Ивановна. Устала она от него. Чувствую – бросит. Если уже... *(Уходит.)*

Мария достает сигареты, пытается прикурить.

Появляется Катя.

Катя. Здрaсте.

Мария. Привет. *(Щелкает зажигалкой, не может прикурить.)* Черт!

Катя. Как живете-можете?

Мария *(закуривает)*. Сидим вот, по вам скучаем.

Катя. Гость мой тоже как сел за стол, так и не вылезит. Папки лежали с отчетами. Лист берет и на оборотке рисует. Целыми днями.

Мария. Что?

Катя. Человечков разных. Разговаривает за них. Я думала кукушкой тронулся. А он сказал, это комиксы.

Мария. Спит с тобой?

Катя. В кресле. Вы, может, плохо чего подумали? Я ж все в шутку. А он как сел...

Мария. ...так и не вылезит?

Катя. Говорю: «Домой иди». Молчит. Плохого меж нами не было. Не думайте.

Мария. Не думаю.

Катя. Зачем?

Мария. Что зачем?

Катя. Почему не думаете?

Мария. Расчетлив мальчонка, есть что терять.

Катя. А хотите, я вам честно скажу?

Мария. Нет.

Катя. Наплели тут. Мы ж деревенские, дуры темные. Кроме телевизора не видали ничего.

В двери появляется Ольга Ивановна, Катя ее не видит.

У вас на лице ревность нарисована. Теща! Надоела ему хуже редьки!

Ольга Ивановна (громко). Заткнись!

Катя (оборачивается). Чего?

Ольга Ивановна. Не болтай зря.

Катя. Мне-то что делать?

Мария. Наслаждайся! (Уходит в дом.)

Ольга Ивановна (грубо). Иди отсюда, пока не прибила.

Катя. Ты-то чего?

Ольга Ивановна. Если с парнем чего сотворишь, пеняй на себя.

Катя. Блинами он у меня обожрется и вспухнет.

Выходит Мария, в руках несет ноутбук Игоря, на плече сумка.

Мария. Передай. Пусть рисует на нем.

Катя. Может сказать чего? Словами.

Мария. Пожелай счастья в личной жизни.

Катя забирает ноутбук, уходит. Мария направляется за дом.

Ольга Ивановна. Ты куда?!

Мария. Самогонщик где живет?

Ольга Ивановна. Шампанское же есть.

Мария. На травках мне больше понравилось.

Ольга Ивановна. Я что говорила! Сейчас покажу.

Спускается с террасы.

С Сережкой однажды тоже в раскосец пошло. Жена в городе работает, сутки-двое, а он бабу завел. Я нашла дрын хороший и за ними. Только они шуры-муры где, я сразу по башке обоим. Хрясь! Извините – получите!

Мария. А жена его не знала?

Ольга Ивановна. Себе на уме. Семья – как человек живой, может захворать, занемочь. Ее лечить надо.

Мария. Дрыном?

Ольга Ивановна. Сын у них. Костик. Внучек мой. Тут все средства хороши.

Мария. Не обижайся на меня.

Ольга Ивановна. Ничего плохого ты не сделала. Смотри, как к речке идти, за поворотом третий дом, с красной крышей. Вовка звать! Я ему сейчас наберу, дешевле отдаст.

Мария уходит. Ольга Ивановна смотрит ей вслед. Находит свой телефон, собирается набрать номер, но неожиданно в доме, в гостевой половине, опять раздается звонок телефона. Ольга Ивановна уходит, слышен ее голос: «Вовка, привет. Там от меня сейчас зайдут. Ага, квартиранты мои. Продай бутылочку. Свою фирменную. Спасибо». Телефон в гостевой продолжает звонить. Ольга Ивановна выходит, телефон звонит, она быстро заходит в гостевую, выходит с телефоном.

(В трубку.) Алло... (Смеется.) Да, телефон Игоря. Ага, Игоря Владимировича. Не знаю его отчества. Я знакомая ихняя, отдыхают у меня в деревне. Сейчас отошел, в гостях, короче. Будут поздно. Телефон забыл. Не переживайте. Вы, простите, Мария? Нет? Думала, жена его. (Растерянно.) У него нет жены? Вы с кафедры. Хорошо, скажу, чтоб перезвонил. (Выключает.)

Пауза. Смотрит вслед Марии.

Вон ты какая учительница. Ну Бог судья.

Картина пятая.

Поздний вечер. На террасе и в окнах дома горит свет. К калитке осторожно подходит Катя. Заглядывает в окна. В доме раздается шум. Катя прячется в саду. На террасе появляется Мария.

Мария. Оля, если помочь – скажи.

В окне появляется Ольга Ивановна, в руках у нее тарелка и полотенце.

Ольга Ивановна. Прекрати! Две тарелки ополоснуть и рюмки.

Мария. Шикарный самогон у твоего Вовки. Послевкусие как от хорошего конька. (Смотрит на часы). Двенадцать уже.

Неожиданно громко раздается далекий раскат грома, похожего на взрыв. Мария вздрагивает.

Боже, что это?

Ольга Ивановна. Военные недалеко. Полигон. Все чего-то испытывают.

Мария. Заикой сделают.

Ольга Ивановна. В прошлом году три ночи вертолет летал. Какие-то салюты пускал. А зимой солдат с автоматом сбежал. Из-за девки, говорили. На станции поймали.

Мария. Жалко. Посадят мальчишку.

Ольга Ивановна. Мальчишек всегда жалко. Припозднились малехо. Приберусь, да пойду в сарае лягу. В доме душно. У меня там полаты большие, матрас. Сеном пахнет. Хочешь, со мной перебирайся.

Мария. Если б ты другого пола была, я б подумала.

Ольга Ивановна *(смеется)*. Тоже скажешь.

Мария. А вдруг опять киномеханик?

Ольга Ивановна. Фу! Зачем только рассказала. Самой теперь стыдно.

Мария. Если любовь, разве это стыдно?

Ольга Ивановна. Сказки все.

Мария. Неужели ни разу не было? Как с ледяной горки головой вниз. Глаза закрыты, дышать не можешь и только слезы по всему лицу. Будь что будет.

Ольга Ивановна. Студенты как-то в колхоз приехали. А я только восьмилетку кончила. Вроде, как взрослая. Ну и староста у них. Кудрявый, высокий. Павлуша звали. В клубе подошел знакомиться. А у меня в горле пересохло, молчу как рыба. Только киваю. На танец пригласил. Провожать пошел. Первый раз в жизни тогда поцеловалась. На третий день мать застала нас за сараем. Дома так вожжами по горбу опоясала. Вроде и вылечила. А то б натворили делов. Жизнь прожила, никто слова плохого за спиной не сказал.

Мария. Кто?

Ольга Ивановна. Ну кто. Деревня. Соседи.

Мария. На них внимательно посмотри сначала.

Ольга Ивановна. Меня это не касается. *(Смеется.)* В колхозе агрономша работала. Партийная. А мать моя в правлении вечерами уборщицей. Я иногда подменяла. Еще, наверное, в классе пятом училась. Припозднилась как-то, выхожу, дверь закрываю, а ключ из рук выскакивает и под крыльцо. Я за ним. А темно. Руками шурудю. Вдруг слышу идет кто. Замерла от страха. А это агрономша с райкомовским. Он проверяющим из города приезжал. Мальчишка совсем. Она открывает своим ключом, я-то решила документы какие проверять, а они, как стали! Ой... *(Закрывает лицо ладонью, смеется.)* «Секас в них попер»!

Мария *(смеется)*. Чего?

Ольга Ивановна. Свекруха моя, как мужик ее куда «налево» двинет, говорила: «секас в нем попер»! Правление ходуном ходило. А я ж пионерка! Все на крышу смотрела, там красный флаг висел. Как думаю, со стыда не падает.

Мария. И долго смотрела?

Ольга Ивановна. До самого конца! А что делать? Без ключа не пойдешь. Искать боязно, вдруг услышат. Так и сидела.

Мария. В комсомол утром не вступила?

Ольга Ивановна. Ну его! У меня только с Лениным особые отношения. Как с родным дедушкой. В школе нас в Москву, в мавзолей, на экскурсию возили, так я потом три ночи не спала, все с ним разговаривала. Если б жив был, давно б при коммунизме жили. *(Зевает.)* Я спать. Жена его к нам приезжала.

Мария. Ленина, что ли?

Ольга Ивановна. Проверяющего. Семью бросить хотел. Не дали. Все строго было. Агрономшу из партии выперли, из колхоза погнали. Сучка, одно слово. Вот она любовь!

Мария достает сигареты, закуривает. Зажигалку убирает в пачку с сигаретами, кладет их на перила.

Воздухом дыши.

Мария. Последнюю.

Ольга Ивановна уходит за дом. Мария затягивается сигаретой, тушит, бросает ее в банку, несколько раз глубоко вдыхает, направляется в дом, но у нее кружится

голова, она медленно оседает на пол. Некоторое время сидит, осторожно добирается до перил, встает. Появляется Катя.

Катя (*тихо*). Здравсте.

Пауза.

Мимо шла. Решила узнать, как живете.

Мария. Иди домой.

Катя. Слова обидного не сказала, а меня все гонят.

Мария. Жаловаться пришла?

Катя. Игорь пропал. Днем пришла, а его нет. Только бумажки изрисованные. Не знаю, что думать.

Мария. Взрослый мужик, найдется.

Катя. В речке б не утоп. У нас тут зимой волков видели.

Мария. Глупости не говори.

Катя. В доме точно нет? Может прячется?

Мария. В чемодане. Зайди проверь.

Катя. Утром можно приду?

Мария (*вздыхает*). Давно с мужем развелась?

Катя. Года четыре.

Мария. С тех пор одна?

Катя. Женихи перевелись, как раки в речке.

Мария. Уехала бы.

Катя. Куда? Мать тут похоронена, отец. Крестная.

Мария. Не рожаеть почему?

Катя. Хотела. Да на третьем месяце мы его.

Мария. Аборт?

Катя (*кивает*). Семнадцать лет. Честь берегла.

Мария. Оставить нельзя было?

Катя. Они разве дадут.

Мария. Родители?

Катя. И родичи. И тетя Оля. Я с Сережкой ее гуляла. С седьмого класса за ручку ходили. (*Смеется*). Гоняла нас, как собак. Женила его потом. А он все равно ко мне бегал. Она возьмет дубину и давай нас мутузить. Руку мне однажды сломала, Сережке ухо разорвала.

Мария. Он не защитил?

Катя. Сережка мягкий. Мишка, старший, тот сурово с ней. И то в город сбежал. А Сережку она не отпускала. Потом за мной участковый ухаживать стал. Достойный мужчина. Его посадили.

Мария. За что?

Катя. Они в городе палатки крышевали.

Мария. Участковый?

Катя. У него же пистолет был. Настоящий. Потом Гришка прилип, подарочек. Да что рассказывать. Марьяндревна, спросить хочу. А правда, у тебя было. От любви, будто с горки вниз! Глаза закрылись, дышать не можешь. Летишь, ничего не видишь. Гори оно все!

Мария. Подслушивала?

Катя. Не специально. Думала, я одна такая дура! С Сережкой сядем под оврагом, я глаза закрою. У него куртка широкая, залезу под мышку. Счастливая! Он какие-то слова говорит, а я плачу. Ругает, не целуюсь, говорит, одни сопли слизываю. Утром летаю по всей деревне и песни революционные пою. «Смело, товарищи, в ногу». В каждый дом заходила, с праздниками поздравляла. Когда забеременела, думала лопну от счастья. А потом... Игорь правда зять твой или придуряетесь? Скажи честно?

Пауза.

Мария. Придуряемся.

Катя (*смеется*). Так и думала. Вот чувствовала! Прямо ангелок. Таких старые любят. Ой, прости. Не старые, а...

Мария. Говори, как есть.

Катя. Про дочку наврала?

Мария. Наврала.

Катя. Правильно. Мужика держать надо, если любишь. Никому не скажу, во те крест. (*Широко крестится.*) Хороший он. Умный, добрый. А чего не женился?

Мария. Был женат.

Катя. Детки есть?

Мария. Нет.

Катя. Бросил?

Мария. Она его.

Катя. Теперь с тобой?

Мария. Со мной. Хочешь, забирай.

Катя. Куда мне. Я как бревно неотесанное.

Мария. Отешет. Дарю. Пользуйся.

Катя. Какая теперь из меня женщина. Чурка безродная. *(Смотрит на свои ноги, смеется.)* Вот балда, как была в тапочках, так и прилетела.

Мария вытирает глаза.

Плачешь что ли?

Мария. Комар залетел.

Катя. Плачешь, я же вижу. Прости. Простите. Я расстроила? Не нарочно.

Мария. Уходи.

Катя. Никому. Могила.

Мария. Хорошо.

Катя. У вас в университете еще мужички разведенные есть?

Мария. Полно. *(Встает.)* Я пошла. Работать надо.

Катя. Счастливо оставаться.

Катя направляется к калитке. Мария делает шаг вперед, ее немного ведет в сторону, она хватается за перила.

Мария. Катя.

Катя. Чего, Марьяндревна?

Мария. Дай мне руку.

Катя. Зачем? А-а. *(Подбегает, протягивает руку, прощается.)* До свидания, Марьяндревна. Всего хорошего! Спокойной вам ночи! До завтра.

Мария. Помоги. Голова кружится.

Катя. Я ж не поняла. *(Берет ее за руку, ведет к дому.)* В кровать положить?

Мария. Сама.

Катя. Как скажете.

Мария некоторое время стоит, облокотившись о дверь, Катя убегает за калитку, но тихо возвращается, прячется за деревьями, наблюдает за Марией. Та медленно заходит в дом, в окне зажигается тусклый свет настольной лампы.

Эх, невестушка.

В калитке появляется Игорь, решительно проходит к крыльцу, останавливается, увидев свет настольной лампы. Замечает на перилах сигареты, закуривает, проходит к скамейке, садится.

Катя *(тихо)*. Добрый вечер.

Игорь *(вздвигнув)*. Фу! Напугала.

Катя. Вот я тебя и нашла.

Игорь. Я что, пропадал?

Катя. С обеда. Домой пришла. Весь стол в рисунках, а художника нет. Подумала, никак домой вернулся.

Игорь. Надо же когда-нибудь.

Катя. А мы тут с Марьяндревной разговаривали.

Игорь. Не про меня, надеюсь?

Катя. Ни слова! Я про университет спрашивала, свою жизнь рассказывала. Ей у нас в деревне очень нравится. Еще, сказала, приедет.

Игорь. Ну-ну!

Катя. Балаболю, чего не знаю. Ты ж молчал, я подойти боялась. *(Присаживается на скамейку.)* Можно рядом?

Игорь. Садись. Только я дымлю.

Катя. Главное – не молчи. Думала, совсем парня достала. Будто воды в рот набрал. Не надоела?

Игорь. Мне приятно тебя слушать.

Катя. Господи! Первый раз такое сказали. Обычно рот затыкают, да в жо... Короче, помолчать просят.

Игорь. Вечер. Луна. Интересная женщина. Что может быть лучше.

Катя. Какая, ты сказал, женщина?

Игорь. Симпатичная.

Катя. Картошки не наемся, так хоть ушами наслушаюсь.

Игорь. У вас что, не урожай на картошку?

Катя. Мы с тетей Олей поспорили. Если ну... С тобой «это». То по осени два мешка мои, а если нет, то ее.

Игорь. Чего «это»?

Катя. Не понимаешь?

Игорь. Нет.

Катя обнимает Игоря и вливается в него поцелуем. Некоторое время они так сидят вместе, затем Катя смущенно отсаживается в сторону, Игорь тихо смеется.

Катя. Чего ты?

Игорь. И Ольга Ивановна с тобой спорила?

Катя. Сопrotивлялась, но я ее уговорила.

Игорь. Теперь ты выиграла?

Катя. Нет. Еще дальше надо.

Игорь. Как дальше?

Катя. Как, как. Совсем что ль? *(Подсаживается ближе.)* Обними хотя бы, если целоваться не хочешь.

Игорь *(обнимает Катю)*. Все же решила картошку выиграть.

Катя. Ну ее. Всю жизнь мечтала, вот так к мужчине прижаться, глаза закрыть и ни о чем не думать. А от него не перегаром разит, а хорошим парфюмом. Я сейчас такая счастливая. Прости, если мурлыкать начну.

Игорь. Мурлыкай.

Катя. А если захраплю, стукни легонько.

Игорь. Смешная ты.

Катя. Другой бы сейчас за грудь хватал, под юбку полез. Я бы сопротивлялась. Говорила: как вы можете? Как вам не стыдно. Прекратите. У вас жена.

Игорь. Нет у меня жены.

Катя. Ну, не жена. Марьяндреевна.

Игорь. Она моя теща.

Катя *(смеется)*. Ладно. Мы это уже слышали.

Игорь. Была жена. Дочка Марьи Андреевны. Но ее больше нет.

Катя *(растерянно)*. Как нет? Зачем?

Игорь. Для меня ее больше нет.

Катя. Умерла?

Игорь. Не твое дело. *(Встает.)* Немного прогуляюсь, ночевать вернусь к тебе.

Катя. Нет. Я не пушу.

Игорь уходит. Из-за дома выходит Ольга Ивановна. В руках у нее лопата.

Ольга Ивановна *(осторожно)*. Катька, ты?

Катя *(через слезы)*. Нет. Пушкин.

Ольга Ивановна. В сарае лежу, сквозь сон голоса слышу. Думала, опять шпана в сад залезла. Ревешь что ль?

Катя *(вытирает слезы)*. Комар попал.

Ольга Ивановна *(присаживается рядом)*. Это Игорь был?

Катя кивает.

Звонили ему. Из университета. Просили перезвонить на кафедру. Передай, если увидишь.

Катя кивает.

Ты бы не приходила больше. Пока они здесь. Что люди скажут.

Катя шмыгает носом, кивает.

Ольга Ивановна. Чего ревешь-то?

Катя. Хочу и реву. *(Грубо.)* И чихать мне, что скажут!

Ольга Ивановна. Совсем что ль?

Катя. И завтра приду! И послезавтра! И вообще каждый день ходить буду. Тебе назло.

Ольга Ивановна. Попробуй только.

Катя. Ты тоже однажды. Вот так: «попробуй только». Когда я хотела маленького оставить.

Ольга Ивановна. Проваливай.

Катя. Мне уйти не трудно. Ты с кем останешься? Сколько ты горя наделала. И Сережке, и мне, и ребеночку нашему. Оттого и пьет он.

Ольга Ивановна. Вылечим. Зато семья, сын здоровенький. Внушек мой. А с тобой еще не известно. Чеканутая!

Катя. Какая семья? Любовник у нее в городе. Вся деревня знает. И Костик не его сын. Сережка ДНК втихаря делал.

Ольга Ивановна. Ты сглазила! Убью, суку. *(Замахивается лопатой.)*

Катя. Убей! Может всем легче станет.

Внезапно в гостевой половине зажигается яркий свет. В проеме двери появляется Мария, она в халате, очках.

Мария (*громко*). Оля! Ты где? Ольга Ивановна!

Катя. Мы тут, Марьяндревна.

Мария. Катя, где Оля?

Ольга Ивановна. Чего, Маш?

Мария. Почему нет света? Ничего не вижу. Где Игорь?

Катя. Прогуляться пошел. Что случилось?

Мария. Что-то голова. Тяжелая. Дышать не могу. (*Кричит.*)

Игорь! Позовите Игоря! (*Падает на пол.*)

Картина шестая

Утро. В гостевой половине дома слышен некий шум. Ольга Ивановна наводит там порядок, негромко напевает. В калитке появляется Катя, проходит на террасу.

Катя. Теть Оль!

Выскакивает Ольга Ивановна, на ней фартук, в руках тряпка.

Ольга Ивановна. Вернулись? Ну чего?

Катя. В больницу положили. Ишемический инсульт.

Ольга Ивановна. Ой, как же так!

Катя. Вовремя доставили. Сказали: могло быть хуже.

Ольга Ивановна. Вовке спасибо.

Катя. Прямо в приемный покой завез.

Ольга Ивановна. Надо потом отблагодарить.

Катя. Я деньги предлагала. Он послал.

Ольга Ивановна. Пирожков напечем. Он с капустой любит. Я знаю. (*Достает из кармана очки и пачку сигарет.*) Очки ее на террасе валялись. Разбитые. Сигареты нашла.

Катя (*забирает очки и сигареты*). Ей только дымить осталось. (*Рассматривает очки.*) Наверное, починить можно? (*Убирает в карман.*)

Ольга Ивановна. Ночь не спала, вся на нерве. Под утро решила везде пыль протереть.

Катя. Игорь не появлялся?

Ольга Ивановна. Нет. Может у тебя?

Катя. Пойду проверю. Там все открыто. (*Показывает на свои ноги, смеется.*) Как была в тапочках, так и рванула. Они сбоку

драные немного, все под себя прятала, чтоб доктор не заметил.

Ольга Ивановна. И я прилягу. Голова квадратная. Ой, Господи. Вот ведь напасть. (*Через слезы.*) Ходишь, ходишь, а потом раз! И кирдык!

Катя. Что ты каркаешь? Обошлось же!

Ольга Ивановна. Да я вообще! (*Уходит в дом.*)

Катя направляется к калитке, из-за дома выходит Игорь. Он в трусах и рубашке, штаны перевязаны на шее. Вся одежда грязная, в руках небольшая коряга. Он пьян.

Игорь. Здравствуйте. Как пройти в библиотеку?

Катя (*смеется*). Закрытая еще.

Игорь. Страшно захотелось перечитать «Дядю Ваню». (*Пытается цитировать.*) «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, дядя! Мы увидим небо в алмазах. И все наши страдания, куда-то там потонут. Но мы еще обязательно отдохнем!» Дядя плачет.

Катя. Купался что ли?

Игорь (*приглядывается*). Мы с вами где-то встречались?

Катя. Ты и жил у меня.

Игорь. Всегда у кого-нибудь живу. Я приживал.

Катя. Где так угваздался?

Игорь. На речке познакомился с местными мужиками. Туповатые, но добрые. Разговаривают только матом. Всю ночь ловили бреднем рыбу и пили самогон. Я поймал вот это! (*Показывает корягу.*) Щука! Старая, зубастая и умная.

Катя. Марьяндревна в больнице. Ишемический инсульт. Вечером случился.

Игорь. Я думал: первым отвезут меня.

Катя (*достает сигареты и очки*). Сигареты вот. Очки ее. Разбились.

Игорь забирает сигареты, кладет в карман, очки рассматривает и закидывает далеко в сад.

Починить разве нельзя?

Игорь. Хочешь поехать в Африку?

Катя. Я негров боюсь.

Игорь. Море. Кокосы, ананасы!

Катя. А я бананы люблю.

Игорь. Правильно! От жизни нужно получать удовольствия. *(Ставит корягу на перила.)* Ну что! Отдохни, старая щука. *(Берет Катю за руку.)* Пойдем!

Катя *(растерянно)*. Куда?

Игорь. Покажу тебе небо в алмазах.

Катя. Я так не хочу. *(Вырывает руку.)*

Игорь. Будет, как захочешь. *(Хомутом надевает ей на шею свои штаны.)*

Катя. Не хочу опять с перегаром.

Игорь. Сполосну рот освежителем. Жду! У тебя пять минут. Потом я усну. *(Уходит в дом.)*

Пауза.

Катя. Жарко, наверное, в этой Африке. *(Тихо напевает.)* «Смело, товарищи, в ногу!/ Духом окрепнем в борьбе,/ В царство свободы дорогу/ грудью проложим...». Я и груши люблю. И яблоки тоже... Люблю. По-другому, наверное, уже и не будет. *(Скидывает с ног тапочки, медленно идет за Игорем, закрывает дверь.)*

Осторожно выходит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна *(тихо)*. Дура, ты дура! Чего теперь люди скажут.

Забирает тапочки, аккуратно ставит их около двери.

Картина седьмая

Прошло три недели. На столе стоит большая кастрюля, накрытая полотенцем. Из-за дома выходят Катя и Ольга Ивановна, тащат раскладушку и надувной матрас.

Ольга Ивановна. Под яблони тащи, в тенек. У скамейки поставим. За столом будет работать, а как устанет, тут и раскладушка.

Катя. Вот удумала.

Ольга Ивановна. Сережке покупали. Когда в первый класс пошел. Однажды так ее обдул, еле просушили.

Катя. И ты гостям подогнала?

Ольга Ивановна. Это когда было? Все выветрилось.

Катя. Матрас зачем?

Ольга Ивановна. Игорек рядом приляжет, если захочет.

Катя. Масловы гамак обещали. У них в сарайке без дела висит.

Ольга Ивановна. Курорт, одно слово! Во сколько приехать должны?

Катя. Игорь днем звонил. Сказал: в три выписка, к четырем будем.

Ольга Ивановна *(смотрит в телефон)*. Уже семь. Может случилось чего? Набери.

Катя. Не надо. Врачей обойти, бумажки подписать. Дело не быстрое.

Ольга Ивановна. Доктор чего сказал?

Катя. Покой и покой. Лекарств кучу выписал.

Ольга Ивановна. Во! Напомнила. Я к Вовке. *(Спешит за дом.)* Бутылку обещал.

Катя. Теть Оль, ну ее к лешему. Давай без бутылки.

Ольга Ивановна. Борщ сварила, салат нарезала. Праздник же?

Катя. Какой? Человек три недели в больнице провалялся, чуть не помер.

Ольга Ивановна. Так не помер же?

Катя. Пирожков хватит.

Ольга Ивановна. Откуда? Я и тесто не ставила.

Катя *(тащит со стола кастрюлю)*. Вот! Сама напекла. *(Открывает крышку, заглядывает в кастрюлю.)* Тут с картошкой и сладкие с яблоками. Еще теплые.

Ольга Ивановна. Хозяйственная стала! Кто бы мог подумать!

Катя. Пошли, чай с травками заварим.

Уходят в дом.

В калитке появляется Игорь, несет пакеты и сумку с ноутбуком, под руку осторожно ведет Марию.

Игорь. Вот и приплыли. *(Открывает калитку, пропускает Марию вперед.)* Заходи, осторожно.

Мария. Дом стоит! Сад цветет! Солнце светит. Время остановилось.

Игорь. Раскладушка появилась. С утра не было.

Мария. Ничего не забудь. Очки найди. Помню, что брала запасные. Да, скинула тебе на почту адрес издательства. Они меня когда-то печатали. Им понравились твои комиксы про двоечника с противной училкой по математике. Хотят побеседовать.

Игорь (*достает телефон, открывает почту*). А я понять не могу, что за ссылка? (*Растерянно.*) Спасибо. Где они их нашли?

Мария (*нежно треплет Игоря за волосы*). Ой, бестолковщина! Я случайно увидела на твоей флешке. Отправила главному редактору. Прости. Надо было чем-то развлекаться.

Игорь (*направляется в дом, замечает кастрюлю, подходит, открывает*). У-у-у! Эта сумасшедшая напекла пирожков. (*Берет один, откусывает.*) С картошкой! Мои любимые!

Мария. Сумасшедшая, это Ольга Ивановна?

Игорь. Катька!

Мария. Когда они стали у тебя любимыми?

Игорь. С детства. Бабушка стряпала.

В дверях появляется Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна (*громко*). Явились, не запылились!

Игорь. И снова мы!

Мария. Здравствуй, Оля.

Ольга Ивановна. Привет. Все глаза проглядели. (*Подходит, целует Марию.*) Катька сказала к пяти. Все нет и нет.

Игорь. Такси еле нашли. Никто не хотел ехать.

Ольга Ивановна. А я думаю: понравилось в больничке. Решила остаться.

Мария. Понравился только массажист Иннокентий. Оказалось, что его дочка учится в Москве, в нашем университете. Каждый сеанс массажа он превращал в лекцию. (*Говорит басом.*) «Главное, Марья Андреевна, это разминание и тонизация мышечных волокон от периферии к центру».

Появляется Катя, робко останавливается в дверях.

«Начинаем с мышц лицевой части, переходим на дельтовидную, затем трехглавая плеча, средняя ягодичная переходит в

широкую фасцию, тут же латеральная и камбаловидная». После камбаловидной я уже засыпала. (*Замечает Катю.*) Катерина привет.

Катя. Здравствуйте, Марья Андреевна.

Мария. Маша! Только Маша.

Катя. Как вы это запомнили?

Мария. Каждый день по полчаса! Не хочешь, а выучишь.

Катя. Тетя Оля обед приготовила. Голодные поди.

Игорь. Не то слово. От запаха пирожков у меня головокружение.

Мария. Вовкин самогон ночами снился!

Ольга Ивановна (*Кате; с укором*). Ну вот! (*Всем.*) Пойду накрывать. (*Уходит.*)

Катя. Доктор сказал: ни спиртного, ни сигарет.

Мария. Толстый? С бородой, в очках!

Катя (*кивает*). Завотделением. Григорий Викторович.

Мария. Твой Викторыч каждый день у меня по сигаретке стрелял. Игорь, очки!

Игорь. Пойду, искать. (*Разводит руками, уходит.*)

Катя. Игорь чемодан перетряс. Я под кровать лазила. Может во дворе где оставили?

Мария. Может.

Катя. Пойду, тетя Оле помогу.

Мария. Подожди. Посиди с инвалидом интеллектуального труда и скорой медицинской помощи.

Садятся на скамейку. Мария достает небольшой пакет с таблетками.

Подскажи: где желтые таблетки, а где капсулы белые, и серые. Зрение совсем никакое.

Катя (*разбирает таблетки*). Вот, вот и вот. (*Вскакивает.*) Воды принести?

Мария. Во-первых, «принести». Во-вторых, не надо, у меня есть. (*Глокает таблетки, достает из сумки бутылку с водой, заливает.*) Сядь.

Катя (*шепчет*). Принести, принести, принести. (*Садится.*)

Мария. Что врач сказал?

Катя. Отдыхать, как можно больше, бросить курить, не волноваться, контролировать давление. Принимать лекарства. Физиопроцедуры.

Мария. Я про другого врача. К которому тебя Викторыч возил. В женской консультации.

Катя. Марья Андреевна, мне неудобно.

Мария. Ну?

Катя. Анализы сдала. Все подтвердилось.

Мария. Мальчик, девочка? Еще непонятно?

Катя *(смеется)*. Нет, конечно. Три недели всего. Сказали, опасный возраст. Будут контролировать.

Мария. Мне про возраст не рассказывай.

Катя. Они с Григорием Викторовичем учились вместе. Он, когда привез, меня сразу на УЗИ. Сами за перегородкой, а мне все слышно. Он про вас рассказывал. Какая вы интересная, умная, с чувством юмора. Он прям влюбленный в вас.

Мария. Ты бы раньше мне намекнула.

Катя. Почему?

Мария. Вот тут спроси «зачем».

Катя. Зачем?

Мария. Я б его соблазнила. Где-нибудь в операционной.

Катя. Фу! Марья Андреевна! Почему там-то?

Мария. Экзотично! Ты в операционной не пробовала?

Катя. Я бы от страха там умерла.

Мария. А я бы от удовольствия. Будущему папашке что-нибудь говорила?

Катя. Ни слова! Вы же сказали: рано.

Мария. Правильно. Пока никому. Чтоб не сглазить. Точно решила оставить?

Катя. Только и живу этим.

Мария. Что он тут вообще делал?

Катя. Рисовал в компьютере! Целыми днями.

Мария. Думала, будет заниматься.

Катя. Про университет истории рассказывал. Про экзамены, студентов. Интересно! Я ему альбом купила. Он портрет мой

нарисовал. Как я на табуретке сижу. С вазой.

Мария. Покажешь?

Катя. Нет. Я там... Это. Без одежды, короче.

Мария. «Ню»?

Катя. Куда?

Мария. Жанр с обнаженным телом в живописи называется «ню». Он, разве не сказал?

Катя. Наверное, мимо ушей пропустила. Мне, говорит, так с тобой легко, Катарина. *(Смущенно.)* Он меня Катарина называет. Говорит в пьесе какой-то было.

Мария. Шекспир. «Укрощение строптивой». Ты чего засмущалась?

Катя. Стыдно. Столько лет дуре. Влюбилась по уши.

Мария. Любить это не стыдно.

Катя. У меня только с Сережкой так было. Но дети совсем. Не понимала ничего. А сейчас!

Мария. По-взрослому?

Катя *(кивает)*. С работы несусь. Сердце выскакивает. Дома тряпку хватаю и полы мыть, пыль вытирать. Потом кормлю его. Цветов нанесла, он смеется, говорит – оранжерея. А я счастливая! Ночью спит, я его разглядываю. Наволочку с подушки сняла, на работу таскаю. Весь день нюхаю. Около магазина чуть под Федькин трактор не попала. Орет на меня матом, а я улыбаюсь. Стишки писать стала.

Мария. Покажешь?

Катя. Не-е! Они примитивные.

Мария. Целое направление в искусстве так и называется «примитивизм». Наивное и немного детское.

Катя. Как вы много знаете!

Мария. Это не делает человека счастливым.

Катя. Можно я вас поцелую.

Мария. Валяй, только быстро. Пока никто не видит.

Катя *(быстро целует Марию)*. Со мной мать родная так не разговаривала.

Появляется Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Накрыто! Можем садиться.

Мария. Без Вовкиного самогона кусок в горло не полезет.

Катя (*громко*). Тема закрытая! (*Идет к кастрюле, открывает.*)

А пирожки-то холодные. Надо разогреть. (*Уходит с кастрюлей в дом.*)

Ольга Ивановна. Послезавтра мой аппарат привозят. Уже готовый. И бражка в чулане созрела. Выгоняем и ставим деревню на уши! Пошли! Все остывает.

Мария. Присядь на минутку.

Ольга Ивановна присаживается на скамейку.

Вечер чудесный. Жара спала. Тихо. Воздух у вас, как вода родниковая. Пить можно. Дочь, Манька, была маленькая, обожала ездить на дачу к моим родителям в Ступино. Тоже лес, речка. Потом всем рассказывала: «лето я пхховела в деххевне».

Ольга Ивановна. Что ж туда не поехали?

Мария. Нет ее. Продали. Родителей не стало, а у меня работа, работа и работа. Лежала под капельницей и вдруг физически ощутила одиночество. Страшно.

Ольга Ивановна. А дочка где? Или случилось чего?

Мария. Живет счастливо. За границей.

Ольга Ивановна. А зять с тобой?

Мария. Ни рыбы, ни мяса. Студентом подавал надежды, затащила в аспирантуру. Познакомила с Манькой. Он влюбился, сделал предложение. Она не хотела, я уговорила. Прописала у нас. Запретила им рожать. Карьера превыше всего! А все это время она, оказывается, любила другого. Старше ее на пятнадцать лет.

Ольга Ивановна. Ты не знала?

Мария. Не верила. Думала пройдет. Два года назад его компания перебралась в Швейцарию. И он забрал Маньку. В прошлом году она прислала документы на развод, написала, что беременна, счастлива и просит пока ее не беспокоить.

Ольга Ивановна. Прямо сериал из телевизора!

Мария. Больше ничего не напоминает?

Пауза.

Ольга Ивановна. Я как лучше хотела.

Мария. И я.

Ольга Ивановна. Зачем ты так?

Мария. А как?

Ольга Ивановна. Предлагаешь, сидеть и каяться?

Мария. Все же надо было сдохнуть.

Несколько раз звучит автомобильный сигнал.

Ольга Ивановна. Сейчас отдохнешь после больницы. Успокоишься. Потом и поговорим. Целый месяц впереди.

Мария. Сильная ты, Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Кто бы говорил, Марья Андреевна.

Сигнал повторяется.

(Присматривается.) К Масловым что ль? Иномарка какая-то.

На террасу выходит Игорь, тащит чемодан, говорит по телефону.

Игорь. Да, да. Только вы не к тому дому подъехали. Навигаторы – это беда. Не надо разворачиваться, мы сейчас выйдем. Тут рядом. (*Выключает телефон.*) Маша, Иннокентий подъехал.

Мария. Он же говорил: через час?

Игорь. Сказал, так получилось.

С хозяйской половины выходит Катя.

Катя. Пирожки горячие! К столу поданы! (*Замечает чемодан, растерянно.*) Пора садиться.

Ольга Ивановна. Какой Иннокентий?

Мария. Массажист. Едет в Москву, к дочери. Любезно согласился нас подбросить.

Игорь. Все лучше, чем на автобусе.

Катя. Почему в Москву?

Мария. Игорек, ты нашел мои очки?

Игорь. Да! (*Показывает.*) Представляешь, они лежали в твоих мокалинах, завернутые в носочки. Кто бы мог подумать. (*Отдает.*)

Мария (*надевает очки*). Совсем другое дело. (*Игорю.*) Иди, я тебя поцелую.

Игорь нагибается, Мария целует его в щеку.

Не забудь компьютер и шляпу.

Игорь. Уже в чемодане. *(Уходит в дом.)*

Ольга Ивановна. Уезжаете?

Мария. С кафедры звонили. Приезжают представители минобразования из Африки. Хотят встретиться. А у нас ничего не готово.

Ольга Ивановна. Так еще месяц оплачен.

Мария. Аванс на следующий год. Не будешь против если мы опять приедем?

Ольга Ивановна. Да ради бога.

Катя *(неожиданно).* Игорь! *(Направляется в гостевую половину.)*

Нам надо поговорить.

Мария *(громко).* Катя!

Катя останавливается.

Положи нам своих пирожков в дорогу. Пожалуйста.

Катя. Кого?

Мария. Пирожки. Если не жалко.

Ольга Ивановна. Конечно, собери, Катя.

Выходит Игорь, в руках он несет сумку со своим ноутбуком, на голове у него большая шляпа Марии.

Игорь *(весело).* «А в Африке, а в Африке, на черном Лимпопо, сидит и плачет в Африке, печальный Гиппопо». Маша, я, кстати, разобрался с дифференциальным уравнением Гельмгольца. Ты зря ругалась! Его решение можно представить в виде интегрального уравнения Фредгольма первого рода. Я неверно выбрал пределы интегрирования, а конечный результат зависит от свойств подынтегральной функции. Никакой я не бестолочь!

Катя. Игорь. Я хотела...

Мария *(громко Игорю).* Молодец! Отнеси чемодан в машину.

Игорь *(Кате).* Что ты хотела?

Мария. Опять пошутить про печень. *(Кате.)* Я угадала?

Пауза.

Катя. Альбом твой. С рисунками. У меня дома. Принести?

Мария. «Принести», Катя! Сколько можно повторять?

Игорь. Оставь себе на память. *(Уходит с чемоданом в калитку.)*

Ольга Ивановна. Катя, зеленухи положи. К пирожкам. Ну ты чего? Уезжают же гости?

Катя уходит в дом.

Мария. Какой из него муж? Ни кола, ни двора. Сидит на моей шее. Поздно что-либо менять, понимаешь?

Ольга Ивановна. Наверное.

Появляется Катя, несет пакет.

Катя. С картошкой, с яблоками. *(Отдает Марии.)*

Мария. Спасибо.

Возвращается Игорь.

Игорь. Иннокентий просит поспешить, чтоб не затемно.

Ольга Ивановна. Присядем на дорожку.

Все садятся.

Мария *(смеется).* Твоя противная училка в комиксе удивительно похожа на меня.

Игорь. Поэтому и не показывал. Думал, обидишься. Кстати, потом они оказываются на необитаемом острове, и он в нее влюбляется.

Мария. Неужели?!

Игорь. Грандиозный сюжет для комикса. *(Всем.)* В нашей Африке, между прочим, сейчас зима! В горах выпал снег, ночью заморозки! В интернете прочитал.

Ольга Ивановна. Валенки могу подарить? В чулане валяются.

Игорь *(смеется).* Спасибо. Не надо. *(Встает.)* Нам пора.

Мария. Да. *(Встает, ее немного ведет в сторону.)* О! С головой еще не все в порядке. *(Берет Игоря под руку.)* До свидания, девочки. Простите.

Ольга Ивановна. Вам счастливо добратся.

Игорь и Мария уходят. Через какое-то время слышен шум отъезжающего автомобиля.

Обиделись, что ли?

Катя достает свой телефон, нажимает на кнопки.

Ему звонишь?

Катя. Я его удаляю.

Ольга Ивановна. Зачем? Вдруг понадобится.

Катя. Уже нет.

Ольга Ивановна (*идет в сад*). Раскладушку зря тащили. Матрас тоже. Хорошо еще гамак не повесили. Он у нее как собачка на задних лапках. Это дай, то принеси. За пять минут собрались и уехали. Кать, это чего сейчас было?

Катя. Сюжет для комикса.

Ольга Ивановна. Не держи на меня зла. Как лучше хотела. (*Вздыхает.*) Яблок в этом году будет! Как в последний раз родят.

Катя. В последний, не в первый. Не так страшно.

Ольга Ивановна. Да ладно. Я Мишку как морковку выплюнула. Меня мать одному секрету бабскому научила. Чего перед родами надо делать.

Катя. Расскажешь?

Ольга Ивановна. Тебе-то зачем?

Катя. Четвертая неделя уже.

Ольга Ивановна (*медленно садится на скамейку*). Залетела?

Катя кивает.

От него?

Катя. Нет, блин! От святого духа!

Ольга Ивановна. Сказала?

Катя. Она знала. Ему не успела.

Ольга Ивановна (*достает телефон*). Позвонить надо. Пока далеко не уехал.

Катя (*забирает у нее телефон*). Не надо!

Ольга Ивановна. У ребеночка отец должен быть.

Катя. Так и будет он. В Африке.

Ольга Ивановна. Вот она почему собралась быстро. Ой, чего теперь люди скажут?

Катя. Мне глубоко начхать!

Ольга Ивановна. Может, ко мне переедешь? Пол дома свободно.

Вдвоем ухаживать будем. Пеленки постирать, погладить. Кормежка. Все легче.

Катя. А я прям завтра рожаю?

Ольга Ивановна. И то правда! (*Через слезы.*) Прости меня, Кать. За все прости. Виновата я перед тобой.

Катя. Хорошо! Но по осени два мешка картошки отдашь!

Ольга Ивановна (*громко*). Ой! Обдурила все же! Кобыла колхозная! Это ж надо как я попала! Вроде в шутку все было?

Катя. Щас! И ведро лука!

Смеются. Уходят в дом.

Занавес.

Дмитрий БОЧАРОВ
музыкант, драматург, Москва

ТЕАТР В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕМЕН

«Чехов прямо пишет об этом: «Я по капле выдавливаю из себя раба». Т.е., он, без анестезии, сам из себя... Представляете, какую он операцию над собой делает? Без анестезии, потому что, если бы он выпивал, он бы мог выдавить не то. Значит, он выдавливает из себя по капле раба – героический поступок, герой налицо! Но, с другой стороны, он эту гадость выдавливает кругом и загрязняет окружающую среду! Значит, кто он? Антигерой! Всё! Весь ответ. Точка»

*Народный артист России
Алексей Кудинович*

Действующие лица

Фёдор Ильич Войнаровский, художественный руководитель театра. Впрочем, в данной пьесе, это не всегда так. Безусловно, великолепный актёр. Любитель кошек, о которых готов говорить бесконечно и безостановочно.

Орфей Дормидонтович Мямлин, актёр от Бога. В данной пьесе – иногда... художественный руководитель театра. Продолжатель славной театральной династии Мямлиных.

Роза Ивановна Рудина, сильно немолодая актриса. Звезда в прошлом. Но... привычно продолжает излучать свет.

Алексей Михайлович Рабинович, безусловный гений. Но характер делает его столь же бесконечно тяжёлым в работе. Мало кто в состоянии вынести закидоны Рабиновича. Но... вынесшие, не жалеют о пережитом.

Александр Сергеевич Тушкин, нереализованный талант. Как сам же шутит, должен был родиться Пушкиным, но произошёл

сбой в программе – буква «п» заменилась на «т». Как говорят французы, в каждой шутке есть доля шутки.

Констанция Евгеньевна Грознова, женщина, на грани «вамп». Острая на язык, не чурающаяся современного сленга – что несколько принижает её неотразимость. Но ненамного.

Алёна Тигрова, актриса, каких поискать. Одна из немногих, кого Рабинович считает равной себе. Несколько запуталась в личных отношениях.

Владимир Великанов, пожилой актёр. Много повидал, многое знает, многое умеет. Многого опасается.

Витюша Ухов, местный правдолюбец. Впрочем, дальше закулисных разговоров не заходит.

Глеб Селянчиков, оптимист по жизни. Заражает оптимизмом окружающих. Впрочем, некоторых наоборот – раздражает. По совместительству, педагог театрального училища.

Катюша, помреж. Боец невидимого фронта. Безбожно понукаема режиссёром, но строга с актёрами.

Зиночка, секретарша. Когда-то, выпускницей школы, села в предбанник на место секретарши. Так с тех пор, вот уже сорок лет – Зиночка.

Действие первое

Первая сцена

Кабинет Войнаровского. Большой дубовый стол сразу даёт понять истинную значимость хозяина кабинета. На столе – массивный старинный телефон, по которому худрук принимает особо важные звонки, предварительно отфильтрованные секретаршей. На стене – огромное старинное зеркало, которое до сих пор хранит в себе отражения девятнадцатого века. Рядом с зеркалом висит афиша знаменитого фильма худрука. Подарки многочисленных почитателей таланта впечатляют – любой музей не отказался бы от таких «экспонатов». Впрочем, хозяин не слишком заморачивается их ценностью, содержа всё это сокровище в артистичном беспорядке. Что только лишний раз подчёркивает его художественную натуру. Однако в данный момент не до созерцания. В кабинете накалённая обстановка. Разъярённая Рудина испепеляет всё вокруг себя.

Рудина (заламывая руки). Ты меня выживаешь из театра! Я больше не могу работать в такой обстановке! Театр должен быть храмом, а во что его превратил ты?!

Войнаровский (*заинтересованно*). И во что же?

Рудина. Будто сам не знаешь... Какой-то гадюшник – на секунду зазеваешься, в миг сожрут!

Войнаровский. Ах, вот вы о чём? Ну... это нормально. Артисты редко бывают вегетарианцами. Главное, чтобы в стаи не собирались.

Рудина. Вот ты и жрёшь меня заживо. А вместе с тобой – вся труппа. Набросились, как волки на добычу, и жрётё, жрёте! Ну, глодайте меня! Глодайте! Пусть каждому достанется по кусочку Рудиной!

Войнаровский. Роза Ивановна, да что вы! Ни сном, ни духом. Вы – наша гордость. Зритель идёт на Ваше имя. Вы делаете нам сборы...

Рудина. И поэтому роль Турусиной уже два раза подряд играет Алексеева? Я, конечно же, понимаю, что нужно давать дорогу молодым, но не до такой же степени?

Войнаровский. Что-то я не пойму...

Рудина. Не понимаешь? Да ты что, Феденька, издеваешься надо мной? Алексеева всего на пять лет меня младше! И то лишь потому, что документы подделала.

Войнаровский (*взрывается хохотом*). Алексеева? Подделала документы? Да что вы? Зачем ей это?!

Рудина. Чтобы быть моложе. Разве не ясно? Впрочем, ты же мужчина... Где вам, мужикам, понять ранимую женскую душу? Ну что ты молчишь? Почему я должна тебя просить о таких пустяках? Я – Рудина!

Войнаровский, выдержав МХАТовскую паузу, оценивающе окидывает взором Рудину.

Войнаровский. Моложе вас? Это невозможно. Ей для этого необходимо стать младенцем!

Рудина (*ещё не остыв, но уже не столь агрессивно*). Не подлизывайся.

Войнаровский. Я не могу не подлизываться. Я вас люблю! Не верите? (*Входя в актёрский раж*.) Ну что мне для вас сделать? Хотите, на колени встану?

Выскакивая из-за стола, кидается на колени перед Рудиной, страстно целует ей руки.

Рудина (*не слишком настойчиво вырывая руки, с довольным смешком*). Это из какого-то спектакля... Вот только не вспомню – из какого именно.

Звонит мобильный телефон. Войнаровский, не вставая с колен и не отрываясь от Рудиной, одновременно отвечает на звонок.

Войнаровский. Какой прораб? Почему не успевают? (*Рудиной*.) Я вас обожаю! (*В телефон*.) Нет, это я не вам. Поувольняю всех к чёртовой матери! Чтобы сегодня в пять были у меня в кабинете со всеми документами. Я лично буду разбираться. (*Отключает мобильник*.) О, Роза Ивановна, вы верите в мою искренность? Ведь правда же верите?

Рудина (*себе под нос*). Нет... Такого в спектаклях мне пока не встречалось... (*Войнаровскому*.) Ну верю. Верю! Прощаю.

Войнаровский. Вы возвращаете меня к жизни! (*Довольный результатом, возвращается на своё рабочее место – он снова худрук театра*.) Роза Ивановна, я обещаю вам, что лично прослежу за ситуацией.

Рудина (*покидая кабинет*). Ты уж, Феденька, проследи... проследи...

Войнаровский напряжённо провожает её взглядом. Он явно опасается, что Рудина передумает и вернётся.

Войнаровский (*вытирая пот, вслед закрытой двери*). Уф... хороша актриса, но стерва... (*Звонит по мобильнику*.) Привет, котик! Как там наши котята? Что ты говоришь?! Рыжий глаза открыл? Вот это да! И какого цвета глазки? Голубые? Красотища. А Мурка как? Скажи ей, чтобы деток хорошо кормила. Что? Так и делает?

В кабинет заглядывает Зиночка.

Зиночка. Фёдор Ильич, к вам Мямлин.

Войнаровский (*прикрыв рукой трубку*). Пусть подождёт. Не говорил, по какому вопросу?

Зиночка. Вроде как, по личному.

Войнаровский. Личному? Ну, значит, проблемы с наличием. Тем более – пусть подождёт. Остынет. А мне, пока что, поесть принеси, если не сложно... *(Продолжает разговор. Зиночка тактично исчезает.)* Я попробую серого в театре пристроить. Рыжего? С ума сошла! Только через мой труп. Хоть вся труппа его у меня выпрашивать будет – не отдам. Всё. Пока. Мурку в носик поцелуй.

Войнаровский кладёт телефон на стол, встаёт, утомлённо потягиваясь. Подходит к зеркалу, смотрит в него, словно бы пытаясь разглядеть что-то неуловимое.

Войнаровский. Вот так-то вот, Фёдор Ильич, думал ли ты когда-нибудь, что будешь сидеть в этом кабинете, смотреть в это самое зеркало... И весь огромный театр – с труппой и оркестром, с билетёрами и суфлёрами – все... *(Рассматривает открытую ладонь, затем сжимает её в кулак.)* ...все тут будут! Что народные артисты здороваться станут, в глаза заглядывая – потому что от моего решения их судьба зависит. *(Кидает взгляд в сторону закрытой двери.)* Что Орфей Мямлин, сын Дормидонта Мямлина, на которого ты в юности молился – в предбаннике будет преть, приёма ожидаючи? Да что Мямлин... верил ли ты, что голос Фёдора Войнаровского – вся страна услышит? И как услышит! Мечтал. Ох, мечтал! Но... не верил. А вот, поди ж ты!

В кабинет заходит Зиночка с подносом. Войнаровский тут же замирает, артистично устремив взгляд в зеркало.

Зиночка. Фёдор Ильич, ваша любимая соляночка. И компот из клубнички. А запеканка сегодня у них подгорела – я не стала её брать. Горелое для печени вредно.

Войнаровский *(оживившись)*. Для печени вредно другое...

Зиночка. Другое – сейчас налью. *(Выскакивает в предбанник, возвращается с запотевшей бутылкой водки.)* Как вы любите – только что из морозилки. *(Наливает водку в стопку.)*

Войнаровский *(почти торжественно, принимает стопку из рук секретарши... видно, что происходящее – давно уже устоявшаяся традиция)*. Ну... для аппетита!

Опрокидывает стопку водки, возвращает её Зиночке, решительно отодвигает

бутылку. Зиночка уносит бутылку и стопку. Войнаровский, тем временем, накидывается на закуску.

Войнаровский. Зиночка, ты не знаешь, котёночка в труппе никто взять не хочет?

Зиночка *(из-за двери)*. Опять?

Войнаровский. Что значит, опять?

Зиночка *(заглядывая в кабинет)*. У нас в театре премьеры реже случаются, чем Ваша кошка, Фёдор Ильич, котят приносит. Вы бы её кастрировали, что ли?

Войнаровский. Мурку?!

Зиночка. Ну не режиссёров же? *(Исчезает.)*

Войнаровский. Насчёт режиссёров – мысль интересная... Кастрированный режиссёр обычно бывает гораздо покладистей, чем не кастрированный. Если б можно было... жаль...

Нда... с режиссёрами нужно что-то решать. Зиночка, Мямлина позови, пожалуйста!

Зиночка *(из-за двери)*. Сейчас, Фёдор Ильич!

Войнаровский быстро подходит к зеркалу и, замерев, с повышенной артистичностью начинает вглядываться в его глубины. В кабинет робко входит Мямлин.

Мямлин. Фёдор Ильич, я позволил себе побеспокоить вас...

Войнаровский *(резко обернувшись, начинает игру – как кот с мышью)*. Ты что, Орфеюшка? Какой я тебе Фёдор Ильич? Только на «ты»! Мы ж не на людях! Забыл, как студентами гуляли ночи напропалую? Как к девчонкам из соседской общаги в окна лазили? Как ты мне нос расквасил?

Мямлин *(с кривым смешком)*. Разве такое забудешь?

Войнаровский. А как твой папаша меня чуть из театра за аморалку не выгнал? Ух, силен был Дормидонт Мямлин! Ого-го! Актёрище! Директорище!

Мямлин. Да ты... *(Немного споткнувшись на «ты»)* ...ты, Федь, тоже у нас ничего... вроде!

Войнаровский *(с ядовитой усмешкой)*. Вроде? *(Насладившись замешательством Мямлина.)* С чем пришёл?

Мямлин. Да вот... юбилей у меня намечается. Юбилейчик.

Войнаровский. Это ты что – мне на мой возраст намекаешь? Дескать, состарился Войнаровский, дескать, на покой пора?

Мямлин. Да нет! Что вы... ты... Я совсем ни на что не намекаю. Просто так случилось, что... вот.

Войнаровский (*пародируя Мямлина*). Ты... вы... вот... (*Громогласно.*) Ну что ты всё мямлишь да мямлишь, словно говорить разучился?! Ты же – Мямлин, а не какой-нибудь там! У тебя за спиной поколения актёров. И сам ты, между прочим, актёр от Бога!

Мямлин (*набравшись смелости, как в прорубь нырнув*). Почему я мямлю?! Сказать? Честно?!

Войнаровский. Только так.

Мямлин. Тебя боюсь.

Войнаровский. Меня?

Мямлин. Тебя, Федь... Ты – власть. Власть по внутреннему состоянию, власть по убеждению, власть – по сути. А у нас в России власти всегда побаиваются. В крови русской это заложено. Как-то так... К начальству приблизиться, что к солнцу – себе дороже. Обожжёт, не заметив. Я, если уж совсем честно, к тебе в кабинет каждый раз, словно в ад спускаюсь. (*Сам испугавшись своей смелости.*) Не сердись, что вот так... прямо?

Войнаровский. Дурак ты, Орфей! В ад он, видите ли, спускается... А Зиночка у нас – Эвридика. Так что ли? Зиночка, ты согласна быть Эвридикой?

Зиночка (*из-за двери*). Кем-кем, Фёдор Ильич?

Войнаровский. Так. Никем. Проехали. (*Мямлину.*) Заладил – власть... власть... Да я эту власть – в гробу видел! (*Заметив недоумение на лице Мямлина.*) Я в театральном смысле про власть – не подумай дурного. Что смотришь недоверчиво? (*В процессе дальнейшего монолога, сам начинает искренне верить в то, что говорит.*) Думаешь, нужна мне она, эта должность худрука? Думаешь, держусь за неё? Хочешь, тебе отдам?

Мямлин. Да уж... как-то не надо.

Войнаровский. Вот! Тебе – не надо. Ему – не надо. Ей – не надо. А кому-то этот крест приходится нести! Потому, что кому-то этот крест нести нужно.

Мямлин. Ну... не так уж всё безнадежно. Не преувеличивай. Бонусы тоже имеют место быть – не простой, чай, крестик несёшь. Да и... распинают у нас обычно всё как-то других – не тех, кто на себя власть взвалил. Не подумай дурного – я не в театральном смысле...

Войнаровский. Не спорю, золотой крест. Но, поверь... тяжёлый!

Мямлин. Тебе виднее. Своя ноша не тянет. Кесарю – кесарево.

Повисает пауза. Что-то добавить – значит перейти на другой уровень разговора.

Снять маски. Первым решается переступить черту Войнаровский.

Войнаровский (*задумчиво*). Ты знаешь, я иногда гляжу в зеркало и представляю, что истина – это то, что в нём. А мы – всего лишь отражение той, подлинной зеркальной жизни. Подленькое такое отражение. Ведь, на самом деле, правое – это левое, левое – это правое... Там, в зеркале – я прав, а здесь меня налево тянет. Ложь с правдой местами поменялись, честь с бесчестием. И структура, вроде бы, та же самая, а наполнение – другое.

Мямлин. Не ново...

Войнаровский. Подожди, не перебивай. Меня постоянно искушает одна мысль. Так... не то, чтобы мысль... сомнение. Наваждение даже... Веришь? Сам себе боюсь признаться. Но... тебе скажу. Просто... чтобы душу облегчить. Выслушаешь?

Мямлин. Говори.

Войнаровский. Понимаешь, видится мне, что там, в той жизни зеркальной, которая настоящая, не сложилось у меня карьеры в кино. И славы всенародной тоже не сложилось.

Мямлин. Что ты несёшь?! Как это, у тебя, да не сложилось?

Войнаровский. Да подожди ты. Не перебивай. Я ж тебе говорю – наваждение. А во всём – ты виноват, между прочим.

Мямлин (*окончательно сбитый с толку*). Я?!

Войнаровский. Ты, Орфеюшка. Ты. Потому, что тридцать лет назад, когда мы оба с тобой на одну и ту же роль пробовались,

там, в зеркале – не я тебя, а ты меня обскакал!

Мямлин (*испуганно*). Ни сном, ни духом! Если бы ты знал, Федя, как я радовался тогда, что тебе досталась эта роль!

Войнаровский (*не обращая на реплику Мямлина никакого внимания*). Пробы ведь – лотерея. Сам знаешь, не мне тебе рассказывать. Могло в той лотерее не мне, а тебе повезти? Да запросто! А актёр ты – талантливый, от Бога, свой шанс ни за что бы не упустил... И вот тогда – не Фёдора Войнаровского, а тебя, Орфея Мямлина, народ полюбил бы, как никого до этого не любил! Как тебе такая зеркальная картина? А?!

Мямлин (*чуть не плача от отчаянья*). Ну что ты говоришь? Какие пробы? Ты совершенно заслуженно победил тогда... (*Себе под нос.*) О Господи, что же теперь будет-то?

Войнаровский (*решительно хватая за руку, подтаскивает Мямлина к зеркалу*). Вот погляди! Здесь, в кабинете, я – начальник, ты – дурак. А там, в зеркале, то есть на самом деле – всё, с точностью до наоборот! Ты начальник! А я – лишь скромный актёр из твоей труппы... Наверное, хороший актёр. Но... лишь актёр. И не ты ко мне, а я к тебе в кабинет пришёл, предварительно, как идиот, полчаса в предбаннике отсидев...

Гром. Вспышка молнии. Затемнение на сцене.

Вторая сцена

Тот же кабинет, только на афише знаменитого фильма – Мямлин. Он, вальяжно раскинувшись, устроился за столом. Перед ним робко сидит Войнаровский.

Мямлин. Юбилей, говоришь?

Войнаровский. Да. Не думал, что доживу до этих лет. Но, как-то так случилось.

Мямлин. Случилось? Как-то так? Не прибедняйся. Юбилей – событие серьёзное. И театр не останется в стороне. Отметим по полной программе. Буклет выпустим, фуршет организуем... Можно даже с духовым оркестром.

Войнаровский. А может... лучше бы ...

Мямлин. Ты о чём?

Войнаровский (*так и не решившись на первую просьбу*). Сыну... зарплату подними. Понимаю, что ещё молодой. Не выслужил. Но я ведь не вечен. Умру – как и на что жить станет?

Мямлин. Ты? Умрёшь? Не смейся. Такие, как ты, живут вечно.

Войнаровский. В народной памяти...

Мямлин (*заразительно раскатисто хохочет*). Ай, молодца! Вот за что тебя люблю, так это за скромность! Нет, что удумал? «И долго буду тем любезен я народу...» – Пушкин ты наш... театральный! Классик!

Войнаровский. Я... вовсе не это имел в виду...

Мямлин (*продолжая ломать комедию*). Да ладно тебе прибедняться. Тут все свои. Так и быть, ты – Пушкин. Я – царь. Смело можешь отправляться на дуэль со своим Дантесом. Кто у тебя Дантесом-то будет? А? Не хочешь, не говори. Пистолеты возьми в бутафорском цехе – я распорядюсь. Секундантами – кого-нибудь из молодых. Пусть жизни учатся. Или нет, лучше – Тушкина. Даром, что ли фамилия у него такая звучная? С одной стороны – Пушкин, с другой – тушка. Два в одном, как теперь это обзывать принято. Только что ты яростно пылал гневом, выцеливая сердце врага, а через минуту какую-то – тушка твоя бездыханная на земле валяется. И только кровь, стекающая на землю, продолжает жить обособленной жизнью, покидая тело, освобождённое от души. Дуэль, классик ты мой ненаглядный, такая вещь непредсказуемая... Судьба. Веришь в судьбу? Вот то-то. Так что... ни о чём не беспокойся – смело подставляй грудь под холостой заряд. О сынуле твоём я, так и быть, позабочусь. (*Внезапно останавливая смех.*) Хоть он и так себе артистик у тебя. На детях гениев, как говорится...

Войнаровский. Ты не прав. Илюша себя ещё покажет. Он с самого детства такой талантливый мальчик. Ему бы роль серьёзную...

Мямлин. Не покажет. Ты уж мне поверь. До старости в талантливых мальчиках проходит. Так что насчёт оркестра с фуршетом?

Войнаровский. А может мне бы лучше... нет, наверное, не

надо...

Мямлин. Что?

Войнаровский. Да нет... так... подумалось. Но уже и сам вижу, что пустяки.

Мямлин. Кончай красну девку из себя разыгрывать. Что потребуешь к юбилею? Пользуйся случаем, говори прямо, как есть – второй раз спрашивать не буду.

Войнаровский (*почти скороговоркой*). «Мнимого больного» дашь поставить?

Мямлин (*выдержав паузу*). Обоснуй.

Войнаровский. Хочу подарок к юбилею. Ты спросил – я ответил.

Мямлин. Я не о том. Почему именно Мольер? Почему не Шекспир? Не Чехов?

Войнаровский. Потому, что Шекспира разве что ленивый не ставит. Да и Чехова тоже.

Мямлин (*иронично*). Тебя послушаешь, можно подумать, что Мольер – забытый автор у нас.

Войнаровский. Скорее, непрочитанный.

Зиночка заглядывает в кабинет.

Зиночка. Орфей Дормидонтович, вас министр.

Мямлин. Извини, дорогой... (*Берёт трубку старинного телефона.*) Василий Семёнович? Жму руку! Да-да, именно, что через шнур – прямо до тебя дотягиваюсь! (*Похохатывая.*) Давненько ты к нам не приезжал. Совсем забыл! Что? Как раз собираешься?! Седьмого? С женой и внучкой? Ну, наконец-то! Стол уже накрываю. Да-да, про спектакль тоже не забуду! (*Громко раскатисто хохочет.*) Ну всё, бывай. До встречи! (*Кладёт трубку, Войнаровскому.*) Так-так, интересно. Продолжай.

Войнаровский. Мне так видится: «Мнимый больной» – последняя пьеса Мольера. Его фигура окружающей действительности. Главный герой, Арган, символизирует в себе образ народа, к которому присосались паразиты от правительства, в виде докторов.

Мямлин. Не слишком круто берёшь?

Войнаровский. Подожди, я ещё не закончил! Здоровье нации подтачивается кровопусканиями – то есть, репрессиями, клистирами – читай налогами. Мозги затуманиваются псевдонаучной демагогией. Нотариус – вообще, щупальца спецслужб!

Мямлин (*преувеличенно-демонстративно хватается за голову*). Мне уже страшно!

Войнаровский (*не обращая внимания на Мямлина*). Жена – агент внедрения. Единственная возможность выжить в этой ситуации – породниться с кланом докторов. Считаю, вступить в партию. Или же, вступить в открытую конфронтацию, что и делает Беральд – брат Аргана. Революционер, по сути. Собственно, в конце пьесы и происходит революция. Фарсовая, но революция. И, если бы не она, неизвестно, что стало бы с Анжеликой, дочерью Аргана, с влюблённым в неё юношей Клеантом. Вот... примерно так.

Войнаровский, выговорившись, вопросительно смотрит на Мямлина. Тот не торопится что-либо сказать, с интересом рассматривая Войнаровского.

Мямлин (*наконец-то прерывая повисшую тишину*). Нда... ну ты и навертел. Давно созрел? Помнится, ты ещё студентом что-то подобное поставить собирался.

Войнаровский. Ну... да.

Мямлин. Фига в кармане не подтухла, часом? Время изменилось, вроде как, а ты, по-прежнему – оседлав Росинанта, на мельницы, с шашкой наголо... дуэлянт.

Войнаровский. Да сама жизнь делает эту трактовку сверхактуальной! Ты оглянись вокруг – куда ни глянь...

Мямлин (*перебивает*). Оглянулся. Для кого-то «ужас-ужас»... и даже, не побоюсь этого слова – «тоталитаризм»! А, как по мне... давно назревший возврат к традиционным ценностям. (*Секретарше за сценой.*) Зиночка, чаю принеси, пожалуйста! (*В процессе дальнейшего монолога, в кабинете перманентно появляется Зиночка, принося то чай, то пастилу, то сахар, то печенье... Похоже, ей интересен разговор шефа.*) Вспомни «святые девяностые». Каких дров твои демократы-либералы

наломали? А? Чуть по миру всей страной не пошли.

Войнаровский. Зато как свободно дышалось!

Мямлин. Не будем о высокой политике. Поговорим о нас.

Войнаровский. О нас?

Мямлин. Ты никогда не задумывался над тем, что лучшее время для театра было во времена, так не любимого тобой, товарища Сталина? А почему? *(Сам же отвечает на свой вопрос.)* Вождь лично контролировал ситуацию, следил за нашим творческим и материальным процветанием – дабы мы давали народу столь необходимое зрелище... раз уж с хлебом перебои случались. *(С аппетитом прихлёбывая чай.)* Я давно пришёл интересному выводу – есть, знаешь ли, такая мировая тенденция: чем государство тоталитарнее (не вижу в этом слове ничего плохого), тем больше оно о культуре своего народа заботится. Во времена пресловутого культа личности из каждой тарелки Моцарт и Шостакович звучали. А сейчас? Попса убогая... тухлая!

Войнаровский. Ну ты и циник!

Мямлин. Впрочем... я в политику не лезу. Организация у нас бюджетная – грех кусать руку, которая тебя кормит. Ты сахар-то бери – не стесняйся!

Войнаровский. Да никто никого кусать не будет! Спасибо, я как-то без сахара последнее время... Мольер останется Мольером. А подтекст – на то и подтекст, что его смогут прочесть только те, кто и так... в теме. Тут важно воспроизвести формообразующую философскую структуру, а остальное само на свои места встанет... утрясётся. Актёры на сцене, зрители в зале. И всё это – в едином творческом процессе!

Мямлин. Типа... намёки для своих? Узок круг этих... понимающих, и слава Богу, что узок! Не хватало нам ещё революций в театре. Странно, сахар ты раньше, вроде бы как, любил? Грыз, что твой кролик капусту. Точно, никого не покусаешь? Мне неприятности ни к чему...

Войнаровский. Раньше любил. Теперь себя беречь приходится.

Мямлин. Нда... приходится... Я вот тоже со сладкой жизнью собираюсь расстаться. Никак вот, только, не соберусь.

Зиночка. И не нужно это вам! Сахар для мозгов полезен.

Мямлин. Зиночка, ты можешь идти. *(Проводив взглядом секретаршу, которая и не пытается скрывать своего недовольства.)* На главную роль, конечно же, хочешь Рабиновича?

Войнаровский. Хочу.

Мямлин. А вытерпеть его сумеешь? Он, конечно, гений. Фонтанирует непрерывно, но... сможешь отрегулировать этот поток? Я вот, когда «Последнюю жертву» ставил, не смог – крыша поехала. Поверишь? Путаться начал – кто из нас двоих режиссёр? *(Задумывается.)* Нда... служанкой возьми Рудину.

Войнаровский. Рудину? Ты что, убить меня хочешь? Она же любой выход на сцену в личный бенефис превращает! Лучше уж дай мне трёх Рабиновичей...

Мямлин. Где ж я тебе трёх-то возьму? Один он у нас... Сына своего будешь в постановке задействовать?

Войнаровский. Протежированием наследника не занимаюсь. *(Доверительно.)* Да он и откажется. Сам всего добиться хочет. Гордый.

Мямлин. Предпочитаешь, чтобы с ним другие мучились. Ну-ну... Клеантом кого видишь? Тушкина?

Войнаровский. Его бы лучше на роль нотариуса...

Мямлин. Твой юбилей – тебе решать.

В приёмной раздаётся какой-то шум. Затем дверь распахивается и в кабинет влетает Рудина. Вслед за ней заглядывает смущённая Зиночка.

Зиночка. Я пыталась сказать, что вы...

Мямлин *(жестом прерывая и отпуская секретаршу).* Для Розы Ивановны я свободен всегда! *(Рудиной.)* Вы взволнованы. Что случилось?

Рудина *(заламывая руки).* Я больше не могу работать в такой обстановке!

Мямлин. Если можно, конкретнее?

Рудина. Меня не ставят на спектакли. Эти интриги делают невозможным моё дальнейшее пребывание в театре. Алексеева

уже два раза подряд играет Турусину!

Мямлин. Успокойтесь, дорогая Роза Ивановна! Уверяю вас, что это всего лишь досадная ошибка режиссерского управления. Следующие два спектакля обязательно будут Вашими. Я вам обещаю, что лично проконтролирую ситуацию. Да, кстати, не хотите ли принять участие в премьере? Фёдор Ильич к своему юбилею собирается ставить «Мнимого больного». Мы с ним только что о вас говорили. Как насчёт роли Туанетты?

Рудина. Я? Туанетту? Опустить Рудину до уровня служанки – это значит опустить театр ниже уровня ватерлинии. Только главную роль!

Мямлин (*скептически*). Главная роль – Арган. Он мужчина, вроде как...

Рудина. Почему бы мне не сыграть Анжелику?

Войнаровский (*робко пытается возразить*). Но... Анжелика – совсем девушка! Ей двадцати нет ещё!

Рудина. И что? Сара Бернар играла Джульетту в семьдесят. А Джульетте – тринадцать.

Мямлин (*примирительно*). Действительно, Фёдор Ильич, не будем заикливаться на возрасте героини. Тем более, что Ваша трактовка требует жизненного опыта и мастерства актёров. (*Вполголоса.*) Точно, никого не покусает?

Войнаровский. С вырванными зубами? Хотел бы, да не смогу.

Мямлин.: Ну ладно. Убедил. Пробуй.

Третья сцена

Закулисье. Небольшое фойе, перед выходом на сцену. На стенах – портреты знаменитых артистов, которые строгими взглядами следят за серьёзностью намерений своих творческих потомков. Гримёрный столик, рядом – ширма для переодевания. Дверь на сцену украшена предупреждающей надписью «НЕ ШУМЕТЬ! ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ!» Но «не шуметь» не получается. Рабинович пытается Войнаровского, стараясь вытрясти из него штрихи своей роли. Со стороны может показаться, что дело дошло до драки. Но нет – обычный рабочий процесс.

Рабинович (*ухватив Войнаровского за фалды пиджака*). Ты мне конкретно скажи: в твоём режиссёрском прочтении,

Арган, символизирующий народ – здоров? Или, всё-таки, врачи, символизирующие правительство – где-то правы в своих подозрениях?

Войнаровский (*пытаясь высвободиться*). Откуда я знаю? Народ, как верно заметил Александр Сергеевич Пушкин... безмолвствует.

Рабинович. Я должен безмолвствовать? Как ты это себе представляешь?

Войнаровский. Я всё рассказал на читке пьесы.

Рабинович. Ни хрена ты не рассказал. Просто сам прочитал всю пьесу, причём, не лучшим образом.

Войнаровский. Доверься своей душе.

Рабинович. А если душа молчит? Ну, дура она! Дура! Хочет тупого, конкретного ответа – болен Арган или нет? Если да – одна песня. Если нет... Объясни, что именно ты хочешь от меня на сцене? Почему ты не делаешь замечаний? Я что, всё правильно делаю?

Войнаровский. Не всё. Но я жду. Ты обязательно сам поймёшь.

Рабинович. Чтобы я хоть что-то понял, мне нужен режиссёрский разбор. Каковы мои взаимоотношения с партнёрами? Что необходимо донести до зрителя? Да, в конце концов, где я в какой момент нахожусь?!

Войнаровский. Главное – методология миропонимания. Инфраструктура существования спектакля подобна инфраструктуре вселенной – если каждый винтик встанет на своё место, часики пойдут сами.

Рабинович. Хрен они тебе пойдут! Твои часики – не ходят! (*Постепенно распаляясь.*) Ты ожидаешь утряски спектакля? А он разваливается! Понимаешь, раз-ва-ли-ва-ется!

Войнаровский (*вырвавшись из железной хватки Рабиновича*). Он обязательно соберётся. Вот увидишь. (*Громко.*) Всё! Кончаем базар. Продолжаем репетицию. (*Убегает.*)

Рабинович (*вслед – так, чтобы Войнаровский услышал*). Господи, почему «Мнимого больного» должен ставить режиссёр, больной на голову?!

В процессе предыдущего разговора, к выходу на сцену подходят Тушкин, Грознова и Тигрова.

Рабинович. Привет, Алёнушка, как слетала?

Грознова. Да-да! Расскажи, как Париж?

Тигрова. Впечатлил. Спалилась по полной. Теперь вот не знаю, как с мужем выруливать...

Тушкин. А он-то тут с какого боку? Ты ж, для него, с нами на гастролях в Перми была? Стопроцентное алиби!

Тигрова. Ага, в Перми. Только позвонил он мне, ненаглядненький, в тот самый момент, когда телефон вне зоны доступа оказался. А ему и заявляют вежливо так, по-французски – перезвони, дескать, дорогой мусье, позже!

Рабинович. Вполне в духе Мольера.

Тигрова. Да уж... Ну что у нас за профессия такая сволочная? У нормальных людей – дом, как дом. Отработал на работе – и скорей к семье, в норку... чувствовать, любить и... что там у них ещё?

Грознова. А у тебя, в твоей норке, что – не так?

Тушкин *(очень двусмысленно)*. Да, Алён, все наши мужчины очень интересуются – как у тебя... в норке?

Тигрова. А у меня там – ничего. Прихожу вымотанная. И как мужу объяснишь, что у меня на него просто сил нет? Он же – пуп земли! Главная цель всей моей жизни!

Тушкин. А если семья из двух актёров состоит? *(Грозновой.)* Помнишь, Констанция Евгеньевна, как у нас с тобой было? Красота! Чуть не поубивали друг друга, на фиг. А так всё хорошо начиналось... И вот что странно... сколько баб после тебя поменял – все, как под копирку.

Грознова. Не пробовал с женщинами жить?

Тушкин. Бесплезно. Каждая женщина, через некоторое время, становится бабой.

Грознова. У неуёмного кобеля – все женщины суки.

Тигрова *(продолжая своё)*. А тут ещё какой-то сумасшедший поклонник номер телефона раздобыл. Позвонил ночью...

Тушкин. Ревнует мужик?

Тигрова. Что ему остаётся делать? *(С некоторой долей отчаяния.)* А что я с собой могу поделывать, когда я ничего поделывать не могу?!

Грознова. Плюнь, Алён. Люби, пока любится.

Рабинович. Обидно, что как об стенку горох! Господи, и для чего хорошие артисты в режиссёры идут?!

Тушкин. Дорвался. Играет в режиссёра, словно мальчик в солдатики. Весь в пузырях – только слюни успевай вытирать. Кстати... слышали, Войнаровскому младшему зарплату прибавили?

Тигрова *(от удивления забыв о своих проблемах)*. Да ну?! За какие-такие заслуги?

Тушкин. Правильно родителей выбрал.

Грознова. Ну... это вопрос спорный. У них там, в семье, конкуренция большая за место под солнцем. Но, как я подозреваю, кошку свою Войнаровский любит всё-таки больше.

Тигрова. Так на то она и талантливей.

Со сцены раздаётся отчаянный вопль Войнаровского: «Постановочный цех, почему заедают декорации?! Вы что, хотите сорвать мне премьеру?!»

Рабинович. Структура... куда ни плюнь – сплошная структура. Кто бы ещё показал, как эту долбанную структуру играть?

Тушкин. Да запросто! *(Пародирует Войнаровского – очень похоже и довольно зло.)* Инфраструктура существования спектакля напрямую зависит от завихрений структуры актёрской сучности.

Общий смех.

Катюша *(выглянув на шум, имеет счастье лицезреть кривляние Тушкина)*. Как вам не стыдно? Фёдор Ильич – гений! И вообще, чем кривляться... лучше бы вы, Александр Сергеевич, роль повторили. А то на сцену выходите, и без сфлёрра – ни бум-бум.

Тушкин. А ты, Катенька, на меня докладную напиши.

Катюша. Вот ещё... мараться.

Тушкин. Тогда Войнаровскому пожалуйста. Истинный руководитель ценит преданный стук.

Катюша. Да вы тут все его мизинца не стоите! *(Скрывается.)*

Тигрова. Кажется, наша помреж влюблена?

Тушкин. Словно кошка! И это даёт ей шанс на взаимность.

Рабинович. Одного не пойму. Ведь может! Помните, пятнадцать лет назад «Бесприданницу» ставил? Роли расписал, как на блюдечке с голубой каёмочкой – играй, не хочу!

Тушкин. Всё когда-то вырождается... Ибо жизнь тленна. Вот, хоть Рудину взять... *(Появившейся Рудиной – с максимально возможной доброжелательностью.)* Здравствуйте, Розочка Ивановна!

Рудина. Что тут у нас происходит?

В этот момент, в закулисы врывается всклоченный Войнаровский. От его вальяжности не осталось и следа. За ним семенит Катюша.

Войнаровский *(Катюше).* Напишите докладную об этом безобразном саботаже! Где цыгане?

Катюша *(испуганно).* Сейчас позову! *(Убегает обратно на сцену – через несколько секунд слышится её объявление по громкой связи.)* Цыгане, просьба немедленно подойти к выходу на сцену.

Войнаровский *(успокаивая дыхание).* Прошу извинить. Не смог сдержаться – никто ничего не хочет делать!

Рудина. Кричи, кричи – тебе очень идёт громкий голос... Да, Феденька, давно хотела тебя спросить – нельзя ли как-то устроить, чтобы цыгане потише пели? Я уже, извини, не в тех летах, чтобы перекричать весь этот табор.

Войнаровский. Увы, рад бы, но... цыгане – ключевой момент сцены. Не зря же Мольер ввёл их во вторую интермедию! Пляски и песни о любви, молодости, весне, радости жизни...

Рудина. А он их точно ввёл, Феденька?

Тушкин *(в своей пошловато-гусарской манере).* Вводят, обычно, знаете куда? И что?

Рабинович. Кончай пошлить, Сашка. Дай разобраться. Ну, ввёл их Мольер. Какова сверхзадача появления цыган в спектакле? Это цыгане наши или цыгане вообще? Если не вообще, то должны ли французские цыгане отличаться от наших?

Войнаровский. Цыгане, Лёшенька – мост для связи с сегодняшним днём. Они что-то вроде... представителей дистиллированной свободы. Как бы... «Свобода на баррикадах». Помнишь такую картину у Делакруа?

Рабинович. Не убедил. Свобода, попав на баррикады, становится отвратительно грязной. Потoki пролитой крови разъедают исходные идеалы сильнее концентрированной кислоты.

Войнаровский *(возвышенно-пафосно).* Ты не прав. Помнишь, у Велимира Хлебникова?

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы с нею в ногу шагая
Беседуем с небом на ты!

Рабинович. Помню. *(Издевательски.)* Если хочешь быть последовательным в символике, почему бы тебе не раздеть цыган?

Артисты, оценив шутку, взрываются хохотом.

Тигрова *(ластится к режиссёру).* Фёдор Ильич, можно я тоже буду цыганкой? У меня такая красивая грудь, а показать решительно негде! Ну, пожалуйста, ну что вам стоит?

Грознова. Алёнушка, и меня возьмите – с тобой я готова на любые баррикады!

Тушкин. И меня, меня! *(Импозантно.)* Грудь показать не смогу, но...

Грознова. ...поручик, молчать!

Рудина *(в ужасе).* Раздетые цыгане? Феденька, это невозможно! И что я должна буду делать в этой бане? Признаться в любви Клеанту? Да меня никто не услышит! Все будут на голых пялиться! Ты бы ещё кошку на сцену выпустил.

Тушкин. Кстати, Фёдор Ильич, как Ваша кошечка? Родила?

Тигрова. Да-да, Фёдор Ильич, мы все очень переживаем за неё.

Войнаровский *(потеплев).* Пятерыми окотилась. Рыженький вчера глазки открыл. Голубые-голубые! Никому котят не нужно? Да где же эти цыгане, в конце концов?! *(Что-то для себя решив.)*

Нет. Раздевать не будем... пока.

Рудина. Пока?! Ты с ума сошёл? А потом что... разденешь? И как, всё-таки, насчёт потише?

Войнаровский. Роза Ивановна, зачем потише? Вас невозможно не услышать! Просто... нужно немножко больше сердца в момент объяснения.

Рудина. А я, по-твоему, чем играю? Печенью?

Войнаровский. Сердцем. Конечно же, вы играете сердцем. Но мне хотелось бы большего. Мне бы хотелось, чтобы каждое Ваше обращение к залу стало беседой с Богом! Бог ведь, по сути, и есть сердце нашего мира. Если не будет биться сердце – что станет с миром? Если любовь перестанет пульсировать по венам мироздания – что станет с этой реальностью? В общем, структура спектакля требует проявления ещё большей Вашей влюблённости в Клеанта. Не столько и не только, безусловно, красивого юношу, но, в первую очередь – символ светлого будущего. Светоч надежды. Надеюсь, я понятно говорю?

Рудина. Я... должна говорить громче?

Рабинович. Хороший вопрос.

Войнаровский (*решительно*). Прошу всех, занятых в картине, на сцену! Да где же эти цыгане, чёрт возьми?

Рабинович, Войнаровский, Тушкин, Грознова и Тигрова уходят. Остаётся Рудина. А также Ухов, Великанов и Селянчиков, постепенно подтянувшиеся в процессе предыдущего разговора.

Рудина (*размышляя вслух*). Всё новое... всё непонятное. Видели бы старики этот спектакль, ух, они бы Федьке шею намылили! Голые цыгане. Скандал, да и только. (*С горьким вздохом.*) Ушли те, перед кем было стыдно...

Великанов (*подхватывая*). Да... Дормидонт такого не потерпел бы! И куда Орфей смотрит?

Рудина. И ладно бы, только цыгане. Французы развратны – у них и не такое бывает. Но что удумал-то? Против власти бунтует. Добунтуется, И ему, а заодно... и нам всем... люлей отвесят. Вышел на сцену – уже виноват.

Катюша (*в трансляцию*). Роза Ивановна, пожалуйста, на сцену!

Рудина, скептически покачивая головой, уходит на сцену.

Великанов (*прислушавшись к воплям Войнаровского*). Я вот что подумал. Может... Войнаровский рассчитывает на скандал? А что? Скандал может дать сборы. (*Выключает трансляцию.*)

Селянчиков. Не прозеваем выход?

Великанов. А Катюша на что?

Ухов. Тебе-то что с того? Как получал ты гроши, так при них же и останешься. Сколько раз в прошлом месяце сцену под мероприятия сдавали? Дважды. То модный показ накануне премьеры – и вместо генеральной репетиции, пришлось читку устраивать. То вообще позор: богатеньким дяденькам захотелось другой театр посмотреть. С последующим фуршетом на всю ночь. Да вот беда, у того театра спектакли хорошие, а здание аварийное... Но мы, пожалуйста – только и ждём! Типа, уступаем личную спальню для чужих утех. Будто мы свои спектакли показать не можем. Обидно! Плюнули, можно сказать, в душу... Было такое?

Великанов. Было. И что?

Ухов. А то, что – деньги где?! Нету. Как дождь в пустыне – растаяли, не долетев до земли.

Селянчиков (*смеётся*). Страшный ты человек, Витюша!

Великанов. Дурак он, Глеб, и ничуть не страшный. Страшно – это ему будет, если его пустая трёпотня до начальства дойдёт. Дёргает лихо за усы и мнит себя героем. (*Без паузы, как бы продолжая предыдущую фразу.*) Глеб, ты не помнишь, как сорт клубники называется, который без усов? Не помнишь. Ну, да Бог с тобой. (*Так же, без паузы, снова переключившись на Ухова.*) Думаешь, потрепался и всё? Хрен тебе! Ни одно слово не исчезает бесследно. Да кончай паясничать – я с тобой серьёзно говорю! Даже у стен уши есть – понял ты, Ухов? (*Без паузы.*) Кстати, Глеб, ты стены своего домика чем красить будешь? Пенотексом? Правильно. Масло облезет через год.

Ухов. Перестраховщик ты, Володь. Живёшь в прошедшем

времени.

Великанов. Просто, я опытный. Время всегда одно и то же. То самое, которое тебе твои часики оттикивают. Тик-так, тик-так... Слышишь? Не слышишь. Привык не замечать – как собственное сердце не замечаешь. Думаешь, что оно само свои проблемы решает. *(Без паузы.)* Что-то у меня сердце последнее время пошаливает. То нормально колотит, то филонит. Словно бы сейчас весна и влюблённость настала. Какая, к чёрту, влюблённость?! *(Опять переключившись к монологу.)* А теперь задумайся... *(Со значением.)* Остановить твои часы – плёвое дело! Задумался? *(Смотрит на свои часы.)* Что-то мои часы отставать стали... Всё. Прикрыли тему. Лучше, Вить, давай обмозгуем, как из незатейливых комических докторов, каковыми мы с тобой являемся у Мольера, превратиться в паразитов от правительства? Так ведь, кажется, Войнаровский задумал? *(Не дождавись ответа.)* Что молчишь? Вот и я не знаю...

Селянчиков *(прерывая повисшую паузу, немного невпопад, но с энтузиазмом).* А я со своими студентами применил структуру Войнаровского! Определил рамки, а дальше – делайте, что хотите.

Ухов. И что, хотят?

Селянчиков. Ещё как! Такими талантливыми оказались – не налюбуюсь!

Великанов. Не переусердствуй, Глеб. Структура – всего лишь схема. Как сухой напиток. Ну, тот, который разведения требует. *(Ухову.)* Витюш, у тебя уже который развод? Первый? Ну... да ты же ещё совсем ребёнок у нас! *(Возвращаясь к теме.)* Так вот... о разведении. В напитке, думаешь, что главное? Порошок сухой? Дудки! В напитке главное – вода. А остальное...

Ухов *(перебивая рассуждения Великанова).* Придумал!

Великанов. Что так громко-то? Напугал.

Уховы *(с энтузиазмом).* Мы будем врачами из спецслужб! Незаметными. Бесцветными. Здесь, между делом, клизму поставим, там кровь пустим... тут касторкой мозги прочистим...

Великанов. Прости нас, Господи! И Мольер вместе с ним...

Из-за кулис выплёскивается взвинченный донельзя Войнаровский. За ним появляются

остальные участники репетиции.

Войнаровский. Ну и где же эти чёртовы цыгане? Сколько можно их звать?

Селянчиков *(радостно оживившись).* Так они ж студенты у нас!

Войнаровский. И что?

Селянчиков. У них сегодня экзамен по сценическому движению.

Войнаровский. Здесь их экзамен! Здесь! На сцене! Тут они должны двигаться! *(Задыхаясь от возмущения.)* Это совершенно невозможно! Через месяц показ Мямлину, а у нас – полный бардак. У студентов экзамен, у костюмеров запарка, у монтировщиков запой, у актёров...

Рабинович. Так-так-так... и что у актёров? Ты, Федь, не стесняйся, договаривай! Мы тебя внимательно слушаем. И волосы на себе рвать вовсе не обязательно. Если хочешь, мы их тебе сами повырываем.

Войнаровский. Актёры, Лёшенька, будто тараканы. Ползают по сцене... а действие в единое целое не собирается.

Рабинович. А ты тапком нас! Тапком!

Войнаровский *(огорчённо).* Ансамбля нет, Лёшенька... Такого, чтобы осознавался всеми участниками действия, как структура единого целого. С блистательным солнцем в центре!

Рабинович *(ехидно).* А солнце у нас, естественно, ты?

Войнаровский. Солнце у нас – король Людовик XIV. Власть, в сердце которой и направлена, остриём своей сатиры, пьеса. Но это остриё должно оставаться за кадром. Поскольку воздействие на зрителя обязано происходить подспудно.

Ухов *(неожиданно взорвавшись – настолько неожиданно для самого себя, что уже к концу монолога начинает жалеть о несдержанности).* Да ничего не поймёт этот зритель! Как ОН может что-то понять, если Я ничего не понимаю?

Войнаровский. Виктор, ты забываешься!!

Рудина. Феденька, не кипятись. А объясни человеку. Может, и я что-нибудь пойму?

Тигрова. И мне тоже, а? *(Ластится к Войнаровскому.)* Ведь вы же добрый, Фёдор Ильич! Ведь, правда же, добрый?

Великанов (*примирительно, пытаюсь загладить ситуацию – где-то даже немножко льстиво*). Фёдор Ильич, мы тут с Витюшей решили попробовать примерить на себя образ врачей-разведчиков. Делающих своё дело, как бы, походя, незаметно... между делом. Там – клизму поставим, тут – кровь пустим.

Рабинович. Это как же вы мне незаметно собрались клизму ставить?

Тигрова. Дождутся, пока ты отвернёшься.

Рабинович. Хрен я от них отвернусь. Опасный ты человек, Великанов!

Тушкин. Избушка-избушка, повернись к лесу передом, ко мне задом... (*Вдохновенно читает, в духе Маяковского.*)

Агонизирует мир,
копыта отбрасывая –
Идёт
революция
пидорасовая!

Войнаровский (*пытаясь перекричать общий смех*). Главное – свобода внутри жёстко организованной структуры! Когда каждый выполняет свою чётко направленную функцию, когда хаос многочисленных индивидуальностей собирается, точнее сказать, сливается в единое целое! Слышите? Тик-так! Слово бы часики, отсчитывающие ход вечности. И эта пульсация обязательно вызовет резонанс в сердцах зрителей. (*Просветлённо.*) Ведь их сердца – тоже подчинены этому самому времени! Часики – величайшее создание вселенной, поскольку завёл их... Первотворец! В них – высшая справедливость.

Оглядывает ошарашенных актёров, тяжело дыша. Актёры замерли в недоумении. Постановка комедии никак не ассоциируется у них с такими бесконечными философскими глубинами.

Рабинович (*через паузу, очень скептически*). Мы должны тебе аплодировать? Или обойдёмся без площадных проявлений восторга?

Войнаровский. Прекрати. Мне нужно только ваше понимание.

Рабинович. Кажется, я понял... Ты хочешь, методом диктатуры поставить пьесу о попоранной свободе.

Войнаровский. Почему диктатуры? Вы свободны. Каждый из вас – абсолютно независим.

Рабинович. Ага. Как сельдь в банке. Фёдор, винтики часов не могут быть свободны. Их, если ты забыл, часовщики крепко затягивают, во избежание расхлябанности! И эти твои разглагольствования о свободе – ни что иное, как блеф. Точно так же свободен заключённый в тюрьме: он может ходить куда угодно в стенах своей камеры, может делать что захочет – хоть головой об стену биться. А тюрьма, при этом – идеальная структура. Продуманная структура. Надёжная. Из такой не убежишь.

Войнаровский. Ты, возможно, в чём-то прав... но ведь свобода самоценна!

Рабинович. Любая свобода – ограничена. Свободу диктуют ограничения. Поэтому, самые свободные, по внутреннему самоощущению – ограниченные люди. Чем меньше мозг, тем легче ощутить клетку домом. Ну да... как ещё можно поставить пьесу о несвободе? Только лишив свободы.

Войнаровский. Ты так ничего и не понял. Если мне будет позволено процитировать Шукшина, я пришёл дать вам волю!

Рудина. Ты пришёл дать нам бардак. Федька, мы будем репетировать или нет?

Действие второе

Четвёртая сцена

Только что закончился показ пьесы художественному руководителю. Участники спектакля, не переодеваясь и не разгримировываясь, собираются в зрительном зале, ожидая высочайшего вердикта. Но Мямлин с Войнаровским отчего-то задерживаются.

Рудина. Что ж, человек – не скотина. Ко всему привыкает. Помнится, в детстве точно так же с манной кашей было – сперва плакала, потом привыкла...

Грознова. Ничего, лет пяток поиграем, втянемся!

Тушкин. Нет.

Грознова. Что – нет?

Тушкин. До конца сезона, максимум.

Рабинович. Да я, на месте Мямлина, этот позор вообще бы зарубил на корню! Как сорняк на дачном участке. Проститутская профессия...

Грознова. Да ладно тебе, Лёш! Всё равно в нашем борделе ты – лучший. *(Принюхивается.)* Я... не ошиблась?

Рабинович. Ну да, выпил. Понимаешь, стыдно мне...

Грознова. И всё равно, Лёш, это не выход.

Великанов *(встревая не по делу).* Выход – хорошо. Я, когда вижу надпись «нет выхода», грустить начинаю. Выход всегда должен быть. Особенно, запасной. *(Не делая ни малейшей паузы.)* Глеб, тебе запаска для машины не нужна? А то мои комплект колёс купили, а старые девать некуда. Не нужна? Жаль. Может, спросишь кого? *(Без малейшего перехода.)* Выход и выходной – это ж почти одно и то же. Когда Бог решил выйти из проекта, он устроил себе выходной. С тех пор – в бардаке и живём. *(Задумчиво.)* Если есть вход, значит не всё потеряно, если есть вход – надо входить...

Тушкин. Ну да... по молодости, думаешь, за открывшейся дверью – новый мир. А войдёшь – всё та же баба. Господи, когда же я, наконец, импотентом стану?!

Грознова. Кто о чём, а вшивый...

Рудина. Ну где же эти Мямлин с Войнаровским?! Сидим, как... Катюш, ты не можешь выяснить? Может, я пока пойду разгрядируюсь?

Катюша *(с мобильником в руке).* Уже выясняла. Сейчас будут! Просили никого не уходить. Кроме отъезжающих на гастроли.

Рудина. Да они и так уже слиняли... как крысы с тонущего корабля.

Ухов *(с вызовом).* А мне спектакль нравится! Неожиданный он получается, нетрадиционный.

Тушкин. По ориентации?

Великанов. Зря шутикуешь. Мне тоже нравится.

Селянчиков. И мне.

Тигрова *(задумчиво).* Ну, не знаю... С творческой точки зрения, конечно же, ничего нового я для себя не сыграла. Зато... какое платье!

Входят Мямлин с Войнаровским.

Мямлин *(продолжая начатый ранее разговор).* ...так что не сердись. Хотел, было, твоему сыну помочь с зарплатой, да не могу пока. Слишком большая волна по театру пошла. Почти цунами. Подождём. Пусть ситуация устаканится. А пока можешь его в свой спектакль ввести. *(Актёрам.)* Прошу извинить. Мы тут с Фёдором Ильичом кое-что обсудили предварительно. Пришли, так сказать, к общему знаменателю. Так ведь?

Войнаровский *(сквозь зубы).* Безусловно, Орфей Дормидонтович.

Мямлин. Поэтому я коротенько выскажусь и, извините, уеду. Дела срочные, понимаете ли, возникли. А Фёдор Ильич тут уж без меня уточнит в подробностях. Уточнишь, Фёдор Ильич?

Войнаровский. Конечно же, Орфей Дормидонтович.

Мямлин. Катюш, ты не стогоняешь в буфет – чайку принести? А то в горле пересохло.

Катюша срывается с места.

Мямлин *(проводив её взглядом).* Итак, по поводу вышеуиденного. И услышанного... *(Делает большую паузу, явно получая удовольствие от мук ожидающих вердикта актёров.)* Во-первых, всем спасибо! Работа проделана большая, я бы даже сказал, грандиозная работа. Есть очень серьёзные актёрские удачи. Не могу не выделить нашу любимую Розу Ивановну – очередной раз удивился её таланту. Талантищу, я бы даже сказал.

Рудина. Спасибо, дорогой!

Мямлин. Что вы, Роза Ивановна, это вам спасибо! Далее... *(Оглядывает актёров.)* Безусловно, хорош, также, Рабинович. Правда, с некоторыми оговорками. Алексей Михайлович, извини, но я так и не понял – болен на самом деле твой герой или нет? А хотелось бы понять. Это, безусловно, является краеугольным моментом пьесы. Если да – одна песня. Если нет... Подумай над

этим обязательно! Туанетта... Алёнка, ты, как всегда, абсолютно органична. Но органика твоя, извини, какая-то растерянная. Словно бы ты что-то очень важное для себя никак решить не можешь... Вообще, это, пожалуй, общее замечание. Все, находящиеся на сцене, не дотягивают, не доигрывают. Будто бы вы ждёте, что зритель сам должен понять ваши намёки. А зритель, извините, не понимает! Зритель, извините, ждёт от актёров энергии. Зритель, извините, билет купил – он не должен наблюдать актёров, бродящих по сцене, словно тени в царстве Аида. Так... пойдём дальше. Отец и сын Диафарусы! Оба. Да-да, Ухов и Великанов – не прячьтесь за чужими спинами! Ведь вы же яркие комедийные персонажи, а играете так, словно бы главная ваша цель – остаться незамеченными. Поясню свою мысль, чтоб понятнее было. У меня вот Жужа на днях селёдку сожрала. Жена чистила-чистила её от костей. Зачем чистила – не пойму... Ведь можно же готовую в магазине купить! Но, извините, консерватор она у меня – любит по старинке. Так вот, приготовила. На блюдо положила. А Жужа, лишь только в кухне никого не осталось – ам! И нету селёдки. Только волосочек с Жужиной морды на блюде остался. Я домой прихожу – где Жужа? Нет нигде. Обычно встречает, прыгает, в лицо лизнуть пытается, а тут – тишина. Абсолютная тишина. Потом слышу – из-под дивана тихое такое поскуливание! Заглядываю – ну точно! Она. Чует свою вину и спрятаться норовит. Это я к чему? Да к тому, что вы все точно так же под диваном сидите вместо того, чтобы на сцене играть. Чего боитесь? Не понимаю... И цыгане... Это, вообще, какой-то кошмар! Абсолютное непопадание в стиль. Почему цыгане? Откуда цыгане? Что за Островский в Мольере? Фёдор Ильич, цыган необходимо убрать.

Войнаровский. Конечно же, Орфей Дормидонтович. Уберём.

Мямлин. Музыка, опять же... Не понял логики возникновения в спектакле музыки Верди. Нет, музыка замечательная, кто бы спорил, но... при чём тут Мольер? Совершенно другая эпоха. И такие нестыковки – куда ни плюнь. Но... плевать я и сам не буду, и никому другому не позволю. В общем... спектакль

требует серьёзной доработки. До премьеры время ещё есть, будем работать. Я сам сяду рядом с Фёдором Ильичом. Орфей, извините за каламбурчик, спустится в ад, и выведет вас всех на свет божий. Оглядываться не буду – учёный! (*Громко раскатисто хохочет.*) Всё. Я пошёл. Остальное вам режиссёр доскажет.

В этот момент вбегает Катюша с чаем.

Катюша. Орфей Дормидонтович, вот Ваш чай...

Мямлин. Поздно, Катюша. Мне уже пора. Отдай Войнаровскому – ему теперь с народом разговаривать. (*Уходит.*)

Катюша подходит с чаем к Войнаровскому. Тот, взяв чай, оставляет его в сторону. Решительно встаёт.

Войнаровский. Значит так... работаем в обычном режиме. Все правки Мямлина отменяются. Исказать свой творческий замысел я не позволю! Полчаса перерыв – и продолжаем репетицию. Вместо уехавших на гастроли, реплики подаёт суфлёр.

Рабинович. А Мямлин в курсе?

Войнаровский. Я с ним буду разговаривать.

Рабинович. Вы между собой сперва разберитесь, как-то... А я, в такой ситуации, на сцену выходить отказываюсь.

Войнаровский. Ну что ж, в отсутствие главного героя, сегодняшняя репетиция отменяется. Все свободны. Завтра Катюша, на роль Аргана вызывайте второй состав. Надеюсь, обойдёмся без накладок?

Катюша. Естественно, Фёдор Ильич.

Все начинают подниматься со своих мест.

Войнаровский. Рабинович Алексей Михайлович – задержитесь, пожалуйста.

Тигрова (*решительно*). Тогда уж, пожалуй, и для меня второй состав вызывайте!

Ухов. И для меня.

Войнаровский. Катюша, напиши, пожалуйста, докладную Мямлину. Это чёрт знает, что такое!

Рабинович (*язвительно*). Да-да! Именно, что Мямлину! Может,

мне его догнать?

Войнаровский. Это бунт?

Рабинович. Это естественная реакция на твою реакцию на реакцию худрука.

Пятая сцена

Снова закулисье. Фойе перед выходом на сцену. Тушкин, Великанов, Ухов, Селянчиков сидят в репетиционных костюмах. Из приглушённого динамика еле слышна трансляция репетиции.

Тушкин. Слышали? Войнаровский в министерство культуры телегу накатыл!

Ухов. Накатыл-таки? А знаете, я как приказ о его отстранении от спектакля увидел, так и подумал – «это ж-ж-ж неспроста...» Помяните моё слово – он ещё до президента дойдёт. Не таков человек наш Ильич, чтоб на ровном месте революцию не устроить.

Великанов. Где ж ты ровное место нашёл? Ухаб на ухабе. *(Моментально переключаясь на личное.)* В выходные на дачу ездил... чуть подвеску у машины не угрохал – сплошные ухабы. Судя по дорогам, дураков у нас меньше не становится. *(Тут же возвращаясь к предыдущей теме.)* Какой президент?! В больницу он пойдёт... по скорой помощи. С сердечным приступом. Разве можно так себя изводить? Я уж ему говорю, наплюй, Федь – что случилось, то случилось. Нужно дальше жить. И сыну твоему в театре ещё работать и работать.

Тушкин. Мы в театре служим.

Ухов. Ну да... служим. Словно собаки.

Великанов. Хоть о сыне, говорю, подумай. Да где там... И что в министерстве?

Тушкин. Да ничего в министерстве. Как всегда, в министерстве – кончилось пшиком. Приехал наш директор туда, а ему и говорят – сами, дескать, разбирайтесь, дорогие товарищи.

Ухов. Господа. Мы теперь господами стали.. Куда ни плюнь – сплошные господа вокруг! Только имеют нас, как крепостных.

Тушкин. А ты не плюй. Короче, распустили, говорят, вы своих

господ в театре... по самое не балуйся. ...И правда, распустили! Я вот тут в гримёрке недавно колонки для ноута оставил. Дорогие, сволочи... Так что ж думаете? Какие-то господа их спёрли!

Великанов. При товарищах, у людей совесть была.

Селянчиков. А почему в министерстве разбираться не стали?

Тушкин. Элементарно, Ватсон! В договоре чёрным по белому написано: «Спектакль считается принятым только после соответствующего вердикта худрука». А худрук – не принял. Вот и вся песня...

Ухов. Надо было Войнаровскому договор кровью подписывать...

Рабинович *(вбегая со сцены в предбанник).* Интересная идея! Предлагаю не останавливаться на достигнутом – подарить нашему директору туалетную воду с запахом серы! *(Радостно делится с окружающими.)* Ух, как же Мямлин гоняет по сцене Анжелику... В хвост и в гриву! Любо-дорого смотреть! А Рудина – ничего. Раскраснелась вся – аж, помолодела. Годков сорок скинула, никак не меньше. Такой красоточкой стала! Ещё немного, и я в неё влюблюсь! Не, честное слово – влюблюсь! Нельзя, конечно, папаше в дочку влюбляться, но, уж извините... ничего не могу с собой поделаться! Ещё немного, и предложение сделаю! Придёте на свадьбу?

Тушкин. Про Войнаровского слышал?

Рабинович *(моментально посерьёзнев).* Ну что ж... этого и следовало ожидать. Жаль... что-то в его структуре, всё-таки, есть. Объяснить, вот только, Федька не умеет... или не хочет... Напустил туману. В общем... всё, как всегда у нас – через задницу. Да и мы хороши... Эх! Посмотрел тут недавно глебовских студентов и позавидовал. Честное слово – позавидовал! Глазки светятся, сердца горят – живые! Жи-вы-е, понимаете?! Ты, говорят, с ними «структуру Войнаровского» опробовал?

Селянчиков. Вам действительно понравилось, Алексей Михайлович? Ой, я так рад!

Ухов. Ничего, обкорнают потом...

Рабинович. А ведь так красиво, так правильно начинал: *(Пародируя Войнаровского.)* «Да, Орфей Дормидонтович! Безусловно, Орфей Дормидонтович!» *(Осуждая и угодливость Войнаровского, и, одновременно, безрассудность одного – всё в комплексе.)* Тьфу ты! Дурак – попёр против лома. А был бы поумнее, высидел бы тихонько недельку-две... со всей правкой соглашаясь. И после премьеры уже, тихой сапой, всё своё назад вернул. Или, проще – разговорил бы Мямлина на тему собачек его... *(Селянчикову, поясняя.)* Худрук наш, как о собачках услышит – таким соловьём заливаться начинает! Что твой глухарь.

Тушкин. Про собак правильнее – лаять.

Селянчиков. Ну, вы и циники!

Рабинович. Да хоть мяукать – какая разница? Мы, Глеб, не циники. Мы – опытные. Отвлекать нужно. Отвлекать! Как все делают. В чём-то, конечно, приходится уступать... тут уж никуда не денешься. А что? Жизнь такая. Вон, ящерица, к примеру, с хвостом расстаётся – потому и жива. У меня кот, на днях, на даче такую вот ящерицу поймал. Уже рот раззявил – чуть слюной не подавился, а у той вдруг хвост взял, да и отвалился. И не просто отвалился – лежит, извивается. Слово бы, червяк какой. Кот глаза от удивления вылупил, а ящерица боком... боком... да и шмыг в траву! Только её кот и видел. А держалась бы за хвост – где была бы? То-то и оно. А Федька, как баран – упёрся... Панфиловец, блин. Ни шагу назад. Вот Мямлин по нему танком и проехался. Отвлекать нужно. Соглашаться – там видно будет. Ну, лишился бы Федька своих цыган, к примеру – умер бы, что ли? Додумался: докладные на Мямлина – Мямлину писать!

Тушкин. А тот-то, зато... как с цепи сорвался! Даром, десять лет ничего своего не ставил – всю пьесу перелопачивает.

Селянчиков *(восторженно).* Как же замечательно Орфей Дормидонтович объясняет каждую сцену! В подробностях! Сам, если что, показывает – любо-дорого! Весело, озорно, без зауми идиотской!

Тушкин. Тебе, насколько помню, у Войнаровского тоже

нравилось?

Селянчиков. Я ошибался.

Тушкин. Молодец, быстро перестроился. Далек пойдёшь.

Великанов. Что ты к нему прицепился?

Рабинович. Да в том-то и дело, что мне тоже нравится! Когда у режиссёра в голове порядок – и на сцене всё складывается. Слово отлаженный механизм часов. Что ж, видимо, так с нами и нужно. Слово с клавишами пианино, нажал режиссёр – звук. Не нажал – не играет.

Селянчиков *(восторженно).* Стоило Орфею Дормидонтовичу сесть за клавиатуру – такая симфония ролей зазвучала!

Тушкин. Глеб, попридержи пафос.

Селянчиков. Никакого пафоса. Говорю, что думаю.

Тушкин. Вот и думай, что говоришь.

Великанов. Сашка, отстань от парня. Всё равно не поймёт.

Селянчиков. Что такого умного я не пойму?!

Ухов *(взрывается).* Да как вы не понимаете?! Войнаровский вглубь копал! Атлантом, плечи под небо подставил. Не рассчитал. Надорвался.

Великанов. А что ж ты, Витенька, на сцену выходить отказался? Да ещё первым Мямлину письмо накатал?

Ухов. А заради правды. Я всегда за неё.

Великанов. Топор тоже за правду. Вот только шею от этого не легче.

Рабинович. Федьку жалко... Хороший актёр. Почти гениальный. И вот, поди ж ты – амбиции захлестнули.

Тушкин. Истинно говорят: гордыня – грех великий! *(Появляется Войнаровский.)* А вот и он, лёгок на помине.

Войнаровский утерял былую вальяжность. Зато глаза его приобрели лихорадочный блеск. Чем-то Фёдор Ильич напоминает короля Лира, периода изгнания и предательства.

Войнаровский. Ну что, иуды, довольны?

Рабинович. Федь, ты такими словами не разбрасывайся, а? Понимаю, что тебе хреново, и, всё-таки...

Войнаровский. Это я разбрасываюсь?! А кто на меня пасквиль

руководству писал? Не ты, разве?

Рабинович. Писал. Только не пасквиль, а объяснительную. Ты написал докладную записку. Мне пришлось писать объяснительную – такой порядок. Не я его придумал. Кстати, ничего особого в моей объяснительной не было – изложил то, что было. Честно. Без эмоций.

Войнаровский. Честно?! Ты?! Ты смеешь мне говорить о чести? Ты, поправший все нормы элементарной человеческой порядочности?

Рабинович. Федь, не разводи шекспировщину. Тебе это не идёт.

Войнаровский. А ну вас! Всех! *(Махнув рукой, трагически уходит.)*

Рабинович *(Тушкину).* Да... ты прав Сань, гордыня – грех великий.

Шестая сцена

Войнаровский задумчиво стоит, физически ощущая вокруг себя давящую пустоту.

Войнаровский. Ну и чего я добился? Ни рыбки золотой, ни старухи, ни разбитого корыта. Пустыня. Ни человека вокруг. Какие-то свиные рыла вместо лиц... так, кажется у Гоголя?

Появляется Катюша.

Войнаровский *(ласково).* А, Катенька... Ну, как там у вас? Идут репетиции моего спектакля? Что ж ты глаза-то прячешь? Я ведь не прокажённый.

Катюша. Я...

Войнаровский *(сладко, почти приторно).* Ну, иди сюда – я тебя в щёчку поцелую.

Катюша подходит, как-то слишком уж нарочито-естественно.

Войнаровский *(целуя её в щёчку).* Что, Катюш, стуканула на меня? *(Растерявшейся Катюше.)* Да успокойся же ты, я на тебя и не сержусь вовсе! На твоём месте, я бы тоже написал, куда надо, во всех подробностях. Думаешь, не знал, на что шёл? Я же не дурак... Если человек поступает, как дурак, он вовсе не обязательно дурак. Просто... иногда невозможно, невыносимо бывает поступить, как положено...

Катюша. Я очень понимаю вас...

Войнаровский. Что ты можешь понимать? Что вы все можете понимать?!

Катюша. Ну, зачем вы так про всех? Мы вас любим. Многие любят. Честно-честно!

Войнаровский *(не дослушав).* ...Но ты пойми, этот спектакль – мой ребёнок. Он вот-вот родиться должен был! Уже живой совсем... А его, прямо в моей утробе, кромсать начали. *(Горько-язвительно.)* Улучшать!.. Ты, Катюш, когда-нибудь носила ребёнка в себе? Господи, что я спрашиваю, идиот? У тебя же дочка. Ну, значит, поймёшь. А я вот не доносил. Не выносил. И теперь уже никогда не выношу, видимо... Невыносимо! Знаешь, я ночами не сплю. Потому, что закрою глаза – а мне мой спектакль снится... нерождённый. Это такая мука! Такая...

Катюша. Фёдор Ильич, вы бы поберегли себя.

Войнаровский *(неожиданно взвизвись).* А зачем?! Со всех сторон слышу – береги себя... береги... Да пойми ты, дура, мне сквозняк – лучшее лекарство! А они – форточку закрыли. И... душно мне... смрадно... как в могиле... *(Тянет носом воздух.)* Чуешь? Нет? Привыкла, значит, уже. А я – не могу! *(почти скандируя)* Не-мо-гу! Мне воли охота. *(Неожиданно иронично смотрит на Катюшу.)* Что, думаешь, старик совсем из ума выжил?

Катюша смотрит, ничего не понимая. Переход от горя к иронии у Войнаровского слишком уж непредсказуемый.

Катюша *(через долгую паузу, неестественно-искренне).* Вы – старик?! Да вы у нас молодежь молодых!

Войнаровский. Молодежь молодых, говоришь? Так я тебе тогда свиданье назначаю. Придёшь? *(Окончательно ошалевшей Катюше.)* Плохая ты артистка, Катенька – ничего скрыть не можешь.

Катюша. А я и не артистка вовсе. Я помощник режиссера. Ваш помощник, между прочим! И мне очень-очень вас жалко!

Войнаровский. Добрая ты, Катюш. Добрая... но глупая. Вижу... осуждаешь. Думаешь, я вот так вот, Дон Кихотом, на мельницы

сдуру попёр? Ведь думаешь? Да?

Катюша. И никакой вы не Дон Кихот. И вовсе даже ни капельки!

Войнаровский. Да нет, Катенька. Дон Кихот. Самый, что ни на есть – и романтичный, как по роли положено, и идиотский. Всю жизнь с мельницами борюсь. И знаешь, *(Доверительно.)* ведь победил уже их проклятых... почти. Вот только меня Санчо Панса предал. Спина неприкрыта оказалась, понимаешь... *(Беззащитно, по-старчески сгорбившись, уходит.)*

Катюша *(сочувственно проводив его взглядом).* Бедняга. Так переживает! Так переживает! Не понимает, счастливый, что дерьмо ставил.

Седьмая сцена

Кабинет худрука. С той же привычной роскошью. К которой добавился лежащий на столе роскошный букет роз. И снова бушующая Рудина.

Рудина *(заламывая руки).* Ты меня выживаешь из театра! Я больше не могу работать в такой обстановке! Театр должен быть храмом, а во что его превратил ты?!

Мямлин. Что случилось, Роза Ивановна? Кто посмел вас огорчить?

Рудина. Ты огорчил! Ты и только ты!

Мямлин *(искренне удивлённый).* Я? Чем же на этот раз?

Рудина. На роль Анжелики выписан второй состав.

Мямлин. Ну да. Выписан. Я дал режиссёрскому управлению такое поручение. И что?

Рудина. Меня нагло беспардонно подсиживают. Ты хочешь заменить меня на свою молоденькую фаворитку.

Мямлин. Ах, вот вы о чём... Ну, во-первых, не фаворитку, а ученицу. Лучшую мою ученицу, прошу заметить. И, во-вторых, не заменить, а только лишь подстраховать. Все мы люди. Мало ли что может случиться?

Рудина. Случиться? Со мной?! *(Гордо выпрямляется.)* Не дождётесь.

Мямлин. Розочка Ивановна, но ведь каждый может вдруг взять

и... заболеть. Я вот, к примеру, весь прошлый месяц гриппом болел – так прихватило, еле выкарабкался.

Рудина. Ты – мужчина. Мужчины у нас в стране вообще долго не живут.

Мямлин. Ну, спасибо!

Рудина. Я пятьдесят лет в театре...

Мямлин *(пытаясь вклиниться).* Вот именно поэтому...

Рудина *(не давая ему это сделать).* ...вот именно поэтому я требую к себе элементарного уважения. Мне не нужны подпорки, в виде второго состава. Я, слава Богу, не рухлядь.

Мямлин. Роза Ивановна, как вы могли?!

Рудина. Я, слава Богу, не рухлядь. А потому требую убрать от меня всяких там... дублёров. Ты понял?

Мямлин *(окончательно сдавшийся).* Да, Роза Ивановна. Всё понял. Исправлю.

Рудина. При мне звони. Знаю я тебя. Сперва пообещаешь, потом сделаешь вид, что забыл, а потом – вообще спустишь на тормозах.

Мямлин. Роза Ивановна, ну как можно! Сегодня же всё сделаю. В течение часа.

Рудина *(удовлетворённо).* Ну, хорошо... Я рада, что мы нашли общий язык. Всегда предпочитаю выяснять отношения с глазу на глаз – без интриг. Ведь только в споре рождается истина! Так ведь, Орфеюшка? Да, кстати, ты убрал надбавку у Войнаровского? Весь театр возмущён.

Мямлин. У Войнаровского?

Рудина. Не паясничай. Если у отца юбилей, это не значит, что сыну повышают зарплату. К тому же, мальчик непорядочен – назанимал денег у половины труппы и не отдаёт. Мало того, жену с двумя детьми бросил! Хочешь сказать, это его личное дело? Я человек старой формации, и привыкла называть вещи своими именами. Если передо мной подонок, я так и говорю – подонок! И не вздумай спорить со мной! В старые времена Войнаровского младшего обязательно вызвали бы на партком! И, видит Бог, просто ремнём по заду он бы не отделался! Зачем у нас отменили парткомы? Не знаешь? Вот и я не знаю. Передай мне букет.

Мямлин. Какой роскошный! От поклонников?

Рудина (*озорно*). Не угадал. Спёрла. С презентации. Надеюсь, мои украденные розы будут долго стоять. Украденное – стоит долго.

Мямлин. Какая вы у нас... хулиганка, однако. (*Уколовшись*.) Ой!

Рудина. Укололся об розу? Так тебе и надо. Не будешь Розу Ивановну обижать. (*Забирает у Мямлина из рук букет и уходит*.)

Мямлин, бессильным взглядом проводив Рудину, облегчённо выдыхает, вытирает пот и плюхается в кресло.

Мямлин (*громко, на грани стоны*). Зиночка, чаю, пожалуйста. И можно без закуски.

Вбегает Зиночка с запотевшей бутылкой водки. Наливает стопку.

Зиночка (*протягивая стопку Мямлину*). Тяжело, Орфей Дормидонтович?

Мямлин (*жадно хватая стопку*). Ох, не говори... не то слово! (*Выпивает стопку залпом и светлеет лицом*.) Отлегло... Этак, с Розой Ивановной, совсем сопьюсь... гляди.

Зиночка. Вы б себя поберегли, Орфей Дормидонтович! Разве ж можно так? Только что после болезни!

Мямлин. Вот ты меня и береги, раз такая умная. Ты – побережешь, и Бог, глядишь... поможет. Бережённого, как говорится, Бог бережёт. Что смотришь так странно?

Зиночка. К вам сегодня Войнаровский собирался зайти. Всё выпрашивал у меня, будете ли вы сегодня. Может... отменить?

Мямлин. Нет. Никак не возможно. Войнаровского нужно принять, во что бы то ни стало. Он и так весь, словно бы с содранной кожей. К тому же, если честно, я перед ним всё-таки где-то виноват...

Зиночка. Вы?!

Мямлин. Ну да. Я. Надо было как-то... деликатнее, что ли, разрулить ситуацию... не доводя до скандала. Надо было... Ведь знал же – что для него эта постановка! Если бы можно было предвидеть, как оно повернётся... Да ещё и с сыном его... сперва пообещал, затем передумал... По театру – слухи, интриги. Э! Да что теперь-то...

Зиночка. Вы слишком добрый, Орфей Дормидонтович. Так нельзя.

Мямлин. Нельзя, конечно... Как придёт, сразу в кабинет его ко мне – ни минуты пусть не ждёт.

Зиночка. Ага. Поняла. (*Уходит с бутылкой и тут же заглядывает обратно, прикрывая, при этом, бутылку от посетителя*.) К вам Селянчиков.

Мямлин (*громко, чтобы в приёмной было слышно*). Заходи, Глебушка!

Входит Селянчиков. Восторженно оглядывает кабинет. Видно, что он тут не очень частый гость.

Мямлин. А знаешь, мне тебя очень хвалили. Говорят, ты прирождённый педагог. И я очень рад этому.

Селянчиков (*смущаясь*). Что вы, Орфей Дормидонтович!

Мямлин. Смущаешься? Молодец! Пока человек смущается, он продолжает быть человеком. А потом – начинает изображать из себя... человека (*громогласно*) Да поздно!!

Селянчиков. Орфей Дормидонтович...

Мямлин (*не дослушав*). И актёр ты хороший! Такого Клеанта мне выдал, что я рот раскрыл. Талантище! (*Облапывает Селянчикова в объятиях*.) Будущее нашего театра. Наша надежда! (*Моментально переключаясь на деловой тон*.) Что у тебя ко мне?

Селянчиков. Да вот... на съёмки пригласили. Небольшая роль, конечно, но очень интересная. Съёмки через пару месяцев. А у нас, как раз в это время, гастроль в Астрахань. «Мудрец». Можно вместо меня Ухов съездит? Я с ним договорился. Он может. И роль слуги он уже играл... ну, помните, когда я с аппендицитом слёг?

Мямлин. Съёмки, говоришь? Рад за тебя. Очень рад. Вот только почему роль не главная? Ты достоин главных ролей. Карьера артиста одними театральными работами не делается. Сколько зрителей тебя в театре увидит? Капля в море против кино! А у тебя будущее. Большое будущее. Огромное, я бы даже сказал!

Селянчиков. Значит... можно? Вы разрешаете?

Мямлин. Нет. Нельзя. Ты нам здесь нужен. На главную роль –

отпустил бы, не задумываясь. А небольшие роли, уж извини... это не твой масштаб. Не должно орлу куриц изображать. Разборчивее нужно быть. Ведь ты же педагог. Чему ты своих студентов научишь, если сам глупости творишь? *(Подталкивая Селянчикова к выходу.)* Иди-иди, Глеб, не разочаровывай меня!

Селянчиков *(торопливо)*. До свидания, Орфей Дормидонтович...

Мямлин. До свиданья, друг мой, до свиданья... *(Закрывает дверь за Селянчиковым, подходит к зеркалу, поправляет галстук.)*

И что мне делать с моей добротой? *(Неспешно возвращается на своё место.)* Зиночка, чаю!

Входит Зиночка с чаем.

Зиночка. Что это вы, Орфей Дормидонтович, такое хорошее Селянчикову сказали? Он весь сияющий от вас вышел!

Мямлин. Да ничего особого. На съёмки не отпустил.

Зиночка. И всё?! Вы гений.

Мямлин *(самодовольно)*. Есть немного... *(Отхлебнув чаю.)*

Зиночка, а ты свои сны помнишь?

Зиночка *(очень оживлённо)*. Не то, что помню – я их с продолжением смотрю! С того места, где вчера закончила – там сегодня начинаю. Никакого кино не нужно.

Мямлин. Счастливая... А я вот почти всё забываю. Просыпаюсь... и словно бы память стёрли. Так обидно бывает!

Зиночка. Наверное, что-то очень важное забываете?

Мямлин. Наверное... Знаешь, сегодня ночью сон приснился. И такой я там был умный, в этом сне! Такие затейливые каламбуры придумывал, что даже проснулся, чтобы записать.

Зиночка. Записали?! Ой, как интересно...

Мямлин. Записал. *(Вытаскивает из кармана бумажку, водружает на нос очки, читает.)* «Ты кто? Конь в пальто. А почему без копыт? Учусь»

В кабинете повисает недоумённая тишина. Зиночка не знает, что сказать по поводу услышанного. Глупо льстить не хочется. Сказать правду – можно обидеть.

Мямлин убирает бумажку в карман, снимает очки.

Мямлин. Вот такая, Зиночка, муть. А во сне – ну так смеялся, ну так смеялся!! Ухохатывался просто.

Зиночка напряжённо хихикает. В этот момент в кабинет решительно входит Войнаровский.

Войнаровский. Орфей Дормидонтович, мне нужно с вами поговорить.

Мямлин *(с актёрским пафосом)*. Фёдор, к чему церемонии? Откуда взялась эта официальщина? Да будет мне позволено перефразировать незабвенного Окуджаву:

Зачем мы перешли на «вы» –

Практически, в концовке бала?

На грош достоинства, увы...

А что-то главное – пропало.

(Зиночке, которая застыла, в ожидании развязки.) Зиночка, ты можешь идти...

Зиночка уходит с явной неохотой и недовольством – всё самое интересное опять проходит мимо неё!

Войнаровский. Официальщина?! На «ты» я разговариваю только с друзьями. А вы, после всего произошедшего, больше не имеете права таковым называться. И глупо ссылаться на авторитет Окуджавы – в данном случае, это совершенно не уместно!

Мямлин *(дождавшись ухода Зиночки, меняет тон на повседневный)*. Слушай, кончай. Мы здесь одни. Хочешь мне морду набить? Так набей.

Войнаровский. Хочу. Но не набью. Много чести будет руки марать. *(Решительно.)* Ладно, на «ты». Но уж ты, милый мой, выслушай всё – будь любезен!

Мямлин. Давай. Я весь внимание. Может быть, чаю? *(Громко через закрытую дверь.)* Зиночка!

Войнаровский *(возмущённо)*. Я сюда не на чайную церемонию пришёл!

Зиночка *(заглядывая в кабинет)*. Звали, Орфей Дормидонтович?

Мямлин. Спасибо! Нет.

Зиночка исчезает. Сбитый с толку, Войнаровский пытается собраться с мыслями. Он ожидал встретить яростное сопротивление – но никак не доброжелательного слушателя. Мямлин терпеливо ждёт, максимально приветливо. Наконец, Войнаровскому удаётся сконцентрироваться.

Войнаровский. Кто ты такой, чтобы снимать меня с постановки?

Мямлин. Я? Вообще-то, как бы... художественный руководитель этого театра. Ты забыл?

Войнаровский. Я не о том. На твою должность мне плюнуть и растереть. Истинное искусство не признаёт ни должностей, ни званий. С чего ты взял, что смеешь быть режиссёром? Кто дал тебе право влезать в мой творческий процесс?!

Мямлин. Федь, я восемь спектаклей в нашем театре поставил. И пять, по приглашению, в других театрах – в том числе, в Финляндии и во Франции. Между прочим, в спектаклях, поставленных здесь, почти всегда ты играл. И здорово играл! Честное слово, здорово! Иногда – просто гениально! Ты, Феденька, не просто артист – ты артист с большой буквы! Кстати, я и спектакли-то, как правило, ставил именно с расчётом на тебя.

Войнаровский. Ну... какие спектакли ты ставил, я промолчу.

Мямлин. Зачем же молчать? Скажи. У нас тут разговор начистоту.

Войнаровский. Дерьмовые спектакли ты ставил. Ни-ка-кие!

Мямлин. Вот так вот, значит...

Войнаровский. Вот так вот. И других ты поставить не мог! Ты, Орфей, конечно же, хороший актёр, но режиссёр – это совсем другая профессия. Ей нужно учиться! Хотелось бы напомнить тебе, что у тебя даже нет режиссёрского образования! А у меня оно – есть! И не тебе учить меня, как надо ставить спектакли.

Мямлин. *(язвительно).* То есть, ты хочешь сказать, что в искусстве всё решает бумажка? Должность, звание для искусства значения не имеют, а бумажка об образовании решает всё. Ты не последователен. Помнится, званием своим ты всегда очень гордился.

Войнаровский. Я-то как раз последователен. Я долго и напряжённо учился...

Мямлин. Это там тебя научили теории пресловутой структуры?

Войнаровский *(не замечая иронии).* Нет. Там учили азам профессии. Тем самым азам, которые и тебе не мешало бы освоить... раз уж ты всё-таки занимаешься режиссурой. А

структура – это уже, извини, высший пилотаж. Это – моя собственная философия. Философия, выстраданная всей жизнью! Философия, объединяющая в себе мироздание и театр, свободу и обустройство этой свободы, вдохновение и актёрский ансамбль.

Мямлин. Звучит красиво. А на практике?

Войнаровский. А на практике... Спектакль – материя. Актёры – атомы, из которых строится материя.

Мямлин *(подытоживая).* И режиссёр, конечно же – Бог.

Войнаровский *(ничуть не смущаясь).* Да! Режиссёр подобен Богу. Ведь, собственно, Бог и был первым режиссёром. Именно он настроил струны мировой арфы. Он создал вселенную. Он населил этот мир персонажами, то есть, планетами. Он расставил планеты по своим местам, в соответствии с законами структуры. И это – главное! Ведь далее, подчиняясь планетарным законам, планеты стали абсолютно свободны! Понимаешь ты, бесконечно свободны!

Мямлин. погоди, я запутался. Применительно к театру, планеты – это кто? Актёры?

Войнаровский. Да.

Мямлин. А атомы тогда кто? Тоже актёры?

Войнаровский. Ты придираешься. Через планеты я лишь объяснил тебе суть подлинной свободы.

Мямлин. Ага... уже яснее.

Войнаровский. Театр тоже должен быть свободным! И только тогда он сможет донести до людей высшую истину об этом мире. Чтобы люди, попав на спектакль, ощутили вкус свободы, почувствовали жажду к свободе! Везде – в повседневной жизни, в работе, в политике. Искусство должно дать народу свободу! Искусство должно освободить дух от цепей, которые стали настолько привычными, что даже уже не замечаются. Я многие годы шёл к этому. Шёл не для того, чтобы ты всё порушил.

Мямлин. Чем-то это мне напоминает Скрябина. Он ведь тоже мечтал преобразовать мир, посредством искусства... Я не ошибаюсь? Искусственное преобразование мира, так сказать.

Войнаровский. Ты прав. Идея не нова.

Мямлин. Ну и как у Скрябина – получилось?

Войнаровский. Ты и сам прекрасно знаешь, что он не успел. Смерть помешала.

Мямлин. А ты – успел... Федь, твой идеализм вызывает у меня безусловную симпатию. Но... какое отношение всё это имеет к жизни, к театру? Ты прав, люди жаждут свободы. Но ты никогда не задумывался, какой именно свободы они жаждут?

Войнаровский. Что значит какой? Свобода – понятие объективное.

Мямлин. Нет. Люди жаждут той свободы, которую могут осознать. А осознать они могут не слишком много, увы... Сколько было попыток освободить русского раба? Сосчитать сможешь?! Пытались... пытались, а он всё за свои цепи держится! Ему, видите ли, больше терять нечего – только они у бедняги и остались! Вцепился в них... и хоть ты что с ним делай! Ему – свободу, демократию... а он всё о царе-батюшке вздыхает. Ему твердят – выбирай! Ан, нет – руки заняты... цепи держат... голосовать нечем!

Войнаровский. Именно это и нужно менять. Именно ради этого...

Мямлин (*перебивая*). Давай, конкретно: вот ты, Фёдор, дал артистам свободу. И что – приняли они её?

Войнаровский. Они должны были дозреть.

Мямлин. Дозреть? До чего?

Войнаровский. До понимания. Дозревшее яблоко должно упасть на голову Ньютону. И вдохновить его на открытие новых горизонтов!

Мямлин. Вообще-то, падают обычно червивые яблоки.

Войнаровский. Не передёргивай.

Мямлин. Ну ладно, предположим, упало сочное-наливное. Символ свободы, на грани искушения. А туда ли оно упало? Что, если под яблоню присел отдохнуть не великий Ньютон, а простой садовник? Нужна ли ему эта дозревшая свобода? Шишка на голове – вот и весь результат твоего воздействия.

Войнаровский. Но человек должен работать над собой. Он

должен двигаться вперёд. Пусть через шишки, пусть через недопонимание...

Мямлин (*перебивая Войнаровского*). И где он, этот перёд? Где? Ты вёл всех вперёд, а спектакль, извини меня, оказался в заднице.

Войнаровский. Просто актёры не успели осознать.

Мямлин. Актёры просто... растерялись! И нельзя их в этом винить. Они всего лишь люди. Человек не может быть свободным. Свободен только Бог.

Войнаровский. Человек должен стать богоподобным!

Мямлин. Ага! Непременно! Ещё добавь, что человек – это звучит гордо. Ты пытался создать спектакль, в котором на сцене все богоподобны. И каждый свободен. Ты пытался создать спектакль, где каждый делает, что хочет. Так ведь?

Войнаровский. Да.

Мямлин. А желания этого каждого растут с каждой минутой. И перестают соответствовать желаниям тех, которые рядом. Тех, которые тоже боги. И всё взрывается! Всё трещит по швам! Потому, что свобода – яд. Яд, полезный в малых дозах, но в больших – убивающий!

Войнаровский. Ты циник.

Мямлин. Я – реалист. Сцена, полная богов – утопия! Переизбыток богоподобности приводит к убогости!

Войнаровский. Ты просто не дал мне времени.

Мямлин. Ты говорил о структуре, а актёры ждали от тебя режиссёрского разбора. Актёрского показа, на крайний случай. Ты вообразил, что у них такие же мозги, как у тебя? И взаимопонимание – только вопрос времени? А у них мозги – другие! И сами они другие! С людьми нужно говорить на понятном им языке. Артистам нужно давать установку. Точную, чёткую установку – что им делать, ради чего делать, какими средствами делать. Тогда они свободно смогут двигаться в указанном тобой направлении. Оркестру нужен дирижёр. Иначе получится не оркестр, а шум. Оркестранты смотрят на дирижёрскую палочку, подчиняются ей и радуются получившемуся звучанию. А потом, в перерыве, привычно

ругают дирижёра. Такова сволочная натура человеческая. Но в душе у них всё равно звучит гармония. Свобода – это подчинение с удовольствием. Если подчиняешься без удовольствия – значит ты раб. Значит нужно найти в себе удовольствие от подчинения. И стать свободным.

Войнаровский. Ты говоришь страшные вещи. Это какой-то тоталитаризм... ты не можешь так думать... ты... ты...
(Хватается за сердце, начинает медленно оседать.)

Мямлин (стремительно кидаясь к нему). Зина, врачей сюда! Срочно! И скорую. Вызывай скорую!

Гром. Вспышка молнии. Затемнение на сцене.

Восьмая сцена

Снова кабинет Войнаровского. Он – снова художник. Действие вернулось к первой сцене. Войнаровский с Мямлиным всё ещё стоят около зеркала.

Войнаровский (продолжая фразу, начатую в первой сцене). ...и не ты ко мне, а я к тебе в кабинет пришёл, предварительно, как идиот, полчаса в предбаннике отсидев.

Мямлин (плачущим голосом). Что ты... вы... такое говоришь?! (Испуганно отшатывается от зеркала.)

Войнаровский продолжает всматриваться в зеркальную гладь.

Войнаровский. Вот уж действительно... театр в зеркале перемен... Орфей, ничего такого в зеркале не видел?

Мямлин. Нет. А что я должен был там увидеть? Зеркало, как зеркало. Старое, правда... мутноватое немного.

Войнаровский. Мутноватое. Это ты точно подметил... В мутной воде интересная рыбка ловится... иногда. Ну, не видел... и ладно. И не нужно, значит, чтобы увидел. А то искушения могли бы начаться, гордыня, опять же...

Мямлин. Какая гордыня, Фёдор Ильич?!

Войнаровский. Мы же на «ты» – забыл?

Мямлин. Может... лучше, всё-таки... на «вы»? Мне как-то так проще. Приличнее... то есть... я хотел сказать – привычнее...

Войнаровский. Нет, Орфеюшка, мы не должны искать лёгких путей! Привычное, знаешь ли, всегда отдаёт рутиной. Нужно

преодолевать колею. Мы с тобой – люди старой закваски. И если не мы, то кто же? Нужно давать пример нынешней молодёжи, нужно... (Звонит мобильник.) Извини. (В трубку.) Да-да. Да что ты говоришь?! Серый глазки открыл?! Да они у тебя просто стахановцы какие-то. Как? У серого серые глазки? Это он маскируется, поганец... (Сурово.) Что? Рыжего отпихивает? Передай ему, что я с ним разберусь. Да-да! Именно так и передай. И Мурке передай, чтобы порядок навела. Ишь, удумали – рыжего обижать! Ну ладно, некогда мне тут. Мурку – в носик. (Отключает мобильник, пристально смотрит на Мямлина.) Орфей, тебе котёнок не нужен? К юбилею.

Мямлин. Мне... котёнок?

Войнаровский. Ах да, извини, забыл – у тебя же полный дом собак. Псарня, прости господи. Небось, взятки берёшь борзыми щенками?

Мямлин. Какими борзыми? Дворняжки... (С неожиданным пафосом.) Самая последняя дворняжка – вернее самого благонадёжного кота!

Повисает пауза, очень неудобная для Мямлина.

Войнаровский (задумчиво). Нда... Значит, котёночка ты у меня не возьмёшь. С чем же тогда пришёл?

Мямлин. Да вот... юбилей у меня.

Войнаровский (нетерпеливо). Это я уже слышал. Дальше что?

Мямлин. Дальше? Дальше попросить у тебя хотел...

Войнаровский (почти грубо). Денег? Подкину немного. Что ещё?

Мямлин (нерешительно). Да нет, деньги мне не нужны. Я хотел попросить у тебя... постановку пьесы. Но, если нельзя, то оно, конечно... я понимаю...

Войнаровский (озадаченно). Интересно... Я бы даже сказал – очень интересно! И ты, Брут, постановку, значит, возжелал? Нда...

Мямлин. Брут? А что, разве кто-то ещё просит? Ну да. Я понимаю... очередь... Театр большой, желающих много.

Войнаровский. Нет. Никто ничего уже не просит. Никто и ничего. Допросились, на свою голову. Не обращай внимания, это я... так. Что ставить собираешься? Современное?

Мямлин. Что ты?! Ни в коем случае! Классику и только классику. Мне кажется, классика сейчас гораздо современнее звучит, чем всё современное новаторство. Такого, порой, навертят, что отмыться хочется. Нет. Никакого новаторства! Обычную классику буду ставить – без мата и раздеваний. Ну... если разрешишь, конечно.

Войнаровский (*всё более заинтересованно*). Без мата и раздеваний?! Однако... новаторски. И кого хочешь? Шекспира? Чехова? Мольера? Постой-постой... Ну да, конечно же, Мольера! Готов спорить, что угадал!

Мямлин. Ничего не понимаю. Ты что – мысли читаешь, что ли?

Войнаровский. Читаю, Орфеюшка, читаю. Хочешь, дальше прочту? Или нет – лучше, давай так. Держи листок бумаги, ручку... Держишь? Прекрасно. А теперь... я отвернусь, а ты напиши на листочке название пьесы. (*Отворачивается.*) Написал? Теперь сложи листок и спрячь его у себя в кармане. Готово?

Мямлин. Готово... Спрятал. Но ведь это невозможно...

Войнаровский неспешно поворачивается. Смотрит на Мямлина с некоторой даже жалостью – как на убогого.

Войнаровский. Я думаю, ты хочешь поставить «Мнимого больного». Более того, я в этом совершенно уверен.

Теперь уже Мямлин – на грани сердечного приступа. Происходящее никак не умещается в его сознании. Войнаровский с интересом наблюдает за произведённым эффектом.

Мямлин. Как? Откуда?

Войнаровский. Ну что, попал?

Мямлин. В яблочко. Но как?!

Войнаровский (*с саркастической ухмылкой*). Полезно, знаешь ли, иногда бывает посмотреть в зеркало... Особенно, если это зеркало мутное. Ставь, Орфеюшка, Мольера – я только за! Думаю, это будет знаковый спектакль – исторический. С большой

длинной историей...

Мямлин (*радостно*). А помнишь, Феденька, ты, когда мы ещё студентами были, тоже хотел «Мнимого больного» поставить? Как политическую пьесу. Вот умора-то!

Войнаровский. Умора... умора. Такая умора, что уморить способна. Чаю хочешь? Отметим предстоящую премьеру? Зиночка, чаю нам с Орфеем Дормидонтовичем! И никого не впускать! Хотя нет... вижу – ёрзаешь. Поделиться хочешь радостью своей с родными и близкими... покойного. Шучу это я так! Шучу! Ну иди... иди... не задерживаю. Рад за тебя, Орфеюшка! Очень рад.

Мямлин. Нет, ты помнишь, как хотел сделать нотариуса щупальцами спецслужб? (*Громко заливисто хохочет.*)

Войнаровский. Помню... помню...

Войнаровский закрывает дверь за счастливым Мямлиным. Неспешно подходит к зеркалу, всматривается в него. Задумчиво отходит от зеркала, выходит на авансцену.

Войнаровский (*в зал, потирая руки*). «Мнимого больного» хочешь поставить? Ну-ну...

Занавес

Антонина САЛТЫКОВА

*Драматург, сценарист, писатель,
г. Ижевск*

СЛАВА БОГУ, ТЫ УШЁЛ!

комедия в 2 актах

ПЕРВЫЙ АКТ

В гостиной, где заметны следы неоконченного ремонта, тут и там стоят коробки, ведра от краски, валяются строительные инструменты. Из стены торчат провода с изоляцией на концах. Под проводами на полу стоит телевизор.

Посередине гостиной стоит большой круглый стол. Он накрыт праздничной скатертью, украшен в новогоднем стиле елочными веточками, свечами. Вокруг стола стоят стулья.

В гостиной видны две двери, одна входная с улицы, она украшена новогодним венком с яркими игрушками, ветками омелы. Вторая дверь из кухни, она сейчас распахнута. Слышен звонок мобильного телефона.

Из кухонной двери быстро выходит Маша (43), полная, миловидная, с небрежно убранными волосами. На Маше поверх платья надет кухонный фартук. В одной руке Маша держит глубокую миску, второй интенсивно перемешивает содержимое миски.

Маша суетливо осматривается, разыскивая глазами звонящий телефон, ставит миску на стол, отирает руки о фартук и берет телефон, приставляет его к уху.

Маша (в телефон). Алло! Сынок! Вы уже подъезжаете?

Маша слушает, ее лицо грустнеет.

Маша (нарочито бодро). Хорошо, конечно, конечно. Я понимаю. Ничего страшного, второго января увидимся. Что? Папа? *(Маша сухо.)* Нет, не поздравил. И не приедет. Не волнуйся за меня. Я тётке Тане позвоню, позову к себе. Ну и что, что семейный праздник? Тётя Таня почти семья. Нет, не будет скучно! *(Маша подходит к стене, из которой торчит изолированный электрический провод, смотрит на него, тербит рукой,*

носком ноги тыкает в телевизор, стоящий на полу.) Телевизор посмотрим. Ладно, ладно. И тебя с Новым годом, сынок.

Маша нажимает отбой на телефоне, кладет его на стол, садится к столу, берет ложку, ест из миски. Потом снова берет телефон, нажимает на нем кнопки.

Маша (в телефон). Алё, Тань. Мои не приедут, куковать мне в Новый год одной. Дожила. *(Маша всхлипывает.)* Валерка бросил на старости лет, сын вырос, а я в новых хоромах одна – одинешенька! Да не ною я! Может, приедешь, а? *(Маша вытирает глаза краем фартука.)* А! К тебе Витя придет. Понятно! Нет, я не обижусь. Я понимаю, у всех своя жизнь, своя семья. У вас вон с Витькой тоже почти семья. Не то, что мы... Ай, ладно. *(Маша всхлипывает, сморкается в фартук, вытирает глаза тыльной стороной руки.)* Не, не плачу. Лук режу, вот нос и хлюпает. С Новым Годом вас! Обнимаю!

Маша нажимает отбой на телефоне, кидает его на стол и рыдает в голос, уткнувшись в фартук.

Её рыдания прерывает звук дверного звонка. Маша вскидывает голову, лицо у нее красное, глаза и нос распухшие.

Маша (выкрикивает радостно). Валера!

Маша спешно вытирается фартуком, торопливо идет к двери.

Маша открывает дверь.

В неё вваливается Игорь (30-31), низкорослый, крепкий, коротко-стриженный, он одет в длинную телогрейку, черную шапочку, обтягивающую голову. В одной руке у него большой рюкзак. В другой руке – бумажка.

Игорь. Это Ёжкина засада, сорок пят?

Маша. Это Ёжкина застава, сорок пять.

Игорь. Ну да!

Игорь отстраняет Машу, скидывает с себя телогрейку, проходит в гостиную, кидает рюкзак на пол, садится к столу, осматривается по сторонам.

Игорь. Нормально, мать, устроилась! Далекое только, еле нашёл.

Маша. А вы кто?

Игорь оттирает руку об одежду, протягивает ее Маше.

Игорь. Горыня. То есть, Игорь я!

Маша брезгливо смотрит на грязную руку Игоря.

Маша. А вы адресом не ошиблись?

Игорь. Нет. Ты ж сказала, Ёжкина застава, сорок пять. Вот!

Игорь сует Маше бумажку. Маша смотрит внимательно.

Маша. Ну да. Это мой адрес. Кто вам его дал?

Игорь. Неважно! Сказали: поедешь, там мать, у нее первое время пересидишь, она денег подкинет, напоит – накормит, спать уложит.

Игорь тянет руку к Маше, чтобы уцепиться. Маша бьет его по руке.

Маша. Руки!

Игорь одергивает руку.

Игорь. Ой-ой-ой! Да ты не в моем вкусе, мать!

Маша. Мужчина! Перестаньте называть меня мать! Мне слегка за сорок!

Игорь. Да хоть восемнадцать! Баба, которая помогает мужику после зоны – мать родная!

Маша. После зоны? Вы что, зэк?

Игорь. Не-а, не зэк. Я откинулся вчера! И справка есть.

Игорь лезет в карман. Маша ногой двигает рюкзак Игоря к двери.

Маша. Уходите! Еще откидышей мне тут не хватало! Нашел тоже мать родную!

Игорь. Никуда я не пойду. Мне сказали, у тебя отсидеться можно первый месяц.

Маша. Кто сказал?

Игорь. Как кто? Батяня.

Маша. Я не знаю никакого батяню. Вы точно ошиблись.

Игорь. Куда я пойду-то?

Маша. А мне-то что? Вон отсюда! Сейчас мой муж придет, он вам покажет!

Игорь. Это Валера, что ли?

Маша бросается к Игорю, говорит с надеждой в голосе.

Маша. Откуда вы знаете, что его зовут Валера?

Игорь. Ну, мать, ты того! Сама ж кричала, когда дверь открывала «Валера».

Маша. Я поняла! Вы от него, да? Это такой розыгрыш к новому году, да?

Игорь (*неуверенно*). Какой розыгрыш?

Маша. Валерин розыгрыш. А что он просил мне передать?

Игорь. Говорю же, мне сказали, там мать, она встретит... И адрес дали.

Маша хватается за сердце, томно вздыхает.

Маша. Ах, это Валера! Он всегда меня звал мать. Что же я сразу не додумалась, что вы от него! Вы кушайте вот, наверно, проголодались с дороги.

Маша двигает миску к Игорю. Игорь заглядывает в миску. Морщится недовольно.

Игорь. Творог?

Маша хватается за миску, начинает быстро есть из нее.

Маша (*с набитым ртом*). Ой, да. Это моё. Я худею на твороге, диета такая.

Игорь критично оглядывает ее фигуру.

Игорь. Да, мать, ты ничего такая, в пышной форме.

Маша. Нет, что вы! Мне надо 15 килограмм сбросить. Так Валера сказал. А сам он когда придет?

Игорь. Кто?

Маша. Валера, муж мой. Бывший.

Игорь. Ах, бывший. Ну ясно. Тут творогом дело не поправишь.

Теперь Игорь критично осматривает Машу, ее оплывшую фигуру, растрепанные волосы.

Маша. Сейчас я вас накормлю.

Маша выбегает из гостиной в кухню. Раздается звонок в дверь.

Маша (*кричит за сценой*). Игорь, откройте. Это, наверно, Валера!

Игорь открывает входную дверь. В дверь просовывается рука с маленьким магнитофоном, рука ставит магнитофон на пол, нажимает кнопку вкл. Раздается танцевальная клубная музыка.

Входная дверь распахивается, в проеме видна Алиса, стройная красotka с длинными волосами и откровенном наряде.

Алиса танцует, входит в гостиную. Опешивший Игорь отступает от Алисы.

Из кухни входит Маша с миской в руках. Она видит Игоря и Алису, лицо ее вытягивается от удивления.

Маша (*пытаясь перекричать музыку*). Это что такое?

Игорь и Алиса ее не слышат, Игорь уже поймал ритм и с удовольствием принимает участие в танце. Маша осматривается по сторонам, ища источник звука музыки. Видит на полу у двери магнитофон. Маша ставит миску на стол, подходит к магнитофону, нажимает на нем кнопку отбоя. Игорь недоволен, а Алиса удивленно смотрят на Машу.

Маша. Что это такое - я спрашиваю?

Алиса оглядывается по сторонам.

Алиса. Где?

Маша указывает пальцем на Алису.

Маша. Вот!

Алиса равнодушно пожимает плечами. Маша задыхается от возмущения. Игорь тянется к Алисе.

Игорь. Не обращай внимания, деточка, продолжай.

Алиса ногой нажимает кнопку «вкл» на магнитофоне, звучит музыка. Алиса продолжает танцевать около Игоря. Маша подходит к магнитофону, нажимает отбой. Музыка прекращается.

Игорь. Мать! Ну ты чего?

Алиса. А-а, это мама твоя! Андестенд!

Маша. Никакая я ему не мама! Игорь, вы что, проститутку на мой адрес заказали?

Алиса. Э! Полегче! Я гоу-гоу танцовщица, а не проститутка!

Игорь. Никого я не заказывал. Она в дверь позвонила, я открыл.

Игорь восхищенно разглядывает Алису.

Игорь. Вот это подарок! Первый день как на воле, и сразу подфартило! Ну мать! Ну человек! Знает, что одинокому волку надо!

Игорь обнимает Алису за талию, она скидывает его руку.

Алиса. Полегче, дядя! Я гоу-гоу! Понятно?

Игорь. А гоу-гоу это что? Это у шеста?

Алиса. У шеста – это пилонщица, а я гоу-гоу.

Маша. Какая еще гоу-гоу?! Я ничего не заказывала, кроме еды.

Девушка, вы к кому?

Алиса. Да откуда мне знать? Дали заказ, сказали, клиент на всю ночь танцы заказал.

Маша. Кто дал заказ?

Алиса. Администратор клуба. И вообще, чего вы меня допрашиваете? Я танцевать должна, а не разговаривать.

Игорь. Да, деточка, танцуй.

Игорь без музыки двигается в танцевальном ритме, приглашая Алису танцевать. Алиса тянется к магнитофону, Маша преграждает ей путь.

Маша. Так! Стоп! Никаких танцев, пока не объясните, кто вас сюда прислал.

Алиса. Вот докопалась!

Алиса достает из декольте маленький мобильный телефон, тычет на нем кнопки, показывает экран Маше.

Алиса. Вот! Видишь? Ёжкина заставка, сорок пять. Правильно?

Маша. Да.

Алиса. Заказ с 21 часа до 6 утра. Видно?

Маша кивает.

Алиса. Ну и всё! Заказ оплачен, меня привезли, я должна отработать до шести утра, чтобы клиенту было весело и красиво.

Алиса без музыки танцует, Игорь ее поддерживает. Маша тычет Алисин телефон ей в лицо.

Маша. А заказчик? Заказчик кто? Где написано?

Игорь оттесняет Машу от Алисы, чтобы не мешала танцевать.

Алиса. Секрет фирмы!

Маша. Это Валера! Это точно Валера!

Алиса включает музыку на магнитофоне, они с Игорем танцуют. Маша садится за стол, берет миску, ест, задумчиво смотрит на Игоря и Алису.

Маша. Что Валера хочет этим мне сказать?

Маша встает, пытается повторить танцевальные движения Алисы, у неё получается неуклюже. Игорь видит это, хихикает.

Игорь. Мать, ты пожрать лучше сообрази!

Маша указывает на две миски на столе.

Маша. Да вот же, принесла.

Игорь заглядывает в одну миску, в другую, морщится.

Игорь. Творог везде! Ты чего, к новогоднему столу только творога наготовила?

Маша. Я доставку заказала. Оливье, селедка под шубой, щука фаршированная, рулеты мясные.

Игорь. И?

Маша. Опаздывают, наверно. Заказов много. А эту вовремя доставили.

Маша кивает на Алису. Та продолжает танцевать.

Маша. Видимо, на доставку еды больше спроса в новый год. (Алисе) Ты до шести не остановишься?

Алиса кивает.

Маша. Тебя как звать –то?

Алиса. Алиса.

Игорь. А в реале?

Алиса. Алиса. Ферштейн?

Игорь. Это значит что?

Алиса. Ферштейн - это значит «понятно». На немецком. Ферштейн?

Игорь. Понял.

Маша берет миску, ест из нее. Игорь морщится, глядя на Машу.

Игорь (Маше). Может, накатим?

Маша непонимающе смотрит на Игоря.

Игорь. По стольничку?

Маша. А, вы про это! Нету!

Игорь. Что? Вообще? В новый год?

Маша. С едой привезут шампанское, соки и воду. А пока только вода из –под крана.

Игорь разочарован.

Маша. И творог.

Игорь. Ну вообще! Даже на зоне наливают в Новый год! И закусить дают!

Маша (кивает на дверь). Я вас не удерживаю.

Раздается звонок в дверь. Музыка стихает. Алиса перестает танцевать, садится к столу. Игорь и Маша одновременно вскрикивают.

Маша. Валера!

Игорь. Доставка! Еда!

Маша и Игорь бросаются к двери. Маша открывает дверь, в неё входит Карина с портфелем в руках.

Карина скидывает шубу на руки Игорю, остается в деловом костюме. Она осматривается по сторонам, недовольно кривит лицо.

Карина. М-да... Не лучшее место!

Маша вопросительно смотрит на Карину.

Маша. А вы, простите, кто?

Карина. Вас что, не предупредили, что все должно быть готово к моему приезду?

Маша. Что готово?

Карина ходит по комнате, рассматривает голые стены, провода, сидящую за столом Алису, миски с творогом на столе.

Карина. Да уж... В такие условия ... Вип-клиента...

Карина сдвигает миски на столе в сторону, достает из портфеля ноутбук, бумаги, раскладывает на столе. Говорит строго, не глядя ни на кого.

Карина. Кто здесь главный?

Игорь прячется за Машу.

Игорь. Она.

Карина недовольно осматривает Машу с ног до головы.

Карина (Маше). Я бы на вашем месте оделась попримечнее. И обеспечьте мне экран для проведения презентации, затемнение, магнитную доску, цветные маркеры и три бутылки минералки не холоднее 20 градусов.

Игорь хихикает.

Маша. Вы кто? Тоже девушка по вызову?

Карина. Что-о-о?! Я бы на вашем месте...

Маша. Я поняла! Это опять розыгрыш от Валеры!

Карина. Да, я от Валерия Александровича. Но никакого

розыгрыша. Все серьезно.

Маша. Ах, от Александровича! Ах, у вас всё серьезно!

Маша угрожающе наступает на Карину. Та откидывается на стуле, защищает себя руками.

Карина. Э, женщина! Как вас там?

Маша. Маша я. Жена его.

Карина менчается в лице.

Карина. Как жена?

Маша. Вот так. Жена.

Игорь. Бывшая.

Раздается звонок мобильного телефона, Карина отвечает.

Карина. Да, да, поняла. Я на месте. Клиент будет через 23 минуты. Все почти готово.

Карина отключает телефон, делает глубокий вдох-выдох.

Карина. Так! Быстро! Маша, организуйте мне все для презентации. (*Игорю.*) Вы, как вас? А, неважно... Вы же программист? Быстро подключайтесь и выводите экран.

Игорь подходит к стоящему на полу телевизору, приседает перед ним, смотрит на темный экран.

Карина. Клиент приедет ровно на 30 минут, и моя задача провести презентацию продукта так, чтобы он сегодня же заключил контракт.

Карина смотрит на Алису недовольно.

Карина (Алисе). Как у вас секретарша одета, я не понимаю! Это что, карнавал?

Алиса. Я вам не карнавал!

Карина (Алисе). Я бы на вашем месте рот вообще не открывала. Быстро минералку на стол!

Карина. Могу только воду из-под крана, у хозяйки другой нет.

Алиса вразвалочку выходит из комнаты в дверь кухни.

Маша садится на стул около стола, смотрит на Карину, не отрываясь.

Карина стучит пальцами по клавиатуре.

Маша. Так значит, ты от Валеры?

Карина. Я бы на вашем месте не тыкала!

Маша (угрожающе). Это он тебя прислал, значит? Ко мне, значит? Совесть совсем потеряли, значит!

Карина продолжает стучать пальцами по клавиатуре.

Карина. Мы делаем одно дело. Клиент здесь будет с минуты на минуту, поэтому будьте добры, Мария, раз уж вы тут главная, организуйте всё для презентации. Наше дело её провести, отправить клиента в аэропорт и разъехаться по домам, праздновать Новый год в семьях.

Маша (в ярости). Ах, в семьях!

Маша вскакивает со стула и вцепляется в волосы Карины. Игорь прячется за дверь и наблюдает оттуда за происходящим.

Карина визжит, вырывается из рук Маши. Маша выкрикивает ругательства и угрозы.

Маша. Значит, это ты, шалава! Это ты значит, с Валеркой моим!

Карина. Что? Что вы делаете?! Ненормальная!

Маша. Я сейчас тебе покажу, как с чужими мужиками! С семьей она новый год встретит! А я вот из-за таких как ты без семьи осталась!

Карина вырывается из рук Маши, обе женщины растрепанные, одежда сбилась. Карина уворачивается от Маши, Маша хватается со стола миску с творогом и замахивается на Карину миской.

Карина вскакивает, бежит от Маши, та – за ней.

Карина. Что вы делаете? Отстаньте от меня!

Маша. Я сейчас тебе покажу Валерия Александровича! Покажу, как в чужую семью лезть!

Карина. А-а-а-а! Помогите!

Игорь выхватывает у Маши миску.

Игорь. Нечего диетпродукт переводить!

Маша бросается на Карину.

Карина. Ненормальная! Чокнутая! Спасите!

Маша вцепляется в Карину.

Игорь бежит то с одной, то с другой стороны, подсказывает обеим, с какой стороны лучше сделать захват, как лучше вцепиться в волосы.

Из кухни выходит Алиса с кувшином, наполненным водой. Алиса видит сцепившихся Машу и Карину, подходит к ним и выливает на них воду из кувшина. Карина и Маша отцепляются друг от друга, садятся на пол, переводят дыхание, вытираются рукавами.

Карина (Маше). Я так понимаю, вы меня приняли за любовницу мужа?

Игорь. Бывшего.

Карина (Маше). Я бы на вашем месте...

Маша делает попытку снова бросится на Карину, но ей мешает Игорь.

Маша. Ты мне еще советы давать будешь?!

Карина. Так вот, Мария. Я бы на вашем месте вспомнила, что Валер на свете много.

Маша. Ты ж сама сказала – Александрович.

Карина. Валериев Александровичей тоже много. Мой начальник Валерий Александрович, он же мой... жених. Ваш муж, судя по реакции, тоже Валерий Александрович. Еще певец, например, такой есть, рокер. Кипелов Валерий Александрович, слышали? *(Поёт.)* Я сво-о-бо-о-де-ен!

Маша бросается к Карине, Игорь ее перехватывает. Алиса встает рядом с Кариной, чтобы удержать её.

Маша. Он не свободен! Он женат был, когда ты его...

Карина. Это Кипелов поёт! А мой Валерий Александрович действительно был свободен!

Маша. А мой - нет!

Карина. Да не нужен мне ни твой, ни чей! У меня свой есть!

Алиса (Маше). Компрендидо?

Игорь (Алисе). А это на каком?

Алиса. На испанском.

Игорь. Понял.

Карина с уважением смотрит на Алису.

Карина (Маше). Тебе понятно?

Маша. Не понятно. Ты вообще кто?

Карина. Я Абдулова Карина Филимоновна - пиар-директор фирмы «Альт». Мы производим высокопрофильное оборудование

для низкочастотных мини-коррозивных ультразвуковых плит.

Маша. Я не заказывала никакие частоты и коррозии. Ко мне - то ты зачем приехала, Филимоновна?

Карина. Я же говорю. Клиент из Тюмени прилетел на три часа в Москву. Меня Валера... Александрович... шеф мой попросил провести презентацию для него.

Маша. У меня дома?

Карина. Ну да. У него где-то здесь родственники или друзья, не знаю. Кого –то он тут навещает, в этой вашей Ёжкиной заставе. К нам в офис он уже не успевал, договорились провести презентацию здесь.

Маша (с иронией). У меня дома?

Карина. Я бы на вашем месте не иронизировала. В бизнесе всякое бывает. Мне сказали, что это новый офис. Клиент заедет на полчаса, и я все ему покажу. А вы должны были подготовить техническую сторону.

Игорь. Филимоновна, тебя обманули.

Карина. Этого не может быть! У нас не бывает сбоев!

Игорь. А тут сбили! Нам не нужны плиты с коррозией!

Карина поправляет одежду, подходит к столу, смотрит в ноутбук.

Карина. Да нет! Вот же адрес. Ёжкина застава, сорок пять. Он?

Алиса. Он! Он!

Карина. Я ничего не понимаю. А вы все вообще кто? Мне сказали, будет секретарша, программист, руководитель офиса.

Игорь. Я секретарша.

Алиса смеется. Карина разглядывает ее откровенный наряд.

Алиса. Я руководитель офиса.

Маша (вытирает руки о фартук). А я - программист.

Карина. Я ничего не понимаю. Что здесь происходит?

Маша. Я тоже хотела бы знать. Что происходит в моем доме и кто вы, люди добрые?

Раздается звонок в дверь. Маша, Игорь и Карина одновременно выкрикивают.

Маша. Валера!

Игорь. Еда!

Карина. Клиент!

Маша идет к двери.

Карина суетится у ноутбука.

Игорь включает музыку на магнитофоне, звучит песня «Секс бомб».

Игорь (Алисе). Чего расселась? Рабочий день не закончился! Сейчас хавчик закинем, накатим по маленькой и эге-гей!

Игорь тянет руки к Алисе, она стучает его по рукам.

Маша открывает дверь.

Под песню «Секс Бомб» в дверь «въезжает» двухметровый рекламный плакат. На плакате крупным планом лицо Павла и надпись: «Наш кандидат Павел Обещайло.

Обещать - значит сделать!»!

Плакат вкатывает молодой человек, он ставит плакат сбоку. Следом за плакатом входит Павел (37), полный, высокий, лысеющий мужчина в светлом костюме, галстуке и начищенных до блеска ботинках. Он жмёт руку молодому человеку, тот уходит.

Маша, Игорь, Алиса и Карина удивленно смотрят на Павла.

Павел встает рядом с плакатом, чтобы было видно его лицо и его фото на плакате. Павел ждет бурной реакции от присутствующих, но они беззвучны и неподвижны.

Игорь (тихо Маше). Валера?

Маша отрицательно мотает головой.

Игорь. И не еда!

Алиса выключает магнитофон.

Павел. Я слушаю вас!

Карина подходит к Павлу, жмёт ему руку.

Карина. Здравствуйте, Иннокентий Васильевич!

Павел. Я не Иннокентий Васильевич.

Карина. Вы вместо него?

Павел. Я вместо себя!

Павел выразительным жестом показывает на плакат, потом на свое лицо. Карина смотрит на плакат и смеётся.

Карина. Павел Обещайло! Кандидат в депутаты! Ха-ха-ха! Вы что, всерьез?

Павел. Я не понимаю вас, девушка. Что смешного в моем предвыборном плакате?

Карина. Я бы на вашем месте не соглашалась на такую фамилию.

Карина хохочет, придерживая низ живота. Павел недоуменно смотрит на неё.

Павел. По-моему, очень даже в тему. Выборы! Кандидаты! Обещания! Мой пиарщик настаивал на том, что это свежо, заметно, оригинально.

Карина. У вас отличный пиарщик!

Павел обращается к Алисе, Игорю и Маше.

Павел. Слушаю вас!

Маша. Это я вас слушаю.

Павел. Говорите, что вам нужно. Что вы хотите?

Маша. Вы же сюда пришли, значит, вам что-то нужно. А нам от вас ничего не нужно.

Игорь (Маше). Не отказывайся, мать. Ни еды, ни воды в доме, а говоришь ничего не нужно!

Павел (Игорю). Ни еды, ни воды? Значит, жалуетесь на маленькие зарплаты?

Маша. Нет. Доставка просто еще не приехала.

Павел. Не приехала? Жалуетесь на плохие дороги?

Маша пожимает плечами.

Маша. Да вроде только этим летом укатали, нормальные дороги.

Павел. Нет! Так не пойдет! Сейчас сюда приедет телевидение, а вам жаловаться не на что!

Маша. Телевидение? Зачем?

Карина. Какое еще телевидение? У меня здесь встреча с клиентом! Я работаю!

Игорь включает магнитофон, звучит музыка, Игорь дает знак Алисе, чтобы танцевала, та танцует.

Игорь. И мы работаем!

Маша выключает магнитофон. Негодует.

Маша (Павлу). Вы кто?

Павел показывает на плакат.

Маша. А! Точно! А от меня вам чего надо?

Павел. Вы - жалующийся электорат, я кандидат в депутаты, который, не жалея себя в новогоднюю ночь, приехал в глушь на

Ёжкину заставу, чтобы решать ваши неотложные проблемы.

Маша. Я вас не звала.

Павел. Мой пиар-штаб пригласил телевидение, чтобы показать всем, что я круглые сутки помогаю населению. *(Павел декламирует предвыборную речь.)* Я оторвался от новогоднего стола, чтобы мои избиратели вместе с женами, мужьями и детьми смело и уверенно шагнули в новый год. Чтобы каждая семья знала, что за их спиной, не жалея себя, всегда стоит надежный депутат...

Маша. А причем тут я? У меня и семьи-то нет!

Павел *(показывает на Игоря, Алису, Карину).* А это?

Маша. Это? Да я и сама не знаю.

Павел. Вы можете сделать вид для телевидения, что вы нуждающаяся семья?

Игорь. Можем! Я вот, например, сильно нуждаюсь.

Павел. Слушаю вас!

Игорь *(загибает пальцы).* Следки бы под шубой, салатика мясного, можно картошки или пельменей, водочки холодной.

Павел. Да вы что? Нуждайтесь масштабнее! Я же почти депутат. Вас по телевизору покажут.

Игорь. Правда? Тогда колбасы копченой, икры красной и черной, брют, горький шоколад, клубнику дамам.

Маша. Дурдом какой-то! Телевидение, зэки, танцы, пиар, клубника. Что вообще происходит? Кто – нибудь может мне сказать?

Карина подходит к плакату, поворачивает его к выходу, катит. Павел мешает ей.

Павел. Куда? Сейчас телевидение приедет репортаж снимать!

Карина. Ничего не знаю! Сейчас мой клиент приедет, презентацию слушать! Ваш плакат тут неуместен!

Маша. Сейчас Валера приедет! А в доме черт знает что творится!

Игорь. Сейчас доставка еды приедет! Не загораживайте проход!

Игорь тоже толкает плакат в сторону, чтобы освободить проход к двери.

Игорь *(Алисе).* А ты никого не ждешь?

Алиса. Деда Мороза! Капито?

Игорь. Это на каком?

Алиса. На итальянском.

Игорь. Понял!

Карина и Павел толкаются около плаката, пытаются отобрать его друг у друга, они суетятся, переругиваются.

Игорь ходит взад-вперед, подходит к столу, нюхает творог, морщится.

Алиса танцует без музыки сама с собой в стороне.

Маша качает головой, глядя на суету, подходит к двери, открывает ее, громко кричит всем присутствующим и показывает пальцем за дверь.

Маша. Вон!

Наступает тишина.

Маша. Все! Вон! Из моего дома!

Игорь. Ты чего, мать?!

Маша утыкается в руки и плачет. Игорь неуклюже похлопывает ее по плечу.

Маша. Я же хотела Новый год... Чтобы Валера вернулся... Семья чтоб... А тут...

Маша всхлипывает, плачет еще горше. Игорь растерянно смотрит на неё.

Карина подходит к Маше, дает знак Игорю, чтобы тот отошел, обнимает Машу за плечи, усаживает на край сцены. Сама берёт со стола две миски, садится рядом с Машей, даёт ей одну миску.

Павел садится на стул, достает телефон, нажимает кнопки.

Игорь подходит к танцующей Алисе. Негромко звучит легкая музыка, Алиса красиво двигается. Игорь движется в такт Алисиным движениям.

Игорь. Слушай, я спросить хотел, можно?

Алиса. Давай!

Игорь. Вот ты такая красивая, умная. А чего в эти ... как их там.. пошла?

Алиса. В танцовщицы? Деньги нужны.

Игорь. И много платят?

Алиса. На учебу хватает.

Игорь. А где ты учишься? На ин.язе?

Алиса. Не, на ин. яз. мне не заработать. Я в педучу. Просто, чтоб корочка была о высшем.

Игорь. Училкой будешь?

Алиса. Не-а, турменеджером. Потом фирму свою открою.

Игорь. А в пед тогда зачем? Надо было на международный туризм.

Алиса. Вот умный! В пед меньше всех семестр стоит.

Игорь. А что, родители не помогают?

Алиса. Да откуда? Мать у меня только, она в деревне осталась. Ей самой помогать надо. А отца я в жизнь не видела.

Игорь. Ты это... потом бросишь свое гоу-гоу?

Алиса. А что? Не нравится?

Игорь. Да нет, нравится, конечно. Просто ... Ты умная. Языки знаешь. А ездить в таком виде по клиентам небезопасно.

Алиса. А чего это ты за меня переживаешь?

Игорь. Да я вот из-за такой девчонки и сел.

Алиса перестает танцевать, внимательно смотрит на Игоря.

Игорь. Да нечего рассказывать.

Алиса вопросительно и требовательно смотрит на Игоря.

Игорь. Ладно, ладно. Приставали к ней. Одета была слишком... голо. Я заступился. Ну, в общем, нож у меня был, а их трое, голыми руками не справиться. Избили меня, а я одного ножом полоснул. Потом его в больнице еле откачали. А мне за тяжкие телесные дали пять лет. Но я досрочно вышел. За примерное поведение. Я же не зэк. Я честный. На работу вот сейчас устраюсь. Может, семью заведу.

Алиса. А с девкой той что стало?

Игорь. Да она сразу убежала, как заваруха началась. Я её больше не видел. Даже на суд не пришла. Мне бы ее показания помогли.

Алиса с сочувствием смотрит на Игоря.

Алиса. А Маша тебе кто?

Игорь. Никто. Первый раз вижу.

Алиса. Тебе что же, пойти совсем некуда, раз ты к чужой тётке подался?

Игорь. Некуда. Один я. Отца не знал. Мать умерла, когда в школе учился.

Игорь грустнеет.

Алиса. Я тоже в городе одна.

Игорь. Что, и подруг нет?

Алиса. Да какие сейчас подруги! Днём учусь, ночью работаю.

Игорь. Танцуешь ты классно! Но всё-таки завязывай с такими заказами. Лучше детишек языкам учи. У тебя хорошо получится.

Алиса. Ты думаешь?

Игорь. Я уверен. Анлау?

Алиса. Что это было?

Игорь. Татарский. Поняла?

Алиса. Поняла!

Алиса смеется.

Внимание на Машу и Карину. Они сидят на краю сцены, у обеих в руках по миске с творогом, обе едят творог из мискок.

Маша. Покажи-ка мне твоего ещё раз!

Карина показывает Маше экран телефона.

Маша. Точно, это не мой ВалерьСаныч. Слава богу! А то я б тебе волосы выдрала. А тебе нельзя, в твоём-то положении.

Карина гладит животик, улыбается.

Маша. Бросил меня Валерка, ушёл к молодой. Со мной все понятно. А у тебя что не так?

Карина. Всё так.

Маша. Ой, я же вижу, Филимоновна! Стала бы ты в новогоднюю ночь да беременная по Ёжкиным заставам скакать, если бы всё так.

Карина. Он не знает про ребенка.

Маша. Почему?

Карина. Боюсь сказать. Вдруг бросит. Он не хотел ребенка.

Маша. Ничего себе! Как это бросит?

Карина. Понимаешь, он за свободные отношения. Подумает, что я связать его хочу ребенком. Поэтому не говорю. И работать буду до последнего, и как рожу, сразу на работу выйду. Пусть он не думает, что я его охмутать хочу. Я независимая.

Маша. Зачем тебе такой мужик?

Карина. Я люблю его. Ребенка вот жду.

Маша. Он все равно тебя бросит.

Карина. Много ты знаешь!

Маша. Побольше твоего! Ребенка ты рожать собралась, чтобы привязать его. Надеешься, что он на тебе женится. Так ведь, Филимоновна?

Карина пожимает плечами.

Маша. Сама знаешь, что так. Только счастья не будет, понимаешь? Промучаешься сама, его промучаешь, ребенка промучаешь. А всё равно вместе не будете. Даже, если женится. Дело ведь не штампе, и не в том, чтоб как у людей.

Карина. А как у людей?

Маша. Да по-разному у людей. Многие тонут всю жизнь каждый в своем болотце, семью за собой тащат, а понять не могут, почему счастья нет. А потому что голову из болота высунуть боятся. Ведь счастливый - это значит что? Значит - смелый. А смелым быть страшно. Страшно работу поменять; страшно квартиру новую купить; страшно мужу сказать, что ему пора усы сбрить, страшно жене намекнуть, что борщ этот её вот уже где (*Маша проводит рукой по горлу.*) Сварила бы лучше уху на молоке. Нет же, лучше все пусть скучно и уныло, зато привычно. И тиной затягивается вот тут! (*Маша стучит себя по сердцу.*) И не вспоминаешь уже, что хотел счастливым быть. Только мы, бабы, в этом не признаемся. Нам ведь как? Был бы милый рядом. А больше ничего не надо. И счастья, выходит, не надо.

Карина. А сама –то что? Сбежал от тебя твой Валера, а ты цепляешься всё ещё за него, ждешь, дверь нараспашку.

Маша. Цепляюсь, да, Карина. Потому что тоже страшно. Одной страшно. Что люди скажут страшно. Что дальше будет - страшно. А вот думаю, ну вернется он, и что? Счастье разве будет? Ведь нет. После предательства, какое уж счастье? Так, доживать просто вместе. А это ведь еще страшнее.

Карина. А зачем ждешь его тогда?

Маша. Да по инерции, наверно, Филимоновна, по инерции.

Карина. Слушай, почему ты меня все время по отчеству

называешь? Раздражает!

Маша. А мне нравится! Знаешь, я ведь тоже от рождения Филимоновна. Только поменяла в 18 лет на Федоровну, чтобы отца не вспоминать.

Карина. Что так?

Маша. Да тоже бросил. Меня и маму мою. Я еще в школу тогда не пошла. Решила, совершеннолетняя стану, отчество поменяю, чтобы навсегда его из жизни вычеркнуть. Мама сильно на него обижена была, не разрешала даже его имя называть. И я вот мамину судьбу повторила. Спасибо папочке, запрограммировал!

Карина. И что же? Не видела его ни разу с тех пор?

Маша. Нет. И не хочу.

Карина. А у меня отец - геолог. Я его почти не помню.

Маша. Что, погиб?

Карина. Нет. Мама говорит, у него большая любовь случилась. Он маму не предавал. Сразу честно сказал, и из дома ушел, ни рубашки не взял. Мама его уважала за честность.

Маша. Ничего себе, мама даёт!

Карина. Правда трудно нам жилось, но она не разрешала про отца плохо думать. А я сердилась. Денег нет, хочется одеваться-краситься. У всех девчонок папы-мамы зарабатывают, а мы вдвоем на мамину зарплату. Не до нарядов. Полы ходила мыть с 14 лет, чтобы маме помочь. Но все равно мама не разрешала на отца сердиться. Говорила, он ни в чем не виноват, раз любовь. А будешь на отца сердиться, замуж не выйдешь. А я все равно сержусь. Любовь любовью, но как вот можно ребенка своего забыть? Дочь единственную!

Маша. Ладно, Филимоновна, что-то мы все о грустном да о грустном! Новый год все-таки! Клиент твой, надеюсь, уже не приедет, телевидение тоже, Валера, судя по всему ни твой, ни мой ни ногой. Еду бы вот только доставили, да и хорошо!

Карина. Да. Это точно!

Маша и Карина едят творог из мисок.

Карина. Слушай, а зачем ты это ешь?

Маша. Худею.

Карина. На этом?

Маша. Да. А что?

Карина. И много сбросила?

Маша. Нет, наоборот, добавила три килограмма.

Карина смеется.

Маша. Ты чего?

Карина. Я бы на твоём месте худела на магазинном твороге, он обезжиренный, почти прозрачный! А этот деревенский, процентов двадцать жирности у него! На рынке брала?

Маша кивает, ковыряется в миске и тоже хохочет.

Внимание на Павла. Он сидит на стуле около стола, нажимает кнопки на телефоне.

Павел. Черт! Не дозвониться никому! *(В трубку.)* Миша! Алло, Миша! Забери меня! Как это не можешь? Да, я сказал, что после двенадцати, но телевидение не приехало, мне в чужом доме делать нечего. Ты жене обещал дома новый год встретить? Ну, ладно, ладно, хорошо. Я попробую такси вызвать. Отдыхай! Нет, приезжать не надо, будь с семьей.

Павел нажимает отбой на телефоне.

Павел *(в сторону)*. Новый год, семья. У всех как у людей. Только у меня наперекосяк!

Павел смотрит на Карину и Машу, на Игоря и Алису.

Павел. Хотя... *(Громко всем.)* Товарищи! Граждане! Раз уж мы все тут собрались, предлагаю встретить Новый год вместе.

Игорь. На сухую?

Павел. А что, даже шампанского нет?

Маша. Ничего нет.

Павел. Что ты, хозяйюшка, гостей позвала, а стол не накрыла?

Маша. А я никого и не звала. Все сами пришли.

Игорь. А ведь правда. Маша никого не звала. Все пришли сами. Мне на КПП адрес дали, сказали, тут приютят на время. Госпожа пи... *(Кивает на Карину.)*

Карина. Пиарщица!

Игорь. ... клиента встречать приехала.

Карина. Да. Мне сообщение пришло на рабочий телефон.

Игорь. Алиска - пи....

Алиса. Я не пилонщица! Я - танцовщица! Меня администратор клуба на заказ отправила. Энтенди?

Игорь вопросительно вскидывает брови.

Алиса. Португальский!

Игорь. Понял! *(Кивает на Павла.)* Товарищ пи... *(Игорь пытается подобрать правильное цензурное слово.)*

Павел. Кандидат! Кандидат в депутаты!

Игорь. Я и говорю! Вам секретарь адрес дал?

Павел. Да.

Игорь. Вы чуете?! Нас всех заманили по одному адресу! Значит что?

Карина, Маша и Алиса *(одновременно)*. Что?

Игорь. Значит, нас всех что-то объединяет!

Маша. Я даже знаю что! Мой адрес! Ёжкина застава, сорок пять.

Павел. Что меня может объединять с простым электоратом?

Карина. Я бы на вашем месте не начинала тут митинговать. Дело серьезное. На самом деле, что нас может объединять?

Маша. А что всех людей объединяет в новый год?

Алиса. Куранты.

Игорь. Селедочка под шубой.

Карина. Шампанское.

Павел. Салют.

Алиса. Ёлка.

Маша. Подарки.

Игорь. Оливье, соленый огурчик.

Павел. Дед Мороз.

Игорь. И пельмешки! Пельмешки с бульоном!

Карина. Стойте! Я точно знаю, что объединяет меня с Машей. У нас отчество одинаковое – Филимоновна!

Игорь. Так и я Филимонович.

Алиса. Я тоже Филимоновна.

Павел. И я. Павел Филимонович.

Игорь. Это что ж значит? Собрали всех Филимоновичей под одной крышей?

Маша. Может, редкое отчество, поэтому?

Алиса. Может, перепись населения?

Павел. Может, телевидение хочет снять программу про Филимоновичей?

Игорь. А, может, хотят всех Филимоновичей накрыть и отправить по этапу? Или сразу того...

Игорь проводит пальцем по горлу, откидывает голову вбок, закатывает глаза и высовывает язык.

Раздается звонок в дверь. Все вздрагивают.

Игорь (Маше). Валера?

Маша (неуверенно). Может, доставка еды?

Павел. Или телевизионщики.

Карина. Или мой клиент!

Все смотрят на дверь.

ВТОРОЙ АКТ

В дверь входят четверо рослых парней и вносят трёх-ярусный декоративный торт выше человеческого роста.

Парень. Доставка. Для Макаровой Марии Филимоновны, Абдуловой Карины Филимоновны, Петровой Алисы Филимоновны, Кривоногова Игоря Филимоновича, Кривоногова Павла Филимоновича. Распишитесь.

Маша, Карина, Алиса, Игорь, Павел по очереди расписываются в квитанции.

Парни-доставщики уходят.

Все обходят торт с разных сторон, осматривают его.

Игорь (Маше). Вроде ты, мать, говорила про шампанское и салаты.

Маша. Торт я точно не заказывала.

Алиса. Теперь у нас еще и торт филимонович.

Павел. Чёрт бы побрал эту Ёжкину заставу.

Карина. Чумовое место!

Вдруг верхушка торта открывается, оттуда показывается плешивая голова Филимона.

Голова то высовывается, то исчезает. И вот она появляется в эффектной красной шляпе. Потом наполовину вылезает из торта и сам Филимон. Он приподнимет шляпу.

Филимон. Разрешите представиться. Кривоногов Филимон Андреевич. Встречайте папку!

Филимон под энергичную музыку вылезает через верхний ярус торта. Он оказывается худым, маленького роста, щуплым мужичком. На Филимоне красные шорты, черный пиджак и красная шляпа.

Он по очереди подходит к каждому из присутствующих, рассматривает их в фас и в профиль. Каждый раз остается доволен и горд.

Закончив осмотр, Филимон садится на стул в вальяжной позе.

Маша. Я не поняла, кто вы, простите?

Филимон. Кривоногов Филимон Андреевич, доченька!

Карина (Маше). Это твой отец?

Маша пожимает плечами.

Маша. Первый раз его вижу.

Филимон (Карине). Это и твой отец, доченька.

Карина фыркает, но смотрит на Филимона заинтересовано.

Филимон (Алисе). Тебе так не холодно, доченька? Зима все же на дворе.

Алиса (изумлённо). Доченька?

Филимон. Да, иди, обними папочку!

Филимон тянет руки к Алисе, та прячется за Игоря.

Игорь. Ну-ну-ну, дед! Ты полегче! Девчонка малАя еще! Напугаешь!

Филимон. Игорёк! Сыночек!

Игорь. Чего? Какой я тебе сыночек? Ты кто вообще?

Филимон. Папка твой, брошенный!

Игорь. Нет у меня отца. Я сам брошенный.

Филимон. Это тебе Лидуся так сказала? Ах, проказница!

Алиса. Лидуся это кто?

Игорь. Мама моя. (Филимону.) Эй, ты! Не смей мою мать оскорблять!

Филимон. Что ты! Что ты, сынок! Я не оскорбляю! Лидуся сама меня выгнала, а тебе, сыну моему, кровиночке, сказала, что я вас

бросил!

Игорь угрожающе наступает на Филимона, тот примирительно кивает.

Филимон. Хорошо, хорошо!

Маша. Подождите! (Филимону.) То есть вы хотите сказать, что вы мой отец?

Филимон кивает.

Карина. И мой?

Филимон кивает.

Алиса. И мой?

Филимон кивает.

Филимон. И Игоряшин. И Павлушин! (Павлу.) Паша, ну, что ты молчишь, сынок? Иди же сюда! Обними папу!

Павел. У меня нет отца. И никогда не было.

Филимон. А теперь будет!

Маша. Это что, опять розыгрыш? Может быть, хватит для одной новогодней ночи?

Карина (всем, кроме Филимона). По-моему это какой-то мошенник! Вам не кажется?

Игорь. Кажется! Еще как кажется! Сейчас мы его!

Игорь рывком поднимает Филимона со стула и подталкивает к двери. Филимон сопротивляется. Игорь тащит его к двери. Филимон спотыкается о вёдра от краски, хватается за торчащие провода.

Филимон. Игорь, не смей так с отцом!

Игорь. Какой ты мне отец?! Жулик ты!

Филимон. Игорь, тебе нельзя расслабляться, ты по УДО вышел! Держи себя в руках!

Игорь. И всё-то он знает! И что я вчера вышел! Может, ещё знаешь, что у Карины тут клиент? А у Паши телевидение?

Филимон хватается за палкат Павла, волочет его за собой. Павел бросается спасать плакат, выдергивает его у Филимона.

Филимон. Да! Да! И что Алиске деньги нужны. И что Маша осталась одна в новый год.

Маша. Это откуда у вас такие личные сведения?

Игорь. Всё разнюхал, мошенник! Даже про маму выяснил!

Филимон. Я не разнюхал! Я про вас специально узнавал! Я же отец!

Игорь. Ишь ты, отец! Нашёл дураков! Иди отсюда, пока мы полицию не вызвали! Тут тебе не проходной двор.

Алиса. (Филимону с угрозой). Андестенд?

Игорь (Алисе). Вроде было уже на английском?

Алиса. По кругу.

Игорь. Понял!

Филимон. Да я же, как лучше хотел! Чтоб новый год! Все вместе! Семьёй!

Игорь уже дотащил сопротивляющегося Филимона до двери.

Карина. Может ещё ты нас всех сюда и заманил?

Филимон. Конечно!

Игорь от удивления ослабляет хватку.

Филимон выворачивается из рук Игоря. Все удивленно смотрят на Филимона. Он ловко залезает через верхушку торта обратно в торт, опасливо озираясь на Игоря.

Филимон. Я тут лучше посижу, спокойнее.

Карина (Игорю). Я бы на твоём месте не отпускала его.

Игорь предпринимает попытку залезть на торт за Филимоном, чтобы вытащить его оттуда.

Филимон отталкивает руки Игоря, чтобы тот не мог вцепиться в торт и залезть.

Алиса помогает Игорю. Игорь карабкается к верхушке торта, но безуспешно.

Павел. Зачем заманил? Попрошу объясниться.

Филимон. Не заманил!

Павел. А что сделал?

Филимон. Собрал! Позвал! Пригласил!

Маша. Ко мне домой?

Филимон. К тебе, Машенька! Ведь это ты страдала больше всех, что новый год без семьи.

Маша. Хорошенькое дело! То есть лучше с чужими людьми, раз у меня нет семьи?

Филимон. Да не с чужими! Не с чужими же! Как вам еще объяснить? Вы - братья и сестры. Я ваш отец!

Павел. Чем докажешь?

Филимон. Уберите от меня Игорька, я докажу.

Маша (Игорю). Игорь, правда. Отстань от него. Если не докажет, мы его...

Игорь. Сожрём!

Алиса. Выгоним!

Карина. Заставим слушать агитацию Паши!

Игорь. Или есть Машин творог.

Павел. Или подадим на него в суд!

Алиса. Или пусть танцует до шести утра!

Карина. Я бы на нашем месте все-таки повременила с казнью. Дадим ему последнее слово. Пусть оправдывается!

Игорь все-таки залезает на верхушку торта, но Филимон уже выходит через нижний ярус торта через импровизированную, замаскированную под украшение торта «дверцу».

Игорь остается сидеть на верхушке торта. Через время слезает с неё.

Филимон (Карине). Да, Кариша, ты права. Я должен объясниться. С каждым из вас. *(Маше.)* Я ушёл от твоей мамы, Маша, когда ты была еще маленькая. Тогда я был молодой, глупый, непостоянный. Твоя мама очень любила меня, и я её тоже. Это видно по тебе.

Маша. Как это видно по мне?

Филимон. Ты – красавица. А красивые дети рождаются только от большой любви.

Карина хочет что-то возразить, но не успевает.

Филимон (Карине). И ты, Карина, красавица. *(Алисе.)* И ты, Алиса. *(Игорю и Павлу.)* И вы, мальчики! Я любил ваших мам. Каждый из вас - это дитя любви.

Маша. Так что про мою маму?

Филимон. Понимаешь, Машенька, твоя мама была очень строгой девушкой. Она любила порядок, хотела, чтобы всё было правильно. Она все контролировала. Куда пошел, что кушал, надень чистые носки, не смотри телевизор, лучше почитай... Она задавила меня дисциплиной и порядком! И я не выдержал, просто сбежал. Я же говорю, молод был, хотелось лёгче дышать. А твоя мама хотела, чтобы я дышал, как она скажет. Она из моей жены

стала превращаться в мою маму.

Маша. Да, мама любила порядок и контроль. Что в этом плохого? И это не доказывает, что ты мой отец.

Филимон. Помнишь, как-то летом мы с тобой ходили в парк?

Маша. Конечно, помню. Это был единственный раз, когда мы с тобой вместе ходили гулять.

Филимон. Хочешь, я скажу, почему ты тогда плакала?

Маша (смущенно). Только не вслух.

Филимон подходит к Маше, шепчет ей на ухо. Маша утвердительно кивает.

Филимон. А это помнишь? Краше солнца наша Маша. Не сравнится с ней никто.

Маша. Мама очень любит Машу. И подарит кукол сто!

Филимон. Папа очень любит Машу! Папа!

Маша. Нет! Это наше с мамой стихотворение! Мама очень любит Машу. И подарит кукол сто!

Филимон. Это я сочинил для тебя.

Маша. Не знаю, не знаю! Мама всегда мне его читала, когда я грустила.

Филимон. Да, мама твоя очень добрая. Ты – в неё.

Маша. Хорошо, предположим ты мой отец. И что теперь? Я должна забыть своё тяжелое детство и юность, свой несчастливый брак?

Филимон. Ты прости меня, Маша. Я дурак был, что с тобой не общался. Но за брак твой я не отвечаю!

Маша. Как это не отвечаешь? Ты в меня программу заложил, что можно меня бросить, я жила с этим комплексом. Вот муж меня и бросил.

Филимон. Только поэтому?

Маша задумывается.

Маша (грустно). Нет, наверное. Вот ты про вас с мамой рассказывал, а я как будто свой брак со стороны увидела. Ведь я тоже всегда всё контролировала, мне казалось, что лучше меня никто не знает и не сделает.

Карина. Маш, ну ты даёшь! Все же взрослые, зачем кого-то

контролировать?

Маша. Я думала, что я забочусь так. Хотела как лучше. А кому лучше? Получилось, что задавила своей опекой. И если бы Валерка меня не бросил, я бы так и не поняла этого.

Филимон. То есть - слава богу он ушёл?

Маша. Получается, что так. Только вот семьи у меня нет теперь. Сын в другом городе, муж – с новой женой.

Филимон. Как же нет? Я уже полчаса тебе говорю. (*Филимон показывает на присутствующих.*) Вот твоя семья! Братья, сёстры! (*Филимон ударяет себя кулаком в грудь.*) Папка!

Павел. Пойдите! Надо ещё разобраться, кто тут братья. Вот как ты мне докажешь, что я твой сын?

Филимон. А проще простого, Павлуша!

Филимон достаёт из кармана пиджака фотографии, показывает их Павлу.

Павел. У мамы тоже такие есть. В моем детском альбоме. И что с того? Это не доказывает, что ты мой отец!

Филимон. Я знал, что ты так скажешь. Поэтому могу тебе рассказать, например, как ты окно разбил в четвёртом классе, когда в вышибалы играл. Было?

Павел. Было.

Филимон. И как тебя летом в деревне у тёти Зины к Председателю колхоза водили за то, что ты горох с поля воровал. Было?

Павел. Было.

Филимон. А что ты тогда Председателю сказал, помнишь?

Павел. Не очень.

Филимон. Что колхоз общий, значит, и поле общее. Общее – значит, ничьё. А ничьё брать можно. Оно ж ничьё.

Игорь. Уже тогда надежды подавал! Валамон!

Игорь кивает на плакат Павла. Алиса вопросительно смотрит на Игоря. Тот картинно кланяется Алисе.

Игорь (Алисе). Удмуртский!

Алиса хихикает.

Карина (Павлу). Я бы на вашем месте обиделась!

Павел (Филимону). А ты откуда всё это знаешь?

Филимон. Мама твоя рассказала. Вернее в письмах мне писала. Вот они!

Филимон достаёт из пиджака тонкую стопочку писем. Павел протягивает руку к письмам, Филимон не отдаёт.

Филимон. Как думаешь, стала бы она постороннему мужику писать про сыночка своего Павлушу?

Павел. Отдай!

Филимон (отдает письма Павлу). Только почитать! Они мне дороги как память.

Павел забирает письма, отходит в сторону, читает.

Филимон подходит к Алисе.

Филимон (Алисе). Тебе мне сложнее всего доказать. Ты самая младшая. Мама увезла тебя, и я потерял ваш след. Нашёл, когда ты уже в институт поступила.

Алиса. А мне и не надо доказывать.

Филимон. Не надо? Ты мне веришь?

Алиса. Сейчас нет.

Филимон. А когда согласишься?

Алиса. Поедешь со мной к маме, она тебя опознает, тогда я подумаю.

Филимон. О чём?

Алиса. А о том! Зачем ты мне?

Филимон. Как зачем? Родной отец же.

Алиса. Я жила без тебя спокойно и дальше проживу.

Филимон. Со мной лучше будет, я тебе помогу. (*Филимон кивает на наряд Алисы.*) Одежду тёплую тебе куплю, а то вон как ты зимой плохо одета.

Алиса. Вот ещё! Поможет он! Может, еще и воспитывать начнешь?

Филимон. Может быть.

Алиса. Поздно воспитывать! Да если хочешь, я рада, что без тебя выросла.

Филимон. Да? Как же так?

Алиса. А мне мамка говорила, что ты военный был. И если бы

с тобой осталась, пришлось бы по всей стране мотаться, школы менять, друзей.

Филимон. Алиса, я не был военным.

Алиса. И если бы ты был с нами, мама не оставляла бы меня с тётей Катей, пока работала.

Филимон. Кто такая тётя Катя?

Алиса. Соседка пожилая, через стенку. Тётя Катя меня и воспитывала, маме некогда было, она с работы на работу моталась. А тётя Катя мне книги читала. А ещё у нее атлас мира был, она мне про разные страны рассказывала. И всё время твердила, что я должна учиться, чтобы получить хорошую работу и мир посмотреть. Она мне это каждый день это говорила. Тихонько так, как будто просит. Вздохнёт, обнимет меня и скажет: «Алисонька, деточка, учись, чтобы в люди выбиться. Ты умненькая, у тебя получится. Андестенд?». И мне стыдно было её подводить, я старалась.

Филимон. Алисонька, ты умница, в институт сама поступила.

Алиса. А ещё тётя Катя говорила, что не желает мне такой судьбы, как у мамы. А если бы ты остался, не было бы тёти Кати. Так что, папик, слава богу, ты ушёл! Ферштейн?

Филимон. Алиса! Ты серьёзно?

Алиса. Уж куда серьезнее!

Игорь (Филимону). Ферштейн тебя спрашивают? Понятно тебе? Анлаган?

Алиса вопросительно смотрит на Игоря.

Игорь (Алисе). По-башкирски.

Алиса протягивает Игорю ладонь «дай пять», Игорь хлопает по её ладони своей пятерней.

Филимон (Алисе). Ты отказываешься от меня?

Карина. Ты же от неё отказался!

Алиса. Да нет! Чего отказываться? Будь.

Филимон. Спасибо, дочка!

Алиса. Только папой я тебя называть не буду. А то еще воспитывать меня начнешь, учить, что одеть, куда ходить.

Филимон. Хорошо, можешь называть меня, как хочешь. Только

тоже будь!

Филимон тянется к Алисе, чтобы её обнять, но она отходит в сторону.

Подходит грустный Павел с письмами в руке, отдаёт их Филимону.

Филимон. Что скажешь, Паша?

Павел (упавшим голосом). Да. Если это не подделка, а это не подделка, я мамин почерк знаю, то ты и есть мой отец.

Филимон. Ты чем-то огорчён?

Павел. Не то чтобы огорчён. Скорее разочарован.

Филимон. Почему, сын?

Павел. Я всю жизнь думал, что мой папа - разведчик.

Филимон приподнимает шляпу, потом берется двумя руками за шорты, оттягивает их в сторону, смотрит на шорты, паясничает.

Карина. А мой – геолог.

Филимон закатывает глаза.

Алиса. А мой – военный.

Филимон разводит руками.

Маша. Тогда мой – космонавт.

Филимон изображает самолетик руками.

Игорь. Романтичные барышни – ваши мамы!

Павел. Дело не в этом. Мама всю жизнь говорила: «Ты должен поступать так, чтобы папа тобой гордился». Без конца звучали слова: «Папа одобрил бы это?», «Паша, ты должен соответствовать своему папе». Я вырос на идеале. Мой отец – разведчик! Я представлял себе настоящего героя, сильного, могучего, смелого! Настоящего мужчину. Когда стал старше, мама сказала, что отец остался засекреченным в какой-то стране, и она сама не знает, жив ли папа. Всё, что я делал в своей жизни, было с мыслью «Папа гордился бы мной?». А тут...

Павел критично осматривает с ног до головы низкорослого Филимона в красных шортах.

Павел (брезгливо). Вот это мой отец?

Филимон. Паша, родственников не выбирают!

Павел. Выбирают, быть ли таким родственникам с тобой рядом!

Филимон. Мы все одной крови. Может тебе пора повзрослеть?

Карина. А я согласна с Павлом. С чего это вдруг я должна сейчас принимать посторонних людей? И какого-то нелепого мужика, который называет себя моим отцом?

Филимон. Кариша, я же хочу как лучше.

Карина. Кому лучше? Тебе? Или может быть мне? Скажи-ка, милый мужичок, а почему ты именно сейчас явился в нашу жизнь? Тебе что-то стало надо?

Игорь. Да! Где ты был все эти годы?

Филимон опускает плечи. Вид у него потерянный и виноватый. Он садится на стул, тербит край пиджака пальцами.

Филимон. Непутёвый я. Всю жизнь был как перекасти-поле, там пожил, здесь. Кем только ни работал, и трактористом, и маляром, и сантехником. Зато жил! Ух! На полную катушку! Одним днём жил, как будто завтра не настанет. Думал, жизнь длинная, всё успеется! А потом бац! Заболел в том году. Лежу в больнице и понимаю, что я один-одинёшенек. Вокруг мужиков в палате жёны хлопчут, бульончики там, подушку поправить, носки чистые принести. Детишки приходят с рисунками. А ко мне – никто нейдёт! Один я. Тут и вспомнил про вас. И как мне стыдно стало. Как стыдно! Самое главное в жизни упустил ведь. Дал слово себе тогда – выйду из больницы и найду вас. Прощения попрошу. И рядом потом буду. Хоть судите, хоть гоните! Долго вас искал. И вот собрал у Маши на новый год.

Алиса. Почему сейчас-то? Праздник – не лучшее время для таких поворотов.

Филимон. Я подумал, что сейчас каждый из вас особенно нуждается в поддержке.

Карина. В чьей?

Филимон. В поддержке друг друга. Маша после развода, ей одиноко, она хочет семью. У Паши сложный период, он подался в политику, а дома поддержать его некому. Алиска вон танцовщицей заделалась, того и гляди на неприятности нарвётся, а заступиться некому, мужчины рядом нет. А так - братья рядом. Ты, Карина, тоже всё одна. Уже так отчаялась, даже на ребёнка

решилась, чтобы самой растить и чтоб не одиноко. А как одной – то с маленьким справляться? А тут Маша есть, Алиса, я. Вы все сейчас друг другу нужны. И мне вы нужны.

Карина. А я не прошу помощи! Не хочу ни от кого зависеть! Я всё сама могу!

Филимон. Иногда всё самой невозможно! Иногда надо кому –то доверять.

Карина. Уж лучше самой, чем просить, а потом должной быть. Не привыкла я так! Я никому ничего не должна! И мне ничего ни от кого не надо! Я не-за-ви-си-ма-я!

Маша. Карин, а он прав. Это не зависимость, это забота. Простая человеческая забота. Мне будет приятно о тебе позаботиться. И знать, что ты ждешь меня, ждешь, что я принесу пирожное или погуляю с малышом. Мне приятно позаботиться, тебе приятно, что мне не всё равно. И ничего ты не должна.

Карина. Я всегда рассчитываю только на себя.

Маша. Но ведь если всю жизнь так жить, только на себя рассчитывать, станешь, как струна натянутая. А она в один момент вдруг раз и лопнет! А рядом никого, пустота.

Карина. Не знаю, я не думала об этом.

Маша. А ты подумай. Теперь тебе надо не только за себя думать, но и за ребёночка. Ты же хочешь, чтобы он был счастлив?!

Карина отходит в сторону.

Филимон (Игорю). А ты? Тоже меня не примешь? Тоже доказывать заставишь?

Игорь. Нет. Мне не надо ничего доказывать. Мне всё равно, кто вы все. Ты, Филимон! Маша, Алиса, Паша, Карина! У меня никогда не было родных людей. Мама умерла, когда я подростком был, рос в интернате. Потом техникум, армия, работа, жениться так и не решился. А потом вот... Свернула моя дорога. А знаете, какой главный шок взрослой жизни? Тот самый, который парализует и грудь сдавливает? Вот ты выходишь из ворот интерната, и понимаешь: всё, ты теперь один! Никому не нужен, никто не ждет, никто не спросит, а что дальше, Игорёк, куда ты?!

Всем всё равно! Что ты будешь жрать, где ты будешь спать, не порваны ли твои ботинки?! Карина вот говорит - независимость, ничего ни от кого не надо. А мне надо! Мне надо любовь свою отдать. И чтобы взяли. И заботу свою отдать. И чтобы нужна она была. И чтобы чай с малиной и шарф колючий, когда болею. И с работы, чтобы светлое окно с занавесками кружевными меня ждало! И если теперь у меня есть хоть маленький шанс обрести семью, я его не потеряю. Я- добрый, правда. И не убивал никого. Только ранил, и то случайно. Поверьте мне! И если вы назовете меня своим сыном и братом, то преданнее человека у вас не будет!

Игорь замирает в ожидании.

Первой к нему подходит Алиса, встаёт рядом.

За ней - Филимон, он обнимает Игоря.

Следом не очень уверенно подходит Павел, хлопает Игоря по плечу. Маша подходит к Карине, обнимает её и ведет ко всем остальным.

За сценой слышится бой курантов. Они отсчитывают по одному удару.

Карина. Что это? Двенадцать?

Маша. А мы без фужеров! Алиса, быстро на кухню, неси воды! Карина, за мной!

Начинается суэта, Маша и Карина роются в коробке, Алиса бежит на кухню.

Алиса (выкрикивает). Водой из-под крана чокаться будем?

Маша. А хоть водой! Неси быстрее! (Карине) Быстрее! Держи фужеры!

Карина принимает фужеры у Маши.

В это время Филимон зовёт к тарту Игоря и Павла.

Все подходят к «дверце» в торт, Филимон ее открывает, все входят в торт. И выкатывают оттуда столики с закусками, едой, мандаринами, шампанским.

Маша и Карина удивляются, Игорь руками берет еду со столиков и быстро ест, Филимон хлопает его по рукам.

Павел открывает шампанское.

Из кухни прибегают Алиса с кувшином воды, удивляется изобилию еды.

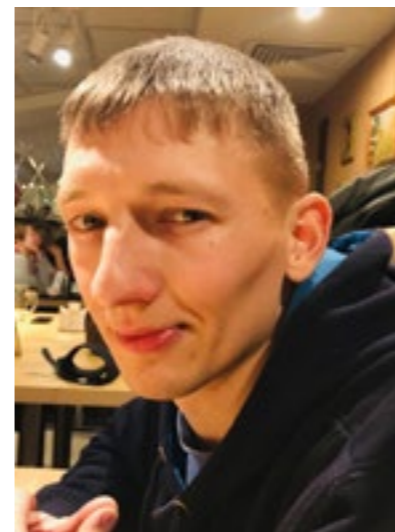
Карина раздает всем фужеры. Павел разливает шампанское.

Маша кричит, чтобы все загадывали желание.

Слышен последний удар курантов. Все затихают. И через мгновение кричат «Ура!»

«С Новым годом!» «С новым счастьем!»

КОНЕЦ

Николай ЛАКУТИН

*драматург, поэт, писатель, блогер,
г. Новосибирск*

МУЖИК ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ
комедия в двух действиях

Действующие лица

Вовчик, муж.

Галя, жена.

Арина.

Люба.

Эмилия.

Ирма.

Тая (Тальмира).

Последние пять персонажей может сыграть одна актриса.

Действие первое

Сцена 1. Дом, милый дом

Вовчик в майке – алкашке сидит за столом, ковыряет вилкой скатерть, чешет затылок, без особой радости обводит взглядом квартиру.

Вовчик. Да-а-а! За что боролись, на то и напоролись. (Кричит жене на кухню). Так и будем молчать? Галь? Неделю уже не разговариваем. Может, поговорим, а?

Галя (кричит из кухни). О чём нам с тобой говорить? Говорено-переговорено уже всё десять тысяч раз!

Вовчик. Да нет, ну просто...

Галя (кричит из кухни). Вов, лучше молчи! Вот я тебе как заботливая жена ущербному мужу говорю – лучше молчи! Целее будешь.

Вовчик продолжает ковырять вилкой скатерть.

Вовчик. Галь?

Молчание в ответ.

Галь?

Галя (*кричит из кухни*). Да иди ты!

Пауза.

Вовчик. Галь?

Галя (*кричит из кухни*). Чего надо?

Вовчик. Дай пожрать что-нибудь? У меня уже от этих Дошираков всё везде во всём...

Галя нехотя входит в комнату, брезгливо бросает пластмассовую чашку с салатом на стол перед мужем.

Галя. Пожрать! Только ему пожрать и надо. То пожрать, то постирать, то погладить, то прибрать. Больше тебе ничего не надо?

Вовчик. Не ну... Как бы это... Так-то оно, конечно, можно...

Вовчик тянет руки к Гале, заигрывает, но Галя бьёт его по рукам.

Галя. Ещё чего захотел! Куда ручонки тянешь?

Вовчик. Так я это...

Галя. Что это?

Вовчик. Ну это... В смысле то... Ну Галь? Ну чего ты? Ну что, не понимаешь, что ли?

Галя. Понимаю!

Вовчик. Вот!

Галя. Что вот?

Вовчик. Вот!

Галя. Вот. А ты заслужил вот?

Молчание в ответ.

Галя. Во-о-о-т!

Галя разводит руками.

Вовчик. Галчонок, я, вообще-то, твой муж! Мне положено!

Галя показывает мужу кукиш.

Галя. Вот тебе! Вот это тебе положено, вот это ты заслужил, а больше ни на что не рассчитывай, даже не надейся!

Вовчик. Не, ну стой, погоди. Ты уж тоже... Не так же всём, прям, плохо? Что ты начинаешь-то.

Галя. Я начинаю? Да тут уже нечего начинать, тут всё давно заканчивать пора!

Вовчик отмахивается от жены, пододвигает чашку с салатом к себе, собирается есть, но быстро разочаровывается, в блюде. Откладывает в сторонку вилку, старается не подавать виду, что не хочет есть этот «кулинарный шедевр».

Галя. Ты помаши мне, ещё помаши! Господи, какая я была дура, и как меня угораздило выйти замуж за этого осла. Ведь были же мужики, были варианты. А Степан? Вовка? Ты помнишь Степана?

Вовчик. Да-а-а! Степан был вот такой (*показывает большой палец вверх*) мужик!

Галя. Он был просто великолепен! Ко мне как относился, скажи, а?

Вовчик. Да-а-а! С уважением относился. Я помню. Очень осторожно, так как-то деликатно... Ты ему, по-моему, очень нравилась.

Галя. Нравилась? Да он был в меня влюблён!

Пауза.

А он мне нравился. Хороший такой...

Вовчик. Хороший, это верно.

Галя. И я его... Такого его... Променяла вот на это! (*Показывает на мужа.*)

Вовчик технично сплёвывает в сторону кусочек помидорки от попробованного салата. Смотрит виновато на жену.

Вовчик (*оправдываясь*). Помидорка долгожительница попалась.

Галя. Вот я дура... Ой, дура-а-а-а!

Вовчик. Вот тут, знаешь, вынужден с тобой согласиться. Степан был реально классный мужик. Провафлить такой экземпляр – это надо быть полной дурой. И как я с такой дурой только живу?

Галя хватает Вовчика за волосы и окунает его прямым мордой в салат.

Вовчик выныривает, сплёвывает остатки салата.

Вовчик. Недосолила, Галь?

Галя достаёт из кармана солонку. Щедро посыпает салат и ещё прямо на голову мужу, снова тычет его мордой в салат.

Вовчик выныривает из тарелки.

Вовчик. Теперь пересолила!

Снова Галя тычет мужа мордой в чашку с салатом. Вовчик выныривает.

Вовчик. Да перестань, етить твою в колошу! Нашла, понимаешь, дегустатора!

Галя. А я тебе говорила! Я тебя предупреждала – лучше молчи!

Вовчик. А я тебе тогда знаешь, что?

Галя. Что?

Вовчик. Знаешь, что сделаю?

Галя. Ну и что ты сделаешь?

Вовчик. Я тебе...

Галя. Что ты мне?

Короткая пауза.

Вовчик. Я тебе водички принесу.

Галя. Водички? Было бы очень кстати. Замоталась вся, забегалась. Фуф, духота какая. Ну чего встал? Неси, раз вызвался. Ухаживай за женой!

Вовчик убегает.

Галя. Обалдуй... Хоть стакан воды будет кому в старости принести, всё не зря замуж выходила. Хоть на что-то сгодился. *(Кричит)*. И долго ждать? К соседям за водой, что ль побежал?

Вовчик. Да несу, несу.

Вбегает Вовчик, несёт большой фужер с водой, пока бежит – разливает частично.

Торопится.

Галя. Что так долго? Тебя только за смертью посылать. Да ёлки-палки, Вовчик!

Вовчик. Да, родная?

Галя. Руки у тебя из какого места растут? Поналил на пол. Аккуратней нельзя было нести?

Вовчик. Так спешил же ж.

Галя. Да давай уже!

Галя тянется к фужеру, но Вовчик выхлёстывает остатки воды Гале в лицо. Неожиданный момент, Галя обтекает, пытается собраться с мыслями.

Галя. Тяп... Яп... Тып... Эт... Ну всё...

Вовчик. Галя, я...

Галя. Всё, Вольдемар криворукий. Сейчас я тебя убивать буду!

Вовчик пятится назад.

Вовчик. Я ж освежиться, Галя! Водички...

Галя. Иди сюда, заботливый мой.

Вовчик пятится назад.

Вовчик. Галь? Что ты с полуоборота-то опять?

Галя. А вот такая. Заводная! Как в детской песенке:

В целом мире лишь одна я.

Вот такая заводная,

И кому-то прям сейчас я

Дам фужером по башке!

Галя бросается на Вовчика, тот удирает. По квартире носятся разъярённые супруги. В ярости они крушат и ломают всё вокруг. Стараются бросить друг в друга тем, что попадает под руку. Вовчику попадает что-то в голову. Их буквально трясёт друг от друга. Они покрикивают, рычат, всячески проявляют взаимную «любовь».

Разносят всё, что только можно разнести в квартире и, не утолив в полной мере свои попытки прибить друг дружку подручными средствами, падают без сил в разных концах комнаты. Кто на диван, кто на кресло. Пытаются отдышаться.

Галя. Фуф...

Вовчик. Галь? Может, водички?

Галя. Да иди ты.

Пауза.

Вовчик. Часто ты меня посылаешь, Галюня.

Галя. И что тут удивительного? Ты в зеркало-то себя видел, Вов? Ты погляди – погляди. Тебя же невозможно не послать!

Вовчик. Вот так, значит.

Галя. А как? Что посеешь, то и пожнёшь, слышал поговорку? Я сколько с тобой мучилась? Ну как не послать, Вов? Ну ты сам подумай.

Вовчик. Угу.

Галя. Вот тебе и угу.

Пауза.

Вовчик. А что, если я возьму, да и реализую твой посыл?

Галя. В смысле?

Вовчик. Ты меня посылаешь, а не думаешь о последствиях. Что будет, если я возьму, да и уйду?

Галя. Куда?

Вовчик. Куда-куда? Не знаю. Просто уйду.

Галя. Да иди ты, болтун.

Вовчик. А я вот и пойду!

Галя. Ой, напугал! Да кому ты нужен? Пойдёт он.

Вовчик. Я кому нужен?

Галя. Да-да! Ты! Кому ты нужен?

Вовчик. Да я вообще ещё огурцом!

Галя. Вовчик, ты своим огурцом народ-то не смести.

Вовчик. Да я вообще не об этом! Я же не старый ещё! А душа – она вообще не стареет. И тело у меня ещё вполне себе-себе.

Галя. Себе-себе. Тут ты прав. Больше оно никому не интересно. Давно уже.

Вовчик. Это тебе оно не интересно. А на меня, между прочим, женщины ещё нет-нет да поглядывают.

Галя. Да кто на тебя поглядывает? На что тут поглядывать?

Вовчик. На что поглядывать?

Вовчик вскакивает с места. Выпячивает грудь, начинает дефилировать, откляничив зад.

Вовчик. А-ну, глянь!

Галя. Видела уже. Сядь, не позорься.

Вовчик заходит на второй круг. Дефилирует. Старается показать свои мышцы, целует себя в бицепс. Поправляет волосы, строит из себя красавчика, знающего

себе цену.

Галя. Ой-ой... Прямо Рембо. Не, не Рембо. Ален Делон в молодые годы. Или не, погоди! Брэд Питт! Ага! Не меньше!

Вовчик ходит, красуется.

Вовчик. Смеёшься надо мной. Сарказм, поддёвки. Ну-ну. А что ты скажешь, если я и правда кому-то понравлюсь? Ты же даже мысль себе такую в голову не допускаешь. А что, если меня у тебя уведут?

Галя. Да я сама тебя с радостью кому-нибудь бы сбагрила, ещё бы и приплатила! Нет, лучше бы - продала. По сходной цене. Не важно, только заберите!

Вовчик. Как интересно.

Галя. Возомнил из себя... Огрызок.

Вовчик останавливается, перестаёт красоваться

Пауза.

Вовчик. Галь?

Галя. Чего надо?

Вовчик. А я ведь не шучу.

Пауза.

Галя смотрит на Вовчика со злобой и опасением.

Галя. Серьёзно думаешь, что ты кому-то кроме меня сдался?

Пауза.

Обмениваются воинственными взглядами.

Вовчик. Я тебе докажу.

Галя. Мне ты можешь ничего не доказывать, мне до фонаря. Себе ты там что-то хочешь доказать, вот себе и доказывай.

Вовчик. Галь?

Галя. Да что опять?

Вовчик. Ты на сайте знакомств зарегистрировалась. Помнишь? Несколько лет назад? Было дело. А я никогда.

Галя. Хочешь зарегаться? Да пожалуйста, ради Бога!

Вовчик. Не боишься?

Галя. Пш-ш-ш-ш...

Вовчик. А что, если я кому-то понравлюсь и меня у тебя на самом деле уведут?

Галя. Тебя ещё раз послать, или что? Что хочешь – то и делай! Заберут – скажу спасибо. Свечку поставлю этой героине. На ревность меня решил проверить? Да мне вообще плевать! Хочешь – помогу с размещением объявлений. Сайтов знакомств нынче полно, ты один замучаешься везде регистрироваться.

Вовчик. М-м-м... *(Думает.)*

Галя. Ну и? Ищем тебе даму сердца, или ты так это всё... Воздух зря сотрясаешь?

Вовчик. Ты уверена, что хочешь этого?

Галя. Так, знаешь, что? Ты сам, по-моему, не хочешь! Что-то всё мнёшься. Всё что-то к словам цепляешься. Ты мужик или кто? Решил – значит решил. А нет, так и нечего болтать.

Вовчик. Хорошо, решил. Идём регистрироваться и размещать объявления.

Уходят.

Сцена 2. Арина

Вовчик и Галя сидят на приличном расстоянии напротив друг друга, обмениваются редкими взглядами.

Звонок в дверь.

Галя. Кого это ещё нелёгкая принесла?

Вовчик довольно хлопает в ладоши.

Вовчик. Пришла! Ха-х! Пришла, моя хорошая!

Галя. Не поняла?

Вовчик. Сейчас поймёшь.

Вовчик радостно бежит открывать.

Галя настораживается.

Входит Вовчик, под ручку держит Арину, уже мило с ней беседует.

Арина. Ой, вы знаете, я так волновалась, так волновалась...

Вовчик. Да ну что там, взрослые все люди. Не волнуйтесь, Ариночка, проходите, почувствуйте себя как дома.

Галя *(злобно)*. Но не забывайте, что в гостях!

Арина *(стараясь не замечать недружественный настрой Гали)*. Здравствуйте.

Галя *(злобно)*. Здравствуйте.

Арина. Владимир, простите, а... *(Показывает на Галю.)* Сестра ваша?

Вовчик. Да. Сестра. Тройродная. Седьмая вода на киселе.

Галя *(злобно)*. Родная! И не сестра, между прочим. А жена!

Арина. Как?

Галя *(злобно)*. А вот так!

Вовчик. Галя, ну что ты в самом деле? Ну зачем?

Арина *(Вовчику)*. Владимир, простите, я совершенно не понимаю, что здесь происходит. Мы с вами так хорошо по телефону пообщались, я так поняла, что вы свободны. А вы женаты?

Вовчик. Я свободен!

Арина *(Вовчику)*. Но это, я так понимаю, ваша жена? *(Показывает на Галю)*. Судя по всему.

Вовчик. Да какая она жена? Ариночка, вы посмотрите на неё, разве это жена? *(Показывает на Галю.)* Разве это жена?

Галя *(злобно)*. Это очень хорошая жена!

Вовчик *(показывая на Галю)*. Вот это жена?

Галя *(злобно)*. Это просто прекрасная жена!

Арина. Так, я кажется, всё поняла. Поссорились, и вы, Владимир, таким образом хотели отомстить супруге. Как мило. Я по телефону сочла вас порядочным мужчиной. Как я в вас ошиблась.

Арина собирается уходить, но Вовчик ловит её за руку.

Вовчик. Арина, подождите! Всё не так. Всё совершенно не так. Галя! Ну объясни ты ей... Кем ты меня выставляешь?!

Галя немного успокаивается.

Галя. Ладно, я... Немного вспылила. Честно говоря, не ожидала, что кто-то... Да ещё и так быстро... Да. Я жена этого олуха, но... Можно сказать уже бывшая жена.

Арина. Можно сказать? Это как?

Галя. Ну мы с ним... С вот этим вот... Порядочным. Мы с ним уже давно не живём. То есть живём, куда деваться, но не живём. Понимаете?

Арина. Понимаю. Но... Но не совсем понимаю.

Вовчик. Ариночка, дело в том, что Галя меня отпустила на все четыре стороны. Я ей совершенно не нужен. Она меня и подбила на то, чтобы я искал себе новую пару.

Арина. А, то есть это она подбила, а вы сами не хотели?

Вовчик. Я... Понимаете, я семью рушить не хотел, я до последнего старался сохранить отношения, но когда уже стало очевидным, что сохранять нечего... Вот... Пошёл на поиски, в надежде встретить хорошую женщину. Хоть остаток дней провести по-человечески.

Галя. Нет, я с него не могу. Прямо слушаю и восхищаюсь, какой у меня благородный и порядочный муж и какая я на его фоне прожжённая стерва.

Арина. Откровенно говоря, со стороны это выглядит именно так.

Вовчик. Так потому что это так и есть!

Галя. Нет, милый мой, всё обстоит совсем иначе. Это ты прожжённая стерва в мужском обличье, а я, можно сказать, святая на фоне тебя!

Арина. Подождите-подождите. Всё это не важно, кто святой, а кто стервозный. Давайте к сути. *(Обращается к Гале).* Вам ваш муж нужен или нет?

Галя. Мне? Он? Да забирайте!

Арина. Поняла, тогда к вам, Владимир, вопрос. Вас с этой женщиной ещё что-то связывает?

Арина указывает на Галю.

Вовчик. Вообще ничего! Чужие люди! *(Обращается к Гале).* Женщина, кто вы? Вас кажется, Галей зовут?

Галя кидает что-то в Вовчика.

Арина. Хорошо, значит всё-таки...

Арине на телефон поступает звонок. Она извиняется перед Вовчиком и Галей, берёт трубку.

Арина *(в трубку).* Алло, да? Что за вопросы? Не знаешь где у нас подгузники? Да. Естественно. Конечно. Я же просила не звонить. Всё, пока.

Кладёт трубку.

Арина. Извините. Так о чём мы? Ах, да! Всё хорошо. Я поняла. Значит, Владимир свободен.

Пауза. Вовчик и Галя с подозрением и интересом смотрят на Арину.

Галя *(Арине).* Простите, а это, часом, не муж вам звонил?

Арина. Ой, нет, что вы. Я не замужем. Это сын.

Вовчик. Сын?

Арина. Ну да, сын. А что такого? Я бывала прежде в отношениях. От отношений иногда рождаются дети. Вы не знали?

Вовчик и Галя отрицательно машут головами.

Арина. У вас нет детей?

Вовчик и Галя отрицательно машут головами.

Арина. А-а-а... Бывает. А у меня есть.

Галя *(Арине).* А у вас, простите, сын сам себе подгузники меняет?

Арина. Почему себе? Это он за младшеньким присматривает. Мальчишки, господи, что с них взять.

Вовчик. За младшеньким?

Арина. Ага. Антошке полтора годика всего. Вот за ним Дима и присматривает.

Галя *(Арине).* А Дима – это старший?

Арина. Нет, Дима это средний. Старший уехал к отцу на неделю. Отец в другом городе живёт. Видятся иногда, общаются. Как не общаться? Отец ведь.

Вовчик. М-м-м..

Галя *(Арине).* Ну да... Ну да...

Арина. Владимир, а я как-то сразу и не спросила. Вы как к детям относитесь? Любите детей?

Вовчик. А... Я... Я не знаю, наверное...

Арина. Как не знаю?

Вовчик уже не хочет никаких отношений с этой дамой, думает,

как бы от неё отвертеться.

Вовчик. Понимаете, у нас с Галей детей нет, поэтому я затрудняюсь так сразу сказать... (*Придумал причину несовместимости.*) Но вообще, знаете, я всегда хотел дочку, а у вас три сына, так что, очевидно, что у нас с вами ничего не...

Арина (*радостно*). Ой, а у меня и дочка есть! Как знала!

У Вовчика и Гали отвисают челюсти.

Арина (*радостно*). Видит Бог – не хотела рожать, но как чувствовала, как знала, что есть на свете человек, который с нежностью и трепетом прижмёт её к груди и назовёт своей любимой дочуркой!

Вовчик. Нда... Мне вспомнился по этому поводу анекдот про Черчилля. Который очень любил курить, но всё же, время от времени, вынимал сигару изо рта.

Галя (*Арине*). Вот-вот! Вам бы у Черчилля поучиться!

Пауза.

Арина. Вы что... Вы намекаете на то, что я... Какая-то там... Нет. Я не прыгаю в койку с каждым. Исключительно по любви. Отцы, правда, все разные, но так получилось. Сами понимаете, жизнь прожить – не поле перейти.

Галя (*Арине*). Понимаем. Ещё как понимаем, но по нашему полю вам, Арина, ходить точно не стоит. (*Обращается к мужу.*) Да, Вова?

Вовчик кивает.

Вовчик. Соглашусь с предыдущим оратором.

Арина. А что не так со мной? Почему это мне на ваше поле дорога закрыта?

Галя (*Арине*). Понимаете, Арина, вы... Как бы это сказать... Несколько любвеобильны. Чрезмерно, я бы даже сказала.

Арина. Господи, десяток мужиков за всю жизнь, это что? Это чрезмерная любвеобильность? Да в наше время за неделю этот план делает любая среднестатистическая девушка. Поверьте, я в этом плане ещё очень скромна!

Галя (*Арине*). Я не знаю, что там на счёт среднестатистических современных, но у меня, к примеру, за всю жизнь был только один мужчина. Вот он, собственно (*показывает на Вовчика*), полюбуйте. Каков нахал. Вся нежность, вся любовь, вся страсть и самоотречение – все ему досталось! Вот такой должна быть женщина, я считаю.

Арина. Да ладно уж, святошу из себя строить. Во-первых – не верю, что никого другого не было ни до, ни во время. Во-вторых, даже если это и так... Чисто теоретически. Допустим! То в этом случае всё ещё хуже у вас обстоит. Я-то хоть с любимыми кровать делила, а вы вообще без любви. Была бы любовь, меня бы здесь сейчас не было. (*Галя что-то пытается сказать, но Арина ей не даёт.*) Даже не надо мне ничего говорить по этому поводу, всё и так очевидно. И третье – самое главное! Я пока ещё услышала весьма субъективное мнение о себе со стороны, причём с заинтересованной стороны, как я погляжу. А вот Владимир как-то всё отмалчивается. Как-то всё стороночкой, как-то всё не сам. (*Вовчику.*) Ну? Милый друг, что скажешь? Аль не нравлюсь я тебе?

Вовчик. Да как бы это... Не то, чтобы...

Галя (*Вовчику*). Что ты мнёшься? Сказал, как отрезал! Нет и всё. Без объяснений!

Арина (*Гале*). Молчать! (*Вовчику.*) Ну-ну? Так что решаем?

Арина нагло заигрывает с Вовчиком на глазах у Гали. Подходит к нему, приобнимает. Массируем ему шею, плечи. Улыбается ему, вся сама доброта, покорность и сексуальность. Вовчик «тает». Арина тем временем крадётся своими шаловливыми ручками к животу Вовчика, легонечко заигрывая царапает его.

Вовчик. Атя-тя. Щекотно. (*Отбегает в сторонку.*) Я знаете что предлагаю? Поступим так! Мы вот сейчас здесь встретились, да? Познакомились, пообщались, всё обсудили, да? Давайте теперь возьмём паузу, всё обдумаем неспеша. Мне, как минимум, нужно переспать с этой мыслью!

Арина (*Вовчику*). Уверен, что с мыслью хочешь спать, красавчик? Есть предложение поинтересней.

Галя (Арине). Он же сказал! Что непонятного? Будет думать! Всё, аудиенция окончена, многодетных матерей прошу на выход!

Арина нехотя уходит, отправив на прощание Владимиру воздушный поцелуй.

Владимир в смятении. Галина выпроваживает гостью. Возвращается, смотрит на довольного мужа.

Галя. Ух, как мне хочется сейчас по твоей довольнучей роже чем-нибудь заехать. Что? Навешали лапши на уши, а? Красавчик? Улыбнулись ему, по шёрстке погладили, он и поплыл. Как ещё вы всем этим прямо тут при мне не стали заниматься. Тьфу! Срамота!

Вовчик улыбается, ждёт, когда жена выговорится, пожимает плечами, не перечит.

Галя. Я не поняла, ты что? Ты это серьёзно? Вот на неё прицелился? На эту вычурную особу?

Вовчик. Как тебе сказать... И хочется, и колется, и Галька не велит.

Галя. Да Гальке-то вообще плевать с высокой колокольни! Хочешь – пожалуйста!

Арина на мгновение возвращается.

Арина. Простите, что вы решили? Моя кандидатура одобрена?

Галя (Арине, злобно во всё горло). Пошла вон!

Арина. А... Мне просто показалось, что... Ну хорошо. Владимир? На связи!

Вовчик кивает. Арина машет ему на прощание ручкой. Уходит.

Вовчик тоже машет ручкой Арине, но глядя на злобный взгляд жены опускает руку, начинает оттряхивать штаны, будто бы только этим и занимался.

Галя. Ты понимаешь, что у неё фигалион детей уже сейчас, Вова! А что будет потом? Такими темпами ещё лет через пять у неё уже будет всяких разных девочек и мальчиков штук пятнадцать!

Вовчик. Во-первых, за пять лет с девяток детей родить невозможно физически!

Галя. О-о-о-о! Нет! Только не для неё. Глянь, какая настырная. Двойнями начнёт рожать. Тройнями! В крайнем случае разом

родит штук десять-одиннадцать, с неё не убудет. Да и потом, не факт ещё, что она нам про всех имеющихся на данный момент ребятишек рассказала.

Вовчик. Тоже верно. Но почему ты решила, что я непременно побегу с ней в ЗАГС и усажу себе на плечи всю её ораву? Так... Повстречаюсь, развеюсь... Получу женскую заботу и ласку, она в свою очередь получит приходящего-уходящего шикарного мужчину. Всё не одна. Всем хорошо. Всем выгодно. Ну а дети — это её дети. Я к этому вопросу касательства иметь не буду. Простые понятные взрослые отношения без обязательств.

Галя. Ха-ха! Ишь, чего захотел! Так она и будет держать тебя возле себя ради пары-тройки двухминутных эпизодов в месяц.

Вовчик. Что это двухминутных?

Галя. Вовчик, у нас часы с проекцией на потолок, забыл? Я засекала! Так что ты мне уж не рассказывай. А на счёт своей лёгкой жизни с этой дамочкой забудь. Окрутит тебя, охомукает, затащит в свою игру, а когда опомнишься – уже поздно будет. Я эти ходы знаю, вижу, чем дело пахнет. Не ты ей нужен, а сиделка и кошелёк.

Вовчик. А как же любовь?

Галя. Поверь, с этим у неё проблем нет. Так что не строй иллюзий, дорогой. И телефончик её удали.

Вовчик. Хорошо, убедила.

Вовчик достаёт свой мобильник, удаляет номер телефона Арины.

Галя. Созвониться ещё когда-то успели. Когда это ты только всё успеваешь?

Вовчик. Долго ли умеючи.

Галя. Ой, не надо. Много ты чего умеешь. Телефон удалил?

Вовчик. Удалил.

Галя. И историю звонков почисти!

Вовчик. Галя! Давай, это... Не это. А то это...

Галя. Ладно.

Вовчик. И давай как-то посдержанней себя веди. Такими темпами всех невест мне распугаешь! Или ты это специально

делаешь? А? Небось, не хочешь мужика-то такого от себя отпускать, а? Ревнуешь, ага?

Галя. Я? Тебя? Тю-ю-ю-ю. Не смейся. Давай-ка лучше посмотрим, кто там ещё на объявления откликнулся, да ещё кого-нибудь пригласим, если, конечно, этот кто-то есть.

Вовчик открывает в мобильном приложении чаты. Смотрит.

Вовчик. Есть. Есть, Галюня! Вот, например, смотри какая. Роза. Красивое имя. Глянь?

Показывает Гале. Галя смотрит.

Галя. Ага... Роза. Это не Роза, это уже Роза Львовна или Петровна – не важно. Тебе к ней только по отчеству. Постарше ничего найти не мог?

Вовчик. Давай поищем что-нибудь помоложе. Вот тут... Ну-ка глянь? Алёна какая-то. Вроде ничего, а?

Галя. Алёна? *(Смотрит профиль в телефоне Вовчика).* О, так это же моя однокурсница. Ничего себе, мир тесен.

Вовчик. Знаешь её? Ничего себе. Так это же здорово, давай её позовём.

Галя. Давай, Вовчик. Давай. Она, правда, за убийство в своё время чуть не села. Оправдали. Девушка она с характером, тебе такая как раз и нужна. Давай телефон, я сама с ней созвонюсь. Приглашу и стол накрою, представлю тебя в лучшем виде, даже не сомневайся.

Вовчик забирает телефон.

Вовчик. Не-не. Не надо ей звонить. Что-то она какая-то... Не очень. Не мой типаж. Лучше поищем что-нибудь другое.

Слышен звук уведомления.

Вовчик. О! Вот только сейчас написала. Люба какая-то. Любовь, значит. А ну-ка глянь, Галь? Не твоя знакомая, нет?

Галя смотрит.

Галя. Не знаю её.

Вовчик. Отлично. Тогда мы сразу ее и наберём.

Галя. А что сразу-то, Вов? Может не сразу?

Вовчик. А что тянуть, Галь? Жизнь очень скоротечна. Тут ведь чуть промедлишь и всё, время ушло. Звоню. *(В трубку.)* Алло? Здравствуйте, девушка. Да, Владимир. Он самый. Самый он. Ага. *(Смеётся.)* А я подумал, что лучше сразу позвонить, да и пообщаться, а то знаете, эти сообщения. В них ведь ни голос не услышишь, ни представления никакого полного о человеке...

Вовчик уходит в другую комнату продолжая разговор. Галя крадётся за ним, подслушивает. Тоже убегает вслед за мужем.

Сцена 3. Люба

Вовчик и Галя возвращаются в комнату.

Вовчик. Что ты распсиховалась-то опять? Нормально же всё решили?

Галя. Да? Решили? Жить ты где будешь, в случае чего? Квартиру мне оставишь?

Вовчик показывает фигу жене.

Вовчик. Квартирка моя. На меня дарственная. Так что даже не прицеливайся.

Галя. Вот то-то и оно! И что ты предлагаешь? На улицу жену гонишь? На вокзал?

Вовчик. А у тебя же родственники в этой... В Пензе, вроде. Ну сестра твоя сколько-то-юродная. Сама же говорила, дом у них большой, две комнаты пустуют.

Галя. Вспомнил про сестру. Да на кой я им там сдалась? Я с ней и не общалась уж сколько лет.

Вовчик. Хорошо, живи здесь.

Галя. А ты где будешь?

Вовчик. И я здесь.

Галя. В смысле? Это как это? А, я поняла. Собрался по девкам, значит, бегать, и здесь отсиживаться в свободное от походов время. Вроде как чужой, но вроде как и свой. Как сосед или родственник, да? Будешь мне как будто братом названным.

Соседом по комнате. По квартире.

Вовчик. Галь? Так мы с тобой и сейчас так живём.

Галя. Нет. Не так!

Вовчик. Да так! Так! С той лишь разницей, что я никуда на сторону не бегаю. А в остальном всё ровно так же. А хотя, даже нет. Даже хуже! Родственники или приятели квартиростьёмщики, они общаются между собой. Новостями делятся. Фильмы иногда вместе смотрят, готовят, угощают друг друга, как-то элементарно друг о друге заботятся. У нас совсем другая история. Мы даже не каждый сам по себе, а скорее каждый против друг друга.

Галя. Вот сейчас придёт твоя ненаглядная и начнётся у тебя жизнь. Будут для тебя и готовить, и обстирывать, и общаться-миловаться... Прямо счастливо заживёшь, Вов! Прямо задышишь полной грудью!

Раздаётся звонок в дверь.

Вовчик. Так, пришла. Давай в этот раз без глупостей, поняла? Невест мне не распугивай!

Галя. Да я вообще молчу.

Вовчик. Вот и молодец. Молчи. *(Вовчик кричит гостье.)*
Входите!

Входит Люба. Вся очень sereneкая. Очень неуверенная в себе. Набожная. На голове «дореволюционный» беретик, очки держатся как-то кривовато. Вся сутулится, ступать боится.

Люба. Зд-д-равству-ву-вуйте.

Вовчик. Привет. Люба, заходи, чего там стоять? Проходи. Мы же уже по телефону пообщались, считай, что свои. Не стесняйся.

Люба. Я... М... Можно, да?

Вовчик. Давай-давай-давай!

Люба входит. Неловко улыбается. Стоит, не знает, что делать, как себя вести.

Галя. Да дай ты ей хоть стул, что ли!

Вовчик отмахивается от Гали. Показывает ей, чтобы та вела себя тихо, поворачивается к Любе.

Вовчик. Люба, может, чайку?

Люба. Можно чайку.

Вовчик. Или кофейку?

Люба. Или кофейку.

Вовчик. А может по маленькой? А? За знакомство?

Люба. По маленькой? А, поняла. Нет, что вы, я ни-ни.

Вовчик. Ну что ты мне выкаешь-то? Мы же по телефону на ты сразу начали общаться.

Люба. Вы сразу, а я вот до сих пор...

Вовчик. Да брось. Оставим эти высокоблагородные штучки. На ты. Договорились?

Люба. Попробую.

Вовчик. Ну так что? По пятьдесят?

Люба. Нет-нет, что вы... Кхм... Что ты... Я не употребляю.

Вовчик. Так это же разве употребление? Это так, горлышко промочить. Чисто символически!

Люба. Нет-нет, я никогда не пробовала ничего такого и не собираюсь.

Вовчик. О как!

Люба. Ну да... Простит... те. А можно мне стульчик?

Вовчик переглядывается с Галей.

Люба. Если можно. Если нельзя, то ничего страшного. Просто голова что-то закружилась.

Вовчик. Сейчас-сейчас.

Вовчик тащит стул. Берёт под руку Любу, помогает ей сесть.

Вовчик. А ты чего это, подруга? Голова кружится, ноги не держат. Не поела, что ль?

Люба. Почему же. Я кушала. Буквально перед выходом салатик из овощей.

Вовчик. Салатик... Это что же? Еда, что ли? Не горюй, сейчас покормлю. У меня там беляш припасён на чёрный день. Сейчас я его в микроволновочку на две минуты – и готово.

Люба. Нет-нет! Спасибо.

Вовчик. Да ты что, Люба? Ему от силы недели три. Да что ему в морозилке сделается? погоди, через пару минут будет как

новенький, пальчики оближешь.

Вовчик бежит на кухню.

Люба. Нет-нет, не стоит. Дело не в этом. Я просто не ем мясо.

Вовчик останавливается. Переглядывается с Галей.

Вовчик. Болеешь?

Люба. Нет, просто не ем.

Галя. Вегетарианка?

Люба. Вроде того.

Вовчик. Вроде кого? Нет, я знаю, кто такие вегетарианцы, но я не понимаю, скажем так, природы такого подхода. Что это такое, в самом деле, не есть мясо? Как же его можно не есть, когда оно есть? *(Поворачивается к Гале.)* А, Галь?

Галя пожимает плечами.

Вовчик. Как так, Люба? Почему?

Люба. Я... Уже давно, много лет всё в этом смысле для себя решила, и... Откровенно говоря, устала отвечать на эти вопросы.

Галя. Вовчик, что пристал к человеку? Ну не ест – и не ест, её дело!

Вовчик. Ну как же? А мантики? А шашлычок, а? А пельмешки домашние? Плов с бараниной в казане, это же м-м... Пальчики оближешь. Я летом на даче каждый год делаю, все соседи сбегаются. *(Поворачивается к Гале.)* Скажи, Галь?

Галя ностальгирует, вздыхает, глотает слюну.

Люба тоже глотает слюну, но держится.

Люба. Нет, извините. Не могу поддержать таких предпочтений.

Вовчик. Люба?

Люба отводит взгляд в сторону.

Вовчик. Галя?

Галя молчит.

Вовчик (Гале). Чего она? А? *(Обращается к Любе.)* Люба? А?

Галя. Отстань от человека. Ты пригласил её сюда, чтобы про мясо говорить, или что?

Вовчик. Да, прошу прощения, отвлекся. А скажи, Люба. Ты в плане детей как?

Люба. В плане детей? В смысле... В каком смысле?

Вовчик. Как бы это спросить поделикатнее...

Вовчик поворачивается к жене, но та машет ему рукой, дескать - давай сам.

Вовчик. Хорошо, спрошу прямо. Люба, а у тебя, случаем, нет десяти ребятишек?

Люба. Десяти?

Вовчик. Ну или пяти... Или... Сколько-нибудь. Дети есть?

Люба. Нет.

Вовчик. Нет? Ни одного?

Люба. Ни одного.

Вовчик. Да моя ты золотая! Люба! Любонька! Да ты же просто прелесть! А то ходят тут всякие... Я не про нас, у нас тоже нет. А есть некоторые, которые... У которых...

Люба. Да нет, какие дети до замужества? Ни в коем случае. Я в этом плане очень строгих нравов. Ни-ни.

Вовчик. Погоди-ка... *(Задумывается. Смотрит подозрительно на Любу.)* В смысле ни-ни... В смысле совсем ни-ни?

Люба. Да.

Вовчик. Ни с кем, ни разу ни-ни?

Люба. Да.

Вовчик. До сих пор?

Галя. Вовчик, совесть имей! Это личное, и указывать на возраст женщине – это вообще последнее дело.

Вовчик. Да я не указываю. Я просто... Ну просто... Хм... Так. Нет, я просто пытаюсь понять. *(Любе.)* Значит, мясо ты не ешь, этим делом тоже не занимаешься... Может быть, мой вопрос прозвучит странно... В чём-то, может быть, даже нахально, но я спрошу. А чем же ты тогда хотела меня взять, Любушка?

Люба. У меня есть квартира, доставшаяся от тёти.

Вовчик. Квартира – это прекрасно, но что же я буду делать в той квартире, если мы с тобой чисто теоретически сойдёмся?

Люба. Как что? Жить.

Вовчик. Да как жить-то, Люба? Ты же раз вегетарианка, значит готовить ничего серьёзного не будешь. Травками меня будешь кормить, да всякими овощами. А на овощах я долго не протяну, тоже начну подкашиваться в коленках. Так и будем друг напротив друга на стульчиках сидеть? Но ладно бы только это! Так ты же ещё и ни-ни!

Люба. До брака!

Вовчик. Ну правильно. А я на тебе жениться и не собираюсь. Так думал, поживём вместе, на радость друг другу. Со всеми вытекающими. А чему тут вытекать? У меня всё то же самое и сейчас есть. Галка вон, не готовит ни черта, и меня к себе не подпускает. Смысл мне шило на мыло-то менять?

Люба встаёт со стула.

Люба. Так ты ищешь женщину только для этого? Ясно... Всем мужчинам нужно только одно. А я не ищу таких отношений, в которых мужчина будет стремиться меня использовать для того, чтобы закрыть свои потребности. Я любви хочу настоящей. Взаимных искренних отношений. Чтобы брак, а не разовые встречи со всякими там вытекающими.

Вовчик. Люб? Ну ты что? Сказок, что ли, начиталась? Какие искренние отношения? Какая любовь? Посмотри на нас. Вот мы с Галюнчиком. Мы же точно так же в своё время рассуждали. И поженились, и всё по любви, и всё искренне и взаимно. Сейчас искренне и взаимно друг друга ненавидим. Ты такой судьбы себе хочешь?

Люба. Вы хотя бы попробовали, и я думаю, что нет ничего предосудительного в том, что и я хочу испытать свой шанс найти своего человека.

Пауза.

Галя. Она права... Отпусти уже эту милую светлую душу, Вова. Ты совершенно точно ей не пара. А Вам, Люба, удачи. Искренне желаю и от всего сердца. Только выбирайте мужчину потщательнее, может, и не пожалеете потом.

Люба. Спасибо. Да. Я уже, и сама давно поняла, что мне пора.

Всего вам доброго.

Люба уходит.

Галя. Ты хоть понимаешь, каким грязным похотливым животным являешься? Мне было стыдно за тебя, честное слово.

Вовчик. Что? С каких пор мужиков начали стыдить за элементарное желание поесть и по... Это... Природные инстинкты, между прочем! Не я себя таким создал! Мы все такие, и не надо тут высокопарных слов!

Галя. Позорник!

Вовчик. Я позорник? Хочу напомнить, что я как раз не искал каких-либо встреч на стороне, это в чистом виде твоя инициатива! А я хотел жить с тобой! Хотел, чтобы у нас с тобой всё как раньше было, понимаешь?

Галя. Понимаю! Ещё бы! Как хорошо ему жилось. Жена то, жена сё, а ты что взамен? Нет уж, хватит в одни ворота!

Вовчик. Галь? Я вообще-то не валяюсь на диване целыми днями. Работаю, как все, что-то делаю. Надо полку прикрутить – не вопрос, надо гвоздь забить – только скажи, заколпашу!

Галя. Забей себе этот гвоздь, знаешь куда? Два раза в одну реку зайти невозможно, слышал? То-то. Так что не жди от меня прежнего отношения. Достал ты меня, Вова, накопилось, наболело... Даже не начинай, даже не прицеливайся.

Вовчик. Понял тебя. Значит, продолжим поиски?

Галя. Продолжим!

Вовчик. Только ты тоже имей ввиду, Галя, что до этого момента я так серьёзно никого себе и не искал, больше тебе на нервы покапать хотел, мозги вправить. Но раз так, то теперь всё будет по-другому. Теперь я по-настоящему искать себе начну новую жену.

Галя. Давай-давай!

Вовчик. Ладно-ладно...

Расходятся.

Действие второе

Сцена 1. Дом, милый дом

Вовчик сидит на кресле забросив ногу на ногу. В руке смартфон, вид творческий.

Что-то думает, что-то там пишет.

Входит Галя со шваброй и тряпкой в руках.

Галя. Ну что? Собралась там очередь невест – нет?

Вовчик не отвлекается, продолжает заниматься, чем занимается.

Галя. Что молчишь? Язык проглотил?

Вовчик. Не отвлекай, женщина! Я занят!

Галя (*психует*). Ноги подними!

Вовчик поднимает ноги, Галя протирает пол. Ворчит.

Галя. Занят он, понимаете ли. Вот он, созрел полки прикручивать и гвозди забивать. Где ты был, когда нужно было всё это делать? Самой пришлось. Сама уже давно всё закрутила и забила. И вообще какого чёрта ты дома сидишь вторую неделю, на нервы мне действуешь?

Вовчик. Так в отпуске я!

Галя. А я почему об этом ничего не знаю?

Вовчик. А потому что разговаривать с мужем надо иногда, а не в молчанку играть!

Галя. А пишешь ты там так усердно кому?

Вовчик. Пока никому.

Галя. Я же вижу!

Вовчик. Да объявление я своё редактирую. То было больше шуточное, ради смеха. Вообще удивился, что кто-то на него повёлся. А сейчас всё серьёзно делаю, с умом. Фото своё поставил новое. Хочешь посмотреть?

Галя. Не хочу.

Вовчик. Зря. Я тут такой... Прямо красавчик получился.

Галя моет пол, сама заходит за кресло и подглядывает. Вовчик видит краем глаза это любопытство. Ненароком прикрывает телефон, вроде как не специально, Галя сзади пытается извернуться, подгляднуть. В результате наклоняется и изворачивается так, что даже падает.

Грохот. Швабра в одну сторону, Галя в другую.

Вовчик. Что такое? Ты как?

Галя. Всё нормально. Пол скользкий. Поскользнулась.

Вовчик. А-а-а.

Галя встаёт.

Галя. И что ты там такого написал, интересно знать?

Вовчик. Да так...

Пауза.

Галя. Ну покажи, не чужие же люди. Может что посоветую, ошибки в тексте исправлю.

Вовчик. Спасибо, без сопливых справился. А на счёт ошибок – так это ещё спорный вопрос, кто за кем исправляет.

Галя. Не покажешь?

Вовчик. Я тебе результат покажу. Так пойдёт?

Галя. Результат... На какой результат ты рассчитываешь, Вовчик? Ты пошутил, и эти дамочки, которые приходили, они тоже явно шутки ради приходили или поспорили с кем. Ты что, всё это за правду принял? Кто всерьёз тобой заинтересуется, подумай сам!

Вовчик. Да-да...

Галя. Я понимаю, не обрадуют тебя мои слова, но кто ещё правду скажет, как не жена?

Вовчик. Давай, руби правду-матку. Всё равно же ведь выпалишь. Вижу, что подготовилась.

Галя. А что тут готовиться? Всё же и так очевидно. Ты богат? Нет. Знаменит? Нет. Красавец из тебя весьма посредственный. Может, ты молод? Тоже нет.

Вовчик. Да, я не мальчик, но и не старик.

Галя. Ну и кому ты нужен со своим набором преимуществ, не старик?

Вовчик. Повторяешься, Галя. Себя хочешь убедить?

Галя. Да никого я не хочу убедить, я тебе...

Вовчику звонит мобильник, он жестом показывает Гале, чтобы та замолчала.

Берёт трубку.

Вовчик (*в трубку, доброжелательно*). Алё-алё? Владимир,

ага. Да, всё верно, моё объявление. Ну да. Так я же всё там объяснил в описании. Да. Я понимаю. Ну вот так, что сделаешь. Встретиться? Да с удовольствием. Где? Когда? Приехать к вам? Ну в принципе...

Галя отрицательно машет головой, чтобы Вовчик не соглашался.

Вовчик (в трубку, доброжелательно). В принципе могу, почему нет? Да. А где живёте? Ага... Да нет, не проблема. Я не сказать, что очень уж далеко. Соседний район. Это у вас там четыре высотки новые, да? Ну да-да, я понял. Знаю. Конечно. Давайте. Когда? Сегодня?

Галя отрицательно машет головой, чтобы Вовчик не соглашался.

Вовчик (в трубку, доброжелательно). Можно и сегодня. Часиков в семь нормально? Мне нормально, успею. И вам нормально? Ну и нормально. Так, секунду. Дом понял, а подъезд, этаж, квартира? Секунду.

Вовчик бежит за бумажкой и ручкой. Возвращается.

Вовчик (в трубку, доброжелательно). Ага, записываю. Второй слева. Ага. Восьмой, так. Четыреста двенадцатая. Записал. На номер на этот можно перезвонить, если заплутаю, да? Ага. А как зовут-то? Да, не представились. Ничего страшного. Как?

Вовчик меняется в лице. Чешет ухо, которым слушает трубку.

Вовчик (в трубку). Как ещё раз? Аля? Валя? Ах Галя...

Вовчик недовольно смотрит на жену.

Вовчик (в трубку). Простите, но нет. Всё отменяется. Это проклятое имя я уже один раз на своей шкуре испытал. Хватит. Второй раз на те же грабли... Удачи вам, извините. И вам всего.

Кладёт трубку.

Галя. Значит, проклятое имя?

Вовчик. Галя, у тебя, мне кажется, не только имя проклятое, у тебя всё вообще насквозь в проклятиях вдоль и поперёк!

Галя. И кто же меня проклял, интересно?

Вовчик. Как кто? Я.

Галя. Ах ты, скотина!

Галя начинает гоняться за Вовчиком, время от времени атакуя его половой тряпкой и шваброй. Догонялки, убегалки, отбиралки. Убегают в другую комнату.

Раздаётся звонок в дверь. Вовчик выскакивает с половой тряпкой на голове. Бежит открывать.

Вовчик. Добрый день, вам кого? Семёновы этажом выше.

Возвращается, снимает тряпку с головы, возвращается в кресло.

Вовчик. Нет, эти Гали, Любы, Арины... Как-то мне на эти имена не везёт. Надо что-то менять, надо как-то иначе. (Думает, читает поступившие на телефон сообщения.) Зинаида написала. (Смотрит её профиль). Нет, не годится. А это кто? Это у нас Александра. (Смотрит её профиль.) Ничего, но тоже не откликается. Как-то ровно всё внутри. Хочу чего-то необычного, какое-то новшество в свою жизнь пустить, какое-то свежее веяние. Хочу экзотики. О! (Смотрит поступившее сообщение и профиль.) Так? Так-так-так... Эмилия! Звучит интересно. Уже нравится. На вид тоже очень даже. Даже очень. Так... Так-так-так-так-так! Ага. Ну вот... Во-о-т. Где у нас тут... Сообщение.

Пишет сообщение. Приходит уведомление – ответ. Вовчик снова пишет, снова приходит ответ. Он довольный и счастливый убегает переодеваться.

Сцена 2. Эмилия

В комнате никого нет. Слышно, как работает пылесос. Раздаётся звонок в дверь. Никто не спешит открывать. Галя с работающим пылесосом входит в комнату. Пылесосит. Звонок в дверь повторяется ещё раз и ещё раз. Она не слышит. Уходит с пылесосом в другую комнату. Звук пылесоса умолкает.

Входит Эмилия.

Эмилия. Есть кто?

Никто не отвечает.

Эмилия. Извините, у вас, похоже, звонок не работает, но дверь была не заперта. Владимир, вы здесь?

Никто не отвечает. Эмилия делает несколько робких шагов. Достает телефон из

сумочки, звонит Вовчику.

Слышна дурацкая музыка рингтона. Телефон здесь же в комнате. Вовчик вбегает, застёгивает на бегу рубашку, подтягивает штаны, не видит Эмилию, хватается телефон.

Вовчик (в трубку, запыхавшись). Алло? Алло, Эмилия, да? Вы уже подошли?

Эмилия делает несколько шагов к Вовчику, отвечает не в трубку.

Эмилия. Подошла.

Вовчик пугается от неожиданности. Хватается за сердце, падает в кресло. Старается отдышаться.

Эмилия. Что с вами. Владимир?

Вовчик (стараясь отдышаться и реабилитироваться). Есть такое выражение: Увидеть Париж и умереть. Так вот я сейчас свой Париж увидел. Чуть не помер.

Эмилия. Сомнительный комплимент, но понять можно. Простите я... Там было открыто. Я звонила.

Вовчик. Всё хорошо! Всё прекрасно! Присаживайтесь пока. Я сейчас приду в себя после вашего эффектного появления, и поговорим.

Эмилия присаживается на свободное место. Входит Галя с пылесосом в руках, видит Эмилию.

Галя. Здравствуйте, а вы к кому?

Вовчик. Галя, это ко мне. Иди пока занимайся делами. Не мешай.

Галя осматривает оценивающим взглядом Эмилию, уходит.

Вовчик (Эмили, поясняя ситуацию). Домработница моя.

Эмилия. М-м-м.

Галя (кричит из другой комнаты). Мусор вынеси, как освободишься! Сколько можно просить? Вся квартира провоняла.

Вовчик (Эмили, поясняя ситуацию). Спесивая домработница.

Эмилия. Понимаю.

Вовчик. Всё, я в норме. Можем пообщаться. Я Вовчик.

Эмилия. Я Эмилия, но все зовут меня Милей.

Вовчик. Миля? Красиво звучит, мне нравится.

Эмилия. Спасибо, мне тоже.

Вовчик. А вот мне моё имя никогда не нравилось.

Эмилия. Правда? Почему?

Вовчик. Владимир – само по себе звучит неплохо.

Эмилия. Очень даже прекрасно звучит.

Вовчик. Да, но кто Владимира Владимиром зовёт? Это только при официальном общении, а в жизни среди друзей и знакомых Вовчик, Вован, Вовка...

Эмилия. Я могу звать Владимиром.

Вовчик. Да не, ну что я как этот... Как-то высокомерно будет выглядеть. Вовчик – нормально. Привык уже.

Эмилия. Может, тогда хотя бы Володя?

Вовчик. Володя? Хм... А Володей меня никто никогда и не называл прежде.

Эмилия. Можно я так буду тебя называть?

Вовчик. С удовольствием. Эмилия и Владимир! Миля и Володя... А неплохо, скажи? Звучим?

Эмилия. Звучим.

Миля тепло доброжелательно общается. Улыбается. Вовчик отвечает тем же.

Вовчик. Чай, кофе или...

Эмилия. Спасибо, Володь, я пока не хочу.

Вовчик. Ясно... Ну... Тогда... Просто поговорим, да?

Эмилия. Просто поговорим, конечно.

Молчат, улыбаются, переглядываются, стесняются. Пауза затягивается.

Оба вместе начинают что-то говорить, оба замолкают.

Эмилия. А я...

Вовчик. Так как-то...

Неловкая пауза.

Вовчик. Миль, прости, я, наверное, веду себя сейчас как дурак. Не знакомился тысячу лет, да и раньше большого опыта не имел. В переписке у меня язык подвешен, а вот лично встретились, и язык словно в одном укромном месте разом оказался.

Эмилия. У меня то же самое.

Вовчик. Правда?

Эмилия. Ну да...

Вовчик. Ну вот и... Нет, не так. Давай честно. Можно?

Эмилия. Конечно.

Вовчик. Понимаешь, есть люди, которые наговориться не могут. Всегда на любые темы залпом друг другу всё выплёскивают. Они хорошие друзья или подруги, такие бравые массовики-затейники и душа компании всегда и везде, но по моим сугубо личным наблюдениям, в личной жизни такие люди не очень хороши. Много с кем общаются, много с кем шутят и в какой-то момент «дошучиваются».

Эмилия. Не думала об этом, но в какой-то мере... Логика определённая есть.

Вовчик. Я это всё к тому, что... Понимаешь, мне очень не хочется, чтобы ты подумала, что нам с тобой и поговорить не о чем. Мне с тобой так, знаешь... Как-то так уютно... Чёрт, нет, глупости говорю, наверное, да?

Эмилия. Я тебя прекрасно понимаю. А знаешь почему говорить не очень сильно хочется?

Вовчик. Почему?

Эмилия. Я, наверное, сейчас тоже глупость скажу, но у меня такое ощущение, что у нас с тобой сейчас души общаются.

Вовчик. Вот я только что тоже самое хотел сказать!

Эмилия. Правда?

Вовчик. Да! Есть такое ощущение. Только они общаются о чём-то важном и настоящем, а все вот эти внешние разговоры, они как будто создают излишний шум.

Эмилия. Ну да...

Вовчик. Я рад, что мы друг друга так хорошо понимаем.

Эмилия. Я тоже это отметила.

Пауза. Переглядываются.

Эмилия. Володя?

Вовчик. А?

Эмилия. Можно вопрос?

Вовчик. Да, конечно.

Эмилия. Там, в соседней комнате... Это твоя жена?

Вовчик. Ну да... Но мы на стадии развода. Гонит она меня, понимаешь? Не нужен я ей уже давно.

Эмилия. Да... В жизни всякое бывает...

Вовчик. Ой, бывает...

Эмилия. А можно ещё вопрос?

Вовчик. Конечно. Всё, что угодно.

Эмилия. Ты сказал, что не нужен ей...

Вовчик. Да. Она мне ясно об этом дала понять. Неоднократно.

Эмилия. А она тебе?

Вовчик молчит, отводит взгляд.

Эмилия. Понятно.

Эмилия опускает голову. Тепло по-доброму улыбается. Собирается уходить, встаёт.

Вовчик. Миля, подожди! Всё не так. Всё совсем не так. Но просто пойми. Я с ней столько лет прожил, и как бы она меня не отфутболивала, чужой для меня всё равно не стала. Я понимаю, что сейчас мне следовало бы сказать о том, что я её не люблю, что мы давно чужие люди и всё такое прочее, но у меня язык не поворачивается сказать, что она мне не нужна. Да, мы расстаёмся, но это же не повод относиться друг к другу как к ненужной вещи, которую только и остаётся, что выбросить из своей жизни?

Миля тепло улыбается.

Вовчик. Я всё испортил, да? Дурак. Понаговорил...

Эмилия. Ты всё правильно сказал. Я очень завидую твоей жене, Володя. Если бы все мужчины были такими.

Миля подходит к Вовчику, обнимает его.

Эмилия. Если вдруг всё совсем у вас с женой развалится окончательно и бесповоротно – позвони мне обязательно. Но пока есть хоть единственный шанс... Да ты и сам всё прекрасно знаешь.

Вовчик. Да. Спасибо тебе.

Обмениваются тёплыми открытыми искренними взглядами, жмут друг другу руки

на прощание.

Миля уходит.

Сцена 3. Ирма

Входит Галя. Выражение лица недовольное, руки упёрты в бока, в руке упаковка чипсов.

Галя. Ну что? Тебя забирают? Можно паковать чемоданы?

Вовчик. Не терпится сбегать мужа?

Галя. А чего волынку-то тянуть? Я так глянула со стороны – ничего вроде бабёнка. Так мило беседовали с ней, что-то там про души, про взаимопонимание. Я всего не слышала, только урывками, но вроде как у тебя с ней контакт получился.

Вовчик. Подслушивала?

Галя. Больно надо.

Галя пытается открыть упаковку чипсов.

Вовчик. Ну-ну...

Галя. Я не поняла. Ты съезжаешь, или как?

Вовчик. Или как!

Галя. Это как?

Вовчик. У меня на сегодня ещё две встречи, торопиться не будем. Поглядим, пообщаемся, а там решим.

Галя. Гляньте-ка! Ещё две встречи. Мужик-то прям нарасхват!

Вовчик. Ага... По сходной цене-то почему нет?

Раздаётся звонок в дверь.

Вовчик. Это, наверное, Ирма.

Галя. Кто?

Вовчик. Ирма. Необычное имя, да?

Галя. О-о-очень редкое в наших краях.

Вовчик. Мне открыть, или сама желаешь?

Галя. Давай я. Поглядим, что там за птица.

Галя оставляет упаковку чипсов у кресла, идёт открывать. Входит Ирма.

Ирма. Здравствуйте, я Ирма.

Галя. Галя.

Вовчик. Вова.

Ирма с порога начинает ржать как не в себя. Смех дурацкий, но заразительный. Вовчик с Галей ничего не понимают. Смотрят друг на друга и на гостью, которая давится от смеха.

Ирма (сквозь смех). Это очень смешно...

Галя. Что смешного-то?

Ирма смеётся, тычет пальцем на Вовчика и Галю, смеётся пуце прежнего, топает даже ногой, но старается себя сдерживать. Не очень получается.

Вовчик. Простите, но мы не понимаем. По какому поводу веселье?

Ирма (сквозь смех). Анекдот вспомнила. Встречается три дурака на перекрёстке...

Галя. Вы анекдоты пришли рассказывать или мужа моего забирать?

Ирма. Какого мужа?

Вовчик тянет руку, как школьник.

Вовчик. Я муж. Я.

Ирма. Муж?

Галя. Муж!

Вовчик пожимает плечами.

Ирма. А я думала, что...

Галя. А он муж!

Вовчик. Но объелся груш.

Ирма. Это значит, что вы как бы вместе, но как бы уже порознь. Да?

Вовчик. Да.

Галя. Так, давайте, не будем тут долго рассусоливать. Забирайте этого, с грушами и идите на все четыре стороны! Развод оформим в течении месяца.

Ирма снова заливается громким дурацкий заразительным смехом.

Вовчик. Что-то я опять не понял.

Ирма (сквозь смех). Ещё один анекдот вспомнила. Послала как-то жена мужа на все четыре стороны и её желание сбылось! Идут

четыре одинаковые мужика в разные стороны и...

Галя. У меня четырёх нет, есть только один, да и то, считай, половина. Забирайте его уже и проваливайте.

Ирма старается отдышаться и успокоиться.

Ирма. Ребят, у вас тут так весело. Аж в горле пересохло. Дайте водички попить?

Вовчик и Галя стоят на местах.

Ирма. Пожалуйста?

Ирма снова начинает ржать.

Ирма. Про волшебное слово – пожалуйста, знаете анекдот новый?

Галя. Всё! Хватит веселья! Забирайте этого. *(Показывает на мужа.)* И воды я вам не дам. По дороге купите, магазин рядом. Мир вам да любовь, смеха и веселья! Давайте! Марш отсюда оба. Выметайтесь!

Вовчик *(Гале).* Я не понял. Ты что здесь раскомандовалась? Это моя хата. Сама выметайся!

Ирма с интересом наблюдает за перепалкой Вовчика и Гали. Садится в кресло, берёт упаковку чипсов, стоящую рядом с креслом, открывает, ест, наблюдает, словно фильм смотрит.

Галя. Я никуда не уйду, это ты лучшей жизни захотел, вот и скатертью дорога!

Вовчик. Да что ты говоришь? Я лучшей жизни захотел? Это ты меня всеми правдами и неправдами из дома гонишь! Сама пожить повольтной стремишься. Нашла себе кого-то по-любому, а меня виноватым делаешь. Я давно понял, что что-то здесь нечисто. Мужа к себе не допускает, по каждому поводу рычит и в драку кидается. Ясное дело – нашла кого-то. Вот и иди к этому своему какому-то. А я со своей квартирой сам разберусь. Захочу здесь жить буду, захочу – ещё где-нибудь и с кем-нибудь!

Галя. Ты мне зубы не заговаривай. Объявление о знакомствах кто подавал? Я? Нет! Ты!

Вовчик. Твоими стараниями!

Галя. Моими стараниями ты жил как у Христа за пазухой, но теперь хватит! Всё! Достало!

Вовчик. Тебя достало? Это меня достало!

Галя. Нет, это меня достало!

Вовчик. Да ты достала доставать!

Оба умолкают. Пауза. Переводят взгляд на Ирму, которая доедает чипсы и как ни в чём не бывало с удовольствием смотрит на весь этот цирк.

Ирма. Продолжайте-продолжайте. Очень интересно.

Вовчик с Галей переглядываются. Не сговариваясь, подходят к Ирме, берут её с двух сторон за руки, поднимают с кресла и ведут к выходу. Чипсы у неё по-прежнему в руке. Не выпускает.

Ирма. Ребят? Вы чего? Ну чего вы? Да подождите. Водички дайте.

Вовчик. В магазине купишь.

Вытаскивают гостью из дома. Закрывают дверь, расходятся, рассаживаются по свободным местам.

Вовчик. Так себе дамочка.

Галя. Ещё и чипсы мои сожрала! Вовчик, с тебя чипсы! Твоя дама сердца приходила, с тебя и спрос.

Вовчик. Да куплю я тебе. Какие там были? С беконом?

Галя. Сметана и лук.

Вовчик. Хорошо. Сейчас схожу. Заодно и проветрюсь, а то душно что-то здесь.

Вовчик берёт сумку, идёт к выходу.

Галя. Молока ещё возьми и хлеба дома мало.

Вовчик. Возьму.

Вовчик уходит. Галя вздыхает, раскидывает по сторонам руки, ложится поудобней в кресле. Отдыхает.

Сцена 4. Тая

Галя отдыхает. Раздаётся звонок в дверь.

Галя. Вовчик, ты? Деньги, опять, забыл?

Звонок повторяется.

Галя. И ключи тоже, похоже...

Идёт открывать. Входит Тая.

Тая. Здри-уасти-уаите.

Галя. А?

Тая. Зтриуастиуаите. Миние нузиен Вилиадимир. Я приавилиани прищёл? Я Тая.

Галя ехидно улыбается.

Галя. Да-да. Проходите, пожалуйста, Тая. Он в магазин вышел. Сейчас вернётся. Вы по объявлению?

Тая. Та-та! Обияфлэнию.

Галя. Замечательно. Проходите, садитесь. Он сейчас придёт.

Тая проходит, садится на пол рядом с креслом. Галя отходит в сторону.

Улыбается ехидно, прикусывает пальчик, думает.

Тая. Фы ротаствиниса, та?

Галя. Что со ртом? Куда сдвинется?

Тая. Ротаствиниса!

Галя. А! Родственница! В какой-то мере. Дальняя, можно так сказать.

Тая. У мене тосия ротаствиники иасть.

Галя. Тоже есть родственники?

Тая. Та! Та! Многуо.

Галя. Ясно. На счёт родственников я поняла, я вот только не понимаю, как вы с Вовчиком общаться будете. Вы же по-русски едва говорите. Я кое-как понимаю, что вы хотите сказать.

Тая. Понимать, та. Та, понимать. Хосшио понимать. А гоуфоурити увперёд не ошчень.

Галя. Говорить не очень пока, да, я заметила.

Тая. Дфа...

Тая показывает два пальца.

Галя. Два.

Тая. Аха. Дфа хороших чулвекла уфсегуа друка друк понимает, да?

Галя. Два человека, что?

Тая. Хороших.

Галя. А, два хороших человека.

Тая. Та! Та! Понимат.

Галя. Поймут друг друга?

Тая кивает.

Галя. М... Я, судя по всему, не очень хороший человек, потому что я вас, если честно, не очень понимаю.

Тая (*кивает*). Та! Та!

Галя показывает большой палец вверх, вроде как класс! Поддерживает. Сама скептически качает головой.

Входит Вовчик с пакетом.

Вовчик. Галя, хлеб был только вчерашний, я батоны взял, молоко и чипсы. Здесь всё. На кухню отнесу.

Галя. Да не надо. Я сама отнесу. К тебе тут гостья.

Галя берёт пакет с продуктами у Вовчика. Вовчик немного в шоке, видя не вполне русскую внешность Таи.

Вовчик. Галя, кто это?

Галя. Это Тая. Не признал?

Вовчик. Волосы похожи. Там фото было как в полуоборот. Лицо не слишком видно было, я даже как-то... Но слушай, Тая, это же Таисия. Вроде как наше имя... Ну почти.

Тая. Мение завати Тальмира, но все зафать Тая. Такэ пуроше.

Галя (*негромко, Вовчику на ушко*). Ты как с ней до этого общался, дорогой? Я ни черта не пойму, что она говорит, по сто раз переспрашиваю.

Вовчик (*негромко, Гале на ушко*). Да я с ней не созванивался. Мы только переписывались. Писала нормально, как все.

Тая. Я перефиотычикам пульсуявс.

Галя. А, всё понятно.

Вовчик. Что понятно?

Галя. Переводчиком пользовалась она. Так и будете теперь с ней общаться. Через переводчик.

Галя издевательски улыбается, хлопает Вовчика по плечу. Вовчик в шоке.

Галя. Чего встал? Обомлел от счастья? Давай, иди к ней, к своей голубушке. К Тальмирушке. К Тальмирушке.

Галя злорадствует. Уносит пакет на кухню, возвращается, с интересом наблюдает за общением Таи с мужем.

Вовчик пытается как-то начать взаимодействовать.

Вовчик. Я Вова.

Тая. Та! Та! Я уснавати, та. Сатисите, Фофа.

Тая приглашает Вовчика сесть рядом с собой на пол. Ему это странно и дико, но он садится рядом на пол.

Вовчик. Тая, да?

Тая. Та! Та!

Тая улыбается. Вовчик ей улыбается, но отвернувшись в сторону мимика меняется, он в недоумении.

Тая Вилиадимир, тэпэ дэтищи есистие?

Вовчик. А?

Тая Дэтищи есистие?

Вовчик смотрит на Галю, которая уже вернулась с кухни.

Вовчик. Галь? Что она сейчас сказала?

Галя. Сама не поняла. Тая, простите, можно ещё раз и помедленней?

Тая Дэтищи есистие?

Вовчик. По-моему, она две тысячи просит.

Тая Дэтищи есистие у фас?

Галя. Стой, нет, я поняла, вроде. Она про детей спрашивает. Дети есть, спрашивает, или нет.

Тая Дэтищи, та, та!

Вовчик. А, детишки. Фуф...

Галя. Нет у нас детей. В смысле – у него нет.

Тая Дэтищи хорсшио. Надо дэтищи.

Галя. Вовчик, я больше не могу, у меня сейчас слух сломается. Дальше сам с ней разбирайся, я пошла на кухню, чипсов поем, пока их опять кто-нибудь не сожрал.

Галя уходит.

Тая показывает пальцем вслед Гале.

Тая. Ротаствиниса?

Вовчик. У кого рот сдвинется? Куда?

Тая. Онэ ротаствиниса?

Вовчик. У неё рот не сдвигается, а не закрывается! Как открылся тогда ещё, до ЗАГСа, так всё никак не закроется. И ничего доброго из него не летит. До сих пор.

Тая. Пораэ?

Вовчик. Да, Тая. Пора!

Вовчик встаёт, помогает встать Тае.

Тая. Пораэ?

Вовчик. Да, да. Та-та по-вашему.

Тая. То ми ше толькоэ знакомитшся?

Вовчик выпроваживает гостью.

Вовчик. Мыши? Не, мышей нет. Тараканы есть, но мы их истребляем. Мыши на даче есть, там да. А здесь нет.

Тая. Та дача ехати?

Вовчик стирает пот со лба. Не получается у него общаться с Таей. Он жестами показывает ей, чтобы та шла уже отсюда. Она не сразу, но понимает. Уходит.

Вовчик вздыхает.

Вовчик. Ни фи́га себе, экзотика.

Входит Галя, настроение отвратительное, в руке несколько разных мужских носков.

Галя. А где твоя ненаглядная?

Вовчик. Да нагледелся уже. Хватило. Выпроводил.

Галя. Какой ты избирательный. То не то, это не это. Прямо, трудно угодить!

Вовчик. Да не трудно мне угодить, есть варианты, просто душа у меня есть, понимаешь? И сердце. Вот я и не вижу никого вокруг, вот они и чужие мне все поэтому.

Галя. Не знаю я, где у тебя здесь душа и сердце, но знаю, что здесь повсюду твои носки валяются! Причём по одному. Все

разные, ни одной пары!

Галя бросает в Вовчика носками.

Галя. Ищи сам, куда вторые подевал.

Вовчик. При чём здесь носки? Вот при чём здесь носки? Я тебе совершенно о другом говорю, ты хоть меня немножко-то вообще слышишь? Я тебе о прекрасном, она мне про носки!

Галя. И я о прекрасном. Когда носки чистые и парные – это прекрасно, Вовчик, это практически счастье, но этого счастья в нашем доме не бывает!

Вовчик. Опять двадцать пять. Я тебе про Фому, ты мне про Ерёму. Галя, ты мне скажи честно, ты сама никаких проблем не испытываешь?

Галя. Каких проблем?

Вовчик. О моральных и психологических я уже молчу, тут всё понятно. Но хотя бы о физиологии если говорить. Тебя ничего не смущает?

Галя. А что меня должно смущать?

Вовчик. У нас с тобой, когда последний раз было?

Галя. Нет, ты посмотри, он всё об одном думает.

Вовчик. Ты разговор не переводит! Я тебе конкретный вопрос задаю. Когда?

Галя. Давно!

Вовчик. И у тебя нигде ничего никак ни это... Нормально всё?

Галя. Нет, не нормально! Но по-другому не получается. Это для вас мужиков всё просто. Шмыг-шмыг и порядок. Для нас не столько плотские утехи важны, сколько именно эмоциональная составляющая. А эмоциональная составляющая у меня с тобой одна – прибить готова!

Вовчик. Прибить она готова... Я уже и так, и эдак. И стерплю, и промолчу, а ты всё только нагнетаешь и нагнетаешь. О примирении даже мысли не допускаешь! На себя наплевала, на мужа наплевала, а мне между тем уже сны неприличные снятся!

Галя. С кем это, интересно?

Вовчик. С тобой!

Галя. Да неужели?

Вовчик. Сам в шоке.

Галя. И что же это мы там с тобой в твоих снах такого неприличного делаем, рискну поинтересоваться?

Вовчик. Ты не поверишь, Галя...

Галя. Так?

Вовчик. Мы там с тобой...

Галя. Ну-ну?

Вовчик. Мы там с тобой материмся, Галя!

Галя. А...

Вовчик. Вот тебе и а! Даже во сне у нас с тобой всё не как у людей!

Галя. Слушай, давай серьёзно. Хочешь правду?

Вовчик. Хочу!

Галя. Ну так слушай! *(Пауза. Галя тяжело вздыхает, виновато опускает взгляд.)*

Галя. Я же не дура, да и не первый день замужем... Всё понимаю. Но не могу, понимаешь? Я не могу с тобой всё вот это вот... Мне неприятно. *(Пауза.)* Прости.

Вовчик взбешён, но держится.

Ты, наверное, думаешь, что у меня кто-то есть и поэтому мне с тобой ничего не хочется... Нет у меня никого и не было никогда кроме тебя... Но что-то произошло. Я и те последние разы терпела, через себя переступала... Не могу этого объяснить, я не знаю, что случилось, ты жутко меня раздражаешь во всём. Прямо бесишь. Делаешь что-то – бесишь. Ничего не делаешь – ещё больше бесишь. Я не знаю, что с этим делать, но терпеть уже не получается... *(Пауза.)* Да нет, не думай. Ты ни в чём не виноват. Ничего ты такого не сделал... Ничем не обидел, ничем не задел. Мои претензии и нападки – это я всё, по большому счёту, сама выдумала... Нужно же было как-то объяснять своё изменившееся отношение. *(Пауза.)* Похоже, что я больше тебя на самом деле не люблю... И уже давно. Прости.

Галя уходит.

Вовчик сжимает от злости кулаки, хочет по чему-нибудь ударить, но ничего не попадает под руку.

Галя (кричит из кухни). И вынеси, наконец, мусор!

Вовчик. Нда... Вынеси, Вовчик, мусор... И себя, желательно, вместе с ним...

Вовчик вздыхает. Ходит по комнате совершенно убитый в эмоциональном плане. Останавливается. Ходит. Снова останавливается. Он не видит ничего перед собой, для него мир перестал существовать. Он в прострации. Уходит на кухню, приносит пакет с мусором. Мнёт его зачем-то в руках, думает. Берёт телефон, ищет номер. Звонит.

Вовчик (в трубку). Алло, Эмилия? Здравствуй, Миля... Да я... Я... (Пауза.) Всё, похоже. Совсем всё. Я не знаю, что мне делать, куда идти, как жить и ... Вообще ничего не знаю. Я понимаю, тебе это вообще всё не нужно, ты искала совсем другого, а я.... Мне просто больше... Как-то так мы с тобой поговорили, открылись друг другу... И сейчас... Зря я, наверное, да ты уже, скорей всего и не одна. (Пауза.) Да? (Пауза.) Ничего, если я приеду? (Пауза.) Примешь? (Пауза.) Спасибо тебе... Скинь адрес, я скоро буду. (Пауза.) До встречи.

Вовчик кладёт трубку. Мечется, находит сумку, собирает в неё на скорую руку свои самые необходимые вещи, документы. Забирает пакет с мусором и осмотрев напоследок тяжёлым горестным измученным взглядом квартиру, уходит.

Сцена 5. Одиночество

Входит Галя с пустым мусорным ведром, ищет мужа.

Галя. Вовчик, ты где, паразит? Мусор выносил, пакет надеть другой сложно было на ведро? Я машинально бросила, теперь ведро мыть. Твой косяк, ты и мой его теперь!

Галя демонстративно бросает ведро, уходит.

Возвращается через какое-то время. Ведро так и валяется, Вовчика нет. Она удивляется. Уходит.

Приглушается свет. Поздний вечер. Галя снова возвращается, ведро на прежнем месте, Вовчика так и нет.

Что-то я не поняла... Вовчик? Вовчик? (Достаёт телефон, звонит мужу. Тот сбрасывает звонок.) Ах ты ещё и скидываешь, собака такая! (Записывает мужу гневное аудиосообщение.) И как это понимать? Ты наконец-то ушёл? Я могу начинать праздновать? Только попробуй мне вернуться, я тебе такой разгон дам. Мусорный пакет в ведро почему не положил? Придёшь – не забудь ведро помыть, оно тебя очень ждёт. А мне на глаза не попадайся. Да и лучше вообще не приходи! Никогда!

Галя нервно кладёт телефон, собирается уходить, но ей приходит звуковое уведомление о поступившем сообщении. Поднимает телефон, слушает аудио сообщение от мужа.

Вовчик (аудиосообщение). Галя, я ушёл. Совсем. Давно нет ладу между нами, я всё пытался-пытался как-то наладить, как-то починить... Но что тут чинить, раз я тебе противен... Так что да, можешь начинать праздновать. Я ещё заскочу как-нибудь, остальные вещи заберу. Живи как хочешь... С кем хочешь. Квартиру решил тебе оставить, немного от всего этого отойду, встретимся, переоформим. И по разводу там тоже решим. Извини, коль что не так было... Я старался... Правда... Счастья тебе, Галя.

Галя (сама себе). Что-то я не поняла... В смысле... Как это ушёл? Ушёл? В смысле... Прямо ушёл? Прямо совсем? Хм...

Галя в шоке. Она этого не ожидала и не была к этому готова.

Галя (сама себе). Обалдеть... И квартиру мне решил подарить? Ну... Ну так это же просто прекрасно! Гуляй, Галя! Дыши полной грудью, живи на полную катушку! Живи как хочешь и с кем хочешь, а с кем не хочешь – не живи!

Галя радостная и окрылённая убегает в другую комнату. Притаскивает кучу платьев, пересматривает, выбирает. Убегает на кухню, прибегает с бутылкой шампанского, пытается открыть. Не получается. Убегает на кухню, прибегает с ножом. Пытается открыть ножом. Не получается.

Убегает на кухню, прибегает с чайной кружкой и коробкой конфет. Открывает конфеты, ест. Запихивает в рот одну за одной. Уже полный рот, но она ещё пихает. Сорвалась, ушла в отрыв.

Выбирает платье получше, надевает, каблочки достаёт из дальней коробки и убегает из дома во всей красе.

Затемнение.

Следующий день.

Яркий свет.

Галя усталая, но довольная кое-как возвращается в квартиру. Платье набекрень, ноги на каблуках подворачиваются, причёска – «я у мамы дурочка». В руке бутылка какого-то лёгкого алкогольного напитка.

Садится. Скидывает каблук. Кайфует. Разминает руками ноги, блаженство.

Глоточек вкусенького.

Галя. Так хорошо у подружки посидела... Так пообщались славно, так душевно... Всю ночь проболтали и всё утро. А теперь пора баиньки...

Галя засыпает там, где «приземлилась».

Гаснет свет.

Включается свет. Следующий день. Галя нехотя просыпается. Нащупывает рукой свой мобильник, смотрит на часы.

Галя (машинально, в полусне). Вовчик, ты почему меня не разбудил? Время видел? (Просыпается окончательно.) Вовчик? (Пауза.) А, ну да.

Галя переодевается, раскладывает всё по своим местам, но ведро не трогает, оно так и лежит. Ходит вокруг него, пританцовывает, напевает, занимается делами, уходит.

Гаснет свет.

Включается свет. Следующий день. Галя сидит перед ведром. Молчит. Смотрит на ведро.

Гаснет свет.

Включается свет. Следующий день. Галя сидит перед ведром. Молчит. Смотрит на ведро.

Гаснет свет.

Включается свет. Следующий день. Галя сидит перед ведром. Молчит. Смотрит на ведро. И вдруг ни с того ни с сего начинает плакать. Обнимает это ведро. Плачет.

Гаснет свет.

Включается свет. Следующий день. Гали нет. Ведра тоже.

Тишина. Пустота.

Входит Вовчик. Одет прилично, в руке сумка с вещами. Настрой у него не боевой. Неуверенно делает несколько шагов. Ставит на пол сумку. Снова поднимает. Ещё несколько шагов.

Уходит в другую комнату, из кухни выходит зарёванная Галя. Вовчик возвращается из другой комнаты. Оказываются друг перед другом. Оба отводят взгляды, оба не знают, как себя вести.

Вовчик (робко, заикаясь, негромко). П... Привет.

Галя. Угу.

Вовчик. Я это... Ты это... Ты как?

Галя. Нормально. А ты как? Хорошо, наверное, да? Никто мозг не пилит, удовлетворяет кто-нибудь по всем фронтам, наверное. Да?

Вовчик. Помнишь, Эмилию?

Галя. А, ну всё понятно. Можешь не продолжать, я в общем, так и поняла.

Вовчик. Да нет, мы с ней по разным комнатам.

Галя. Что так?

Вовчик. Да мы больше, как приятели по несчастью. У неё похожая история. Не совсем так, но... Я там, пока жил, шкафы подремонтировал, сантехнику наладил, ну и так, по мелочи... Надо же было как-то своё пребывание оправдывать. А в этом смысле... Ни она, ни я не рвёмся к опасной грани. У нас же с тобой ещё не всё кончено. (Пауза.) Или всё? (Пауза.) Я... Ты... Там ведро помыть надо, ты говорила. Давай, я...

Галя. Да помыла уже.

Вовчик. Сама?

Галя. Да, сама.

Вовчик. Что, и пакет новый сама туда вложила?

Галя. Вложила.

Вовчик. Самостоятельная стала. Всё сама, всё сама.

Галя. Не всё сама. Бутылку шампанского открыть не смогла. Поможешь?

Вовчик. Легко.

Галя подаёт Вовчику бутылку шампанского, сама убегает за бокалами.

Приносит два.

Галя. Разливай.

Вовчик (*открывает и разливает шампанское*). За что пить будем? За здоровье или за упокой?

Галя. А у тебя с этой... С которой... Ну вот с ней... Что, правда, ничего не было?

Вовчик. Нет.

Галя. А ты пришёл... Ты вернулся, или за остатками вещей?

Вовчик. Я не знаю, как примешь... Если примешь, то... Но... Если что, то я... Не знаю, может зря пришёл.

Галя. Ты зря ушёл.

Вовчик. Правда?

Галя. Вовчик, нервотрепатель ты мой ненаглядный, скотиночка ты моя родненькая. Да я же без тебя жить не могу, я за эти дни чуть с ума не сошла. Да на хрена мне эта квартира и эта жизнь без тебя? Прости ты меня, стервозину такую, сама знаю, что не подарок, порой и самой от себя тошно, а вот другой быть не могу. Ну не могу, и всё.

Вовчик. Да мне и не надо другую. Я тебя такой люблю!

Галя. А я тебя таким!

Вовчик. Значит, я всё-таки тебе нужен?

Галя. Нужен, Господи! Конечно, нужен! Только ты и нужен! Ты один!

Пауза.

Галя. Да поставь уже, наконец, эту свою сумку и только попробуй мне ещё куда-нибудь уйти!

Вовчик ставит сумку вещами.

Вовчик. За здоровье!

По быстрому глоточку шампанского. Обнимаются, целуются как в первый раз.

Занавес

ТРАГЕДИЯ В СТИЛЕ СИМФО-РОК

Мюзикл «Ромео и Джульетта»

на сцене Санкт-Петербургского Театра музыкальной комедии

Если бы сам Шекспир увидел мюзикл «Ромео и Джульетта» в Санкт-Петербургской Музкомедии, финальную реплику Герцога Веронского он сформулировал бы иначе. Помните, как в оригинале: *For never was a story of more woe / Than this of Juliet and her Romeo*. Что принято переводить на русский язык заезженным вдоль и поперек афоризмом: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»... Однако английское слово *woe* – переводится как «горе», что потяжелее, чем «печаль». А уж в версии режиссера **Керо**, превратившего нежненько-сладенький французский мюзикл в наполненную драйвом современную трагедию, его так и хочется заменить на *horror*. Потому что спектакль этот не про печаль и даже не про горе. Это спектакль о войне. Войне, которая давно утратила смысл, память о первопричине, понимание источника или хотя бы элементарной мотивации. Здесь царит ненависть, которую не остановить. Агрессия, которую не унять. Злоба, у которой нет конца. Война до последнего живого. И это уже не печаль, не горе... Это катастрофа.

Французский мюзикл «Ромео и Джульетта» Жерара Пресгурвика взлетел на Олимп зрительской любви почти четверть века назад на волне безумного успеха предыдущего французского шедевра – «Нотр-Дам де Пари» Риккардо Коччанте. Рубеж XX и XXI веков был буквально озвучен для российских меломанов прекрасными, минорными, мелодичными, щемящими «шансонами», столь ласковыми для русского уха, воспитанного на романсе и блатной, простите, бардовской, песне. Дух французского мюзикла оказался для русской публики гораздо более «лояльным», нежели джаз-роковая буква «бродвейских» мюзиклов. Понадобились годы, чтобы наш зритель подготовился к принятию «Чикаго», We Will Rock You или Chess. А вот

французы «зашли» сразу, покорив души и уши любителей лирики.

Московская Оперетта прозорливо откликнулась на спрос, и вот уже в 2004 году на сцене этого театра появилась московская версия французского спектакля «Ромео и Джульетта». Это была, практически, калька – с теми же аранжировками, мизансценами, декорациями и костюмами. Разве что роль Смерти исполнил мужчина, а не женщина, как в оригинале. А поскольку мужчина был не кто-нибудь, а Николай Цискаридзе, это обеспечило и без того успешному проекту, огромную популярность. Лирика, нежность, легкая грусть – одним словом, сладкоголосые песни известного французского шансонье Жерара Пресгурвика под минусовую инструментальную фонограмму были перепеты на русском языке русскими звездами и стали хитами.

Но вот, спустя 20 лет, «Ромео и Джульетта» возвращаются в Россию. О, как сильно они изменились! Буквально до неузнаваемости. Где былая наивность и уязвимость? Кротость Джульетты и нежность Ромео? Где невинные шалости Меркуцио и Бельволио? Где бесстрастность Париса и упрямство Тибальта? Вместо этих милых ребят мы видим современных молодых людей – дерзких, несносных, наглых, озлобленных, дурно воспитанных, выросших в атмосфере непринятия и агрессии. Эkleктика костюмов, в которых сочетается современный модный дизайн с элементами всего чего угодно – от средневековых плащей до роскошных туалетов в стиле ар-деко – создает эффект театральной универсальности. События происходят не в конкретное время и не в конкретном месте, а везде и всегда, здесь и сейчас, в прошлом и, увы, в будущем. В этом – смысл спектакля, в который венгерский режиссер Керо вложил серьезное личное высказывание: «Наш спектакль о смертельном ужасе, который рождает необоснованная ненависть, приводящая к убийству. Драматизм в нем преобладает над лирикой. Это всегда производит сильное впечатление на зрителей. Да, мы говорим о любви, но также и о том, как под влиянием общественного давления возникают совершенно невыносимые ситуации, из

которых не каждому удастся вырваться. Мы стремимся доказать, что у каждого из героев – своя правда. Нет плохих или хороших – от сложившейся ситуации в равной степени страдают все».

На сцене питерской Музкомедии выстроены жесткие декорации – мобильные, трансформирующиеся, существующие в непрерывной динамике, впрочем, как и все остальные элементы действия. Партитура переосмыслена в эстетике симфо-рока – от попсовости оригинала осталось лишь воспоминание. Спектакль идет в сопровождении живого оркестра под управлением **Алексея Нефедова**. Живой драйв музыкантов в сочетании с живым драйвом артистов создает геометрическую прогрессию накала страстей, эмоций и энергии. Все работают на пределе – будто каскадеры ныряют в пропасть или прыгают с огромной высоты. Только вот страховочных лонжей у них нет. Они могут рассчитывать лишь на свои силы – чтобы не сорвать голос, удержать интонацию, не потерять контроль над ролью.

Каждая актерская работа достойна высших оценок. Заглавные герои – **Никита Брага** (Ромео) и **Александра Каспарова** (Джульетта) – поначалу такие же, как и их друзья – нахальные и даже слегка хамоватые. Но вот на них обрушилась

любовь. Непонятно почему и как. Есть, конечно, вариант ответа: Небеса в отчаянии посылают последний шанс, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие. И потому логична роль отца Лоренцо (в этой роли убийственно трагичен *Ростислав Колнаков*), который от лица тех самых Небес пытается как-то обстряпать дело. Но как неумело и глупо он это делает! Поистине усомнишься в том, Небеса ли были тем «подсказчиком» или совсем наоборот? Эпизод, когда Лоренцо в порыве гнева срывает с себя крест, наводит именно на эту предательскую мысль: ведь вместо любви возникает еще один акт ненависти, на сей раз по отношению к Церкви.

Кирилл Гордеев в роли Герцога тоже не слишком напоминает миротворца. Уж точно несет он в свою Верону «не мир, но меч...» Вернее, не меч, а виселицу.

Я очень долго мудрым был
Словам не усмирить ваш пыл!
Жестоких мер пришла пора!
Не ценят здесь добра!
Пусть каждый, кто чинит раздор
Получит строгий приговор!
Я вас возьму в стальной кулак!
С каждым будет так!

Герцог не голословен. Для подтверждения своих грозных обещаний он демонстративно вешает петлю под сводом храма. И каждый грамотный зритель легко считывает этот слегка переиначенный чеховский закон: если петля висит под потолком, то...

О тексте стоит сказать особо. Если кто-то из фанатов захочет услышать культовое «Короли ночной Вероны...», то его ждет жестокое разочарование. Нет, этот грандиозный хит, конечно, прозвучит – и в привычном месте, и в финале, однако текст здесь совершенно иной. И смыслы иные. Это неистовый

хор тех, кто не тварь дрожащая, кто право имеет, кому все дозволено:

«Страсть всех манит нас: вкус сладких губ, взор томных глаз шаг стройных ног. По телу ток - так, может: платье к чёрту?! Чувствуй кожей! Жизнь так жадно пьём, всё, что хотим мы - то берём! И мы в любви все, как в вине утонем, пусть душа и тело стонут»!

Номер неожиданно переходит в рэп, где слова еще более конкретны:

«Это истина, брат, и закон праотцов:

Где вы видели в природе моногамных самцов?!

Я выбираю наслаждение и распутных девиц

Ты назовешь меня «кобель», но ты ведь тоже без границ

Мы не ждём той любви, что поэтами воспета!

Мы свободны выбирать ту жизнь, в которой нет запретов»!

Есть лишь один персонаж, который не участвует в этом разнузданном шабаше – Кормилица (*Агата Вавилова*). Она одна сохраняет человеческий облик, одна остается носителем простой народной мудрости, для которой соблюдение заповеди «не убий» - не от слова пастора, а от природы.

Знаменитый дуэт леди Капулетти (*Наталья Диевская*) и леди Монтекки (*Мария Лагацкая-Зимина*), вызывающий бурю зрительских оваций, становится здесь не просто кульминацией, а драматургическим твистом. В оригинале – это горестные рыдания женщин, оплакивающих смерть Меркуцио и Тибальта. В спектакле Керо дуэт звучит до сцены ссоры Меркуцио и Тибальта. Это не плач, а провокация, квинтэссенция ненависти, клич, разогревающий вражду, дающий сигнал: «Пли!». Обеим сторонам просто необходим этот поединок – а то конфликт принял слишком уж вялый характер. Надо его подпитать, усилить, полить реальной кровью. И то, что заводилами становятся именно женщины, матери, заставляет содрогнуться.

Огонь – важнейший компонент спектакля. Настоящее живое пламя. Разумеется, лицензированное, разрешенное, вероятно, какое-то холодное, специально театральное. Но только

то, что оно холодное – не видно. А видны настоящие факелы, которыми артисты жонглируют, размахивают в разные стороны, почти дотрагиваясь до волос партнеров. И легкий запах дымка дополняет впечатление, приоткрывая четвертую стену и впуская зрителя в этот безумный, безумный мир.

Эффектов здесь вообще очень много, как и впечатляющих театральных технологий. Впрочем, главный «трюк» - это удивительный синтез приемов реалистического, кинематографически буквального театра с законами мюзикла, самого условного из всех жанров, где артисты танцуют и поют. Что совсем не напоминает обычную жизнь. И в этом «Ромео и Джульетта» обнаруживает сходство с такими шоу, как например, «Суини Тодд» Сондхайма, где тоже натурализма хватает.

Главное испытание ждет зрителя в финальной сцене. И даже не в тот момент, когда, видя мертвую Джульетту, Ромео снимает ее тело с гробового пьедестала, идет к петле и вешается. И даже не в тот момент, когда очнувшаяся Джульетта вскрывает себе вены. Хотя все это выглядит столь реалистично, что сделало бы честь самому качественному психологическому триллеру. Но все же истинный мороз по коже проходит тогда, когда собравшиеся Монтекки и Капулетти заполняют пространство

храма. Звучит известный финальный хор. Вроде бы про любовь. Однако в нем нет даже намека на раскаянье, примирение, сожаление, желание остановить вечный бой. Нет. В нем – скрытая угроза и желание мстить. На новом уровне - все предыдущее покажется детской игрой. Война бесконечна. И каждый ее виток – еще более беспощаден, чем предыдущий

ДОСЬЕ

Керо – настоящее имя **Габор Миклош Кереньи**. Всемирно известный режиссер. С именем Кереньи связано большинство музыкальных постановок, представленных во время Сегедских театральных фестивалей под открытым небом. Здесь под его руководством множество раз были показаны всемирно известные широкомасштабные мюзиклы.

С Санкт-Петербургским театром музыкальной комедии режиссера связывает давнишняя дружба и творческое сотрудничество, которое началось в 2007 году с постановки оперетты И. Кальмана «Баядера».

Екатерина КРЕТОВА

Николай ПИНЧУК

Драматург, режиссер-педагог, г. Владивосток

КОЛЬЦО, ПРИНЦЕССА И КОЛДУНЯ

*сказка в одном действии,
семи сценах*

Действующие лица

Король

Принцесса

Рыцарь

Шут

Колдунья

ПРОЛОГ

Перед занавесом — Шут. Занавес может быть расписан видами старинного города, что позволит сцены «На улице» играть без дополнительных декораций.

Шут. Эту древнюю легенду
я сегодня сочинил —
дело было в прошлый вторник,
лет семьсот тому назад.
Тёмной ночью, ровно в полдень,
к королевскому дворцу
прилетел дракон огромный
и заржал, как крокодил:
«Эй, подать сюда принцессу!
Заберу её с собой —
может, съем, а может, в клетку
посажу и засушу.

Ну а если кто решится
ту принцессу защищать —
разговор у нас короткий:
был герой, а стал гарнир!»
Хороша была принцесса,
а героев не нашлось!
Все куда-то подевались,
про дракона услышав.
Лишь один смельчак явился
к королевскому дворцу,
он сейчас с драконом бьётся —
интересно, кто кого?..

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Занавес раздвигается, открывая тронный зал — два трона (один для Короля, другой для Принцессы), столик, на котором бумаги, чернильница с пером, большая печать и колокольчик для вызова слуг; на заднем плане — витражное окно.

В зале Король и Принцесса. Из-за окна доносятся лязг металла, топот, рёв дракона и другие звуки сражения. Король нервничает, ходит из угла в угол, прислушивается, заглядывает в окно и т.п. Принцесса сидит на своём троне в «олимпийском» спокойствии, будто всё происходящее её и не касается. При этом она то любит себя в зеркальце, которое постоянно висит у неё на запястье, то откровенно скучает.

Шут делает шаг назад и оказывается в зале. Садится на пол, снимает колпак и, дыша на бубенцы, полирует их о рукав своего балахона. Бубенцы при этом гремят.

Король (раздражённо). Да перестань ты греметь! Костюм в порядок приводить надо дома.

Шут. Помилуйте, Ваше Величество! Мой костюм в полном порядке. Но если вам будет угодно ввести меня в Королевский Учёный совет, я должен явиться там во всём блеске своего ума (любуется блеском бубенцов, надевает колпак).

Король. Что тебе, дураку, делать в Учёном совете? Там сидят серьёзные люди, думают...

Шут. Вот-вот! Я тоже сегодня думал...

Король. Ты думал? Уже смешно.

Шут. Да, я очень долго думал,

думал всем, чем только мог —
головой и спиной,
колпаком и башмаком...
Я хотел понять драконов —
что за странное зверьё?
Словно мухи на повидло,
на принцесс они летят...
Не дубина, а догадка
осенила вдруг меня —
я открыл закон природы,
удивительный закон!

А раз уж я открываю законы природы, то где мне место, как не в Учёном совете?

Король. Ну и в чём твой закон состоит?

Шут. Если девушка надменно
отвергает женихов —
одного, за ним другого,
а потом и счёт пропал:
десять, двадцать, тридцать, сорок
прогоняет со двора
и над каждым насмеётся
ни за что и ни про что,
то однажды непременно
в гости к ней придёт дракон.
Вот такой закон природы,
замечательный закон!

Как говорят учёные, мне осталось только уточнить статистику. Ваше Высочество, скольким женихам вы отказали — сорока двум или сорока трём?..

Принцесса не удостоивает Шута даже взглядом.

Король. Дурак, ты ври, да знай меру! Нашёл, чем шутить. Я и так себе места не нахожу.

Шут. Ваше место на троне, государь!

Король. А твоё скоро будет на виселице! (Выглядывает в окно.)

Ничего отсюда не видно! Вот что — поди-ка вниз, посмотри, как там дела. Потом вернёшься и доложишь.

Шут (*аплодирует*). Bravo, Ваше Величество! Зачем строить эшафот, платить палачу — куда дешевле послать бедного шута наблюдать за боем рыцаря и дракона. Эти молодцы и не заметят, что там под ногами хрустнуло...

Король. Значит, придётся заплатить палачу (*берёт со столика колокольчик, собирается позвонить*).

Шут. Не надо, Ваше Величество! Ещё не хватало, чтобы палач наживался за мой счёт!

Шут убегает. Король пристально смотрит на дочь; та демонстративно зевает.

Король. Однако, дочь моя, вы взрослая уже, давно пора подумать и о свадьбе.

Когда, скажите, вам придётся по душе хоть кто-то?..

Принцесса (*капризно*). Ах, папá, оставьте!

Мне ль замуж торопиться, как кухарке? Принцесса я! А это значит, что любой мечтает обо мне, как о подарке, как о сокровище...

Король. Но почему-то в бой немногие вступают ради вас. Немедленно я издаю указ, и, дабы не терять минуты зря, не буду даже звать секретаря.

(Подходит к столику, пишет.)

Тот славный рыцарь, что дракона победит (пусть даже он не очень родовит), дочь королевскую получит в жёны и станет сам наследником короны.

Принцесса. Меня получит?! Ха! Легко сказать...

Король. Вот дата. Подпись вот. И вот печать.

Входит Шут.

Король. А-а, явился! Ну, что там?

Шут. Соперники в отличной форме. Дракон гораздо массивнее, зато рыцарь более подвижен. Дракон изрыгает пламя, а рыцарь кружит на безопасном расстоянии, выбирая удобный момент для атаки.

Принцесса (*фыркает*). Кружит на безопасном расстоянии! Я так и знала, что он трус!

Шут. Трус, конечно трус, Ваше Высочество! То ли дело ваши друзья! Например, барон фон Бир. Когда его вызвали сразиться с драконом — не побоялся и смело ответил, что у него расстройство желудка, отчего он не может выйти на бой. Или граф Стерлинг. Узнав о драконе, тотчас снарядил корабль и отправился в путешествие за колониальными товарами — подлинный смельчак! А какое самопожертвование проявил маркиз де ля Мур! Сразу уехал в Испанию, где женился на престарелой инфанте Лолите — вот это подвиг!

Король. Довольно! Марш вниз, и не возвращайся, пока не случится что-то важное.

Шут. Почётная ссылка на крыльцо дворца, под крыло дракона. Удаляюсь!

Король и Принцесса.

Король. Вот ведь какая случилась беда с теми троими!

Каюсь, я их не любил никогда, ну да чёрт с ними.

Вы зато, помнится, были всегда довольны их кругом —

так почему хоть из них кто не стал вашим супругом?

Принцесса. Как вы грубы, папá, всё вам подай прямо на блюде!

Эти воспитанные господа — умные люди!

Каждый из них понимал, что ему

я не невеста,
Каждый из них был при мне потому,
что знал своё место.
Тот веселил меня, этот дарил
красивые вещи,
третий изысканно так говорил...

Король (*в сердцах грохает кулаком по тому, что подвернулось — только не по Принцессе*). Час от часу хлеще! Эти пройдохи ошивались около вас, даже не имея серьёзных намерений!

Вбегает Шут. Заметно, что очень спешил — глаза навывкате, дышит тяжело, хватается за сердце.

Король. Что-то ты слишком скоро прибежал.

Шут. Если б мог, бежал бы ещё скорее. Скорее, а главное — подальше, подальше! Плохо дело, Ваше Величество! Рыцарь пошёл в атаку, но неудачно: дракон сбил его с коня и теперь наступает, паля огнём из пасти. Рыцарь прикрывается щитом и пытается колоть копьём, но

копье не может пробить панцирь дракона. Заметно, что силы героя на исходе. Скоро дракон прижмёт его к стене, и тогда — всё...

Король (*мрачно*). Но ведь пока не всё? Герой ещё жив? Значит, у нас есть время потешить себя надеждой — последнее удовольствие, которое мы можем себе позволить. Ступай.

Шут. Куда?

Король. Что за вопрос? На поле боя, разумеется. И будь там до конца. Потом доложишь...

Шут. Ваше Величество! Дракон разъярён! Я боюсь... что не успею рассказать вам, как кончился бой, прежде чем сам кончусь...

Король. Вызвать палача?

Шут. Вызовите, Ваше Величество! Немедленно вызовите, и пошлите вниз — пусть он отрубит голову дракону, тот давно заслужил...

Король. Палач драконов не обслуживает, палач обслуживает

только людей. Кроме того, от дракона ты, если повезёт, сможешь убежать, а от палача — вряд ли. Подумай...

Шут. Ваше Величество, зачем думать — я же дурак, мне и так всё ясно... (*уходит*).

Король и Принцесса. Звуки боя тем временем всё ближе и громче.

Король. Дракон потребовал принцессу.

Принцессу не спасли повесы,
не спас принцессу и герой.

Судьба принцессы лыком шита:
её последняя защита —
лишь пожилой отец-король.

(*Вынимает меч из ножен.*)

Что остаётся королю?

Погибнуть на мгновение раньше
и не видать, как дочь потащит
дракон в трапезную свою.

Принцесса. Шарман, папá, как это мило!

Я вашу шутку оценила,
но слишком чёрен юмор ваш.
С драконом мы конфликт уладим —
ему как следует заплатим
и кончим этот ералаш.

Пудов пять золота отвесим...

Король. Дракон потребовал принцессу.

Принцесса (*морщится*).

Ну, если *это* хочет он,
тогда вам приказать бы надо
пригнать сюда баранов стадо —
когда насытится дракон,
уже не будет куролесить...

Король. Дракон потребовал принцессу.

Принцесса (*нервно*).

Ну это, знаете, совсем!..

Коль у него *такие* вкусы,

давайте... *погулять* отпустим
двух фрейлин — у меня их семь.
А там посмотрим по процессу...

Король. Дракон потребовал принцессу.

Принцесса (*очень нервно*). Я никак не пойму, папá, что вы предлагаете?

Король. Я ничего не предлагаю, дочь моя. Сейчас дракон покончит с героем и придёт за тобой. Я встречу его как смогу, а потом... потом мне уже будет всё равно.

До Принцессы, кажется, начинает доходить вся серьёзность ситуации. В этот момент раздаётся особенно громкий рёв, а после — тишина.

Король. Ну вот... (*с мечом наготове встаёт напротив входа в зал*).

Слышен быстрый топот. Король поднимает меч. Вбегают Шут. Король прежде, чем успеваешь сообразить, кто вошёл, рубит. Шут едва уворачивается от удара.

Шут. Ваше Величество, что случилось с палачом?

Король (*сконфужен*). С палачом? Да что с ним случится...

Шут. Спасибо, успокоили! А то гляжу — вы взялись за его работу. Ну, думаю, что-то стряслось в королевстве!..

Король. Где дракон — ты, вижу, всё-таки убежал от него?..

Шут. Убежал, Ваше Величество — впрочем, теперь это совсем нетрудно! Теперь даже черепаха сможет от него убежать — если, конечно, захочет. Потому как дракон лежит без движения и вряд ли уже когда-нибудь пошевелится!

Король. Неужели рыцарь встал ему поперёк горла?

Шут (*азартно*). Не рыцарь, Ваше Величество — копьё рыцаря встало дракону поперёк горла! Это надо было видеть! Когда, казалось, уже всё кончено, герой прижат к стене, дракон лишь примеряется, как его удобнее перекусить — рыцарь изловчился, и классическим ударом, прямо в пасть: раз! И готово! Дракон даже не пикнул!

Король. Не пикнул, говоришь? А кто только что ревел? Уж не

герой ли?

Шут (*скромно*). Нет, Ваше Величество, не герой. Это я крикнул (*Снова заводится*.) Но сами посудите: разве можно было равнодушно видеть всё это? А я это видел! Оле-оле-оле-оле!

Король. Да перестань ты горланить! Где сам победитель?

Шут. Победитель, Ваше Величество, идёт сюда. Но очень медленно.

Король. Почему? Он тяжело ранен?

Шут. Никак нет, можно сказать — совсем почти не ранен. Но ему трудно пробираться через ликующую толпу — слышите? — ваш народ уже празднует!

И верно — слышны радостные крики, взрывы петард, музыка и т.п.

Король (*потирает руки*). Что ж, пусть приходит. У меня есть, чем наградить славного рыцаря по заслугам (*смотрит на Принцессу*).

Шут (*перехватывает взгляд Короля*). Ууу!.. Гм-да. Достойная награда. Бедный рыцарь!

Впрочем, если он справился с драконом, то, возможно, совладеет и с Принцессой...

Король. А ну, исчезни! И не появляйся, пока рыцарь во дворце: только замечу где-нибудь твою глупую голову — немедля поручу её палачу!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица. Принцесса и Рыцарь.

Рыцарь.

Ты извини, слова мои просты.

Сказал бы я,

что не встречал подобной красоты
в родных краях...

Принцесса (*в сторону*).

В родных краях, увы,
жених оброс корой —

ко мне сам папа обращается на «вы»,
а он король!

Рыцарь.

Но разве выручат слова,
когда такой восторг внутри,
что помнишь и слова едва...

Принцесса (*в сторону*). Деревня, что ни говори. (*Рыцарю*.)

Отважный рыцарь, *вы* ведь давно не бывали при дворе?

Рыцарь. Точнее сказать — ни разу.

Принцесса. Это заметно — вам так трудно соблюдать придворный этикет и говорить стихами. Поэтому я разрешаю: говорите прозой, как простолюдины...

Рыцарь. Благодарю, моя принцесса. Но я не простолюдин. Наш род славен тем, что издревле охраняет границы королевства...

Принцесса. Тогда что вас вынудило оставить это славное поприще и примчаться в столицу?

Рыцарь. Как что? Дракон...

Принцесса. Ах, да-да... одни неприятности с этими драконами! Ну ладно, вот вы его победили, и что дальше?

Рыцарь. А дальше я женюсь на тебе.

Принцесса. Почему вы так решили?

Рыцарь. Во-первых, указ Его Величества короля. Я человек военный и привык выполнять

приказы. Во-вторых, ты и сама нравишься мне.

Принцесса. А, в-третьих?

Рыцарь. Что, в-третьих?

Принцесса. Для полной гармонии хорошо бы ещё одно условие.

Рыцарь. Какое?

Принцесса. Наверное такое, чтобы и вы мне тоже нравились, как *вам* кажется?

Рыцарь. А! Ну да, конечно! В-третьих, я тебе тоже нравлюсь. И, кстати, почему ты мне

выкаешь? Ведь уже завтра мы станем мужем и женой...

Принцесса. Да потому я вам выкаю, что как раз *вы* мне совершенно не нравитесь!

Рыцарь (*удивлён*). И... как же ты собираешься за меня замуж, если я тебе совсем не нравлюсь?

Принцесса. А кто меня спрашивал? Папочка издал указ, вы готовы его выполнить, а бедную, беззащитную принцессу, как бессловесную рабыню... (*плачет*).

Рыцарь (*чешет затылок*). Да, не очень благородно получается... Что же делать?

Принцесса. Доблестный рыцарь, если в вас есть хоть капля жалости к несчастной девушке, поговорите с папочкой — может, он отменит свой указ? Пусть наградит вас как-нибудь иначе! Право, такой видный молодец, как вы, легко найдёт себе подходящую партию!

Рыцарь. Так-то оно так... но видишь, в чём ещё загвоздка: я дал Его Величеству слово чести...

Принцесса. Как?! Вы дали слово чести, что женитесь на мне, даже не спросив меня? Это, по-вашему, честный поступок?

Рыцарь. В том-то и дело, что я ничего не знал! Его Величество поблагодарил меня за избавление от дракона и спросил, готов ли я и впредь так же верно служить ему. Разумеется, я ответил словом чести. Тогда Его Величество улыбнулся и огласил указ.

Принцесса (*в сторону*). Ну, папочка! Ну, хитрый старый лис... (*Рыцарю*.) Так пойдите, скажите ему, что передумали, что берёте своё слово обратно!..

Рыцарь. Слово чести обратно не берут.

Принцесса (*с надрывом*). Ну и что у нас будет за семейная жизнь? Разве возможно счастье там, где нет взаимной любви?

Рыцарь. Не знаю... Мне доводилось слышать разные истории. Бывало, пылко влюблённые остывали уже наутро после свадьбы. А бывало — любовь прорастала незаметно, как зерно, но со временем разрасталась, как могучее пышное дерево, усыпанное плодами. Кроме того, у меня есть одна вещь, которая нам поможет... (*достаёт из-за пазухи ладанку*).

Принцесса (*в сторону*). Я думала, он просто неумён, а он, оказывается, помешан на сказках!

Рыцарь (*достаёт из ладанки кольцо*). Вот! Оно волшебное.

Принцесса (*язвительно*). Правда? И что надо сказать — кара-бара-ча-ча, влюбись, принцесса, стгоряча?

Рыцарь. Нет, всё гораздо проще. Это самое кольцо мой отец подарил моей матери перед

свадьбой, и они прожили много лет в любви и согласии. А отцу кольцо передала его мать, моя бабушка — ей его подарил перед свадьбой мой дед. А деду...

Принцесса. А деду кольцо передала ваша прабабушка, которой подарил его ваш прадедуська,

а прадедуське отдала кольцо прапрабабушка, ей перед свадьбой вручил кольцо прапрадедуська, а прапрадедуське вручила кольцо прапрапрабабушка... и так далее, и так далее, и так далее. Все

они жили долго и счастливо, и хоть не нажили богатства, зато нарожали кучу детишек и вообще во всём у них были совет да

любовь — так?

Рыцарь. Ага. На! Держи. Береги его, это кольцо приносит счастье.

Входит убогая нищенка.

Нищенка. Добрые люди, подайте что-нибудь бедной старой женщине на пропитание!

Рыцарь растерянно шарит по карманам.

Принцесса (*подкидывает кольцо на ладони*). Значит, оно теперь моё?

Рыцарь. Твоё.

Принцесса. А раз моё, то я вольна с ним делать, что хочу. Эй, на! (*бросает кольцо нищенке*).

Нищенка, схватив кольцо, исчезает.

Рыцарь. Что ты наделала?

Принцесса. Распорядилась своей вещью по своему усмотрению. А что? (*Рыцарь молчит*.)

Если вам так дорого то колечко, догоните нищенку и отберите у неё. Ах, что я наделала! Как же теперь наша тихая, счастливая семейная жизнь? Что с вами, сударь? Вы из-за своего слова чести забыли все остальные слова? (*Рыцарь молчит*.) А, понимаю! Решаете трудную задачку: чего лишиться — рыцарской чести или счастья в личной жизни? Обратитесь в папочкин Учёный совет — может, там вам помогут?

Рыцарь. Нет. Такие задачи решаются не умом, а сердцем.

Принцесса (*иронически*). О, да!.. (*жестами пародирует сказанное рыцарем: вертит пальцем у виска и пренебрежительно машет рукой, затем указывает на сердце и поднимает вверх большой палец*).

Рыцарь. Многие рыцари перед свадьбой исполняют какой-нибудь обет...

Принцесса. Обед? Как интересно! Из каких блюд?

Рыцарь. Не обед, а обет. Торжественное обещание, если тебе так понятнее.

Принцесса. Ах, опять слово чести!

Рыцарь. Да. Тебе, конечно, известно про злую колдунью, которая крадёт у людей молодость и красоту?

Принцесса (*фыркает*). Это ещё что за чудо-юдо? Впервые слышу.

Рыцарь. Странно. Сколько я проехал по королевству, везде говорят о ней.

Принцесса. А, пусть простонародье болтает, о чём хочет, это их проблемы. Мне что с того?

Рыцарь. Колдунья одинаково опасна как простым девушкам, так и принцессам.

Принцесса. Ха! Да что она мне сделает? Кто пустит её во дворец — у нас полно стражи!

Рыцарь (*пожимает плечами*). Так или иначе, вот мой обет: я обещаю найти эту колдунью.

Если мне удастся её победить, я вернусь и женюсь на тебе.

Принцесса (*аплодирует*). Bravo! Ловко выкрутились! Колдунья превратит вас в немощного старца, и вы уже сможете не

жениться... *(уходит)*.

Рыцарь *(один)*. Я подал нищему денег — он с ними пошёл в кабак.
Я, вроде, всё правильно делал, да, видно, что-то не так.
Отбил у нахала я деву — она мне пощёчину: шмяк!
Я, вроде, всё правильно делал, да, видно, что-то не так.
Открыл другу правду я смело — друг стал мне навеки враг.
Я, вроде, всё правильно делал, да, видно, что-то не так.
Душа быть красивой хотела, высокой и чистой, как флаг — я, вроде, всё правильно делал, да, видно, что-то не так...
(уходит).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тронный зал. Король и Принцесса, позже — Шут. Король вне себя от гнева.

Принцесса. Но папочка, послушайте меня...

Король. Молчи, дочь непокорная, молчи!

Я больше не намерен ждать ни дня — пойдёшь сейчас!..

Шут *(вбегает, останавливается посреди зала, оглядывается)*. А где же трубачи?

Король. Ты почему здесь? Я тебе что говорил?

Шут. Вы мне говорили, чтобы я не показывался, пока рыцарь во дворце. Но теперь, как я понимаю, он уже не во дворце и вряд ли скоро вернётся. Наверное, можно и мне показаться. Так где трубачи?

Король. Какие ещё трубачи, что ты городишь?

Шут. Я услышал рёв дикого слона. Но сразу подумал: откуда в

тронном зале дикий слон? Тогда я решил, что это вы... позвали трубачей, чтобы они тут перед вами отрететировали боевые сигналы. Но вот, и трубачей тоже нет. И что за фанфары такие гремели — ума не приложу.

Король. Было бы что дураку прикладывать! Пошёл вон, не мешай мне беседовать с дочерью.

Шут. Конечно, конечно, Ваше Величество! Но всё-таки я бы позвал хоть одного трубача, чтобы он играл перед дверью, пока вы тут этак тихо, мирно беседуете с любимой дочерью. А то, знаете, придворные уже волнуются...

Король. Я сейчас не трубача позову, а палача.

Шут. Палача? Ну, это уж слишком! Неужели принцесса так сильно провинилась?

Король. Палача для тебя, болван! Вон отсюда! Нет, стой! Будешь ещё сплетни разносить... оставайся здесь! Заткни уши! Вот так и замри.

Шут застывает посреди зала в нелепой позе.

Король *(Принцессе)*. Дар жениха столь дерзко отклоня,

вы не героя оскорбили, а меня!

Я повторяю, что уже сказал:

покуда не найдёте вы кольца —

не только не войдёте в этот зал,

но даже не дойдёте до дворца.

Я дам команду стражам у ворот —

кольцо вам будет пропуском сюда.

Довольно я терпел из года в год

капризы ваши. Можно иногда

и вам мои капризы потерпеть.

Принцесса *(жалобно)*. Конечно, да, но только не теперь.

Король. А отчего ж не сразу?

Принцесса *(ещё жалобнее)*. Я больна,

и мне нужны покой и тишина.

Король. Уловки ваши знаю наперёд,

и ни одна отныне не пройдёт.

Немедленно на поиски кольца!

Принцесса. Ах, я теряю доброго отца!

Король. Пожалуй, слишком доброго, увы —
чем, не стесняясь, пользовались вы.

Шут (*который, разумеется, подслушивал*). Терпение как резина — можно тянуть очень долго, но чем сильнее растянешь, тем большее щёлкнет.

Король (*Шуту*). Ты что там бормочешь?

Шут пожимает плечами и гримасничает — дескать, ничего не слышу.

Король (*Принцессе*). Сию минуту издаю указ — касаться будет он не только вас.

(Пишет.)

Я, как отец народа своего,
забота обо всех отцах его,
повелеваю:
всех девиц, едва
им восемнадцать лет настанет, выдавать
без промедленья замуж! Строем под венец!
И никаких отсрочек!..

Шут. Любящий отец. Короли как малые дети: если их разозлить, они швыряются. Но если младенцы швыряются игрушками, то короли — указами.

Король (*Шуту*). А, негодяй, так ты подслушивал! Эй, кто там! Палача сюда!

Шут. Ай-ай-ай, Ваше Величество — смотрите, принцесса в глубоком обмороке!

Принцесса. Мне дурно, ах! Врача!

Шут. Врача!

Король. Молчать!

Принцесса. Ах, я еле дышу! Доктора, скорее!

Шут. Эй, доктора сюда, или врача! А, кстати, кто лучше?

Король. Палача!

Шут. Врача!

Принцесса. Доктора!

Король. Палача!

Шут. Доктора!

Принцесса. Врача!

Шут. Кукарача!

Принцесса. Палача!

Король (*зажимает ладонями уши*). Трубача!

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Улица. Принцесса.

Принцесса (*хнычет*). Папашка изверг и тиран,
каких на свете мало!
Зачем про то кольцо вчера
ему я рассказала?
Могла ведь запросто соврать:
удрал герой, и точка...
Так нет — хотела показать
отцу характер дочка!
Увы и ах! Куда влечёт
принцессу доля злая?..

Входит нищенка.

А, впрочем, погоди. Ещё
они меня узнают! (*Нищенке.*) Эй ты, уродина!

Нищенка. Ах! Добрейшая принцесса!

Принцесса. Сама знаю, что добрейшая!

Нищенка. Великолепнейшая принцесса!

Принцесса. Сама знаю, что великолепнейшая!

Нищенка. Умнейшая принцесса!

Принцесса. Сама знаю, что умнейшая! Ты мне тут зубы не заговаривай! Где кольцо?

Нищенка. Про какое кольцо изволит говорить прекраснейшая принцесса?

Принцесса. Про то, что я кинула тебе вчера.

Нищенка. Ах, про то самое колечко, которое щедрейшая принцесса подала бедной старой женщине?

Принцесса. Да, да, про то самое! Ну, где оно?

Нищенка. Здесь, здесь, где ж ему быть! Симпатичное такое колечко, бедная старая женщина даже не стала менять его на кусок хлеба, а оставила себе.

Принцесса. Отлично! Давай его сюда.

Нищенка. Как?! Великодушнейшая принцесса отбирает у бедной старой женщины подаяние?

Принцесса. Я передумала. Отдавай кольцо, получишь золотой.

Нищенка. О, бескорыстнейшая принцесса! Целый золотой за скромное колечко! Бедная старая женщина недостойна такого дара! Бедная старая женщина отдаст кольцо просто так, за одну лишь маленькую милость, которую соблаговолит оказать любезнейшая принцесса!

Принцесса. Ладно, только поскорее. Говори, чего хочешь.

Нищенка. О, терпеливейшая принцесса, бедная старая женщина просит совсем немного. Бедная старая женщина не смеет подойти к славнейшей принцессе, она подползёт к ней *(на четвереньках подползает к Принцессе)*, вот так. Теперь, о, снисходительнейшая принцесса, посмотрите в недостойные глаза бедной старой женщины и протяните к ней ваши ослепительнейшие ручки!

Далее происходит следующее. Нищенка, стоя на коленях, протягивает руки к Принцессе, а та заворожено глядит ей в глаза и медленно протягивает свои руки навстречу. Как только пальцы Принцессы и Нищенки соприкасаются, раздаётся гром и одновременно гаснет свет. Когда (через секунду, не больше) свет снова загорается, мы видим Принцессу и Нищенку в противоположных позициях: Нищенка стоит, где стояла Принцесса, а Принцесса на коленях — на месте.

Нищенки. Позы совершенно идентичные. Произошло Превращение. С этого момента актриса, игравшая Принцессу, играет Колдунью (которой, как понятно, и была нищенка), а актриса, игравшая Нищенку, играет, соответственно, Принцессу.

Колдунья *(хохочет, поднимается с колен, разминается, пританцовывает)*. Ух! Давно я не чувствовала такой лёгкости! *(Оглядывает себя.)* А хороша-то, хороша! Ручки, ножки, личико — ай, красота! И платье, и причёска — ну просто прелесть! *(Принцессе.)* Хорошо тебя папочка содержал — холил и лелеял!

Принцесса. Ты... ты кто такая?!

Колдунья. Хм, как тебе сказать... кем была — неважно, зато теперь буду принцессой!

Принцесса. Что?! Да как ты смеешь! Я сейчас пойду, скажу папе — он живо с тобой разберётся!

Колдунья. Ха! Иди, иди! Только сперва на себя полюбуйся! *(Хохочет.)* Умнейшая принцесса! Как попалась! Запомни, несчастная гордячка: ни от чего люди так не глупеют, как от высокомерия! Впрочем, тебе уже поздно учить уроки, бедная старая женщина. Ладно, оставайся, а мне пора во дворец — надо обрадовать папочку, что кольцо нашлось!

Колдунья, хохоча, уходит.

Принцесса. Это сон, или просто сошла я с ума?

Это смерть, или просто сошла я с ума?

Вроде, те же дома,

вроде, здесь я сама...

но — меня уже нет?

О, немыслимый бред!

Невозможно такое, но всё так и есть!

Невозможно такое, но вот оно, здесь!

Это здесь и со мной...

это здесь и со мной?

Это я? Или всё — лишь одни миражи,

ничего больше нет,

и меня больше нет?

Ну, и как теперь жить?

О, чудовищный бред!..

Сгорбившись и закрыв лицо руками, Принцесса уходит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Тронный зал. Колдунья, развалясь, сидит на троне и ковыряется в зубах — она только что плотно пообедала, о чём

свидетельствует и грязная посуда на столике перед троном. Заметим наперёд, что настоящая Принцесса, при всех её недостатках, умела вести себя культурно, чего совсем не скажешь о Колдунье даже в обличье принцессы.

Король (*умилённо*). Понравился обед?

Колдунья. Ага. А что на ужин?

Шут. Простите за совет,
но... вам не будет хуже?

Колдунья. Мне? Нет.

Король. Ну а тебе,
болван, какое дело?
Принцесса целый день
как следует не ела!

Шут. Да, нагуляла...

Король. Что?

Шут. Прекрасный аппетит!
Природа, воздух свеж,
прогулка так бодрит,
что за обедом съешь,
пожалуй, и верблюда.
Так лучше аппетит,
чем, например... простуда.

Колдунья. Сейчас как полетит
тебе в башку посуда,
посмей ещё хамить!

Король (*слегка шокирован манерами «принцессы»*).
Вы совершенно правы,
желая приструнить
шута, но что за нравы?
Что за слова от вас
я слышу, дочь моя?

Колдунья. Ой, да ладно вам, папочка! Слова, как слова — на улице все так выражаются, а то и почище.

Король. Какой кошмар! Всего лишь день пробыв среди простых людей, дочь набралась... (*Ищет рифму.*) дочь набралась...

Шут. Демократических идей!

Колдунья. Во! В самую точку! (*хохочет*).

Король. Но дочь моя, прилично ли?

Ведь ваши предки — короли!

Колдунья. Да, предки у меня что надо! Но, скажем прямо, устарели. Взять хотя бы эту манеру говорить стихами — что за бабушкина мода? Как услышу я стихи — пробивает по «хи-хи»! Нормальные люди давно уже так не разговаривают. Нет, вы тут точно отстали от жизни!

Король. Принцесса, опомнитесь! Всего лишь день вас не было во дворце, а такое ощущение, будто вы сюда попали впервые!

Колдунья. Ах, папочка, простите — я столько натерпелась за этот день! Позвольте мне отдохнуть до ужина?

Король. Позволю, но прежде решим один вопрос.

Колдунья (*томно*). О, я так устала! Пускай вопрос подождёт...

Король (*усмехается*). Вот теперь я узнаю свою дочь! Нет, дорогая, как бы вы ни устали, но вопрос о вашем замужестве мы решим немедленно.

Колдунья (*подскакивает на месте*). О моём замужестве?!

Король. Да, о вашем замужестве.

Колдунья. Что ж вы мне сразу не сказали? Давайте, давайте решим этот вопрос немедленно!

Король. Чудеса, да и только! Ещё вчера вы были категорически против, а сегодня...

Колдунья (*перебивает*). Я многое поняла за это время! Я теперь очень хочу замуж!

(*В сторону.*) Знал бы ты, как я хочу — двести лет не была замужем! (*Королю.*) Итак, я готова замуж хоть сегодня, даже не дожидаясь ужина!

Король. Это похвально, но сегодня не получится, ведь ваш жених далеко отсюда.

Колдунья. Мой жених?.. Ах, мой жених! И когда же он вернётся?

Король. Не раньше, чем выполнит свой обет.

Колдунья. И... какой же у него обет?

Король. А вы разве не помните?

Колдунья. Помню, но смутно, смутно... о, все эти тяготы и лишения прошедшего дня!..

Король. Что ж, я вам напомню. Рыцарь хочет найти и победить злую колдунью, которая крадёт у людей молодость и красоту.

Колдунья. Ой!

Король. Что такое? Вам плохо?

Колдунья. Нет-нет, просто... просто... я знаю, как эта колдунья выглядит! Да-да, сама её видела — она буквально на моих глазах украла молодость и красоту у одной девушки, бедняжка тут же превратилась в безобразную старуху. Хорошо ещё, что меня не заметили, а то ведь тоже могли превратить...

Король. Бедная, бедная моя дочь! Сколько перетерпела!

Колдунья. Да!

Король. Как рисковала!

Колдунья. Да!

Король. Ну ничего, самое страшное уже позади...

Колдунья. Да?

Король. Да, да. Вы подробно опишете, как выглядит колдунья, мы отправим описание рыцарю, он быстро её найдёт.

Колдунья. Да, да, да! А что он с ней сделает?

Король. Ну, не знаю — ему там виднее будет, как поступить.

Колдунья. Только пусть не ведёт её во дворец — я боюсь!

Король. Хорошо, моя милая. Я прикажу рыцарю казнить колдунью на месте.

Колдунья. Ура! Так ей и надо! Голову с плеч — ха! Руки, ноги — ха, ха! И туловище пополам — хрясь!

Шут. Всё-таки отменный аппетит нагуляла принцесса — она стала не только прожорливой, но и кровожадной...

Колдунья (*швыряет в шута тарелкой*). Я тебя предупреждала? (*Королю*.) Папочка, прогоните шута!

Король. Пошёл вон, дурак! И не появляйся, пока...

Колдунья (*перебивает*). Папочка, вы не поняли! Прогоните шута совсем — вон из дворца, чтоб и духу его здесь больше никогда не

было!

Король. Но дочь моя... шут, конечно, дерзок и глуп, однако...

Колдунья. Никаких «однако»! Если вы сию минуту не прогоните шута, я... я отказываюсь выходить замуж, вот!

Король. Но, принцесса!..

Колдунья. И есть я тоже отказываюсь! Ну?!

Король (*разводит руками*). Ну... (*Отводит Шута в сторонку*.) ты это... того... (*Достаёт кошель, отсчитывает несколько монет*.) на вот... Не обижайся, сам не знаю, что с ней... всего лишь раз принял воспитательные меры, а оно вон как обернулось!
Шут. Не переживайте, Ваше Величество, я вас понимаю! Но и принцессу понимаю тоже: всю жизнь лю-лю-лю, да сю-сю-сю, и вдруг — воспитательные меры! Боюсь, теперь у неё сдвиг на нервной почве.

Король. Да, да... бедная девочка!

Колдунья. Папа! Ну в чём дело?

Король. Ладно, пошёл вон, дурак... не поминай лихом! (*Шут уходит*.) И опять моя последняя надежда — на героя! Выдам дочку — авось, со временем всё утрясётся... (*Принцессе*.) Итак, дочь моя, вы довольны?

Колдунья. Вполне.

Король. Больше никаких условий не требуется, чтобы вам выйти замуж?

Колдунья. Никаких, «папочка», я готова!

Король. Прекрасно! Надеюсь, рыцарь через неделю-другую вернётся, а мы тем временем приготовимся к свадьбе.

Колдунья. Через неделю-другую! Папочка, а можно я, пока рыцарь не вернулся, схожу замуж за кого-нибудь ещё?

Король со стоном оседает.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Улица. Входит Принцесса в обличье нищенки.

Принцесса. Как сладка корка чёрного хлеба,

если вместо бульона — вода,
вместо фруктов — мочёная репа,
да и то не всегда, не всегда...
Как уютна канава сухая,
если нет никакого жилья —
кто не пережил сам, тот не знает,
как не знала когда-то и я.
Как приятно, когда все смеются
над тобой, но не гонят, не бьют.
Хорошо, даже если плюются,
но монетку притом подают.
И забвенья воронка ночная
во сто крат вожделеннее дня...
Кто не пережил сам, тот не знает,
как не знала когда-то и я.

(Присаживается, достаёт из котомки еду.) Принцессе сегодня повезло — у неё на обед целая луковица и аж два сухаря! *(Усмехается.)* Странно, я всё ещё называю себя принцессой, хотя очевидно, что уже не являюсь ею, и вряд ли когда снова обрету свой прежний облик... *(Задумчиво жуёт.)* И вот что ещё странно: при всём притом, что меня теперь как будто и нет, я никогда раньше не чувствовала себя такой настоящей. Снаружи я — уже не я, а внутри, выходит, я только-только стала собой... *(Озирается.)* А здесь довольно мило, и до города недалеко — отдохну, пожалуй. *(Принцесса готовит себе место для отдыха, но вдруг замирает, глядя в сторону.)* Не может быть!.. Или не он?.. Да нет же, точно он! Заметил меня, идёт сюда?! Какой ужас, а я только что наелась луку — как буду с ним разговаривать? *(Смеётся.)* А зачем мне с ним разговаривать? Я — бедная старая женщина! Он меня и не узнает. Только всё равно уйду, а то ведь жалеть начнёт, милостыню подавать — ещё чего не хватало!

Принцесса собирается уйти, но тут вбегает Рыцарь.

Рыцарь. Стой! Ни шагу больше — я узнал тебя!

Принцесса. Узнал меня? Но это невозможно!

Рыцарь. Ещё как возможно! У меня твоё подробное описание, сделанное принцессой.

Принцесса. Принцессой? Какой принцессой?

Рыцарь. Не отпирайся! Ты — злая колдунья, которая крадёт у людей молодость и красоту.

Принцесса. Ах, вот оно что!..

Рыцарь. Да. Принцесса видела тебя как раз в тот момент, когда ты заколдовала одну девушку — теперь бедняжка где-то влачит жалкое существование нищей старухи...

Принцесса. Что верно, то верно — влачит, ещё как влачит...

Рыцарь. Значит, признаёшь свою вину?

Принцесса. Свою вину?!.. *(Осекается, в сторону.)* Да что это я, в самом деле — доказать ничего невозможно, все улики — на мне, точнее, я сама улика и есть. Будь, что будет!

(Рыцарю.) Признаю.

Рыцарь. Это делает тебе честь, хотя не облегчает твоей участи. У меня приказ казнить тебя на месте. Впрочем, если ты имеешь последнее желание, я постараюсь его выполнить — кроме, разумеется, желания уйти от наказания. Итак?..

Принцесса *(в сторону, быстро).* Господи, неужели всё, конец? Нет, нет! Надо собраться, надо использовать этот шанс... но что же делать? Объяснять бесполезно, умолять — тем более. Ах, может быть?!.. да, это последняя моя надежда — раньше я смеялась над сказками, но теперь ничего другого не остаётся... *(Рыцарю.)* Благородный рыцарь, я хочу, чтобы вы меня сейчас крепко-крепко поцеловали!

Рыцарь *(смущённо).* Ну... я попробую... *(Бормочет.)* Тут мне потребуется смелости больше, чем с драконом...

Рыцарь подходит к Принцессе и крепко её целует. Однако всё остаётся по-прежнему.

Принцесса *(в сторону).* Увы, чуда не произошло. Либо сказки всё-таки врут, либо я слишком долго смеялась над ними. Что ж, по крайней мере, конец моим мучениям...

Рыцарь *(вынимает меч).* Ваше последнее желание выполнено.

А теперь прошу меня простить — я должен исполнить свой долг. (*Принцесса склоняет голову, Рыцарь заносит меч, но, подержав пару секунд на весу, возвращает в ножны.*) Нет, не могу. Дракона — пожалуйста, вооружённого врага — пожалуйста, но беззащитную старуху — увольте! Я отведу тебя во дворец на суд короля, и если Его Величество решит казнить — у него есть палач. Собирайся, пойдём — может быть даже, тебе удастся выпросить у принцессы помилование...

Принцесса (*в сторону*). Что?! Отец будет меня судить, а я — просить о помиловании у этой ведьмы? Да такое унижение хуже смерти! (*Рыцарю.*) Я никуда не пойду.

Рыцарь. То есть, как это — не пойдёшь? Ты что, не понимаешь — у меня приказ казнить тебя на месте!

Принцесса. Вот и казните!

Рыцарь. Я не палач.

Принцесса. Но у вас приказ, вы должны его выполнить.

Рыцарь. Марш во дворец!

Принцесса. И не подумаю.

Рыцарь. Тогда придётся тебя отнести.

Рыцарь взваливает Принцессу как куль на плечо и медленно направляется за кулисы.

Принцесса. А зря я тогда не вышла за него замуж. Он хоть и незнатен, зато смел и благороден. Да и поцелуй был хорош...

Уходит вместе с Рыцарем.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Тронный зал. На троне сидит Король в глубоком унынии. Из-за кулис доносятся смех Колдуньи и какие-то мужские голоса — легко догадаться, что все они там не скучают.

Голос Колдуньи (*у самого входа*). Ну ладно, ладно! Что?.. Фуй, какие вы... (*Хохочет.*) Подождите здесь, я сейчас!.. Нет, вам сюда нельзя, а то папочка рассердится...

Колдунья вваливается в тронный зал, вид у неё несколько растрёпанный. Плюхается на трон, обмахивается.

Колдунья. Уф! Барон фон Бир такая душка! Напьётся пива, начнёт чудить — никакого шута не надо!

Король (*угрюмо*). Живот у него уже не болит?

Колдунья. У барона? (*Хохочет.*) Скорее дубовая бочка заболит, чем его живот!

Король. Разве что с перепугу... А какими судьбами во дворце этот вертлявый маркиз — у него, кажется, должен быть медовый месяц?

Колдунья. С кем — с той инфантильной инфантой? Ха! Видели бы вы, как он валялся у меня в ногах, выпрашивая прощения за свою ошибку! Ну я, разумеется, помучу его немного, а там поглядим...

Король. Что значит — поглядим? Вам самой скоро замуж — или вы забыли?

Колдунья. В том-то и дело, папочка, что мне скоро замуж — надо же нагуляться! (*Танцует джигу.*) Йо-хо! Пока молодой — бери от жизни всё!

Король (*хватается за голову*). О, скорее бы, скорее бы вернулся ваш жених!

Колдунья (*в сторону*). А мне что-то совсем этого не хочется. Неплохо бы найти повод, чтобы отменить свадьбу...

Входит Рыцарь с Принцессой.

Король. Какое счастье — вот и он!

Колдунья (*в сторону*). Какое счастье — вот и повод! (*Разыгрывает панику.*) Это она! Это она! Папочка, это та самая колдунья! Она меня сейчас превратит! Ах! (*изображает обморок*).

Король (*бросается к колдунье, хлопочет около неё*). Дочь моя, что с тобой?

Колдунья (*слабым голосом*). Ах, папа, я сейчас умру... зачем он привёл сюда эту... эту... ох! (*«теряет» сознание*).

Король. Эй, кто там! Врача сюда, живо!

Колдунья (*томно*). Не надо врача, лучше палача — пусть он казнит колдунью, раз уж рыцарь не сумел этого сделать...

Король. А, кстати, как ты смел не выполнить приказ?

Рыцарь. Ваше Величество, я воин, а не палач. Кроме того, я, честно говоря, не уверен, что эта старая женщина и есть та самая колдунья...

Король. Ты что-то много говорить стал, рыцарь! Воину не подобает многословие. Тебе прислали описание колдуньи?

Рыцарь. Так точно.

Король. Оно совпадает с её внешностью?

Рыцарь. Да, но...

Король. Какие ещё «но»?! Ты что, не веришь глазам своим?

Рыцарь. Ваше Величество, глаза мои видят одно, а сердце говорит совсем другое. Я чувствую, здесь какая-то ошибка. Да вы сами подойдите поближе, поглядите на эту несчастную — разве она похожа на колдунью?

Колдунья. Папочка, не подходи — она и тебя заколдует!

Король. Ну с меня-то ей нечего взять (*Подходит, внимательно смотрит на Принцессу.*) Хм... да, действительно, что-то не то... Ладно! Посадим пока старушку под замок, а завтра соберём учёный совет, пускай они её хорошенько того... исследуют... анализы там всякие возьмут... короче, сами разберутся. А уж по результату решим, что с ней делать.

Рыцарь. Ваше Величество, Вы — самый мудрый и великодушный король из всех, которых я когда-либо встречал!

Король (*смущённо*). Ну скажешь тоже... а много тебе довелось повстречать королей?

Рыцарь. Откровенно говоря, только вас.

Колдунья. А! Вы там сговорились! Так вот же вам: вы, папочка — чёрствый, бездушный, нелюбящий отец, которому наплевать на родную дочь! А вы, рыцарь, просто тряпка! Вы не сдержали своего слова, поэтому я не считаю себя обязанной выходить за вас замуж! Нате, заберите это дешёвое колечко — тоже мне, подарочек! (*Снимает кольцо и бросает его под ноги рыцарю.*) Мне граф Стерлинг во какой перстень преподнёс!

Рыцарь (*подбирает кольцо*). Вы правы. Я не выполнил обет, поэтому не только не могу жениться на вас, но даже не имею чести называться рыцарем. Более того — я опозорил свой род, и, значит, этого кольца тоже недостойн. Бедная женщина, раз уж однажды оно попало к вам, пусть у вас и останется...

Рыцарь отдаёт кольцо Принцессе. Гром, затемнение. Когда сцена вновь освещается, мы видим, что на троне сидит нищенка, а в ногах у Рыцаря и Короля — Принцесса. Произошло Обратное превращение.

Колдунья (*не замечает происшедшей с ней перемены*). Вот и мотай отсюда! Можешь забрать с собой старуху — совет вам да любовь! (*хохочет*).

Рыцарь (*смотрит на Принцессу*). Какую старуху?.. (*Берёт за руку, поднимает с пола*).

Король (*смотрит на Колдунью*). Какая старуха!..

Колдунья. Какая ещё старуха? Вы что, папочка, совсем сбрендили, родную дочь не узнаете?

Король (*смотрит на Принцессу*). Узнаю. (*Колдунье.*) А ты кто такая?

Колдунья. Кто я такая?! (*Оглядывает себя.*) Кто я такая?.. Ай! Меня превратили! Папочка, это она колдунья, она!

Король. Ну теперь-то меня не проведёшь! (*Бросается к Колдунье.*)

Принцесса. Папа, осторожно!

Король. Чепуха, в мои-то годы — у меня давно иммунитет на её колдовство!.. (*Хватает Колдунью за шиворот, тащит к выходу.*) Эй, стража! Кого-нибудь из ветеранов сюда!..

Принцесса (*Рыцарю*). А вы... нет, ты был прав — кольцо действительно волшебное!

Рыцарь (*обнимает Принцессу*). Да, моя принцесса!

Принцесса. Опять принцесса я?

Вот фокусы судьбы!

Возвращается Король.

Король. Нет, больше, дочь моя, принцессой вам не быть!

Правление моё
я вскоре передам —

(Одной рукой обнимает Рыцаря, другой — Принцессу.)

ему быть королём,
а королевой — вам!

Принцесса. Что, опять превращение?

Король. Да.

Никакая, поверьте мне, дева
оставаться не может принцессой всегда,
а вот замужем вы — королева!

Принцесса. Я против не скажу

на этот раз ни слова.
Но где наш добрый шут?

Король. Ах, милая! Уловок

лукавых жертвой стал
и выгнал я шута —
такая срамота!

Шут *(вбегает)*. Такая смехота — будто возможно выгнать шута!
Да как бы не так!

Король хочет обнять Шута, но тот уворачивается.

Шут *(апарт)*. Я рассказал вам сказку, как умел.

Рассказ мой был немного торопливым,
зато финал в нём выдался счастливым,
и, вроде, даже кто-то поумнел!

Занавес

Дорогие ценители театрального искусства!

С радостью анонсируем выход специального номера журнала «ДрамТеатр» под названием «Строгий отбор». Уже в конце апреля 2025 года вы сможете погрузиться в мир выдающихся драматургических решений и открытий.

На страницах этого уникального выпуска собраны пьесы-победители престижных конкурсов:

- «Действующие лица»
- «Исходное событие XXI век»
- «Плечом к плечу» Гильдии драматургов России
- «Евразия» Николая Коляды

Этот номер предназначен не только для профессиональных театров России, но и для всех, кто любит театральное искусство. Пьесы помогут пополнить репертуар театров современными авторами, а зрители смогут переживать на актуальные темы, отражающие современность и жизненные вызовы.

Редакция журнала «ДрамТеатр»

Теннесси УИЛЬЯМС

27 ТЕЛЕЖЕК С ХЛОПКОМ

*комедия в дельте Миссисипи*Перевод Александра Чупина
публикуется впервые*«Теперь Эрос сотрясает мою душу,
как горный ветер вырывает из земли дубы»*

Сапфо

Действующие лица

Джейк Мейган, владелец хлопковой фабрики.

Флора Мейган, его жена.

Сильва Викарро, управляющий плантацией Синдиката.

*Действие происходит на крыльце дома Мейганов близ Голубой горы, штат
Миссисипи.**Фасад дома Мейганов близ Блу-Маунтин, штат Миссисипи. Крыльцо узкое и ещё
больше сужается при подъеме вверх. По обе стороны от крыльца расположены
высокие белые столбы, поддерживающие крышу, дверь и два окна по обе стороны
от неё в готическом стиле. Остроконечная дверь украшена овальным мозаичным
окном лазурного, малинового, изумрудного и золотого цветов. На окнах - лёгкие
белые занавески, кокетливо подвязанные посередине нежно-голубыми атласными
лентами. Всё напоминает кукольный домик.*

Сцена первая.

*Ранний вечер, небо окутано едва заметными розоватыми сумерками. Вскоре после
того, как занавес поднимается, Джейк Мейган, толстый шестидесятилетний
мужчина, выскакивает из парадной двери и забегает за угол дома, неся канистру
с бензином. На него лает собака. Слышно, как вдали заводится и быстро уезжает
машина. Мгновение спустя Флора зовёт его из дома.***Флора.** Джейк! Я где-то потеряла свою белую детскую сумочку!
Джейк? Посмотри, может быть она на качелях. (Пауза.) Или я
оставила её в Шевроле? (Подходит к двери.) Джейк. Посмотри,
не забыла ли я её в машине. Джейк?*Выходит на улицу в сгущающиеся розовые сумерки. Включает
свет на крыльце и осматривается, отмахиваясь от мошек, летящих на свет.
Саранча стрекочет ей в ответ. Флора кричит протяжным носовым звуком.*

Дже-е-е-йк!

*Вдалеке мычит корова с такой же интонацией. Где-то в полумиле от нас
раздаётся приглушенный взрыв. Появляется странное мерцающее свечение,
отражающее вспышку пламени. Слышны отдалённые крики.***Голоса** (пронзительные, кудахчущие, как куры). – Ты слышал
этот шум? – Да! Как будто взорвалась бомба! – О, смотри! –
Это – пожар! – Где он? – На плантации синдиката! – Боже мой!
Поехали!*Вдалеке раздается пожарный свисток.*– Генри! Заводи машину! Вы поедете с нами? – Да, мы сейчас
выйдем! – Поторопись, милый!*Слышно, как заводится машина.*

– Сейчас буду! – Ну же, давай.

Голос (прямо через дорогу). Миссис Мейган?**Флора.** Да-а?**Голос.** А вы не поедете на пожар?**Флора.** Я бы хотела, но Джейк уехал на своём Шевроле.**Голос.** Давайте тогда с нами!**Флора.** Я не могу оставить дом открытым! Джейк забрал ключи.
А что горит?**Голос.** Плантация Синдиката!**Флора.** План-та-а-ция? (Машина трогается с места и
удаляется.) Господи!*Она с трудом поднимается обратно на крыльцо и садится на качели, которые
смотрят на фасад. Трагично разговаривает сама с собой.*

Никто! Никто! Никогда! Никогда! Никто!

*Стрекот саранчи. Слышно, как подъезжает машина и останавливается на
расстоянии за домом. Через мгновение Джейк небрежной походкой выходит из-за
угла дома.***Флора** (капризным детским тоном). Ну что?**Джейк.** Что случилось, детка?**Флора.** Никогда не думала, что человек может быть таким ужасно
эгоистичным!**Джейк.** Это слишком оскорбительное обвинение, миссис Мейган.

На что вы жалуетесь в этот раз?

Флора. Выбежал из дома, не сказав ни слова!

Джейк. Что в этом такого?

Флора. Я сказала тебе, что у меня разболелась голова, и мне хотелось выпить, в доме не осталось ни одной бутылки, а ты сказал, чтобы я искала в своих вещах, а потом мы поедем в город! Я стала искать и не смогла найти белую детскую сумочку. Вспомнила, что оставила её на переднем сиденье Шевроле. Вышла за ней. Но ни тебя, ни машины! Ты уехал, не сказав ни слова! Потом раздаётся взрыв! Знаешь, что случилось с моим сердцем?

Джейк (*кладет руку на её огромную грудь*). Я слышу как оно бьётся у моей малышки.

Флора. Чувствуешь, как стучит? Как молоток! Откуда я могла знать, что там произошло? Тебя нет, просто исчез!

Джейк (*резко*). Заткнись! (*Грубо отталкивает её за голову.*)

Флора. Джейк! Зачем ты это сделал?

Джейк. Не люблю, когда ты орёшь, вопишь как резанная!

Флора. Да что с тобой такое?

Джейк. Со мной всё в порядке.

Флора. Почему ты уехал?

Джейк. Я не уезжал!

Флора. Тебя не было! Не говори мне, что ты никуда не уезжал, я слышала, как подъехала машина? За кого ты меня принимаешь? За ненормальную?

Джейк. Если у тебя ещё остались мозги, держи свой поганый язык за зубами!

Флора. Не разговаривай со мной в таком тоне!

Джейк. Зайди в дом.

Флора. Не пойду. Сумасшедший эгоист, вот кто ты! За ужином я сказала тебе, что не осталось ни одной бутылки кока-колы. Ты сказал. «Ладно, сразу после ужина мы поедем и купим ящик.» Но когда я вышла из дома...

Джейк (*встает перед ней, обхватив её шею обеими руками*). Смотри на меня! Слушай, что я тебе скажу!

Флора. Джейк!

Джейк. Тихо! Просто послушай, детка.

Флора. Отпусти меня! Черт возьми, отпусти моё горло!

Джейк. Постарайся сосредоточиться на том, что я тебе скажу!

Флора. Скажешь что?

Джейк. Я никуда не уезжал...

Флора. Ну, конечно...

Джейк. Никуда не выходил после ужина! Поняла?

Флора. Джейк, милый, ты сошёл с ума!

Джейк. Возможно. Это неважно. Просто запомни это и держи в своей голове. Я не спускался с этого крыльца с самого ужина.

Флора. А ты уверен, что был здесь, поклянись!

Он выкручивает ей запястье.

А-а-а-ай! Прекрати, прекрати, хватит!

Джейк. Так где я был после ужина?

Флора. Здесь, здесь! Не спускался с крыльца! Ради бога, прошу, мне больно!

Джейк. Где я был?

Флора. На крыльце! На крыльце дома! Вот здесь!

Джейк. Что я делал?

Флора. Джейк!

Джейк. Что делал?

Флора. Отпусти меня! Господи, Джейк! Отпусти! Хватит выкручивать, ты сломаешь мне запястье!

Джейк (*смеётся сквозь зубы*). Чем занимался? Чем я занимался? После ужина?

Флора (*вскрикивая*). Откуда, чёрт возьми, мне знать!

Джейк. Потому что ты была со мной всё это время, не отлучаясь ни на секунду! Мы с тобой, милая, сидели здесь на качелях, раскачивались туда-сюда-обратно всё это время после ужина! Ты теперь хорошо себя чувствуешь?

Флора (*хнычет*). Отпусти!

Джейк. Поняла? Сейчас тебе хорошо?

Флора. Да, да, да!

Джейк. Что же я тогда делал?

Флора. Качался! Ради Бога, качался на качелях!

Он отпускает её. Она хнычет и потирает запястье, но создается впечатление, что это доставило удовольствие обоим. Она стонет и хнычет. Он сжимает в руке её распущенные волосы и запрокидывает голову назад. Целует её в губы очень сладостно и долго.

Флора (всхлипывая). Ммм-хммм! Ммм! Ммм!

Джейк (хрипло). Ты моя милая куколка.

Флора. Ммм! Больно! Больно!

Джейк. Больно?

Флора. Ммм! Больно!

Джейк. Целоваться?

Флора. Ммм!

Джейк. Хорошо?

Флора. Ммм...

Джейк. Хорошо! Расстегни.

Флора. Как жарко!

Джейк. Давай, расстегнись.

Флора. Ммм...

Джейк. Ну же...

Флора. Ммм.

Джейк. Чья малышка большая и сладкая?

Флора. Ммм! Больно!

Джейк. Поцелую! (Подносит её запястье к губам и чавкает.)

Флора (хихикая). Прекрати! Глупый! Ммм!

Джейк. Что бы я сделал, если бы ты была большим кусочком торта?

Флора. Дурачок.

Джейк. Съел! Проглотил!

Флора. О, ты...

Джейк. Что бы я сделал, если бы ты была ангельским тортом? Большим белым кусочком, политым глазурью?

Флора (хихикая). Ну хватит!

Джейк. Съем, съем, съем!

Флора (визжит). Джейк!

Джейк. А?

Флора. Мне щекотно!

Джейк. Ответь на маленький вопросик!

Флора. На какой?

Джейк. Где я был после ужина?

Флора. Уехал на Шевроле!

Он мгновенно хватает её за запястье. Она кричит.

Джейк. Так где я был после ужина?

Флора. Крыльцо! Качели!

Джейк. Что делал?

Флора. Качался! О боже, Джейк, отпусти!

Джейк. Больно?

Флора. Ммм...

Джейк. Хорошо?

Флора (хнычет). Ммм...

Джейк. Теперь ты поняла, где я был и что делал после ужина?

Флора. Да...

Джейк. Если кто-нибудь спросит?

Флора. А кто будет спрашивать?

Джейк. Неважно, если кто-нибудь спросит, ты знаешь, что говорить! Да?

Флора. Ага. (По-детски шепелявя.) Вот тут ты был. Сидел на качелях после ужина. Качался туда-сюда-обратно и ещё раз туда-сюда.... Ты не уезжал на своем Шевроле. (Медленно.) И удивился, когда начался пожар на территории Синдиката!

Джейк даёт ей пощечину.

Джейк!

Джейк. Все, что ты сказала, правильно. И у тебя нет других мыслей?

Флора. Других мыслей?

Джейк. Такая женщина, как ты, не создана для того, чтобы думать. А только для того, чтобы её обнимали и ласкали!

Флора (как ребёнок). Ммм...

Джейк. Но не для того, чтобы думать. Так у тебя нет никаких

идей? *(Встает.)* Иди и садись в Шевроле.

Флора. Мы поедем на пожар?

Джейк. Нет. Туда не поедем. Мы поедем в город и купим ящик колы, потому что нам жарко и хочется пить.

Флора *(неуверенно поднимаясь)*. Я потеряла свою белую детскую сумочку...

Джейк. Она на сиденье Шевроле, там, где ты её и забыла.

Флора. Куда ты идешь?

Джейк. Я в туалет. Сейчас приду.

Он заходит внутрь, хлопывая за собой сетчатую дверь. Флора подходит к краю лестницы и стоит там с лёгкой идиотской улыбкой. Она начинает спускаться, каждый раз опираясь на одну и ту же ногу, как ребёнок, который только учится ходить. Она останавливается у подножия лестницы и смотрит в небо, рассеянно и восхищенно, нежно обхватив пальцами вывихнутое запястье. Слышно, как Джейк поёт внутри.

«Моей малышке наплевать на кольца и браслеты,

Не надо ей дарить огромные букеты.

Моей малышке нужен только я.

Страсть, ласка и любовь моя!»

Занавес.

Сцена вторая

Вторая половина дня. Небо того же цвета, что и атласные банты на оконных занавесках, – прозрачное, невинно-голубое. В дельте стоит адская жара. В доме Джейка напряжение; и это передается по всей дороге как сердечный пульс. В воздухе витает лёгкий хлопковый пух. Появляется Джейк, крупный и целеустремленный мужчина с руками, похожими на окорока, покрытыми пушком прекрасных светлых волос. За ним следует Сильва Викарро, управляющий плантацией Синдиката, где прошлой ночью произошёл пожар. Викарро – невысокий и жилистый мужчина со смуглой латинской внешностью и характером. На нём короткие бриджи, ботинки на шнуровке и белая майка. На шее цепочка с римско-католическим медальоном.

Джейк *(с добродушной снисходительностью)*. Что ж, сэр, всё, что я могу сказать, это то, что вам очень повезло, парень.

Викарро. Повезло? В каком смысле?

Джейк. Что я могу взяться за эту работу прямо сейчас! Двадцать семь тележек хлопка – это очень большой объём, мистер Викарро.

(Останавливается на ступеньках, кричит в сторону двери.) Малышка! *(Откусывает кусочек сигары, к Викарро)*. А как вас зовут?

Викарро. Сильва.

Джейк. А по буквам?

Викарро. С-и-ль-в-а.

Джейк. Сильва! Нет худа без добра! Да, нет худа без добра. Что это за имя? Из Библии?

Викарро *(сидя на ступеньках)*. Нет. Из книги «Матушка-гусыня»*.

Джейк. Ну, вам, несомненно, повезло, что я могу этим заняться. Если бы я был так же загружен, как две недели назад, то отказался бы. *(Кричит.)* Детка! Выйди на минутку! *(Раздаётся неясный ответ.)*

Викарро. Повезло. Конечно, повезло.

Он закуривает сигарету. Флора открывает сетчатую дверь и выходит. На ней шёлковое платье арбузно-розового цвета, она прижимает к себе большую белую детскую сумочку с её инициалами на большой металлической пластинке.

Джейк *(гордо)*. Мистер Викарро, я хочу познакомить вас с миссис Мейган. Малышка, это очень расстроенный молодой человек, я хочу, чтобы ты его поддержала, как меня подбадриваешь. Он думает, что ему не повезло, потому что его хлопковая фабрика на территории Синдиката сгорела. У него осталось двадцать семь тележек хлопка, которые нужно переработать по срочному заказу очень важных клиентов в Мобайле. «Ну что ж, – сказал я ему, – мистер Викарро, вас можно поздравить – не с тем, что она сгорела, а потому, что я могу помочь и взять эту работу на себя». А теперь скажи ему, какой он счастливчик!

Флора *(нервно)*. Ну, я думаю, он не понимает, как ему повезло, что его фабрика полностью сгорела.

Викарро *(едко)*. Нет, мэм.

Джейк *(быстро)*. Мистер Викарро, некоторые парни женятся на молоденькой девушке, когда она ещё не созрела. Им нравится стройная изящная фигурка. Понимаете? Затем, когда девушка

* «Mother Goose in Prose» — это сборник из 22 детских историй, основанный на детских стихотворениях «Mother Goose». Это первая детская книга, написанная Л. Фрэнком Баумом.

взрослеет, что с ней происходит? Наливается кровью и плотью!

Флора (*смущенно*). Джейк!

Джейк. Ну вот! Как они реагируют? Воспринимают это как должное, как то, что предопределено природой? Нет! Нет, сэр! Они не хотят чувствовать себя униженными. Думают, что судьба разозлилась на них, потому что эта женщина уже не такая стройняшка, какой была раньше. Она созрела и округлилась. В этом-то и кроется причина многих семейных проблем. Однако, мистер Викарро, у нас такого не происходит. Когда я влюбился в эту куколку, она была точно такой же, как и сейчас перед вами.

Флора (*застенчиво подходит к перилам крыльца*). Джейк...

Джейк (*ухмыляясь*). Женщина не огромная, но пышная! Вот такой она мне и понравилась – пышечкой! Я сразу же сказал об этом, когда надел кольцо ей на палец, субботним вечером в лодочном домике на Лунном озере. Я сказал: «Милая, если ты скинешь хоть один фунт, я уйду от тебя, брошу, как только замечу, что ты начала худеть!»

Флора. О, Джейк, пожалуйста!

Джейк. Я не хочу ничего маленького, только не в женщине. Я не хочу ничего миниатюрного, как говорят французы. Вот – то, что я хотел и что получил! Посмотрите на неё, мистер Викарро. Посмотрите, как она покраснела! (*Хватает Флору за шею и пытается развернуть её к себе лицом.*)

Флора. Перестань, Джейк! Прекрати, ладно?

Джейк. Видите, какая она куколка?

Флора внезапно поворачивается и шлёпает его детской сумочкой. Он смеётся и сбегает по ступенькам. На углу дома останавливается и поворачивается.

Малышка, позаботься о мистере Викарро, пока я буду вывозить двадцать семь тележек с хлопком. Это – соседское гостеприимство, мистер Викарро. Вы оказываете мне услугу, а я окажу её вам! Увидимся! Пока, малышка! (*Уходит быстрой походкой.*)

Викарро. Соседское гостеприимство! (*Садится на ступеньки крыльца.*)

Флора (*сидя на качелях*). Я уверена, что он превосходит меня во

всём!

Она глупо смеётся и кладёт сумочку себе на колени. Викарро мрачно смотрит в даль. Его губа выпячивается, как у обиженного ребёнка. Вдалеке кричит петух.

Я бы сама не решилась так обнажиться.

Викарро. Обнажиться? Перед кем?

Флора. Перед солнцем. Я сильно обгорела. Никогда не забуду, как однажды получила ожог. Это было на Лунном озере в воскресенье, перед тем, как я вышла замуж. Я не любила рыбачить, но тот парень, один из сыновей Питерсона, настоял, чтобы мы пошли. Он ничего не поймал, но продолжал сидеть и ловить рыбу, а я была в лодке и на меня светило яркое солнце. Я просила остаться под ивами, но он не хотел меня слушать, и, конечно же, я сильно обгорела, не могла заснуть три ночи подряд.

Викарро (*рассеянно*). Что вы сказали? Сгорели на солнце?

Флора. Да. Однажды на Лунном озере.

Викарро. Очень жаль. Вы оправились после этого?

Флора. О, да. Конечно. Да.

Викарро. Наверное, вам было ужасно плохо...

Флора. А однажды я упала в озеро. Тоже с одним из Питерсонов. На другой рыбалке. Это была безумная компания парней, эти Питерсоны. Я больше никогда с ними не гуляла, потому что случилось то, о чём я потом жалела: то сгорела на солнце, в другой раз чуть не утонула, в третий — ядовитый плющ! Но если оглянуться назад, я понимаю, что, несмотря на всё, нам было очень весело.

Викарро. Соседское гостеприимство, да? (*Хлопает хлыстом по ботинку. Затем поднимается со ступенек.*)

Флора. Вы можете подняться и сесть более удобно.

Викарро. Ага.

Флора. Я не очень хорошо умею поддерживать разговор.

Викарро (*наконец-то обратив на неё внимание*). Можете этого не делать ради меня, миссис Мейган. Я из тех людей, кто предпочитает молчаливое взаимопонимание.

Флора неуверенно смеется.

Я всегда обращаю внимание на одну вещь в вас, женщины...

Флора. На что, мистер Викарро?

Викарро. Вы всегда что-то держите в руках. Вот, например, эта детская сумочка...

Флора. Моя сумочка?

Викарро. Почему бы вам её не положить рядом. Или вы боитесь, что я её украду?

Флора. О боже, нет! Я не боюсь!

Викарро. Это было бы не по-соседски, не так ли? Но вы держите сумочку, потому что она даёт вам что-то, за что можно ухватиться. Не так ли?

Флора. Да. Мне всегда нравится держать что-то в руках.

Викарро. Конечно, нравится. Чувствуете, как много неясностей. Фабрики сгорают дотла. У пожарной команды нет приличного снаряжения. Ничего не защищает. Послеполуденное солнце припекает. А деревья растут за домом. Они не могут защитить вас. Материал, из которого сшито платье, не защищает. И что же вы делаете, миссис Мейган? Вы берете белую детскую сумочку. Она прочная. Она надёжная. Это несомненно. Это то, за что стоит держаться. Вы понимаете, о чём я?

Флора. Да. Думаю, что да.

Викарро. Это даёт вам ощущение привязанности к чему-то. Мать защищает ребенка? Нет, нет, нет, ребёнок защищает мать! От потери и опустошения, от того, что у неё в руках нет ничего, кроме безжизненных вещей! Наверное, вы думаете, что здесь нет особой связи!

Флора. Вы извините меня, что я отвлеклась от размышлений. Я слишком ленива.

Викарро. Как вас зовут, миссис Мейган?

Флора. Флора.

Викарро. А меня – Сильва. Что-то не золотое, но... Сильва!

Флора. Как серебряный доллар?

Викарро. Нет, как серебряная монета в десять центов! У меня итальянское имя. Я из Нового Орлеана.

Флора. У вас это – не загар. Кожа сама по себе смуглая.

Викарро (*приподнимая майку*). Посмотрите!

Флора. Мистер Викарро!

Викарро. Такая же, как и рука!

Флора. Вам не обязательно демонстрировать мне! Я не из Миссури!

Викарро (*ухмыляясь*). Извините.

Флора (*нервно смеется*). Ух ты! К сожалению, у нас дома нет кока-колы. Мы собирались купить ящик вчера вечером, но из-за всех этих волнений, которые произошли...

Викарро. Какие волнения?

Флора. Пожар и все такое.

Викарро (*закуривая сигару*). Не думаю, что все были в восторге от пожара.

Флора. Пожар – это всегда интересно. После него собаки и куры не спят. Уверена, что наши куры не спали всю ночь.

Викарро. Не спасли?

Флора. Они кудахтали, суетились и вертелись на насесте – творили что-то ужасное! Лично я тоже не могла уснуть. Я просто лежала и обливалась потом всю ночь.

Викарро. Из-за пожара?

Флора. Из-за жары и москитов. И я злилась на Джейка.

Викарро. На мистера Мейгана? Почему?

Флора. Он уехал и оставил меня здесь одну без кока-колы.

Викарро. Уехал, бросив вас?

Флора. Да. Сразу после ужина. А когда он вернулся, пожар уже разгорелся, и вместо того, чтобы поехать в город, как он сказал, он решил взглянуть на вашу сгоревшую хлопковую фабрику. Дым попал мне в глаза, в нос и горло. У меня заболели носовые пазухи, и я была в таком нервном состоянии, что расплакалась. Я рыдала как ребёнок. В конце концов, приняла две чайные ложки парегорика*. Этого хватило бы, чтобы усыпить слона. Но я все равно не спал и слышал, как там куры несутся!

Викарро. Похоже, у вас была очень неприятная ночь.

* Камфорная настойка опия ароматизированная анисом, наркотический анальгетик, антидиарейное средство. За рубежом вплоть до 1950-х гг. использовался как универсальный препарат для детей и взрослых, средство от простуды, седативное и снотворное.

Флора. Похоже? Так оно и было.

Викарро. Значит, мистер Мейган, вы говорите, уехал после ужина?

Повисает пауза, во время которой Флора непонимающе смотрит на него.

Флора. А?

Викарро. Вы говорите, мистера Мейгана какое-то время не было дома после ужина?

Что-то в его тоне заставляет её осознать свою опрометчивость.

Флора. О-о-о, всего минутку.

Викарро. Всего минутку? Как долго она длилась? *(Пристально смотрит на неё.)*

Флора. К чему вы клоните, мистер Викарро?

Викарро. Ни к чему.

Флора. Вы так странно на меня смотрите.

Викарро. Он исчез на мгновение! Это было именно так? На какое время он пропал? Вы можете вспомнить, миссис Мейган?

Флора. А какая разница? Вам-то какое дело?

Викарро. Почему вы не отвечаете на мои вопросы?

Флора. Вы говорите так, будто я была за что-то осуждена!

Викарро. Вам не хочется играть роль свидетеля?

Флора. Свидетеля чего, мистер Викарро?

Викарро. Например, в деле о поджоге?

Флора *(облизывая губы).* В деле о..? А что такое поджог?

Викарро. Умышленное уничтожение имущества в результате пожара. *(Резко хлопает себя по сапогам хлыстом для верховой езды.)*

Флора *(испуганно).* О! *(Нервно теребит сумочку.)* Ну а теперь не вздумайте приставать со своими дурацкими вопросами.

Викарро. Вопросами насчёт чего, миссис Мейган?

Флора. Мой муж исчез после ужина... Я могу это объяснить.

Викарро. Точно?

Флора. Конечно, могу.

Викарро. Хорошо! И как вы это объясните? *(Пристально смотрит на неё. Она опускает глаза.)* В чём дело? Вы не можете

собраться с мыслями, миссис Мейган?

Флора. Нет, но...

Викарро. Сосредоточьтесь, пожалуйста.

Флора. Послушайте, я сейчас... *(Ёрзает на качелях.)*

Викарро. Вы не помните, зачем ваш муж уезжал после ужина? У вас нет никаких предположений, что это было за дело, из-за которого он исчез на некоторое время?

Флора. Нет!

Викарро. А когда он вернулся, давайте взглянем на факты, на плантации Синдиката как раз начался пожар.

Флора. Мистер Викарро, я не имею ни малейшего представления, к чему вы клоните.

Викарро. Вы плохой свидетель, миссис Мейган.

Флора. Я не могу думать, когда люди смотрят на меня с подозрением.

Викарро. Хорошо. Тогда я отвернусь. *(Поворачивается к ней спиной.)* Это как-то поможет вернуть вашу память? Теперь сконцентрируйтесь на вопросе.

Флора. Ммм...

Викарро. Никак? *(Поворачивается к ней, злобно ухмыляясь.)* Что ж... может тогда оставим эту тему?

Флора. Я бы очень этого хотела.

Викарро. Ведь нет никакого смысла плакать из-за сгоревшей фабрики. Мир устроен по принципу «око за око».

Флора. Что вы имеете в виду?

Викарро. Ничего конкретного. Не возражаете, если я...?

Флора. Что?

Викарро. Не хотите немного подвинуться? Я сяду рядом.

Флора отодвигается на качелях. Он садится рядом с ней.

Мне нравятся качели. Всегда нравилось сидеть и раскачиваться на качелях. Это расслабляет... Вы расслаблены?

Флора. Конечно.

Викарро. Нет, это не так. У вас нервы на пределе.

Флора. Вы заставили меня немного понервничать. Все эти

вопросы о пожаре, которые вы мне задавали...

Викарро. Я не спрашивал вас о пожаре. Я задал вопрос только о том, куда ваш муж уехал из дома после ужина.

Флора. Я вам это объяснила.

Викарро. Конечно. Именно так. Вы объяснили. «Соседское гостеприимство» – замечательное выражение вашего мужа о политике взаимоотношений между соседями. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

Флора. Он говорил о речи президента Рузвельта. Вечером на прошлой неделе мы сидели и слушали её.

Викарро. Нет, я думаю, он говорил о другом, миссис Мейган. Вы окажите мне услугу, а я – вам, вот как он это сформулировал. У вас на лице кусочек хлопка. Не двигайтесь, я уберу его. *(Осторожно снимает ворсинку.)* Ну вот.

Флора *(нервно.)* Спасибо.

Викарро. В воздухе витает много тонких хлопковых нитей.

Флора. Я вижу. Это так раздражает мой нос. Мне кажется, что они летят прямо в мои пазухи.

Викарро. Вы такая хрупкая женщина.

Флора. Хрупкая? Я? Нет, я – крупная женщина.

Викарро. Ваши формы – это неотъемлемая часть душевной утонченности, миссис Мейган.

Флора. О чём вы говорите?

Викарро. Вас много, но каждая частичка хрупкая. Каждая. Даже восхитительная, я бы сказал.

Флора. Да?

Викарро. Я имею в виду, что в вас совсем нет грубости. Вы мягкая, нежная и гладкая.

Флора. Наш разговор приобретает интимный характер.

Викарро. Да. Вы напоминаете мне о хлопке.

Флора. Что?

Викарро. Хлопок...

Флора. Хорошо! Я должна вас поблагодарить или что-то в этом духе?

Викарро. Нет, просто улыбнитесь, миссис Мейган. У вас

очаровательная улыбка. Есть ямочки на щеках!

Флора. Нет...

Викарро. Есть! Улыбнитесь, миссис Мейган! Ну же, улыбнитесь!

Флора отворачивается, беспомощно улыбаясь.

Ну вот. Видите? Они у вас есть! *(Нежно касается одной из ямочек на щеке.)*

Флора. Пожалуйста, не прикасайтесь ко мне. Я не люблю, когда меня трогают.

Викарро. Тогда почему вы смеётесь?

Флора. Ничего не могу с собой поделаться. Вы доводите меня до истерики, мистер Викарро. Мистер Викарро...

Викарро. Что?

Флора. Надеюсь, вы не думаете, что Джейк был замешан в том пожаре. Клянусь богом, он не уходил с этого крыльца. Теперь я всё прекрасно помню. Мы просто сидели здесь на качелях, пока не начался пожар, а потом поехали в город.

Викарро. Отпраздновать? Двадцать семь тележек хлопка – это довольно большой кусок, который свалился к вам в руки, как дар богов, миссис Мейган.

Флора. Нет, нет, нет. Я думала, вы сказали, что мы не будем обсуждать эту тему.

Викарро. Сейчас вы сами заговорили об этом.

Флора. Пожалуйста, не пытайтесь меня больше запутать. Клянусь богом, когда он вернулся, пожар уже начался.

Викарро. Минуту назад вы говорили мне совсем другое.

Флора. Вы меня совсем запутали. Мы поехали в город, начался пожар, а мы об этом даже не знали...

Викарро. Вы сказали, что пух раздражает пазухи вашего носа.

Флора. Может, я лучше приготовлю нам лимонад.

Викарро. Не утруждайте себя.

Флора. Я сейчас же пойду и всё сделаю, но я очень расслаблена, не могу подняться. Не знаю почему, мои глаза закрываются. Они всё время закрываются... По-моему, здесь тесновато для двоих на качелях. Не окажите ли вы мне услугу и не пересядете вон туда?

Викарро. Почему вы хотите, чтобы я отсел?

Флора. Когда мы близко, от тел исходит слишком много тепла.

Викарро. Одно тело может позаимствовать прохладу у другого.

Флора. Я всегда слышала, что тела выделяют тепло.

Викарро. Не в нашем случае. Я прохладный.

Флора. По-моему, это не правда.

Викарро. Я холоден, как огурчик. Если вы не верите, потрогайте меня.

Флора. Где?

Викарро. Где угодно.

Флора (*с большим усилием поднимаясь*). Извините. Мне нужно идти. (*Он тянет её обратно.*) Зачем вы это сделали?

Викарро. Я пока не хочу лишаться вашего общества.

Флора. Мистер Викарро, вы становитесь ужасно фамильярным.

Викарро. Неужели в вас нет ни капли жизнерадостности?

Флора. Это не смешно.

Викарро. Тогда почему вы всё время хихикаете?

Флора. Я боюсь щекотки! Перестаньте меня касаться, ладно?

Викарро. Я просто отгоняю мошек.

Флора. Оставьте их в покое, пожалуйста. Они никому не причиняют вреда.

Викарро. Я думаю, вам нравится, когда вас касаются.

Флора. Не нравится. Я бы хотела, чтобы вы перестали.

Викарро. Вам бы хотелось, чтобы пощекотали сильнее.

Флора. Нет, не хотелось бы.

Викарро. Этот синяк на запястье...

Флора. Какой синяк?

Викарро. У меня есть подозрение.

Флора. Какое?

Викарро. Это сделал ваш муж.

Флора. Вы с ума сошли.

Викарро. Да, так и было. А вам это понравилось.

Флора. Конечно, нет. Не могли бы вы убрать руку?

Викарро. Не будьте такой пугливой.

Флора. Хорошо. Тогда я встану.

Викарро. Давайте.

Флора. Я не могу.

Викарро. Кружится голова?

Флора. Немного. Да. У меня голова идёт кругом. Я бы хотела, чтобы вы остановили качели.

Викарро. Они раскачиваются не так сильно.

Флора. Несильно, но мне уже плохо.

Викарро. Вы – хрупкая женщина. И к тому же довольно крупная.

Флора. Как и Америка. Большая.

Викарро. Забавное сравнение.

Флора. Да. Не знаю, зачем я это сделала. У меня в голове такой шум.

Викарро. Как в тумане?

Флора. Как в тумане... У меня что-то с рукой?

Викарро. Нет.

Флора. Тогда что вы гладите?

Викарро. Вытираю пот.

Флора. Не надо.

Викарро. Дайте я вытру. (*Протирает её руку носовым платком.*)

Флора (*смеясь*). Нет, пожалуйста, не надо.

Викарро. Ну и как ощущения?

Флора. Мне щекотно. Я вся дрожу. Прекратите сейчас же. Если вы не перестанете, я крикну.

Викарро. Серьёзно?

Флора. Я позову негра, который косит траву через дорогу.

Викарро. Давайте. Зовите.

Флора (*слабо*). Эй! Эй, парень!

Викарро. Вы не могли бы кричать погромче?

Флора. Я так странно себя чувствую. Что со мной такое?

Викарро. Вы просто расслаблены. Большая, крупная женщина, вы мне нравитесь. Не стоит так возбуждаться.

Флора. Я и не возбуждаюсь, это всё вы....

Викарро. Что я?

Флора. Подозрения. О моём муже и о том, что вы думаете обо мне.

Викарро. Например, о чём?

Флора. Что он поджёт вашу фабрику. Но он этого не делал. И я вовсе – не большой кусок хлопка. *(Выпрямляется.)* Я иду в дом.

Викарро *(вставая)*. Думаю, это хорошая идея.

Флора. Я же сказала, что я, а не вы.

Викарро. Почему?

Флора. Внутри может быть тесно, если мы с вами вдвоем.

Викарро. Трое – это толпа. А нас только двое.

Флора. Вы останетесь здесь. Подождите.

Викарро. Что вы собираетесь делать?

Флора. Приготовлю нам кувшин хорошего холодного лимонада.

Викарро. Ладно. Идите.

Флора. А что вы будете делать?

Викарро. Я пойду следом за вами.

Флора. Почему-то я так и думала. Мы оба останемся здесь.

Викарро. На солнце?

Флора. Мы сядем в тень.

Он преграждает ей путь.

Не стойте у меня на пути.

Викарро. Это вы стоите на моём пути.

Флора. У меня кружится голова.

Викарро. Вам нужно прилечь.

Флора. Где?

Викарро. Идите в дом.

Флора. Вы же пойдёте за мной.

Викарро. А что, если я так и сделаю?

Флора. Мне страшно.

Викарро. Почему вы плачете?

Флора. Я боюсь!

Викарро. Чего?

Флора. Вас.

Викарро. Я маленький.

Флора. У меня кружится голова. У меня трясутся коленки, они как ватные. Надо присесть.

Викарро. Идите.

Флора. Я не могу.

Викарро. Почему же?

Флора. Вы последуете за мной.

Викарро. Что в этом плохого?

Флора. У вас злой взгляд, и мне не нравится этот хлыст. Честное слово, Джейк не виноват. Он этого не делал, клянусь!

Викарро. Чего не делал?

Флора. Пожара...

Викарро. Продолжайте.

Флора. Пожалуйста, не надо!

Викарро. Чего не надо?

Флора. Бросьте его. Пожалуйста, положите хлыст. Оставьте его здесь на крыльце.

Викарро. Чего вы боитесь?

Флора. Вас.

Викарро. Продолжайте.

Она беспомощно поворачивается и подходит к сетчатой двери. Он открывает её.

Флора. Не ходите за мной. Пожалуйста, не ходите за мной!

Она неуверенно покачивается. Он прижимает к себе её руку. Она заходит внутрь. Он следует за ней. Дверь тихо закрывается. Из дома доносится дикий отчаянный крик. Хлопает дверь. Крик повторяется, но уже тише.

Занавес.

Сцена третья

На часах около девяти вечера того же дня. Хотя небо над домом тёмно-розового цвета, полная луна почти ослепительной яркости придаёт фасаду призрачный блеск. Собаки воют, как демоны, над распростёртыми полями Дельты. На крыльце никого нет.

Через мгновение дверь с сеткой медленно открывается, на пороге появляется Флора Мейган. Вид у неё измученный. В лунном свете её глаза кажутся пустыми и прозрачными, губы слегка приоткрыты. Она двигается на ощупь, вытягивая руки перед собой, пока не доходит до столба крыльца. Там останавливается и стоит, слегка постанывая. Волосы её растрепаны. Верхняя часть тела почти обнажена, розовая лямка лифчика разорвана. На обнажённых плечах и руках видны тёмно-красные полосы, на щеке – большое бордовое пятно. Запёкшаяся струйка крови стекает из уголка её рта. Эти наиболее заметные признаки произошедшего она начнёт прикрывать, когда Джейк поднимется на крыльцо. Слышно, как он приближается, напевая себе под нос.

Джейк. При свете луны, при свете луны, при свете луны!
*Инстинктивно Флора отступает в резко очерченную тень от крыши крыльца.
 Джейк слишком устал и удовлетворён, чтобы обратить внимание на неё.*

Как моя малышка?

Флора издает стонущее ворчание.

Устала? Слишком устала, чтобы говорить? Ну, вот и я так же себя чувствую. Слишком устал, чтобы говорить. Чертовски устал, чтобы произнести хоть слово! (*Опускается на ступеньки, кряхтя и не удостоив Флору даже взглядом.*) Двадцать семь тележек хлопка. Столько я собрал с десяти утра. Вот работа для мужика.

Флора (*хрипло*). Да... Для мужика...

Джейк. Двадцать семь тележек хлопка!

Флора (*бессмысленно повторяет*). Двадцать семь тележек хлопка!

Воеет собака. Флора издает сдавленный смешок.

Джейк. Над чем ты смеёшься, милая? Надеюсь, не надо мной.

Флора. Нет...

Джейк. Это хорошо. В моей работе нет ничего смешного. Я гонял эту ораву ниггеров, как погонщик мулов. У них нет мозгов. Всё, что у них есть, — это тела. Ты должен гнать, гнать, гнать. Я даже не понимаю, как ниггеры едят без того, чтобы кто-нибудь не сказал им, что нужно положить еду в рот!

Она снова смеется, как будто у неё изо рта течёт вода.

Ха! У тебя смех как... Господи! Я сделал потрясающую работу.

Флора (*медленно*). Я бы не стала этим хвастаться....

Джейк. Я не хвастаюсь, я просто говорю, что проделал большую работу, весь на взводе и хочу немного благодарности, а не речей. Дорогая...

Флора. Я не... (*снова смеется*) не произношу речей.

Джейк. Взяться за большую работу, довести её до конца и упомянуть о том, что она сделана, я бы не назвал это хвастовством.

Флора. Ты не единственный, кто проделал большую работу за день.

Джейк. А кто ещё?

Повисает пауза.

Флора. Может быть, ты думаешь, что мне было легко. (*Заливается смехом.*)

Джейк. Ты смеешься, как будто у тебя был чёртов кайф.

Флора смеется.

Ты чем обпилась? Ядом для тараканов или цитронеллой*? Помоему, я облегчаю тебе жизнь, работая как мул, чтобы ты могла нанять негра для стирки и работы по дому. Женщина-слониха, хрупкая, как котёнок, — вот какая попалась мне в руки.

Флора. Конечно... (*Смеется.*) С тобой все просто!

Джейк. Я не видел, чтобы ты хоть пальцем пошевелила. Даже лень надеть платье. Всё время ходишь по дому голая. Живешь как на облаке. Только и говоришь: «Дайте мне кока-колу!» Что ж, тебе лучше побережись. У них появилось новое бюро в архивах правительства. Оно называется «U.W.**» - «Беспользные люди». Есть секретные планы, как их уничтожить! (*Смеется над своей шуткой*).

Флора. Секретные планы?

Джейк. Я их пристрелю.

Флора. Это хорошо. Я рада это слышать. (*Снова смеется.*)

Джейк. Я прихожу домой уставший, а ты не торопишься меня чмокнуть. Из-за чего сейчас сердиться?

Флора. Я думаю, всё это было ошибкой...

Джейк. Какой ошибкой?

Флора. То, что ты затеял с плантацией Синдиката...

Джейк. Не знаю. Мы вроде же против него, малышка. Этот синдикат скупает всю землю в округе и выгоняет старых фермеров без зарплаты — они чуть не разорили все торговые лавки в округе Ту-Риверс! А потом строят собственные фабрики,

* Лемонграсс (цитронелла) — это тропическая вечнозелёная многолетняя трава, которая родом из южных стран: Шри-Ланки и Южной Индии. Цитронелла используется в кулинарии, для отпугивания насекомых, в натуральной медицине (чай из листьев цитронеллы используется при лечении проблем с пищеварением, лёгкой лихорадки, снятия спазмов и усиления потоотделения).

** U.W. — это сокращение от underwriter, что означает «страховщик» или «гарант размещения» (займа, ценных бумаг).

чтобы отжимать свой хлопок. Какое-то время мне казалось, что я останусь без средств к существованию. Но когда фабрика сгорела, мистер Викарро решил, что ему лучше немного помочь мне, я бы сказал, что ситуация значительно улучшилась!

Флора (*смеется.*) Тогда, возможно, ты не понимаешь «соседское гостеприимство».

Джейк. Не понимаю? Да ведь я тот самый парень, который это изобрел.

Флора. Ха-ха! Что за изобретение! Все, что я могу сказать, надеюсь, теперь ты рад, что собрал двадцать семь тележек хлопка.

Джейк. Викарро был очень доволен, когда зашёл к нам.

Флора. Да. Он был очень доволен.

Джейк. Как вы поладили?

Флора. Мы отлично поладили. Просто замечательно.

Джейк. Он не показался мне таким уж плохим парнем. Ведёт себя разумно.

Флора (*беспомощно смеется*). Да, он такой!

Джейк. Надеюсь, ты проявила гостеприимство?

Флора (*хихикает*). Я приготовила ему кувшин отличного холодного лимонада!

Джейк. С примесью джина, да? Вот как ты разозлилась. Хороший прохладительный напиток, по-моему, сейчас был бы кстати. Там ещё осталось?

Флора. Ни капельки, мистер Мейган. Мы выпили его до дна! (*Плюхается на качели.*)

Джейк. Значит, вы все-таки не так уж и утомительно провели время?

Флора. Нет, совсем не утомительно. У меня был приятный разговор с мистером Викарро...

Джейк. О чём вы говорили?

Флора. О соседском гостеприимстве.

Джейк (*хихикает*). Как он относится к такой политике?

Флора. О... (*Хихикает.*) Он думает, что это хорошая мысль! Сказал...

Джейк. Да? И что он сказал?

Флора. Сказал... (*Новый приступ смеха.*)

Джейк. Что бы он не говорил, он был в панике!

Флора. Он сказал (*сдерживая спазм*), что не собирается больше строить новую хлопковую фабрику. Он позволит тебе делать весь хлопок за него!

Джейк. Я же говорил тебе, что он будет вести себя разумно.

Флора. Да. Завтра он планирует вернуться с большим количеством хлопка. Может быть, ещё с двадцатью семью тележками.

Джейк. Серьёзно?

Флора. И пока ты будешь это обрабатывать, он попросит меня угостить его вкусным лимонадом! (*Хихикает.*)

Джейк. Чем больше я слышу об этом лимонаде, тем больше он мне нравится. Лимонад с коктейлями, да?

Флора. Я думаю, что это продлится до конца лета...

Джейк (*встает и радостно потягивается*). Ну, скоро... скоро наступит осень. Ночи становятся прохладнее.

Флора. Хотя я не уверена, что это положит всему конец.

Джейк (*рассеянно*). Воздух уже прохладный. Тебе не следует выходить на улицу без рубашки, дорогая. Смена климата может привести к сильной простуде.

Флора. Я ничего не могу на себя надеть, вся кожа...

Джейк. У тебя крапивница не от жары, а от переизбытка спиртного. Я схожу в туалет, а потом (*открывая сетчатую дверь и заходя внутрь*) мы поедем в город и посмотрим, что показывают в кино. Прыгай в Шевроле!

Флора смеется про себя. Она медленно открывает белую детскую сумочку и достает пачку бумажных носовых платков. Она нежно протирает себя везде, зажав дыхание.

Флора (*вслух*). Мне, действительно, больше не следует носить белую детскую сумочку. Она набита салфетками, чтобы казаться большой, не как у ребёнка! Большой в моих руках, но не в руках ребёнка!

Джейк (*изнутри*). Что ты сказала, малышка?

Флора (*подтягиваясь за цепь качелей*). Я – не малышка. Мама! Ма! Ма-ма...

Сжимая в руках большую белую сумочку, она медленно и нежно подходит к краю крыльца. Полная луна освещает её улыбающееся измученное лицо. Она начинает тихонько раскачиваться, покачивая сумочку в руках и напевая.

Покачайся, малыш, на верхушках деревьев! Если подует ветер, колыбелька покачнётся! (*Спускается на ступеньку*). Если ветка согнется — малыш упадет! (*Спускается ещё на одну ступеньку.*) Вниз полетит колыбелька и малышка... (*Смеется и восхищенно и рассеянно смотрит на луну.*)

Занавес

Теннесси УИЛЬЯМС

АДАМ И ЕВА НА ПАРОМЕ

Перевод Александра Чупина

публикуется впервые

Действующие лица

Д.Х. Лоуренс*

Фрида Лоуренс**

Гостья (Ариадна Пибоди)

*Место действия: веранда виллы в Приморских Альпах, освещённая солнечным светом. Здесь множество растений в горшках, а на задней стене что-то вроде знамени с вытканной фигуркой феникса в огненном гнезде***, которое является личным символом рыжебородого мужчины, сидящего на стуле с откидной спинкой. На нём золотистый атласный халат, на плечи накинута вязаная шаль лавандового цвета, в момент поднятия занавеса он вышивает. Входит его жена с новым растением.*

* Дэвид Герберт Лоуренс (11 сентября 1885 — 2 марта 1930) был английским писателем, автором рассказов, поэтом, драматургом, литературным критиком, писателем-путешественником, эссеистом и художником.

** В марте 1912 года Лоуренс познакомился с Фридой Уикли (урождённой фон Рихтгофен), с которой ему предстояло провести остаток жизни. Она была на шесть лет старше его, была замужем за Эрнестом Уикли, его бывшим профессором современных языков в Университетском колледже Ноттингема, и у них было трое маленьких детей. Однако они с Лоуренсом сбежали и уехали из Англии в дом родителей Фриды в Меце, гарнизонном городке (тогда в Германии) недалеко от спорной границы с Францией

*** После смерти Лоуренса Фрида заказала для его могилы изысканное надгробие с мозаикой в виде его любимой эмблемы — феникса.

Лоуренс. Кто это был у двери?

Фрида. Женщина из деревни, хотела поговорить с тобой. Я не впустила.

Лоуренс. Пригласи её.

Фрида. Не трать свои силы на незнакомок.

Лоуренс. Я и не собираюсь тратить силы. Хочу узнать, какую чушь она расскажет. Позови её, прежде чем она спустится с холма, и унеси это растение. Здесь и так слишком много цветов, а они поглощают воздух.

Фрида. Боже мой, хорошо!

Она уходит с растением. Лоуренс продолжает вышивать. Через несколько мгновений через порог робко переступает женщина лет тридцати пяти, старая дева, с маленькой геранью в горшке. Она останавливается у двери, с восхищением и ужасом смотрит на Лоуренса. Цветок трясется в её дрожащей руке.

Лоуренс (*резко*). Только не заносите это сюда!

Гостья (*задыхаясь*). Я прошу прощения!

Лоуренс. Поставьте за ту дверь. (*Показывает на дверь, выходящую на террасу.*)

Гостья. О!

Бросается к двери и неловко наклоняется, чтобы выставить растение.

Лоуренс (*с презрением*). Господи! Вам, американкам, не прививали хорошие манеры, вы чувствуете себя как не в своей тарелке.

Гостья. Прошу прощения?

Лоуренс. Ладно, садитесь.

Гостья (*нервно*). А куда мне сесть?

Лоуренс. Здесь только один свободный стул, кроме того, на котором я сижу.

Она берет плетённый стул и неуверенно подходит с ним к Лоуренсу, не зная, на каком расстоянии от него поставить. Лоуренс с интересом наблюдает за этим неуклюжим поведением.

Лоуренс. Миссис?..

Гостья. Мисс!

Лоуренс. Престон*?

* Pres ton - давление (англ.)

Гостья. Нет, Пибоди! Ариадна Пибоди*.

Лоуренс. Прошу, поставьте стул подальше. Только что из-за вас произошло полное солнечное затмение.

Гостья (*отползая в сторону вместе со стулом*). О, мне очень жаль.

Она уже почти сзади него.

Лоуренс (*сухо*). Мне самому сложно развернуться к вам, и если мы собираемся поговорить, боюсь, вам придётся находиться в поле моего зрения.

Гостья (*возвращается на прежнее место*). О, боже мой, извините!

Лоуренс. Большинство американских женщин говорят так неразборчиво, что приходится следить за губами, чтобы понять, что вы лепечете себе под нос. (*Смотрит на неё.*) Извините, но вы снова закрыли солнце.

Гостья (*в отчаянии*). О боже!

Лоуренс. Больше не двигайтесь, иначе у меня точно закружится голова. И снимите уже эту отвратительную шляпу.

Гостья срывает с себя шляпу.

Лоуренс. А теперь вы испортили свою причёску.

Гостья. Господи, неужели?

Лоуренс. У меня есть какие-то причины обманывать вас? Подойдите-ка сюда.

Гостья. Простите?

Лоуренс. Пожалуйста, подойдите ко мне, чтобы я смог её поправить, всегда помогаю своей жене, когда у неё растрёпаны волосы, терпеть не могу неопрятных женщин.

Она неуверенно встает.

Лоуренс (*хлопает в ладоши*). Да ладно, ладно! Вы же видите, что я не в состоянии изнасиловать вас, даже если бы у меня возникло такое желание, наклонитесь! Это займёт всего секунду.

Гостья неловко наклоняется. Лоуренс резким движением откидывает волосы с её лба.

* Pea body - тело горошины (англ.)

Гостья (*задыхаясь*). Ой!

Лоуренс. Небольшое вытягивание волос очень полезно для кожи головы, улучшает кровообращение. (*Поправляет заколки.*) Вот так, теперь намного лучше. Возвращайтесь на место и садитесь.

Гостья, слегка ошеломленная, садится на стул.

Лоуренс. А я продолжу своё творчество. Вам нравится вышивка?

Гостья. А что там?

Лоуренс. Обнаженные мужчина и женщина. Видите, какой я развратник? Я даже в вышивание привношу элементы секса.

Гостья, задыхаясь, смеётся и поправляет юбку.

Лоуренс. Почему бы вам не начать рассказывать?

Гостья (*торопливо*). Мистер Лоуренс, я не знаю, с чего начать.

Лоуренс. Вам вообще есть что сказать?

Гостья. О, так много, очень много!

Лоуренс. Так начинайте, вы же не будете сидеть здесь до вечера.

Гостья. С тех пор, как я начала читать ваши книги...

Лоуренс. Послушайте, напротив вас сидит человек, перед которым вы можете спокойно обнажить душу?

Гостья. Да?

Лоуренс. Обнажайте, обнажайте! Я готов подробно исследовать её.

Гостья. Я... я... я...

Лоуренс. Расскажите мне о своём любовнике.

Гостья. Но у меня его нет.

Лоуренс. Глупости. У всех есть, даже если это просто старая домашняя тапочка. Как насчёт того мужчины, с которым вы познакомились на пароме шесть лет назад, в августе?

Гостья. Два года назад!

Лоуренс. Совсем недавно.

Гостья. А как вы узнали?

Лоуренс. Его образ отчетливо отражается в ваших глазах. Как его зовут?

Гостья. Если бы я знала! Это могло бы решить все проблемы.

Лоуренс. Да, конечно. Всегда нужно спрашивать имя. Произошло

ли это между вами?

Гостья. Что?

Лоуренс. Акт.

Гостья. Какой акт, мистер Лоуренс?

Лоуренс (*с ухмылкой*). Ну, мисс невинность!

Гостья. Не было никакого акта, мистер Лоуренс, всего лишь встреча.

Лоуренс. Опять пагубное влияние стерильного интеллектуализма. В те далекие времена, когда мир был совершенно другим, а человек полнокровным животным, каждая встреча приводила к тому или иному акту. Сейчас встречи – это просто встречи, с чопорными поклонами, лицемерными улыбками и светскими беседами о погоде. Весь естественный здоровый яд, заложенный в нас, вместо того чтобы немедленно и спонтанно выплеснуться в мелких стычках между соседями, накапливается в своего рода национальном резерве до тех пор, пока главам государств не придёт в голову выпустить его в виде широкомасштабного безумия, например, – войны. А всё потому, что больше не считается приличным дать мужчине пощечину, потому что вам неприятны черты его лица, или уронить девушку в лужу, из-за того, что она вам несимпатична. Но это немного не в тему, не так ли? С этим человеком вы познакомились на пароме, следовавшем из Гонконга в Сидней, в Австралию?

Гостья. Нет-нет, конечно же, нет! Это произошло на пароме из Окленда в Сан-Франциско.

Лоуренс. Предполагаю, что в последний вечер вы ужинали вместе за столиком капитана?

Гостья. Боюсь, вы не совсем понимаете.

Лоуренс. Обиделись? Я понимаю всё, что нужно понять. Он сидел рядом с вами?

Гостья. Нет, мы стояли вместе у поручня...

Лоуренс. Вас вырвало?

Гостья. Боже милостивый, нет!

Лоуренс. Эта мысль меня немного позабавила. А молодой человек был красив?

Гостья. Ничего не могу сказать, но это не имеет значения.

Лоуренс. Вы что не взглянули на него?

Гостья. Я была так потрясена, что не смогла повернуться и посмотреть.

Лоуренс. Вы задыхались, были слепы или без сознания?

Гостья. Вы издеваетесь надо мной, мистер Лоуренс?

Лоуренс. Нет.

Гостья. Пожалуйста, не надо. Это очень серьёзный вопрос.

Лоуренс. Вполне. Он был невысоким и стеснительным?

Гостья. Он был крупным и очень, очень напористым.

Лоуренс. Слегка вас задел?

Гостья. Совсем не слегка, мистер Лоуренс. Он откровенно приобнял меня.

Пауза.

Лоуренс. Ффу!

Гостья. Что это, мистер Лоуренс?

Лоуренс. «Ффу» – это просто небольшое идиоматическое выражение, которое я позаимствовал у индейцев, мисс Престон.

Гостья. Пибоди...

Лоуренс. Оно обозначает всевозможные эмоциональные реакции. А это объятие, о котором вы упомянули, не могли бы вы его подробно описать?

Гостья. Его рука обхватила меня за талию...

Лоуренс. Неужели?

Гостья. Его пальцы впились в меня!

Лоуренс. Где?

Гостья (*деликатно дотрагиваясь до правого бока*). Здесь.

Лоуренс. Не слишком сильно, не так ли?

Гостья. Я бы сказала, очень сильно.

Лоуренс. А вы, я предполагаю... я думаю, вы ответили нежным поглаживанием его руки или, может быть, провели кончиком указательного пальца по его кисти?

Гостья. Я этого не делала, мистер Лоуренс. Я вообще никак не отреагировала!

Лоуренс. Из скромности?

Гостья. Нет, я была как парализованная!

Лоуренс. Это одна из тех редких электрических реакций между людьми. Он ничего не предпринял?

Гостья. Что?

Лоуренс. Мужчина ничего не сказал, ничего не произошло, кроме нежного прикосновения?

Гостья. Очень скоро оно перестало быть нежным.

Лоуренс. Вы имеете в виду обнимание?

Гостья. Да!

Лоуренс. Он убрал руку?

Гостья. Нет, наоборот.

Лоуренс. Стал ещё твёрже?

Гостья. Да! *(Наклоняется вперед.)*

Лоуренс. И так ничего не произнёс?

Гостья. Ничего!

Лоуренс. А вы ничего не спросили?

Гостья. Я трижды сглотнула слюну, но не могла вымолвить ни слова.

Лоуренс. Всё время молчали?

Гостья. Пока паром не причалил в Сан-Франциско.

Лоуренс. И тогда он...

Гостья. Он убрал руку. И, наконец, зашептал!

Лоуренс. Громко?

Гостья. Очень тихо.

Лоуренс. Так что он прошептал?

Гостья. Своё имя, которое я не могу вспомнить, и «в семь часов»!

Лоуренс. В семь часов?

Гостья. Да!

Лоуренс. Скорее всего, это – время свидания?

Гостья. Вероятно.

Лоуренс. Это всё, что он прошептал, только имя и время?

Гостья. Время и место встречи.

Лоуренс. Так он назвал и место?

Гостья. Он произнёс название какого-то отеля.

Лоуренс. А что же сделали вы?

Гостья. Я кивнула.

Лоуренс. Утвердительно?

Гостья. Да!

Лоуренс. Вы пришли на свидание?

Гостья *(вскакивает)*. Нет, нет, нет, я не смогла!

Лоуренс *(пододвигает к ней свой стул)*. Сомнения? Запоздалые угрызения совести?

Гостья *(отступает)*. Нет, нет, не это!

Лоуренс. Что же тогда? Вмешались родственники?

Гостья. Нет, нет! Никаких родственников!

Лоуренс. Болезнь? Несчастный случай?

Гостья. Нет!

Лоуренс. Парализация?

Гостья. Да нет! Вы будете смеяться, когда я скажу...

Лоуренс. Что?

Гостья. Я не могла вспомнить имя, которое он прошептал. Как только он исчез, я забыла его. Даже не смогла запомнить название места, где он назначил свидание! В моей голове была пустота, абсолютная пустота! Всё, что я понимала: где-то в городе, около семи часов вечера, мужчина, о котором я мечтала всю свою жизнь, ждал меня на свидании...

Лоуренс. И всего лишь из-за небольшого провала в памяти...

Гостья. Я не смогла пойти к нему...

Лоуренс. Не понять смысл всей вашей жизни! *(Пауза.)* Ужасно....

Гостья закрывает руками лицо.

Возьмите себя в руки, мисс Прес...

Гостья. Пибоди.

Лоуренс. Скажите, что же произошло после этого инцидента на пароме из...

Гостья. Окленда.

Лоуренс. Из Окленда в...

Гостья. В Сан-Франциско. Это казалось безнадежным, поэтому я попыталась всё забыть. Не только его имя и место, но и эту встречу. Сначала я подумала, что, действительно, забыла об этом.

Но только я больше не могла ни на чём сосредоточиться.

Лоуренс. Совсем?

Гостья. Да.

Лоуренс. Но у вас же была работа?

Гостья. В публичной библиотеке!

Лоуренс. Уволили?

Гостья. Ага. Когда подростки просили книгу о «Мальчиках-бродягах на реке»*, я им дала прочитать ваш роман «Влюблённые женщины»**.

Лоуренс. Подсознательная попытка подорвать общественную мораль. Ваше здоровье не пошатнулось?

Гостья. Полностью.

Лоуренс. К счастью, вам оставила наследство тётя?

Гостья. Не тётя, а дядя.

Лоуренс. И на эти средства вы смогли отправиться в путешествие?

Гостья. Да.

Лоуренс. Вы всё время путешествовали и путешествовали, а боли не утихали?

Гостья. Как вы узнали о болях?

Лоуренс. Конечно, было больно! А где конкретно?

Гостья. Здесь, в боку.

Лоуренс. Там, где он прикоснулся к вам!

Гостья. Да, в этом месте!

Лоуренс. И о чём вы подумали?

Гостья. Что это аппендикс!

Лоуренс. Вам его вырезали?

Гостья. Удалили. Но он не был воспалённым.

Лоуренс. А после этого?

Гостья. Боли не прошли.

Лоуренс. Конечно, они все ещё продолжались. Дальше...

Гостья закрывает лицо руками.

Лоуренс. Вы стали сомневаться, что это физическая боль.

* "The Rover Boys on the River" - книга Артура М. Уинфилда.

** «Women Love» - роман английского писателя Д. Г. Лоуренса, вышедший в 1920 году.

Она кивает.

Лоуренс. И начали понимать, что с вами не так? Ваша скромность и гордость больше не в силах были скрывать истинные факты? Цензура не выдержала, а ослепляющая правда вырвалась наружу! Боли начались в ту ночь, когда незнакомец обнял вас! Это было его подарком на память о путешествии на пароме, не так ли?

Гостья. Да! Да-да, это так!

Лоуренс (*торжествующе*). А-а-а!

Гостья. Но это уже прошлая история. Всё проявилось вновь, когда я впервые подверглась внушению.

Лоуренс. Вы имеете в виду гипнозу?

Гостья. Да.

Лоуренс. И всё же боли продолжились.

Гостья. Время от времени – да. Каждый раз, когда я подходила к воде.

Лоуренс. Почему бы вам не избегать водоёмов?

Гостья. В них есть что-то...

Лоуренс. Роковое влечение?

Гостья. Не совсем роковое, но...

Лоуренс. Определенно притягивающее?

Гостья. Да.

Лоуренс. А зачем вы пришли ко мне?

Гостья. Из-за ваших книг. Вы так много написали о сексе.

Лоуренс. Я никогда не писал о сексе. То, о чём я пишу, это – фаллическая реальность. А секс – это интеллектуальный процесс, он происходит в голове. Фаллическая реальность находится в...

Гостья. Правда?

Лоуренс. Я не хочу причинять вам боль, мисс Престон. (*Серьёзно.*) Вы – жертва многих лет ошибочного мышления. Ханжество, стыд, бесплодный интеллектуализм, отрицающий тело, стыдящийся плоти! Позвольте мне кое-что сказать вам, прежде чем я попрошу вас уйти, моя великая религия – это вера в кровь, в то, что мудрость тела превосходит мудрость разума. Мы можем ошибаться в своих мыслях. Но то, что чувствует, во

что верит и что подсказывает наша кровь, всегда правда. Это всё, мисс Престон. Теперь можете идти.

Гостья. Но, мистер Лоуренс, я верила, что вы мне поможете... я надеялась, что подскажете, что делать.

Лоуренс. Единственный выход, мисс Престон, очевиден. Вам нужно найти этого человека с парома.

Гостья. Как я его найду, если не помню имени?

Пауза. Она взглянула на вышивку.

Гостья *(внезапно шепотом).* Адам... О'Рейли! *(Повторяет, затаив дыхание.)* О'Рейли, Адам О'Рейли! *(Радостно кричит.)* Мистер Лоуренс, теперь, теперь я вспомнила! Его зовут Адам О'Рейли!

Лоуренс. А отель? Ну же, ну! Отель?

Гостья. Адам О'Рейли, отель... отель «Золотые ворота», номер тысяча двадцатый! *(Начинает бешено метаться по комнате.)* Моя шляпа! Мои перчатки! Моя вышитая бисером сумочка! Где они?

Лоуренс. Вот! *(Бросает ей огромную соломенную шляпу.)* Куда же вы теперь направляетесь?

Гостья. Я возвращаюсь... возвращаюсь к Адаму! В Сан-Франциско! В отель «Золотые ворота»! Номер тысяча двадцать! О-о-о! До свидания, мистер Лоуренс! *(Целует его в щёку, вылетает за дверь на террасу.)*

Лоуренс усмехается и берёт своё вышивание. Фрида тихонько подкрадывается сзади и кладёт подбородок ему на макушку.

Фрида *(нежно).* Над чем ты работаешь, дорогой?

Лоуренс. Адам и Ева на пароме... в Сан-Франциско...

Занавес.

Журнал «ДрамТеатр» оказывает квалифицированную консультацию и юридическую помощь при нарушении и восстановлении авторских прав. В спектр наших услуг входит:

- Подготовка и подача исковых заявлений;
- Ведение внесудебных и судебных процессов;
- Комплексное правовое сопровождение на всех этапах дела;
- Индивидуальные консультации по вопросам авторского права.

Наша команда опытных юристов готова оперативно защитить ваши права и интересы. Для получения подробной информации и записи на консультацию, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте:

dramteatr.zhurnal@mail.ru

26 февраля 2024 года вышел Указ Президента Российской Федерации № 140 «О праздновании 150-летия Союза театральных деятелей Российской Федерации».

В честь 150-летнего юбилея СТД РФ, который будет отмечаться в 2026 году, журнал ДрамТеатр открыл прием пьес о театре и актерах. Лучшие из присланных пьес будут публиковаться в журнале. Прием пьес продолжится до 31 декабря 2025 года.

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Редакция журнала:
Ю.А. Бутунин
(Учредитель и главный редактор)
Ю.О. Ломовцев
(Зам. главного редактора,
руководитель Отдела драматургии)

Редакционный совет:

Н.Я. Шор
Т.Н. Ермолицкая
Н.З. Мазур
И.Н. Гирш
Г.А. Смирнов
Отдел театральной критики:

Н.М. Амираджиби
М.Р. Брандесова
А.А. Дядчук
Л.М. Немченко

Над номером работали:
Фотографии: А. Белоусов
С. Баканов, А.Паниотов
С. Берзин

Юридическая поддержка, авторское право
П.В. Миронов

Если вас заинтересовали опубликованные пьесы, просим официальный запрос на использование направлять в адрес

редакции : dramteatr.zhurnal@mail.ru

Напоминаем, что использование опубликованных в журнале материалов без согласия авторов является нарушением закона.

Рукописи не рецензируются.

© ДрамТеатр (2020 - 2025)

Все права защищены.

Возрастное ограничение 16+

Регистрационный номер ЭЛ № ФС 77-84267 от 08.12.2022
выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи
информационных технологий и массовых коммуникаций
(РОСКОМНАДЗОР).

Дата регистрации 08.12.2022г.

Редакция не несет ответственности за достоверность
информации, содержащейся в рекламных объявлениях.

Редакция не предоставляет справочную информацию.

Доменное имя сайта в информационно-
телекоммуникационной сети «Интернет» (для сетевого
издания) dramteatr-zhurnal.ru

e-mail: dramteatr.zhurnal@mail.ru

Перепечатака материалов журнала возможна только
с разрешения редакции журнала.